
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324744 2

I

74

v.6

Собраніе сочиненій

Ѳедора Сологуба

т. VI-й

Изд-ие
ШИПОВНИКЪ
С. П. Б.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

МЕЛКІЙ БѢСЪ

Изданіе шестое

ТОМЪ VI.

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ШИПОВНИКЪ

Типографія „Т-ва В. Андерсона и Г. Лойцянскаго“ Спб., Вознесенскій пр., 53.

ПРЕДИСЛОВІЕ

АВТОРА КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Романъ «Мелкій Бѣсъ» начатъ въ 1892 году, оконченъ въ 1902 году. Первый разъ напечатанъ въ журналѣ «Вопросы Жизни» за 1905 годъ, №№ 6—11, но безъ послѣднихъ главъ. Въ полномъ видѣ романъ появился первый разъ въ изданіи «Шиповника» въ мартѣ 1907 года.

Въ печатныхъ отзывахъ и въ устныхъ, которые мнѣ пришлось выслушать, я замѣтилъ два противоположныя мнѣнія:

Одни думаютъ, что авторъ, будучи очень плохимъ человѣкомъ, пожелалъ дать свой портретъ, и изобразилъ себя во образѣ учителя Передонова. Вслѣдствіе своей искренности, авторъ не пожелалъ ничѣмъ себя оправдать и прикрасить, и потому размазалъ свой ликъ самыми черными красками. Совершилъ онъ это удивительное предпріятіе для того, чтобы взойти на нѣкую Голгоѳу и тамъ для чего-то пострадать. Получился романъ интересный и безопасный.

Интересный потому, что изъ него видно, какіе на свѣтѣ бываютъ нехорошіе люди. Безопасный потому, что читатель можетъ сказать: «Это не про меня писано».

Другіе, не столь жестокіе къ автору, думаютъ, что изображенная въ романѣ передоновщина—явленіе довольно распространенное.

Нѣкоторые думаютъ даже, что каждый изъ насъ, внимательно въ себя всмотрѣвшись, найдетъ въ себѣ несомнѣнныя черты Передонова.

Изъ этихъ двухъ мнѣній я отдаю предпочтеніе тому, которое для меня болѣе пріятно, а именно, второму. Я не былъ поставленъ въ необходимость сочинять и выдумывать изъ себя; все анекдотическое, бытовое и психологическое въ моемъ романѣ основано на очень точныхъ наблюденіяхъ, и я имѣлъ для моего романа достаточно „натуры" вокругъ себя. И если работа надъ романомъ была столь продолжительна, то лишь для того, чтобы случайное возвести къ необходимому, чтобы тамъ, гдѣ царствовала разсыпающая анекдоты Айса, воцарилась строгая Ананке.

Правда, люди любятъ, чтобъ ихъ любили. Имъ нравится, чтобъ изображались возвышенныя и благородныя стороны души. Даже и въ злодѣяхъ имъ хочется видѣть проблески блага, „искру Божію", какъ выражались встарину. Потому имъ не вѣрится, когда передъ ними стоитъ изображеніе вѣрное, точное, мрачное, злое. Хочется сказать:

— Это онъ о себѣ.

Нѣтъ, мои милые современники, это о васъ я писалъ мой романъ о Мелкомъ Бѣсѣ и жуткой его Недотыкомкѣ, объ Ардаліонѣ и Варварѣ Передоновыхъ, Павлѣ Володинѣ, Дарьѣ, Людмилѣ и Валеріи Рутиловыхъ, Александрѣ Пыльниковѣ и другихъ. О васъ.

Этотъ романъ — зеркало, сдѣланное искусно. Я шлифовалъ его долго, работая надъ нимъ усердно.

Ровна поверхность моего зеркала, и чистъ его составъ. Многократно измѣренное и тщательно провѣренное, оно не имѣетъ никакой кривизны.

Уродливое и прекрасное отражаются въ немъ одинаково точно.

Января 1908 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЯТОМУ ИЗДАНІЮ.

Мнѣ казалось когда-то, что карьера Передонова закончена, и что ужъ не выйти ему изъ психіатрической лечебницы, куда его помѣстили послѣ того, какъ онъ зарѣзалъ Володина. Но въ послѣднее время до меня стали доходить слухи о томъ, что умоповрежденіе Передонова оказалось временнымъ, и не помѣшало ему черезъ нѣкоторое время очутиться на свободѣ,— слухи, конечно, мало вѣроятные. Я упоминаю о нихъ только потому, что въ наши дни и невѣроятное случается. Я даже прочиталъ въ одной газетѣ, что я собираюсь написать вторую часть «Мелкаго Бѣса».

Я слышалъ, будто-бы Варварѣ удалось убѣдить кого-то, что Передоновъ имѣлъ основаніе поступить такъ, какъ онъ поступилъ, — что Володинъ не разъ произносилъ возмутительныя слова и обнаруживалъ возмутительныя намѣренія, — и что передъ своею смертью онъ сказалъ нѣчто неслыханно-дерзкое, что и повлекло роковую развязку. Этимъ разсказомъ Варвара, говорили мнѣ, заинтересовала княгиню Волчанскую, и княгиня, которая раньше все забывала замолвить слово за Передонова, теперь, будто бы, приняла живое участіе въ его судьбѣ.

Что было съ Передоновымъ по выходѣ его изъ лечебницы, объ этомъ мои свѣдѣнія неясны

и противорѣчивы. Одни мнѣ говорили, что Передоновъ поступилъ на службу въ полицію, какъ ему и совѣтовалъ Скучаевъ, и былъ совѣтникомъ губернскаго правленія. Чѣмъ-то отличился въ этой должности, и дѣлаетъ хорошую карьеру.

Отъ другихъ-же я слышалъ, что въ полиціи служилъ не Ардальонъ Борисовичъ, а другой Передоновъ, родственникъ нашего. Самому-же Ардальону Борисовичу на службу поступить не удалось, или не захотѣлось, онъ занялся литературною критикой. Въ статьяхъ его сказываются тѣ черты, которыя отличали его и раньше.

Хотя этотъ слухъ отчасти и оправдывается страннымъ характеромъ нѣкоторыхъ рецензій изъ тѣхъ, которыя мнѣ пришлось прочесть, все таки онъ кажется мнѣ еще неправдоподобнѣе перваго.

Впрочемъ, если мнѣ удастся получить точныя свѣдѣнія о позднѣйшей дѣятельности Передонова, я разскажу объ этомъ достаточно подробно.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

МЕЛКІЙ БѢСЪ

I.

Послѣ праздничной обѣдни прихожане расходились по домамъ. Иные останавливались въ оградѣ, за бѣлыми каменными стѣнами, подъ старыми липами и кленами, и разговаривали. Всѣ принарядились по-праздничному, смотрѣли другъ на друга весело и, казалось, что въ этомъ городѣ живутъ мирно и дружно. И даже весело. Но все это только казалось.

Гимназическій учитель Передоновъ, стоя въ кругу своихъ пріятелей и угрюмо посматривая на нихъ маленькими, заплывшими глазами изъ-за золотыхъ очковъ, говорилъ имъ:

— Сама княгиня Волчанская обѣщала Вѣрѣ, ужъ это навѣрное. Какъ только, говоритъ, выйдете за него замужъ, такъ я ему сейчасъ же и выхлопочу мѣсто инспектора.

-- Да какъ же ты на Варварѣ Дмитріевнѣ женишься?—спросилъ краснолицый Фаластовъ,—вѣдь она же тебѣ сестра! Развѣ новый законъ вышелъ, что и на сестрахъ вѣнчаться можно?

Всѣ захохотали. Румяное, обыкновенно равнодушно-сонное лицо Передонова сдѣлалось свирѣпымъ.

— Троюродная...— буркнулъ онъ, сердито глядя мимо собесѣдниковъ.

— Да тебѣ самому княгиня обѣщала?—спро-

силъ щеглловато-одѣтый, блѣдный и высокій Рутиловъ.

— Не мнѣ, а Варѣ,—отвѣтилъ Передоновъ.

— Ну вотъ, а ты и вѣришь, — оживленнс говорилъ Рутиловъ.—Сказать все можно. А ты самъ отчего съ княгиней не явился?

— Пойми, что мы пошли съ Варей, да не застали княгини, всего на пять минутъ опоздали,—разсказывалъ Передоновъ,—она въ деревню уѣхала, вернется черезъ три недѣли, а мнѣ никакъ нельзя было ждать, сюда надс было ѣхать къ экзаменамъ.

— Сомнительно что-то,—сказалъ Рутиловъ и засмѣялся, показывая гниловатые зубы.

Передоновъ призадумался. Собесѣдники разошлись. Остался съ нимъ одинъ Рутиловъ.

— Конечно,—сказалъ Передоновъ,—я на всякой могу, на какой захочу. Не одна мнѣ Варвара.

— Само собою, за тебя, Ардильонъ Борисычъ, всякая пойдетъ,—подтвердилъ Рутиловъ.

Они вышли изъ ограды и медленно проходили по площади, немощеной и пыльной. Передоновъ сказалъ:

— Только вотъ княгиня какъ же? Она разозлится, если я Варвару брошу.

— Ну что жъ княгиня!—сказалъ Рутиловъ.— Тебѣ съ ней не котятъ крестить. Пусть бы она тебѣ мѣсто сначала дала,—окрутиться успѣешь. А то какъ же такъ, зря, ничего не видя!

— Это вѣрно...—раздумчиво согласился Передоновъ.

— Ты такъ Варварѣ и скажи,—уговаривалъ Рутиловъ.—Сперва мѣсто, а то, молъ, я такъ не очень-то вѣрю. Мѣсто получишь, а тамъ и вѣнчайся, съ кѣмъ вздумаешь. Вотъ ты лучше изъ моихъ сестеръ возьми,—три, любую выби-

~~ай. Барышни образованныя, умныя, безъ лести сказать, не чета Варварѣ. Она имъ въ подметки не годится.

— Ну,—промычалъ Передоновъ.

— Вѣрно. Что твоя Варвара? Вотъ, понюхай.

Рутиловъ наклонился, оторвалъ шерстистый стебель бѣлены, скомкалъ его вмѣстѣ съ листьями и грязнобѣлыми цвѣтами и, растирая все это пальцами, поднесъ къ носу Передонова. Тотъ поморщился отъ непріятнаго, тяжелаго запаха. Рутиловъ говорилъ:

— Растереть да бросить,—вотъ и Варвара твоя. Она и мои сестры,—это, братъ, двѣ большія разницы. Бойкія барышни, живыя,—любую возьми, не дастъ заснуть. Да и молодыя,—самая старшая втрое моложе твоей Варвары.

Все это Рутиловъ говорилъ, по обыкновенію своему, быстро и весело, улыбаясь,—но онъ, высокій, узкогрудый, казался чахлымъ и хрупкимъ, и изъ-подъ шляпы его, новой и модной, какъ-то жалко торчали жидкіе, коротко-остриженые свѣтлые волосы.

— Ну, ужъ и втрое,—вяло возразилъ Передоновъ, снимая и протирая золотыя очки.

— Да ужъ вѣрно!—воскликнулъ Рутиловъ.— Смотри, не зѣвай, пока я живъ, а то онѣ у меня тоже съ гоноромъ,—потомъ захочешь, да поздно будетъ. А только изъ нихъ каждая за тебя съ превеликимъ удовольствіемъ пойдетъ.

— Да, въ меня здѣсь всѣ влюбляются,—съ угрюмымъ самохвальствомъ сказалъ Передоновъ.

— Ну, вотъ видишь, вотъ ты и лови моментъ,—убѣждалъ Рутиловъ.

— Мнѣ бы, главное, не хотѣлось, чтобы она была сухопарая,—съ тоской въ голосѣ сказалъ Передоновъ.—Жирненькую бы мнѣ.

— Да ужъ на этотъ счетъ ты не безпокойся,—горячо говорилъ Рутиловъ.—Онѣ и теперь барышни пухленькія, а если не совсѣмъ вошли въ объемъ, такъ это только до поры, до времени. Выйдутъ замужъ, и онѣ раздобрѣютъ, какъ старшая,—Лариса-то у насъ, самъ знаешь, какая кулебяка стала.

— Я бы женился,—сказалъ Передоновъ,—да боюсь, что Варя большой скандалъ устроитъ.

— Боишься скандала, такъ ты вотъ что сдѣлай,—съ хитрой улыбкой сказалъ Рутиловъ,—сегодня же вѣнчайся, не то завтра: домой явишься съ молодой женой, и вся недолга. Правда, хочешь, я это сварганю, завтра же вечеромъ? Съ какою хочешь?

Передоновъ внезапно захохоталъ, отрывисто и громко.

— Ну, идетъ? по рукамъ, что ли?—спросилъ Рутиловъ.

Передоновъ такъ же внезапно пересталъ смѣяться и угрюмо сказалъ, тихо, почти шепотомъ:

— Донесетъ, мерзавка.

— Ничего не донесетъ, нечего доносить,—убѣждалъ Рутиловъ.

— Или отравитъ,—боязливо шепталъ Передоновъ.

— Да ужъ ты во всемъ на меня положись,—горячо уговаривалъ его Рутиловъ,—я все такъ тонко обстрою тебѣ...

— Я безъ приданаго не женюсь,—сердито крикнулъ Передоновъ.

Рутилова нисколько не удивилъ новый скачекъ въ мысляхъ его угрюмаго собесѣдника. Онъ возразилъ все съ тѣмъ же одушевленіемъ:

— Чудакъ, да развѣ онѣ безприданницы!

Ну, что же, идеть, что ли? Ну, я побѣгу, все устрою.

— Только чуръ, никому ни гу-гу, слышишь, никому!

Онъ потрясъ руку Передонова и побѣжалъ отъ него. Передоновъ молча смотрѣлъ за нимъ. Барышни Рутиловы припомнились ему, веселыя, насмѣшливыя. Нескромная мысль выдавила на его губы поганое подобіе улыбки,—оно появилось на мигъ и исчезло. Смутное безпокойство поднялось въ немъ.

„Съ княгиней-то какъ же? — подумалъ онъ.—„За тѣми гроши, и протекціи нѣтъ, а съ Варварой въ инспекторы попадешь, а потомъ и директоромъ сдѣлаютъ".

Онъ посмотрѣлъ вслѣдъ суетливо-убѣгающему Рутилову и злорадно подумалъ:

„Пусть побѣгаетъ".

И эта мысль доставила ему вялое и тусклое удовольствіе. Но ему стало скучно оттого, что онъ одинъ,—онъ надвинулъ шляпу на лобъ, нахмурилъ свѣтлыя брови, и торопливо отправился домой по немощенымъ, пустыннымъ улицамъ, заросшимъ лежачею мшанкой съ бѣлыми цвѣтами, да жерухою, травою, затоптанною въ грязи.

Кто-то позвалъ его тихимъ и быстрымъ голосомъ:

— Ардальонъ Борисычъ, къ намъ зайдите.

Передоновъ поднялъ сумрачные глаза, и сердито посмотрѣлъ за изгородь. Въ саду за калиткою стояла Наталья Афанасьевна Вершина, маленькая, худенькая, темнокожая женщина, вся въ черномъ, черноброваая, черноглазая. Она курила папироску въ черешневомъ, темномъ мундштукѣ, и улыбалась слегка, словно знала такое, чего не говорятъ, но чему улыбаются

Не столько словами, сколько легкими, быстрыми движеніями, зазывала она Передонова въ свой садъ: открыла калитку, посторонилась, улыбалась просительно и вмѣстѣ увѣренно и показывала руками,—входи, молъ, чего стоишь.

И вошелъ Передоновъ, подчиняясь ея, словно ворожащимъ, беззвучнымъ движеніямъ. Но онъ сейчасъ же остановился на песчаной дорожкѣ, гдѣ въ глаза ему бросились обломки сухихъ вѣтокъ,—и посмотрѣлъ на часы.

— Завтракать пора,—проворчалъ онъ.

Хотя часы служили ему давно, но онъ и теперь, какъ всегда при людяхъ, съ удовольствіемъ, глянулъ на ихъ большія золотыя крышки. Было безъ двадцати минутъ двѣнадцать. Передоновъ рѣшилъ, что можно побыть немного. Угрюмо шелъ онъ за Вершиной по дорожкамъ, мимо опустѣлыхъ кустовъ черной и красной смородины, малины, крыжовника.

Садъ желтѣлъ и пестрѣлъ плодами да поздними цвѣтами. Было тутъ много плодовыхъ и простыхъ деревьевъ да кустовъ: невысокія раскидистыя яблони, круглолистыя груши, липы, вишни съ гладкими блестящими листьями, слива, жимолость. На бузиновыхъ кустахъ краснѣли ягоды. Около забора густо цвѣла сибирская герань,—мелкіе блѣднорозовые цвѣтки съ пурпуровыми жилками. Остропестро выставляла изъ-подъ кустовъ свои колючія пурпуровыя головки. Въ сторонѣ стоялъ деревянный домъ, маленькій, сѣренькій, въ одно жилье, съ широкою обѣденкою въ садъ. Онъ казался милымъ и уютнымъ. А за нимъ видѣлась часть огорода. Тамъ качались сухія коробочки мака да бѣложелтые крупные чепчики ромашки, желтыя головки подсолнечника никли передъ увяданіемъ, и

между полезными зеліями поднимались зонтики бѣлые у кокорыша и блѣдно-пурпуровые у цикутнаго аистника, цвѣли свѣтло-желтые лютики да невысокіе молочаи.

— У обѣдни были? — спросила Вершина.

— Былъ, — угрюмо отвѣтилъ Передоновъ.

— Вотъ и Марта только что вернулась, — разсказывала Вершина. — Она часто въ нашу церковь ходитъ. Ужъ я и то смѣюсь: для кого это, говорю, вы, Марта, въ нашу церковь ходите? Краснѣетъ, молчитъ. Пойдемте, въ бесѣдкѣ посидимте, — сказала она быстро и безъ всякаго перехода отъ того, что говорила раньше.

Среди сада, въ тѣни развѣсистыхъ кленовъ, стояла старенькая, сѣренькая бесѣдка, — три ступеньки вверхъ, обомшалый помостъ, низенькія стѣны, шесть точеныхъ, пузатыхъ столбовъ и шестискатная кровелька.

Марта сидѣла въ бесѣдкѣ, еще принаряженная отъ обѣдни. На ней было свѣтлое платье съ бантиками, но оно къ ней не шло. Короткіе рукава обнажали островатые красные локти, сильныя и большія руки. Марта была впрочемъ не дурна. Веснушки не портили ее. Она слыла даже за хорошенькую, особенно среди своихъ, поляковъ — ихъ жило здѣсь не мало.

Марта набивала папиросы для Вершиной. Она нетерпѣливо хотѣла, чтобы Передоновъ посмотрѣлъ на нее и пришелъ въ восхищеніе. Это желаніе выдавало себя на ея простодушномъ лицѣ выраженіемъ безпокойной привѣтливости. Впрочемъ, оно вытекало не изъ того, чтобы Марта была влюблена въ Передонова: Вершина желала пристроить ее, семья была большая, — и Мартѣ хотѣлось угодить Вершиной, у которой она жила нѣсколько мѣсяцевъ со

дня похоронъ старика-мужа Вершиной,—угодить за себя и за брата-гимназиста, который тоже гостилъ здѣсь.

Вершина и Передоновъ вошли въ бесѣдку. Передоновъ сумрачно поздоровался съ Мартою и сѣлъ, — выбралъ такое мѣсто, чтобы спину защищалъ отъ вѣтра столбъ, и чтобы въ уши не надуло сквознякомъ. Онъ посмотрѣлъ на Мартины желтые башмаки съ розовыми помпончиками, и подумалъ, что его ловятъ въ женихи. Это онъ всегда думалъ, когда видѣлъ барышенъ, любезныхъ съ нимъ. Онъ замѣчалъ въ Мартѣ только недостатки,—много веснушекъ, большія руки и съ грубою кожею. Онъ зналъ, что ея отецъ, шляхтичъ, держалъ въ арендѣ маленькую деревушку верстахъ въ шести отъ города. Доходы малые, дѣтей много: Марта кончила прогимназію, сынъ учился въ гимназіи, другія дѣти были еще меньше.

— Пивка позволите вамъ налить?—быстро спросила Вершина.

На столѣ стояли стаканы, двѣ бутылки пива, мелкій сахаръ въ жестяной коробкѣ, ложечка мельхіоровая, замоченная пивомъ.

— Выпью,—отрывисто сказалъ Передоновъ.

Вершина посмотрѣла на Марту. Марта наливала стаканъ, подвинула его Передонову, и при этомъ на ея лицѣ играла странная улыбка, не то испуганная, не то радостная. Вершина сказала быстро, точно просыпала слова:

— Положите сахару въ пиво.

Марта подвинула къ Передонову жестянку съ сахаромъ. Но Передоновъ досадливо сказалъ:

— Нѣтъ, это гадость—съ сахаромъ.

— Что вы, вкусно,—однозвучно и быстро уронила Вершина.

— Очень вкусно,—сказала Марта.

— Гадость,—повторилъ Передоновъ и сердито поглядѣлъ на сахаръ.

— Какъ хотите, сказала Вершина, и тѣмъ же голосомъ, безъ остановки и перехода, заговорила о другомъ:—Черепнинъ мнѣ надоѣдаетъ,—сказала она и засмѣялась.

Засмѣялась и Марта. Передоновъ смотрѣлъ равнодушно: онъ не принималъ никакого участія въ чужихъ дѣлахъ,—не любилъ людей, не думалъ о нихъ иначе, какъ только въ связи съ своими выгодами и удовольствіями. Вершина самодовольно улыбнулась и сказала:

— Думаетъ, что я выйду за него.

— Ужасно дерзкій,—сказала Марта, не потому, что думала это, а потому, что хотѣла угодить и польстить Вершиной.

— Вчера у окна подсматривалъ,—разсказывала Вершина. — Забрался въ садъ, когда мы ужинали. Кадка подъ окномъ стояла, мы подставили подъ дождь,—цѣлая натекла. Покрыта была доской, воды не видно, онъ влѣзъ на кадку, да и смотритъ въ окно. А у насъ лампа горитъ,—онъ насъ видитъ, а мы его не видимъ. Вдругъ слышимъ шумъ. Испугались сначала, выбѣгаемъ. А это онъ провалился въ воду. Однако, вылѣзъ до насъ, убѣжалъ весь мокрый,—по дорожкѣ такъ мокрый слѣдъ. Да мы и по спинѣ узнали.

Марта смѣялась тоненькимъ, радостнымъ смѣхомъ, какъ смѣются благонравныя дѣти. Вершина разсказала все быстро и однообразно, словно высыпала,—какъ она и всегда говорила,—и разомъ замолчала, сидѣла и улыбалась краемъ рта, и оттого все ея смуглое и сухое лицо пошло въ складки, и черноватые отъ курева

зубы слегка пріоткрылись. Передоновъ подумалъ и вдругъ захохоталъ. Онъ всегда не сразу отзывался на то, что казалось ему смѣшнымъ,— медленны и тупы были его воспріятія.

Вершина курила папироску за папиросой. Она не могла жить безъ табачнаго дыма передъ ея носомъ.

— Скоро сосѣдями будемъ,—объявилъ Передоновъ.

Вершина бросила быстрый взглядъ на Марту. Та слегка покраснѣла, съ пугливымъ ожиданіемъ посмотрѣла на Передонова, и сейчасъ же опять отвела глаза въ садъ.

— Переѣзжаете?—спросила Вершина.—Отчего же?

— Далеко отъ гимназіи,—объяснилъ Передоновъ.

Вершина недовѣрчиво улыбалась. Вѣрнѣе, думала она, что онъ хочетъ быть поближе къ Мартѣ.

— Да вѣдь вы тамъ уже давно живете, уже нѣсколько лѣтъ,—сказала она.

— Да и хозяйка стерва,—сердито сказалъ Передоновъ.

— Будто?—недовѣрчиво спросила Вершина и криво улыбнулась.

Передоновъ немного оживился.

— Наклеила новые обои, да скверно,—разсказывалъ онъ.—Не подходитъ кусокъ къ куску. Вдругъ въ столовой надъ дверью совсѣмъ другой узоръ, вся комната разводами да цвѣточками, а надъ дверью полосками да гвоздиками. И цвѣтъ совсѣмъ не тотъ. Мы было не замѣтили, да Фаластовъ пришелъ, смѣется. И всѣ смѣются.

— Еще бы, такое безобразіе,—согласилась Вершина.

— Только мы ей не говоримъ, что выѣдемъ,— сказалъ Передоновъ, и при этомъ понизилъ голосъ.— Найдемъ квартиру и поѣдемъ, а ей не говоримъ.

— Само собой,— сказала Вершина.

— А то будетъ, пожалуй, скандалить,— говорилъ Передоновъ, и въ глазахъ его отразилось пугливое безпокойство.— Да еще и плати ей за мѣсяцъ, за такую-то гадость.

Передоновъ захохоталъ отъ радости, что выѣдетъ и за квартиру не заплатитъ.

— Стребуетъ,— замѣтила Вершина.

— Пусть требуетъ, я не отдамъ,— сердито сказалъ Передоновъ.— Мы въ Питеръ ѣздили, такъ не пользовались это время квартирою.

— Да вѣдь квартира-то за вами оставалась,— сказала Вершина.

— Что-жъ такое! Она должна ремонтъ дѣлать, такъ развѣ мы обязаны платить за то время, пока не живемъ? И главное, она ужасно дерзкая.

— Ну, хозяйка дерзкая оттого, что ваша... сестрица ужъ слишкомъ пылкая особа,— сказала Вершина съ легкой заминкой на словѣ „сестрица".

Передоновъ нахмурился и тупо глядѣлъ передъ собою полусонными глазами. Вершина заговорила о другомъ. Передоновъ вытащилъ изъ кармана карамельку, очистилъ ее отъ бумажки и принялся жевать. Случайно взглянулъ онъ на Марту, и подумалъ, что она завидуетъ, и что ей тоже хочется карамельки.

„Дать ей или не давать?— думалъ Передоновъ.— Не стоитъ она. Или ужъ развѣ дать,— пусть не думаютъ, что ему жалко. У него много,— полны карманы".

И онъ вытащилъ горсть карамели.

— На-те, — сказалъ онъ, и протянулъ леденцы сначала Вершиной, потомъ Мартѣ, — хорошія бомбошки, дорогія, тридцать копѣекъ за фунтъ плачены.

Онѣ взяли по одной. Онъ сказалъ:

— Да вы больше берите. У меня много, и хорошія бомбошки, — я худого ѣсть не стану.

— Благодарю васъ, я не хочу больше, — сказала Вершина быстро и невыразительно.

И тѣ же слова за нею повторила Марта, но какъ-то нерѣшительно. Передоновъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на Марту и сказалъ:

— Ну, какъ не хотѣть! На-те.

И онъ взялъ изъ горсти одну карамельку себѣ, а остальныя положилъ передъ Мартою. Марта молча улыбнулась и наклонила голову.

„Невѣжа, — подумалъ Передоновъ, — не умѣетъ поблагодарить хорошенько“.

Онъ не зналъ, о чемъ говорить съ Мартою. Она была ему нелюбопытна, какъ всѣ предметы, съ которыми не были кѣмъ-то установлены для него пріятныя или непріятныя отношенія.

Остальное пиво было вылито въ стаканъ Передонову. Вершина глянула на Марту.

— Я принесу, — сказала Марта.

Она всегда безъ словъ догадывалась, чего хочетъ Вершина.

— Пошлите Владю, онъ въ саду, — сказала Вершина.

— Владиславъ! — крикнула Марта.

— Здѣсь, — отозвался мальчикъ такъ близко и такъ скоро, точно онъ подслушивалъ.

— Пива принеси, двѣ бутылки, — сказала Марта, — въ сѣняхъ, въ ларѣ.

Скоро Владиславъ подбѣжалъ безшумно къ

бесѣдкѣ, подалъ черезъ окно Мартѣ бутылки пива, и поклонился Передонову.

— Здравствуйте, — хмуро сказалъ Передоновъ,—пива сколько бутылокъ сегодня выдудили?

Владиславъ принужденно улыбнулся и сказалъ:

— Я не пью пива.

Это былъ мальчикъ лѣтъ четырнадцати, съ веснусчатымъ, какъ у Марты, лицомъ, похожій на сестру, неловкій, мѣшкотный въ движеніяхъ. Одѣтъ онъ былъ въ блузу суроваго полотна.

Марта шопотомъ заговорила съ братомъ. Оба они смѣялись. Передоновъ подозрительно посматривалъ на нихъ. Когда при немъ смѣялись, и онъ не зналъ, о чемъ, онъ всегда предполагалъ, что это надъ нимъ смѣются. Вершина забезпокоилась. Уже она хотѣла окликнуть Марту. Но самъ Передоновъ спросилъ злымъ голосомъ:

— Чему смѣетесь?

Марта вздрогнула, повернулась къ нему, и не знала, что сказать. Владиславъ улыбнулся, глядя на Передонова, и слегка краснѣлъ.

— Это невѣжливо, при гостяхъ,— выговаривалъ Передоновъ.—Надо мной смѣетесь?—спросилъ онъ.

Марта покраснѣла, Владиславъ испугался.

— Извините,—сказала Марта,—мы вовсе не надъ вами. Мы о своемъ.

— Секретъ,—сердито сказалъ Передоновъ.—При гостяхъ невѣжливо о секретахъ разговаривать.

— Да не то, что секретъ,—сказала Марта,—а мы тому, что Владя босикомъ и не можетъ войти сюда, — стѣсняется.

Передоновъ успокоился, сталъ выдумывать

шутки надъ Владей, потомъ угостилъ и его карамелькой.

— Марта, принесите мой черный платокъ,— сказала Вершина, — да загляните заодно въ кухню, какъ тамъ пирогъ.

Марта послушно вышла. Она поняла, что Вершина хочетъ говорить съ Передоновымъ, и была рада, лѣнивая, что не къ спѣху.

— А ты иди подальше, — сказала Вершина Владѣ,—нечего тебѣ тутъ болтаться.

Владя побѣжалъ, и слышно было, какъ песокъ шуршитъ подъ его ногами. Вершина осторожно и быстро посмотрѣла вбокъ на Передонова сквозь непрерывно испускаемый ею дымъ. Передоновъ сидѣлъ молча, глядѣлъ прямо передъ собою затемненнымъ взоромъ, и жевалъ карамельку. Ему было пріятно, что тѣ ушли,—а то, пожалуй, опять бы засмѣялись. Хоть онъ и узналъ навѣрное, что смѣялись не надъ нимъ, но въ немъ осталась досада,—такъ послѣ прикосновенія жгучей крапивы долго остается и возрастаетъ боль, хотя уже крапива и далече.

— Что вы не женитесь, — вдругъ часто и быстро заговорила Вершина.—Чего еще ждете, Ардальонъ Борисычъ! Варвара ваша вамъ не пара, извините, прямо скажу.

Передоновъ провелъ рукой по слегка растрепаннымъ каштановаго цвѣта волосамъ, и съ угрюмою важностью молвилъ:

— Здѣсь для меня и нѣтъ пары.

— Не скажите,—возразила Вершина, и криво улыбнулась.—Здѣсь есть много лучше ея, и за васъ всякая пойдетъ.

Она стряхнула пепелъ съ папиросы рѣшительнымъ движеніемъ, словно поставила на чемъ-то утвердительный знакъ.

— Всякой мнѣ не надо,—отвѣтилъ Передоновъ.

— Не о всякой и рѣчь, — быстро говорила Вершина. — Да вамъ вѣдь не за приданымъ гнаться, была бы дѣвушка хорошая. Вы сами получаете достаточно, слава Богу.

— Нѣтъ,—возразилъ Передоновъ,—мнѣ выгоднѣе на Варварѣ жениться. Ей княгиня протекцію обѣщала. Она дастъ мнѣ хорошее мѣсто,— говорилъ Передоновъ съ угрюмымъ одушевленіемъ.

Вершина слегка улыбалась. Все ея морщинистое и темное, словно прокопченное табакомъ, личико выражало снисходительную недовѣрчивость. Она спросила:

— Да вамъ она говорила это, княгиня-то?

Съ удареніемъ на словѣ „вамъ".

— Не мнѣ, а Варварѣ,—признался Передоновъ,—да это все равно.

— Ужъ слишкомъ вы полагаетесь на слова вашей сестрицы,—злорадно говорила Вершина.— Ну, а скажите, она много старше васъ? Лѣтъ на пятнадцать? Или больше? Вѣдь ей подъ пятьдесятъ?

— Ну, гдѣ тамъ,—досадливо сказалъ Передоновъ,—тридцати еще нѣтъ.

Вершина засмѣялась.

— Скажите, пожалуйста,—съ нескрываемою насмѣшкою въ голосѣ сказала она,—а на видъ она гораздо старше васъ. Конечно, это не мое дѣло, а только со стороны жалко, что такой хорошій молодой человѣкъ долженъ жить не такъ, какъ бы онъ заслуживалъ по своей красотѣ и душевнымъ качествамъ

Передоновъ самодовольно оглядывалъ себя. Но не было улыбки на его румяномъ лицѣ, и

казалось, что онъ обиженъ тѣмъ, что не всѣ его понимаютъ, какъ Вершина. А Вершина продолжала:

— Вы и безъ протекціи далеко пойдете. Неужто не оцѣнитъ начальство! Что жъ вамъ за Варвару держаться! Да и не изъ Рутиловыхъ же барышенъ вамъ жену брать: онѣ—легкомысленныя, а вамъ надо жену степенную. Вотъ бы взяли мою Марту.

Передоновъ посмотрѣлъ на часы.

— Пора домой,—сказалъ онъ, и всталъ прощаться.

Вершина была увѣрена, что Передоновъ уходитъ потому, что она задѣла его за живое, и что онъ изъ нерѣшительности только не хочетъ говорить теперь о Мартѣ.

II.

Варвара Дмитріевна Малошина, сожительница Передонова, ждала его, неряшливо одѣтая, но тщательно набѣленная и нарумяненная.

Пеклись къ завтраку пирожки съ вареньемъ: Передоновъ ихъ любилъ. Варвара бѣгала по кухнѣ въ перевалку, на высокихъ каблукахъ, и торопилась все къ его приходу приготовить. Варвара боялась, что служанка,—рябая, толстая дѣвица Наталья, — украдетъ пирожокъ, а то и больше. Потому Варвара не выходила изъ кухни и, по обыкновенію, бранила служанку. На ея морщинистомъ лицѣ, хранившемъ слѣды былой красивости, неизмѣнно лежало брюзгливо-жадное выраженіе.

Какъ всегда при возвращеніи домой, Передонова охватили неудовольствіе и тоска. Онъ

вошелъ въ столовую шумно, швырнулъ шляпу на подоконникъ, сѣлъ къ столу и крикнулъ:

— Варя, подавай!

Варвара носила кушанья изъ кухни, проворно ковыляя въ узкихъ изъ щегольства башмакахъ, и прислуживала Передонову сама. Когда она принесла кофе, Передоновъ наклонился къ дымящемуся стакану и понюхалъ. Варвара встревожилась и пугливо спросила его:

— Что ты, Ардальонъ Борисычъ? Пахнетъ чѣмъ-нибудь кофе?

Передоновъ угрюмо взглянулъ на нее и сказалъ сердито:

— Нюхаю, не подсыпано ли яду.

— Да что ты, Ардальонъ Борисычъ!—испуганно сказала Варвара,—Господь съ тобой, съ чего ты это выдумалъ?

— Омегу набуровила!—ворчалъ онъ.

— Что мнѣ за корысть травить тебя,—убѣждала Варвара,—полно тебѣ петрушку валять!

Передоновъ долго еще нюхалъ, наконецъ успокоился и сказалъ:

— Ужъ если есть ядъ, такъ тяжелый запахъ непремѣнно услышишь, только поближе нюхнуть, въ самый паръ.

Онъ помолчалъ немного, и вдругъ вымолвилъ злобно и насмѣшливо:

— Княгиня!

Варвара заволновалась.

— Что княгиня? Что такое княгиня?

— А то княгиня,—говорилъ Передоновъ,—нѣтъ, пусть она сперва дастъ мѣсто, а ужъ потомъ я и женюсь. Ты ей такъ и напиши.

— Вѣдь ты знаешь, Ардальонъ Борисычъ,—заговорила Варвара убѣждающимъ голосомъ,—

что княгиня обѣщаетъ только, когда я выйду замужъ. А то ей за тебя неловко просить.

— Напиши, что мы ужъ повѣнчались,—быстро сказалъ Передоновъ, радуясь выдумкѣ.

Варвара опѣшила было, но скоро нашлась, и сказала:

— Что же врать,—вѣдь княгиня можетъ справиться. Нѣтъ, ты лучше назначь день свадьбы. Да и платье пора шить.

— Какое платье?—угрюмо спросилъ Передоновъ.

— Да развѣ въ этомъ затрапезѣ вѣнчаться?—крикнула Варвара.—Давай же денегъ, Ардальонъ Борисычъ, на платье-то.

— Себѣ въ могилу готовишь?—злобно спросилъ Передоновъ.

— Скотина ты, Ардальонъ Борисычъ!—укоризненно воскликнула Варвара.

Вдругъ Передонову захотѣлось подразнить Варвару. Онъ спросилъ:

— Варвара, знаешь, гдѣ я былъ?

— Ну, гдѣ?—безпокойно спросила Варвара.

— У Вершиной,—сказалъ онъ, и захохоталъ.

— Нашелъ себѣ компанію,—злобно крикнула Варвара,—нечего сказать!

— Видѣлъ Марту,—продолжалъ Передоновъ.

— Вся въ веснушкахъ,—съ возрастающей злобой говорила Варвара,—и ротъ до ушей, хоть лягушкѣ пришей.

— Да ужъ красивѣе тебя,—сказалъ Передоновъ.—Вотъ возьму да и женюсь на ней.

— Женись только на ней,—закричала Варвара, красная и дрожащая отъ злости,—я ей глаза кислотой выжгу!

— Плевать я на тебя хочу,—спокойно сказалъ Передоновъ.

— Не проплюнешь!—кричала Варвара.

— А вотъ и проплюну,—сказалъ Передоновъ.

Всталъ, и съ тупымъ и равнодушнымъ видомъ плюнулъ ей въ лицо.

— Свинья!—сказала Варвара довольно спокойно, словно плевокъ освѣжилъ ее.

И принялась обтираться салфеткой. Передоновъ молчалъ. Въ послѣднее время онъ сталъ съ Варварою грубѣе обыкновеннаго. Да и раньше онъ обходился съ нею дурно. Ободренная его молчаніемъ, она заговорила погромче:

— Право, свинья. Прямо въ морду попалъ.

Въ передней послышался блеющій, словно бараній голосъ.

— Не ори,—сказалъ Передоновъ,—гости.

— Ну, это Павлушка,—ухмыляясь отвѣчала Варвара.

Вошелъ, съ громкимъ радостнымъ смѣхомъ, Павелъ Васильевичъ Володинъ, молодой человѣкъ, весь, и лицомъ, и ухватками, удивительно похожій на барашка: волосы, какъ у барашка, курчавые, глаза выпуклые и тупые,—все, какъ у веселаго барашка,—глупый молодой человѣкъ. Онъ былъ столяръ, обучался раньше въ ремесленной школѣ а теперь служилъ учителемъ ремесла въ городскомъ училищѣ.

— Ардальонъ Борисычъ, дружище!—радостно закричалъ онъ,—ты дома, кофеекъ распиваешь, а вотъ и я, тутъ какъ тутъ.

— Наташка, неси третью ложку!—крикнула Варвара.

Слышно было изъ кухни, какъ Наталья звенѣла единственною оставшеюся чайною ложкою: остальныя были спрятаны.

— Ѣшь, Павлушка,—сказалъ Передоновъ, и

видно было, что ему хочется накормить Володина.—А я, брат, ужъ теперь скоро въ инспекторы пролѣзу,—Варѣ княгиня обѣщала.

Володинъ заликовалъ и захохоталъ.

— А, будущій инспекторъ кофеекъ распиваетъ!—закричалъ онъ, хлопая Передонова по плечу.

— А ты думаешь, легко въ инспекторы вылѣзть? Донесутъ, — и крышка.

— Да что доносить-то?—ухмыляясь спросила Варвара.

— Мало ли что. Скажутъ, что я Писарева читалъ, — и ау!

— А вы, Ардальонъ Борисычъ, этого Писарева на заднюю полочку,—посовѣтовалъ Володинъ, хихикая.

Передоновъ опасливо глянулъ на Володина, и сказалъ:

— У меня, можетъ быть, никогда и не было Писарева. Хочешь выпить, Павлушка?

Володинъ выпятилъ нижнюю губу, сдѣлалъ значительное лицо знающаго себѣ цѣну человѣка, и сказалъ, по-бараньи наклоняя голову:

— Если за компанію, то я всегда готовъ выпить, а такъ ни-ни.

А Передоновъ тоже всегда готовъ былъ выпить. Выпили водки, закусили сладкими пирожками.

Вдругъ Передоновъ плеснулъ остатокъ кофе изъ стакана на обои. Володинъ вытаращилъ свои бараньи глазки и оглядѣлся съ удивленіемъ. Обои были испачканы, изодраны. Володинъ спросилъ:

— Что это у васъ обои?

Передоновъ и Варвара захохотали.

— На зло хозяйкѣ,—сказала Варвара.—Мы скоро выѣдемъ. Только вы не болтайте.

— Отлично!—крикнулъ Володинъ, и радостно захохоталъ.

Передоновъ подошелъ къ стѣнѣ, и принялся колотить по ней подошвами. Володинъ, по его примѣру, тоже лягалъ стѣну. Передоновъ сказалъ:

— Мы всегда, когда ѣдимъ, пакостимъ стѣны,—пусть помнитъ.

— Какихъ лепехъ насажали!—съ восторгомъ восклицалъ Володинъ.

— Иришка-то какъ обалдѣетъ,—сказала Варвара съ сухимъ и злымъ смѣхомъ.

И всѣ трое, стоя передъ стѣною, плевали на нее, рвали обои и колотили ихъ сапогами. Потомъ, усталые и довольные, отошли.

Передоновъ нагнулся и поднялъ кота. Котъ былъ толстый, бѣлый, некрасивый. Передоновъ теребилъ его,—дергалъ за уши, за хвостъ, трясъ за шею. Володинъ радостно хохоталъ и подсказывалъ Передонову, что еще можно сдѣлать:

— Ардальонъ Борисычъ, дунь ему въ глаза! Погладь его противъ шерсти!

Котъ фыркалъ и старался вырваться, но не смѣлъ показать когтей,—за это его жестоко били. Наконецъ, забава Передонову наскучила, и онъ бросилъ кота.

— Слушай, Ардальонъ Борисычъ, что я тебѣ хотѣлъ сказать,—заговорилъ Володинъ.—Всю дорогу думалъ, какъ бы не забыть, и чуть не забылъ.

— Ну?—угрюмо спросилъ Передоновъ.

— Вотъ ты любишь сладкое,—радостно говорилъ Володинъ,—а я такое кушанье знаю, что ты пальчики оближешь.

— Я самъ всѣ вкусныя кушанья знаю,—сказалъ Передоновъ.

Володинъ сдѣлалъ обиженное лицо.

— Можетъ быть,—сказалъ онъ,—вы, Ардальонъ Борисычъ, знаете всѣ вкусныя кушанья, которыя дѣлаютъ у васъ на родинѣ, но какъ же вы можете знать всѣ вкусныя кушанья, которыя дѣлаются у меня на родинѣ, если вы никогда на моей родинѣ не были?

И, довольный убѣдительностью своего возраженія, Володинъ засмѣялся, заблеялъ.

— На твоей родинѣ дохлыхъ кошекъ жрутъ,—сердито сказалъ Передоновъ.

— Позвольте, Ардальонъ Борисычъ, — визгливымъ и смѣющимся голосомъ говорилъ Володинъ, — это, можетъ быть, на вашей родинѣ изволятъ кушать дохлыхъ кошечекъ, этого мы не будемъ касаться, а только ерловъ вы никогда не кушали.

— Нѣтъ, не кушалъ,—признался Передоновъ.

— Что же это за кушанье такое?—спросила Варвара.

— А это вотъ что,—сталъ объяснять Володинъ,—знаете вы кутью?

— Ну, кто кутьи не знаетъ, — ухмыляясь отвѣтила Варвара.

— Такъ вотъ, пшенная кутья, съ изюмцемъ, съ сахарцемъ, съ миндалемъ,—это и есть ерлы.

И Володинъ подробно разсказалъ, какъ варятъ на его родинѣ ерлы. Передоновъ слушалъ тоскливо. Кутья, — что-жъ, его въ покойники, что ли, хочетъ записать Павлушка?

Володинъ предложилъ:

— Если вы хотите, чтобъ все было, какъ слѣдуетъ, вы дайте мнѣ матеріалъ, а я вамъ и сварю.

— Пусти козла въ огородъ, — угрюмо сказалъ Передоновъ.

„Еще подсыплетъ чего-нибудь“,—подумалъ онъ.

Володинъ опять обидѣлся.

— Если вы думаете, Ардальонъ Борисычъ, что я у васъ стяну сахарцу, такъ вы ошибаетесь,—мнѣ вашего сахарцу не надо.

— Ну, что тамъ валять петрушку,—перебила Варвара.—Вѣдь вы знаете, у него все привереды. Приходите и варите.

— Самъ и ѣсть будешь,—сказалъ Передоновъ.

— Это почему же?—дребезжащимъ отъ обиды голосомъ спросилъ Володинъ.

— Потому, что гадость.

— Какъ вамъ угодно, Ардальонъ Борисычъ,—пожимая плечами, сказалъ Володинъ,—а только я вамъ хотѣлъ угодить, а если вы не хотите, то какъ хотите.

— А какъ тебя генералъ-то отбрилъ?—спросилъ Передоновъ.

— Какой генералъ?—отвѣтилъ вопросомъ Володинъ, и покраснѣлъ, и обиженно выпятилъ нижнюю губу.

— Да слышали, слышали,—говорилъ Передоновъ.

Варвара ухмылялась.

— Позвольте, Ардальонъ Борисычъ,—горячо заговорилъ Володинъ,—вы слышали, да, можетъ быть, не дослышали. Я вамъ разскажу, какъ все это дѣло было.

— Ну, разсказывай,—сказалъ Передоновъ.

— Это было дѣло третьяго дня,—разсказывалъ Володинъ,—объ эту самую пору. У насъ въ училищѣ, какъ вамъ извѣстно, производится въ мастерской ремонтъ. И вотъ, изволите видѣть, приходитъ Верига съ нашимъ инспекто-

ромъ осматривать, а мы работаемъ въ задней комнатѣ. Хорошо. Я не касаюсь, зачѣмъ Верига пришелъ, что ему надо,—это не мое дѣло. Положимъ, я знаю, что онъ предводитель дворянства, а къ нашему училищу касательства не имѣетъ,—но я этого не трогаю. Приходитъ,—и пусть, мы имъ не мѣшаемъ, работаемъ себѣ помаленьку,—вдругъ они къ намъ входятъ, и Верига, изволите видѣть, въ шапкѣ.

— Это онъ тебѣ неуваженіе оказалъ,—угрюмо сказалъ Передоновъ.

— Изволите видѣть,—обрадованно подхватилъ Володинъ,—и у насъ образъ виситъ, и мы сами безъ шапокъ, а онъ вдругъ является этакимъ мамелюкомъ. Я ему и изволилъ сказать, тихо, благородно: ваше превосходительство, говорю, потрудитесь вашу шапочку снять, потому, говорю, какъ здѣсь образъ. Правильно ли я сказалъ?—спросилъ Володинъ, и вопросительно вытаращилъ глаза.

— Ловко, Павлушка,—крикнулъ Передоновъ,—такъ ему и надо.

— Конечно, что имъ спускать,—поддержала и Варвара.—Молодецъ, Павелъ Васильевичъ.

Володинъ, съ видомъ напрасно обиженнаго человѣка продолжалъ:

— А онъ вдругъ изволилъ мнѣ сказать: всякій сверчокъ знай свой шестокъ. Повернулся и вышелъ. Вотъ какъ все дѣло вышло, и больше никакихъ.

Володинъ чувствовалъ себя все-таки героемъ. Передоновъ въ утѣшеніе далъ ему карамельку.

Пришла и еще гостья, Софья Ефимовна Преполовенская, жена лѣсничаго, полная, съ добродушно-хитрымъ лицомъ и плавными движеніями.

Ее посадили завтракать. Она лукаво спросила Володина:

— Что это вы, Павелъ Васильевичъ, такъ зачастили къ Варварѣ Дмитріевнѣ?

— Я не къ Варварѣ Дмитріевнѣ изволилъ притти, — скромно отвѣтилъ Володинъ, — а къ Ардальону Борисычу.

— Ужъ не влюбились ли вы въ кого-нибудь? — посмѣиваясь спрашивала Преполовенская.

Всѣмъ извѣстно было, что Володинъ искалъ невѣсты съ приданымъ, сватался ко многимъ, и получалъ отказъ. Шутка Преполовенской показалась ему неумѣстною. Дрожащимъ голосомъ, напоминая всею своею повадкою разобиженнаго баранчика, онъ сказалъ:

— Если я влюбился, Софья Ефимовна, то это ни до кого не касается, кромѣ меня самого и той особы, а вы такимъ манеромъ выходите въ сторонкѣ.

Но Преполовенская не унималась.

— Смотрите, — говорила она, — влюбите вы въ себя Варвару Дмитріевну, кто тогда Ардальону Борисычу сладкіе пирожки станетъ печь?

Володинъ выпятилъ губы, поднялъ брови, и уже не зналъ, что сказать.

— Да вы не робѣйте, Павелъ Васильевичъ, — продолжала Преполовенская, — чѣмъ вы не женихъ! — и молоды, и красивы.

— Можетъ быть, Варвара Дмитріевна и не захотятъ, — сказалъ Володинъ, хихикая.

— Ну, какъ не захотятъ, — отвѣтила Преполовенская, — ужъ больно вы скромны некстати.

— А, можетъ быть, и я не захочу, — сказалъ Володинъ, ломаясь. — Я, можетъ быть, и не хочу на чужихъ сестрицахъ жениться. У меня, мо-

жетъ быть, на родинѣ своя двоюродная племянница растетъ.

Уже онъ началъ вѣрить, что Варвара не прочь за него вытти. Варвара сердилась. Она считала Володина дуракомъ; да и получалъ онъ вчетверо меньше, чѣмъ Передоновъ. Преполовенской же хотѣлось женить Передонова на своей сестрѣ, дебелой поповнѣ. Поэтому она старалась поссорить Передонова съ Варварой.

— Что вы меня сватаете,—досадливо сказала Варвара,—вотъ вы лучше вашу меньшуху за Павла Васильевича сватайте.

— Зачѣмъ же я стану его отъ васъ отбивать!—шутливо возразила Преполовенская.

Шутки Преполовенской дали новый оборотъ медленнымъ мыслямъ Передонова; да и ерлы крѣпко засѣли въ его головѣ. Съ чего это Володинъ вздумалъ такое купанье? Передоновъ не любилъ размышлять. Въ первую минуту онъ всегда вѣрилъ тому, что ему скажутъ. Такъ повѣрилъ онъ и влюбленности Володина въ Варвару. Онъ думалъ: вотъ окрутятъ съ Варварой, а тамъ, какъ поѣдутъ на инспекторское мѣсто, отравятъ его въ дорогѣ ерлами, и подмѣнятъ Володинымъ: его похоронятъ, какъ Володина, а Володинъ будетъ инспекторомъ. Ловко придумали!

Вдругъ въ передней послышался шумъ. Передоновъ и Варвара испугались: Передоновъ неподвижно уставилъ на дверь прищуренные глаза, Варвара подкралась къ двери въ залу, едва пріоткрыла ее, заглянула, потомъ такъ же тихо, на цыпочкахъ, балансируя руками и растерянно улыбаясь, вернулась къ столу. Изъ передней доносились визгливые крики и шумъ, словно тамъ боролись. Варвара шептала:

— Ершиха — пьяная-распьяная, — Натанька ее не пускаетъ, а она въ залу такъ и претъ.

— Какъ же быть? — испуганно спросилъ Передоновъ.

— Надо перейти въ залу, — рѣшила Варвара, — чтобъ она сюда не залѣзла.

Пошли въ залу, а двери за собой плотно закрыли. Варвара вышла въ прихожую со слабою надеждою задержать хозяйку или посадить ее въ кухню. Но нахальная баба ворвалась таки въ залу. Она подбочась остановилась у порога и сыпала ругательныя слова въ видѣ общаго привѣтствія. Передоновъ и Варвара суетились около нея и старались усадить ее на стулъ поближе къ прихожей да подальше отъ столовой. Варвара вынесла ей изъ кухни на подносѣ водки, пива, пирожковъ. Но хозяйка не садилась, ничего не брала, и рвалась въ столовую, да только никакъ не могла признать, гдѣ дверь. Она была красная, растрепанная, грязная, и отъ нея далеко пахло водкой. Она кричала:

— Нѣтъ, ты меня за свой столъ посади. Что ты мнѣ выносишь на подносѣ! Я на скатерткѣ хочу. Я—хозяйка, такъ ты меня почти. Ты не гляди, что я—пьяная. Зато я честная, я своему мужу жена.

Варвара, трусливо и нагло ухмыляясь, сказала:

— Да ужъ мы знаемъ.

Ершова подмигнула Варварѣ, хрипло захохотала, и ухарски щелкнула пальцами. Она становилась все болѣе дерзкою.

— Сестра!—кричала она,—знаемъ мы, какая ты есть сестра. А отчего къ тебѣ директорша не ходитъ? а? что?

— Да ты не кричи,—сказала Варвара.

Но Ершова закричала еще громче:

— Какъ ты можешь мнѣ указывать! Я въ своемъ дому, что хочу, то и дѣлаю. Захочу, и сейчасъ васъ выгоню вонъ, и чтобы духу вашего не пахло. Но только я къ вамъ милостива. Живите, ничего, только чтобъ не фордыбачить.

Межъ тѣмъ Володинъ и Преполовенская скромненько посиживали у окна да помалкивали. Преполовенская легонечко усмѣхалась, посматривала искоса на буянку, а сама притворялась, что глядитъ на улицу. Володинъ сидѣлъ съ обиженно-значительнымъ выраженіемъ на лицѣ.

Ершова на время пришла въ благодушное настроеніе и дружелюбно сказала Варварѣ, пьяно и весело улыбаясь ей и похлопывая ее по плечу:

— Нѣтъ, ты меня послушай-ка, что я тебѣ скажу,—ты меня за свой столъ посади, да барскаго разговорцу мнѣ поставь. Да поставь ты мнѣ сладкихъ жамочекъ, почти хозяйку домовую, такъ-то, милая ты моя дѣвушка.

— Вотъ тебѣ пирожки,—сказала Варвара.

— Не хочу пирожковъ, хочу барскихъ жамочекъ,—закричала Ершова, размахивая руками и блаженно улыбаясь,—скусныя жамочки господа жрутъ, и-ихъ скусныя!

— Нѣтъ у меня никакихъ тебѣ жамочекъ,— отвѣчала Варвара, дѣлаясь смѣлѣе оттого, что хозяйка становилась веселѣе,—вотъ, даютъ тебѣ пирожки, такъ и жри.

Вдругъ Ершова разобрала, гдѣ дверь въ столовую. Она неистово взревѣла:

— Дай дорогу, ехидина!

Оттолкнула Варвару и кинулась къ двери. Ее не успѣли удержать. Наклонивъ голову, сжавъ кулаки, ворвалась она въ столовую, съ трескомъ распахнувъ дверь. Тамъ она остано-

вилась близъ порога, увидѣла испачканные обои и пронзительно засвистала. Она подбоченилась, лихо отставила ногу, и неистово крикнула:

— А, такъ вы и въ самомъ дѣлѣ хотите съѣзжать!

— Что ты, Иринья Степановна,—дрожащимъ голосомъ говорила Варвара,—мы и не думаемъ, полно тебѣ петрушку валять.

— Мы никуда не уѣдемъ,—подтверждалъ Передоновъ,—намъ и здѣсь хорошо.

Хозяйка не слушала, подступала къ оторопѣлой Варварѣ, и размахивала кулаками у ея лица. Передоновъ держался позади Варвары. Онъ бы и убѣжалъ, да любопытно было посмотрѣть, какъ хозяйка и Варвара подерутся.

— На одну ногу стану, за другую дерну пополамъ разорву!—свирѣпо кричала Ершова.

— Да что ты, Иринья Степановна,—уговаривала Варвара,—перестань,—у насъ гости.

— А подавай сюда гостей!—закричала Ершова,—гостей-то твоихъ мнѣ и нужно!

Ершова, шатаясь, ринулась въ залу и, вдругъ перемѣнивъ совершенно и рѣчь, и все свое обращеніе, смиренно сказала Преполовенской, низко кланяясь ей, причемъ едва не свалилась на полъ:

— Барыня, милая Софья Ефимовна, простите вы меня, бабу пьяную. А только что я вамъ скажу, послушайте-ка. Вотъ вы къ нимъ ходите, а знаете, что она про вашу сестрицу говоритъ? И кому же? Мнѣ, пьяной сапожницѣ! Зачѣмъ? Чтобы я всѣмъ разсказала, вотъ зачѣмъ!

Варвара багрово покраснѣла, и сказала:

— Ничего я тебѣ не говорила.

— Ты не говорила? Ты, пасть поганая?—закричала Ершова, подступая къ Варварѣ со сжатыми кулаками.

— Ну, замолчи, — смущенно пробормотала Варвара.

— Нѣтъ, не замолчу, — злорадно крикнула Ершова, и опять обратилась къ Преполовенской.—Что она съ вашимъ мужемъ будто живетъ, ваша сестра, вотъ что она мнѣ говорила, паскудная!

Софья сверкнула сердитыми и хитрыми глазами на Варвару, встала и сказала съ притворнымъ смѣхомъ:

— Благодарю покорно, не ожидала.

— Врешь! — злобно взвизгнула на Ершову Варвара.

Ершова сердито гукнула, топнула и махнула рукой на Варвару, и сейчасъ же снова обратилась къ Преполовенской:

— Да и баринъ-то про васъ, матушка-барыня, что говоритъ! Что вы будто раньше таскались, а потомъ замужъ вышли! Вотъ они какіе есть, самые мерзкіе люди! Плюньте вы имъ въ морды, барыня хорошая, ничѣмъ съ такими расподлыми людишками возжаться.

Преполовенская покраснѣла, и молча пошла въ прихожую. Передоновъ побѣжалъ за нею, оправдываясь.

— Она вретъ, вы ей не вѣрьте. Я только разъ сказалъ при ней, что вы—дура, да и то со злости, а больше, ей-Богу, ничего не говорилъ,—это она сама сочинила.

Преполовенская спокойно отвѣтила:

— Да что вы, Ардальонъ Борисычъ! вѣдь я вижу, что она пьяная, сама не помнитъ, что мелетъ. Только зачѣмъ вы все это позволяете въ своемъ домѣ?

— Вотъ поди, знай—отвѣтилъ Передоновъ,— что съ нею сдѣлаешь!

Преполовенская, смущенная и сердитая, надѣвала кофту. Передоновъ не догадался помочь ей. Еще онъ бормоталъ что-то, но уже она не слушала его. Тогда Передоновъ вернулся въ залу. Ершова принялась крикливо упрекать его. Варвара выбѣжала на крыльцо и утѣшала Преполовенскую:

— Вѣдь вы знаете, какой онъ дуракъ,—что говоритъ, самъ не знаетъ.

— Ну, полноте, что вы безпокоитесь,—отвѣчала ей Преполовенская.—Мало ли что пьяная баба сболтнетъ.

Окола дома, на дворѣ, куда выходило крыльцо, росла крапива, густая, высокая. Преполовенская слегка улыбнулась, и послѣдняя тѣнь неудовольствія сбѣжала съ ея бѣлаго и полнаго лица. Она попрежнему стала привѣтлива и любезна съ Варварой. Обида будетъ отомщена и безъ ссоры. Вмѣстѣ пошли онѣ въ садъ пережидать хозяйкино нашествіе.

Преполовенская все посматривала на крапиву, которая и въ саду обильно росла вдоль заборовъ. Она сказала наконецъ:

— Крапивы-то у насъ сколько. Вамъ она не нужна?

Варвара засмѣялась и отвѣтила:

— Ну вотъ, на что мнѣ она!

— Коли вамъ не жалко, надо у васъ нарвать, а то у насъ нѣту,—сказала Преполовенская.

— Да на что она вамъ?—съ удивленіемъ спросила Варвара.

— Да ужъ надо,—сказала Преполовенская, посмѣиваясь.

— Душечка, скажите, на что?—взмолилась любопытная Варвара.

Преполовенская, наклонившись къ Варварину уху, шепнула:

— Крапивой натирать,—съ тѣла не спадешь. Отъ крапивы-то и моя Геничка такая толстуха.

Извѣстно было, что Передоновъ отдаетъ предпочтеніе жирнымъ женщинамъ, а тощихъ порицаетъ. Варвару сокрушало, что она тонка и все худѣетъ. Какъ бы нагулять побольше жиру?—вотъ въ чемъ была одна изъ главнѣйшихъ ея заботъ. У всѣхъ спрашивала она:—не знаете ли средства?—Теперь Преполовенская была увѣрена, что Варвара по ея указанію будетъ усердно натираться крапивой, и такъ сама себя накажетъ.

III.

Передоновъ и Ершова вышли на дворъ. Онъ бормоталъ:

— Вотъ поди-жъ ты.

Она кричала во все горло и была веселая. Они собирались плясать. Преполовенская и Варвара пробрались черезъ кухню въ горницы, и сѣли у окна смотрѣть, что будетъ на дворѣ.

Передоновъ и Ершова обнялись и пустились въ плясъ по травѣ кругомъ груши. Лицо у Передонова попрежнему оставалось тупымъ и не выражало ничего. Механически, какъ на неживомъ, прыгали на его носу золотыя очки и короткіе волосы на его головѣ. Ершова повизгивала, покрикивала, помахивала руками, и вся шаталась.

Она крикнула Варварѣ въ окно:

— Эй ты, фря, выходи плясать! Аи гнушаешься нашей компаніей?

Варвара отвернулась.

— Чортъ съ тобой! Уморилась!—крикнула Ершова, повалилась на траву и увлекла съ собой Передонова.

Они посидѣли обнявшись, потомъ опять заплясали. И такъ нѣсколько разъ повторялось: то попляшутъ, то отдохнутъ подъ грушей, на скамеечкѣ или прямо на травѣ.

Володинъ искренно веселился, глядя изъ окна на пляшущихъ. Онъ хохоталъ, строилъ уморительныя гримасы, корчился, сгибалъ колѣни вверхъ, и вскрикивалъ:

— Экъ ихъ разбираетъ! Потѣха!

— Стерва проклятая!—сердито сказала Варвара.

— Стерва,—согласился Володинъ, хохоча,—погоди-жъ, хозяюшка любезная, я тебѣ удружу. Давайте пачкать и въ залѣ. Теперь уже все равно сегодня не вернется, упаточится тамъ на травкѣ, пойдетъ спать.

Онъ залился блеющимъ смѣхомъ, и запрыгалъ бараномъ. Преполовенская подстрекала:

— Конечно, пачкайте, Павелъ Васильевичъ, что ей въ зубы смотрѣть. Если и придетъ, такъ ей можно будетъ сказать, что это она сама съ пьяныхъ глазъ такъ отдѣлала.

Володинъ, прыгая и хохоча, побѣжалъ въ залу, и принялся шаркать подошвами по обоямъ.

— Варвара Дмитріевна, дайте веревочку,—закричалъ онъ.

Варвара, ковыляя, словно утка, пошла черезъ залу въ спальню, и принесла оттуда конецъ веревки, измочаленный и узловатый. Володинъ сдѣлалъ петлю, поставилъ среди залы стулъ, и подвѣсилъ петлю на крюкъ для лампы.

— Это для хозяйки!—кричалъ онъ.—Чтобъ

было на чемъ повѣситься со злости, когда вы уѣдете.

Обѣ дамы визжали отъ хохота.

— Дайте бумажки клочекъ!—кричалъ Володинъ.—И карандашикъ.

Варвара порылась еще въ спальнѣ, и вынесла оттуда обрывокъ бумажки и карандашъ. Володинъ написалъ: „для хозяйки“, и прицѣпилъ бумажку къ петлѣ. Все это дѣлалъ онъ съ потѣшными ужимками. Потомъ онъ снова принялся неистово прыгать вдоль стѣнъ, попирая ихъ подошвами и весь сотрясаясь при этомъ. Визгомъ его и блеющимъ хохотомъ былъ наполненъ весь домъ. Бѣлый котъ, испуганно прижавъ уши, выглядывалъ изъ спальни и, повидимому, не зналъ, куда бы ему бѣжать.

Передоновъ отвязался, наконецъ, отъ Ершовой, и возратился домой одинъ, —Ершова и точно утомилась и пошла домой спать. Володинъ встрѣтилъ Передонова радостнымъ хохотомъ и крикомъ:

— И въ залѣ напачкали! Ура!

— Ура—закричалъ Передоновъ, и захохоталъ громко и отрывисто, словно выпаливая свой смѣхъ.

Закричали „ура“ и дамы. Началось общее веселье. Передоновъ крикнулъ:

— Павлушка, давай плясать!

— Давай, Ардальоша,—глупо хихикая, отвѣтилъ Володинъ.

Они плясали подъ петлей, и оба нелѣпо вскидывали ноги. Полъ вздрагивалъ подъ тяжкими стопами Передонова.

— Расплясался Ардальонъ Борисычъ,—замѣтила Преполовенская, легонечко улыбаясь.

— Ужъ и не говорите, у него все причуды,—

ворчливо отвѣтила Варвара, любуясь, однако, Передоновымъ.

Она искренно думала, что онъ красавецъ и молодецъ. Самые глупые поступки его казались ей подобающими. Онъ не былъ ей ни смѣшонъ, ни противенъ.

— Отпѣвайте хозяйку! — закричалъ Володинъ. — Давайте подушку!

— Чего не придумаютъ! — смѣясь говорила Варвара.

Она выкинула изъ спальни подушку въ грязной ситцевой наволочкѣ. Подушку положили на полъ, за хозяйку, и стали ее отпѣвать дикими и визгливыми голосами. Потомъ позвали Наталью, заставили ее вертѣть аристонъ, а сами, всѣ четверо, танцовали кадриль, нелѣпо кривляясь и высоко вскидывая ноги.

Послѣ пляски Передоновъ расщедрился. Одушевленіе, тусклое и угрюмое, свѣтилось на его заплывшемъ лицѣ. Имъ овладѣла рѣшимость, почти механическая, — можетъ быть, слѣдствіе усиленной мышечной дѣятельности. Онъ вытащилъ бумажникъ, отсчиталъ нѣсколько кредитокъ, и, съ лицомъ гордымъ и самохвальнымъ, бросилъ ихъ по направленію къ Варварѣ.

— Бери, Варвара! — крикнулъ онъ, — шей себѣ подвѣнечное платье.

Кредитки разлетѣлись по полу. Варвара живо подобрала ихъ. Она нисколько не обидѣлась на такой способъ даренія. Преполовенская злобно думала: „Ну, мы еще посмотримъ, чья возьметъ“, — и ехидно улыбалась. Володинъ, конечно, не догадался помочь Варварѣ поднять деньги.

Скоро Преполовенская ушла. Въ сѣняхъ она встрѣтилась съ новой гостьей, Грушиной.

Марья Осиповна Грушина, молодая вдова, имѣла какъ-то преждевременно опустившуюся наружность. Она была тонка,—и сухая кожа ея вся покрылась морщинками, мелкими и словно запыленными. Лицо, не лишенное пріятности,—а зубы грязные и черные. Руки тонкія, пальцы длинные и цѣпкіе, подъ ногтями грязь.

На бѣглый взглядъ она не то чтобъ казалась очень грязною, а производила такое впечатлѣніе, словно она никогда не моется, а только выколачивается вмѣстѣ со своими платьями. Думалось, что если ударить по ней нѣсколько разъ камышевкой, то поднимется до самаго неба пыльный столбъ. Одежда на ней висѣла мятыми складками, словно сейчасъ только вынутая изъ туго завязаннаго узла, гдѣ долго лежала скомканная. Жила Грушина пенсіей, мелкимъ комиссіонерствомъ и отдачею денегъ подъ залогъ недвижимостей. Разговоры вела по преимуществу нескромные, и привязывалась къ мужчинамъ, желая найти жениха. Въ ея домѣ постоянно занималъ комнату кто-нибудь изъ холостыхъ чиновниковъ.

Варвара встрѣтила Грушину радостно: было до нея дѣло. Грушина и Варвара сейчасъ же принялись говорить о прислугѣ, и зашептались. Любопытный Володинъ подсѣлъ къ нимъ, и слушалъ. Передоновъ угрюмо и одиноко сидѣлъ за столомъ, и мялъ руками конецъ скатерти.

Варвара жаловалась Грушиной на свою Наталью. Грушина указала ей новую прислугу, Клавдію, и расхвалила ее. Рѣшили ѣхать за нею сейчасъ же, на Самородину-рѣчку, гдѣ она жила пока у акцизнаго чиновника, на дняхъ получившаго переводъ въ другой городъ. Вар-

вару остановило только имя. Она съ недоумѣніемъ спросила:

— Клавдія? А ейкать-то ее какъ же я стану? Клашка что ли?

Грушина посовѣтовала:

— А вы ее зовите Клавдюшкой.

Варварѣ это понравилось. Она повторяла:

— Клавдюшка, дюшка.

И смѣялась скрипучимъ смѣхомъ. Надо замѣтить, что дюшками въ нашемъ городѣ называютъ свиней. Володинъ захрюкалъ. Всѣ захохотали.

— Дюшка, дюшенька,—лепеталъ межъ приступами смѣха Володинъ, корча глупое лицо и выпячивая губы.

И онъ хрюкалъ и дурачился до тѣхъ поръ, пока ему не сказали, что онъ надоѣлъ. Тогда онъ отошелъ съ обиженнымъ лицомъ, сѣлъ рядомъ съ Передоновымъ и, по-бараньи склонивъ свой крутой лобъ, уставился на испачканную пятнами скатерть.

Заодно, по дорогѣ на Самородину-рѣчку, Варвара рѣшила купить и матерію для подвѣнечнаго платья. Она всегда ходила по магазинамъ вмѣстѣ съ Грушиной: та помогала ей сдѣлать выборъ и сторговаться.

Крадучись отъ Передонова, Варвара напихала Грушиной въ глубокіе карманы для ея дѣтей разнаго кушанья, сладкихъ пирожковъ, гостинцевъ. Грушина догадалась, что ея услуги сегодня на что-то очень понадобятся Варварѣ.

Узкіе башмаки и высокіе каблуки не давали Варварѣ много ходить. Она скоро уставала. Поэтому она чаще ѣздила на извозчикахъ, хотя большихъ разстояній въ нашемъ городѣ не было. Въ послѣднее время она зачастила къ Груши-

ной. Извозчики ужъ запримѣтили это: ихъ и всѣхъ-то было десятка два. Сажая Варвару, ужъ и не спрашивали, куда везти.

Усѣлись на дрожки и поѣхали къ господамъ, у которыхъ жила Клавдія, освѣдомляться о ней. На улицахъ было почти вездѣ грязно, хотя дождь прошелъ еще вчера вечеромъ. Дрожки только изрѣдка продребезжатъ по каменной настилкѣ, и опять вязнутъ въ липкой грязи, на немощеныхъ улицахъ. Зато Варваринъ голосъ дребезжалъ непрерывно, часто сопровождаемый сочувственной болтовней Грушиной.

— Мой-то гусь опять былъ у Марфушки,— сказала Варвара.

Грушина отвѣтила съ сочувственной злостью:

— Это онѣ его ловятъ. Еще бы, женихъ-то хоть куда, особенно ей-то, Марфушкѣ. Ей такого и во снѣ не снилось.

— Ужъ не знаю, право, какъ и быть,—жаловалась Варвара,—ершистый такой сталъ, что просто страхъ. Повѣрите ли, голова кругомъ идетъ. Женится, а я на улицу ступай.

— Что вы, голубушка, Варвара Дмитріевна,—утѣшала Грушина,—не думайте этого. Никогда онъ ни на комъ, кромѣ васъ, не женится. Онъ къ вамъ привыкъ.

— Уйдетъ иногда къ ночи, а я заснуть не могу,—говорила Варвара.—Кто его знаетъ, можетъ быть, вѣнчается гдѣ-нибудь. Иногда всю ночь промаешься. Всѣ на него зарятся,—и Рутиловскія три кобылы,—вѣдь онѣ всѣмъ на шею вѣшаются,—и Женька толсторожая.

И долго жаловалась Варвара, и по всему ея разговору Грушина видѣла, что у нея еще что-то есть, какая-то просьба, и заранѣе радовалась заработку.

Клавдія понравилась. Жена акцизнаго ее хвалили. Ее наняли, и велѣли приходить сегодня же вечеромъ, такъ какъ акцизный уѣзжалъ сегодня.

Наконецъ пріѣхали къ Грушиной. Грушина жила въ собственномъ домикѣ, довольно неряшливо, съ тремя малыми своими ребятишками, обтрепанными, грязными, глупыми и злыми, какъ ошпаренныя собаченки. Откровенный разговоръ только теперь начался.

— Мой-то муракъ Ардальошка,—заговорила Варвара,—требуетъ, чтобы я опять княгинѣ написала. А чего я ей попусту писать стану! Она и не отвѣтитъ или отвѣтитъ неладное. Знакомство-то не больно великое.

Княгиня Волчанская, у которой Варвара когда-то жила домашнею портнихою для простыхъ работъ, могла бы оказать Передонову покровительство: ея дочь была замужемъ за тайнымъ совѣтникомъ Щепкинымъ, важною въ учебномъ вѣдомствѣ особою. Она уже писала Варварѣ, въ отвѣтъ на ея просьбы, въ прошломъ году, что не станетъ просить за Варварина жениха, а за мужа — другое дѣло, при случаѣ можно будетъ попросить. Передонова то письмо не удовлетворило: тамъ дана только неясная надежда, а не сказано прямо, что непремѣнно княгиня выхлопочетъ Варварину мужу инспекторское мѣсто. Чтобы разъяснить это недоумѣніе, ѣздили нынче въ Петербургъ; Варвара сходила къ княгинѣ, потомъ повела къ ней и Передонова, но нарочно оттянула это посѣщеніе, такъ что уже не застали княгиню: Варвара поняла, что княгиня въ лучшемъ случаѣ ограничится только совѣтомъ повѣнчаться поскорѣе да нѣсколькими неопредѣленными обѣщаніями при случаѣ попросить, обѣщаніями,

которыя были бы совсѣмъ недостаточны для Передонова. И Варвара рѣшила не показывать княгиню Передонову.

— Ужъ я на васъ, какъ на каменную гору, надѣюсь,—сказала Варвара,—помогите мнѣ, голубушка Марья Осиповна.

— Какъ же я могу помочь, душечка Варвара Дмитріевна? — спросила Грушина. — Ужъ вы знаете, я для васъ все готово сдѣлать, что только можно. Поворожить не хотите ли?

— Ну, что ваша ворожка, знаю я,—сказала со смѣхомъ Варвара,—нѣтъ, вы мнѣ иначе должны помочь.

— Какъ же?—съ тревожно-радостнымъ ожиданіемъ спросила Грушина.

— Очень просто,—сказала ухмыляясь Варвара,—вы напишите письмо, будто бы отъ княгини, подъ ея руку, а я покажу Ардальону Борисычу.

— Ой, голубушка, что вы, какъ это можно!—заговорила Грушина, притворяясь испуганной,—какъ узнаютъ все это дѣло, что мнѣ тогда будетъ?

Варвара нисколько не смутилась ея отвѣтомъ, вытащила изъ кармана измятое письмо, и сказала:

— Вотъ я и письмо княгинино взяла вамъ для образца.

Грушина долго отнѣкивалась. Варвара ясно видѣла, что Грушина согласится, но что ей хочется получить за это побольше. А Варварѣ хотѣлось дать поменьше. И она осторожно увеличивала посулы, наобѣщала разныхъ мелкихъ подарковъ, шелковое старое платье и наконецъ Грушина увидѣла, что ужъ больше Варвара ни за что не дастъ. Жалобныя слова такъ

и сыпались въ Варварина языка. Грушина сдѣлала видъ, что соглашается только изъ жалости, и взяла письмо.

IV.

Въ билліардной было дымно накурено. Передоновъ, Рутиловъ, Фаластовъ, Володинъ и Муринъ,—помѣщикъ громаднаго роста, съ глупою наружностью, владѣлецъ маленькаго имѣнія, и человѣкъ оборотливый и денежный,—всѣ пятеро, окончивъ игру, собирались уходить.

Вечерѣло. На грязномъ дощатомъ столѣ возвышалось много опорожненныхъ пивныхъ бутылокъ. Игроки, много за игрой выпившіе, раскраснѣлись и пьяно галдѣли. Рутиловъ одинъ сохранялъ обычную чахлую блѣдность. Онъ и пилъ меньше другихъ, да и послѣ обильной выпивки только бы еще больше поблѣднѣлъ.

Грубыя слова носились въ воздухѣ. Никто на это не обижался: по дружбѣ.

Передоновъ проигралъ, какъ почти всегда. Онъ плохо игралъ на билліардѣ. Но онъ сохранялъ на своемъ лицѣ невозмутимую угрюмость и расплачивался съ неохотою.

Муринъ громко крикнулъ:

— Пли!

И прицѣлился въ Передонова кіемъ. Передоновъ крикнулъ отъ страха и присѣлъ. Въ его головѣ мелькнула глупая мысль, что Муринъ хочетъ его застрѣлить. Всѣ захохотали. Передоновъ досадливо пробормоталъ:

— Терпѣть не могу такихъ шутокъ.

Муринъ уже раскаивался, что испугалъ Передонова: его сынъ учился въ гимназіи, и потому онъ считалъ своею обязанностью всячески уго-

ждать гимназическимъ учителямъ. Теперь онъ сталъ извиняться передъ Передоновымъ, и угощалъ его виномъ и сельтерской. Передоновъ угрюмо сказалъ:

— У меня нервы немного разстроены. Я директоромъ нашимъ недоволенъ.

— Проигрался будущій инспекторъ,—блеющимъ голосомъ закричалъ Володинъ, — жаль денежекъ!

— Несчастливъ въ игрѣ, счастливъ въ любви,— сказалъ Рутиловъ, посмѣиваясь и показывая гниловатые зубы.

Передоновъ и безъ того былъ не въ духѣ изъ-за проигрыша и отъ испуга, да еще его принялись дразнить Варварой. Онъ крикнулъ:

— Женюсь, а Варьку вонъ!

Пріятели хохотали и подзадоривали:

— А вотъ и не посмѣешь.

— А вотъ посмѣю. Завтра же пойду свагаться.

— Пари! идетъ?—предложилъ Фаластовъ,— на десять рублей.

Но Передонову жаль стало денегъ, — проиграешь, пожалуй, такъ платить придется. Онъ отвернулся, и угрюмо отмалчивался.

У воротъ изъ сада разстались и разошлись въ разныя стороны. Передоновъ и Рутиловъ пошли вмѣстѣ. Рутиловъ принялся уговаривать Передонова сейчасъ же вѣнчаться на одной изъ его сестеръ.

— Я все наладилъ, не безпокойся,—твердилъ онъ.

— Оглашенія не было,—отговаривался Передоновъ.

— Я все наладилъ, говорю тебѣ,—убѣждалъ

Рутиловъ. — Попа такого нашелъ: онъ знаетъ, что вы не родня.

— Шаферовъ нѣтъ, — сказалъ Передоновъ.

— Ну вотъ, нѣтъ. Шаферовъ достанемъ сейчасъ же, пошлю за ними, они и пріѣдутъ прямо въ церковь. Или самъ за ними заѣду. А раньше нельзя было, сестрица твоя узнала бы и помѣшала.

Передоновъ замолчалъ и тоскливо озирался по сторонамъ, гдѣ темнѣли рѣдкіе, молчаливые дома за дремотными садишками да шаткими изгородями.

— Ты только постой у воротъ, — убѣдительно говорилъ Рутиловъ, — я тебѣ любую выведу, которую хошь. Ну, послушай, я тебѣ сейчасъ докажу. Вѣдь дважды два четыре, такъ или нѣтъ?

— Такъ, — отвѣчалъ Передоновъ.

— Ну вотъ, дважды два четыре, что тебѣ слѣдуетъ жениться на моей сестрѣ.

Передоновъ былъ пораженъ. „А вѣдь и правда, — подумалъ онъ, — конечно, дважды два четыре". И онъ съ уваженіемъ посмотрѣлъ на разсудительнаго Рутилова. „Придется вѣнчаться! съ нимъ не сговоришь".

Пріятели въ это время подошли къ Рутиловскому дому, и остановились у воротъ.

— Нельзя же нахрапомъ, — сердито сказалъ Передоновъ.

— Чудакъ, ждутъ не дождутся, — воскликнулъ Рутиловъ.

— Да я-то, можетъ быть, не хочу.

— Ну вотъ, не хочешь, чудородъ! Что-жъ ты, вѣкъ бобылемъ жить станешь? — увѣренно возразилъ Рутиловъ. — Или въ монастырь собираешься? Или еще Варя не опротивѣла? Нѣтъ,

ты подумай только, какую она рожу скорчитъ, если ты молодую жену приведешь.

Передоновъ отрывисто и коротко захохоталъ, но сейчасъ же опять нахмурился и сказалъ:

— Да и онѣ, можетъ быть, не хотятъ.

— Ну, какъ не хотятъ, чудакъ! — отвѣчалъ Рутиловъ.—Ужъ я даю тебѣ слово.

— Онѣ гордыя.—придумывалъ Передоновъ.

— Да тебѣ-то что! еще лучше.

— Насмѣшницы.

— Да вѣдь не надъ тобой, — убѣждалъ Рутиловъ.

— Почемъ я знаю!

— Да ужъ ты мнѣ повѣрь, я тебя не обману. Онѣ тебя уважаютъ. Вѣдь ты не Павлушка какой-нибудь, чтобъ надъ тобой смѣяться.

— Да, повѣрь тебѣ, — недовѣрчиво сказалъ Передоновъ. — Нѣтъ, я хочу самъ увѣриться, что онѣ надо мной не смѣются.

— Вотъ чудакъ, — съ удивленіемъ сказалъ Рутиловъ,— да какъ же онѣ смѣютъ смѣяться? Ну, какъ же ты, однако, хочешь увѣриться?

Передоновъ подумалъ и сказалъ:

— Пусть выйдутъ сейчасъ же на улицу.

— Ну ладно, это можно, — согласился Рутиловъ.

— Всѣ трое,—продолжалъ Передоновъ.

— Ну, ладно,

— И пусть каждая скажетъ, чѣмъ она мнѣ угождать будетъ.

— Зачѣмъ же это?—съ удивленіемъ спросилъ Рутиловъ.

— Вотъ я и увижу, что онѣ хотятъ, а то вы меня за носъ поведете,—объяснилъ Передоновъ.

— Никто тебя за носъ не поведетъ.

— Онѣ надо мною, можетъ быть, посмѣяться

хотятъ,—разсуждалъ Передоновъ,—а вотъ пусть выйдутъ, потомъ ужъ онѣ коли захотятъ смѣяться, такъ и я буду надъ ними смѣяться.

Рутиловъ подумалъ, передвинулъ шляпу на затылокъ и опять на лобъ, и наконецъ сказалъ:

— Ну, погоди, пойду скажу имъ. Вотъ-то чудодѣй! Только ты во дворъ войди пока, а то еще кого-нибудь чортъ понесетъ по улицѣ, увидятъ.

— Наплевать,—сказалъ Передоновъ, но все же вошелъ за Рутиловымъ въ калитку.

Рутиловъ отправился въ домъ къ сестрамъ, а Передоновъ остался ждать на дворѣ.

Въ гостиной, угловой къ воротамъ горницѣ, сидѣли всѣ четыре сестры, всѣ на одно лицо, всѣ похожія на брата, всѣ миловидныя, румяныя, веселыя: замужняя Лариса, спокойная, пріятная, полная, — вертлявая да быстрая Дарья, самая высокая и тонкая изъ сестеръ, — смѣшливая Людмила, — и Валерія, маленькая, нѣжная, хрупкая на видъ. Онѣ лакомились орѣхами да изюмомъ и, очевидно, чего-то ждали, а потому волновались и смѣялись болѣе обычнаго, вспоминали послѣднія городскія сплетни и осмѣивали знакомыхъ и незнакомыхъ.

Уже съ утра онѣ были готовы ѣхать подъ вѣнецъ. Оставалось только надѣть приличное къ вѣнцу платье, да приколоть фату и цвѣты. О Варварѣ сестры не вспоминали въ своихъ разговорахъ, какъ будто ея и на свѣтѣ нѣтъ. Но уже одно то, что онѣ, безпощадныя насмѣшницы, перемывая косточки всѣмъ, не обмолвились во весь день ни однимъ словечкомъ только о Варварѣ, одно это доказывало, что неловкая мысль о ней гвоздемъ сидитъ въ головѣ каждой изъ сестрицъ.

— Привелъ!—объявилъ Рутиловъ, входя въ гостиную, — у воротъ стоитъ.

Сестры взволнованно поднялись, и всѣ разомъ заговорили и засмѣялись.

— Только есть заковычка, — сказалъ Рутиловъ, посмѣиваясь.

— Что, что такое?—спросила Дарья.

Валерія досадливо нахмурила свои красивыя, темныя брови.

— Ужъ не знаю, говорить ли? — спросилъ Рутиловъ.

— Ну, скорѣе, скорѣе!—торопила Дарья.

Съ нѣкоторымъ смущеніемъ Рутиловъ разсказалъ о томъ, чего желаетъ Передоновъ. Барышни подняли крикъ, и взапуски принялись бранить Передонова. Но мало-по-малу ихъ негодующіе крики замѣнились шутками и смѣхомъ. Дарья сдѣлала угрюмо-ожидающее лицо, и сказала:

— Вотъ онъ такъ стоитъ у воротъ.

Вышло похоже и забавно.

Барышни стали выглядывать изъ окна къ воротамъ. Дарья пріоткрыла окно, и крикнула:

— Ардальонъ Борисычъ, а изъ окошка сказать можно?

Послышался угрюмый голосъ:

— Нельзя.

Дарья поспѣшно захлопнула окно. Сестры расхохотались, звонко и неудержимо, и убѣжали изъ гостиной въ столовую, чтобы Передоновъ не услышалъ.

Въ этомъ веселомъ семействѣ умѣли отъ самаго сердитаго настроенія переходить къ смѣху и шуткамъ, и веселое слово зачастую рѣшало дѣло.

Передоновъ стоялъ и ждалъ. Ему было грустно

и страшно. Подумывалъ онъ убѣжать, да не рѣшился и на это. Откуда-то очень издалека доносилась музыка: должно быть, предводителева дочь играла на рояли. Слабые, нѣжные звуки лились въ вечернемъ тихомъ и темномъ воздухѣ наводили грусть, рождали сладкія мечты.

Сначала мечты Передонова приняли эротическое направленіе. Онъ представлялъ барышенъ Рутиловыхъ въ самыхъ соблазнительныхъ положеніяхъ. Но чѣмъ дольше продолжалось ожиданіе, тѣмъ больше Передоновъ испытывалъ раздраженіе, — зачѣмъ заставляютъ его ждать И музыка, едва задѣвъ его мертвенно-грубыя чувства, умерла для него.

А вокругъ спустилась ночь, тихая, шуршащая зловѣщими подходами и пошептами. И еще темнѣе казалось вездѣ отъ того, что Передоновъ стоялъ въ пространствѣ, освѣщенномъ лампою въ гостиной, свѣтъ отъ которой двумя полосами ложился на дворъ, расширяясь къ сосѣдскому забору, за которымъ виднѣлись темныя бревенчатыя стѣны. Въ глубинѣ двора подозрительно темнѣли и шептались о чемъ-то деревья Рутиловскаго сада. На улицахъ по мосткамъ гдѣ-то недалеко долго слышались чьи-то замедленные и тяжелые шаги. Передоновъ началъ уже бояться, что, пока онъ тутъ стоитъ, на него нападутъ и ограбятъ, а то такъ и убьютъ. Онъ прижался къ самой стѣнѣ, въ тѣнь, чтобы его не видѣли, и робко ждалъ.

Но вотъ по освѣщеннымъ полосамъ на дворѣ пробѣжали длинныя тѣни, захлопали двери, послышались за дверью на крыльцѣ голоса. Передоновъ оживился.

„Идутъ!“—радостно подумалъ онъ, и пріятныя мечты о красоткахъ - сестрицахъ опять

лѣниво зашевелились въ его головѣ,—паскудныя дѣтища его скуднаго воображенія.

Сестры стояли въ сѣняхъ.

Рутиловъ вышелъ на дворъ къ воротамъ, и оглядѣлся, не идетъ ли кто по улицѣ. Никого не было ни видно, ни слышно.

— Никого нѣтъ,—громкимъ шопотомъ сказалъ онъ сестрамъ въ сложенныя трубою руки.

Онъ остался сторожить на улицѣ. Вмѣстѣ съ нимъ вышелъ на улицу и Передоновъ.

— Ну вотъ, сейчасъ онѣ тебѣ скажутъ,— сказалъ Рутиловъ.

Передоновъ стоялъ у самой калитки, и смотрѣлъ въ щель межъ калиткою и привортнымъ столбомъ. Лицо его было угрюмо и почти испугано,—и всякія мечты и думы погасли въ его головѣ, и смѣнились тяжелымъ, безпредметнымъ вожделѣніемъ.

Дарья первая подошла къ пріотворенной калиткѣ.

— Ну, чѣмъ же вамъ угодить?—спросила она.

Передоновъ угрюмо молчалъ. Дарья сказала:

— Я вамъ блины буду превкусные печь, горячіе,—только не подавитесь.

Людмила изъ-за ея плеча крикнула:

— А я каждое утро буду по городу ходить, всѣ сплетни собирать, а потомъ вамъ разсказывать. Превесело.

Между веселыми лицами двухъ сестеръ показалось на мигъ капризное и тонкое Валерочкино лицо, и послышался ея хрупкій голосокъ:

— А я ни за что не скажу, чѣмъ вамъ угожу,—догадывайтесь сами.

Сестры побѣжали, заливаясь хохотомъ. Голоса ихъ и смѣхъ затихли за дверьми. Пере-

доновъ отвернулся отъ калитки. Онъ былъ не совсѣмъ доволенъ. Онъ думалъ: болтнули что-то и ушли. Дали бы лучше записочки. Но уже поздно тутъ стоять и ждать.

— Ну, видѣлъ?—спросилъ Рутиловъ.—Которую же тебѣ?

Передоновъ погрузился въ размышленіе. Конечно, сообразилъ онъ наконецъ, надо выбирать самую молоденькую. Что же ему на перестаркѣ жениться!

— Веди Валерію,—рѣшительно сказалъ онъ.

Рутиловъ отправился домой, а Передоновъ опять вошелъ во дворъ.

Людмила выглядывала тайкомъ въ окно, стараясь услышать, что говорятъ, но ничего не услышала. Вотъ прозвучали шаги по мосткамъ на дворѣ. Сестры притихли, и сидѣли взволнованныя и смущенныя. Вошелъ Рутиловъ, и объявилъ:

— Валерію выбралъ. Ждетъ,—стоитъ у воротъ.

Сестры зашумѣли, засмѣялись. Валерія слегка поблѣднѣла.

— Вотъ, вотъ, — повторяла она, — очень я хочу, очень мнѣ надо.

Ея руки дрожали. Ее стали наряжать,—всѣ три сестры хлопотали около нея Она, какъ всегда, жеманилась и медлила. Сестры ее торопили. Онѣ поздравляли Валерію, но и завидовали ей. Рутиловъ неустанно болталъ, радостно и возбужденно. Ему нравилось, что все это дѣло онъ такъ ловко устроилъ.

— А извозчиковъ ты приготовилъ? — озабоченно спросила Дарья.

Рутиловъ отвѣчалъ съ досадой:

— Да развѣ можно? Весь городъ сбѣжался бы.

Варвара бы его за волосы оттащила къ себѣ.

— Такъ какъ же мы?

— А такъ, до площади дойдемъ попарно, а тамъ и наймемъ. Очень просто. Сперва ты съ невѣстой, да Лариса съ женихомъ,—да и то не сразу, а то еще увидитъ кто въ городѣ. А я съ Людмилой за Фаластовымъ заѣду, они вдвоемъ поѣдутъ, а я еще Володина прихвачу.

Что сестры завидовали Валеріи, это невольно сказывалось въ ихъ смѣшкахъ надъ нею, и въ томъ, какъ онѣ ее поталкивали и побранивали за ея мѣшкотность и привереды. Наконецъ она сказала:

— Ну, что вы, не великъ сахаръ. Я еще и не хочу, коли такъ.

И она расплакалась. Сестры переглянулись, кинулись утѣшать ее, цѣловать и ласкать.

— Чего ты, дуреха! — говорила Дарья, — вѣдь мы шутили.

Лариса успокоительно и мягко говорила:

— Ты его въ руки заберешь. Только бы женился.

Валерія мало-по-малу утѣшилась.

Передоновъ, оставшись одинъ, погрузился въ сладкія мечтанія. Ему грезилась Валерія въ обаяніи брачной ночи, раздѣтая, стыдливая, но веселая. Вся тоненькая, субтильная...

Мечталъ, а самъ таскалъ изъ кармана завалявшіяся тамъ карамельки, и сосалъ ихъ.

Потомъ пришло ему на память, что Валерія—кокетка. Вѣдь она, подумалъ онъ, потребуетъ нарядовъ, обстановки. Ужъ тогда, пожалуй, деньги придется не откладывать каждый мѣсяцъ, а и прикопленное растрачивать. А жена-то станетъ привередничать, а за кухней.

пожалуй, и не доглядитъ. А еще на кухнѣ подсыплютъ ему яду,—Варя со злости подкупитъ кухарку.

Да и вообще, думалъ Передоновъ, ужъ слишкомъ тонкая штучка—Валерія. Къ такой не знаешь, какъ и подступиться. Какъ ее обругаешь? Какъ ее толкнешь? Какъ на нее плюнешь? Изойдетъ слезами, осрамитъ на весь городъ. Нѣтъ, страшно съ нею связываться. Вотъ Людмила, такъ та проще. Не взять ли ее?

Передоновъ подошелъ къ окну и стукнулъ палкой въ раму. Черезъ полминуты Рутиловъ высунулся изъ окна.

— Чего тебѣ?—спросилъ онъ съ безпокойствомъ.

— Передумалъ,—буркнулъ Передоновъ.

— Ну!—испуганно крикнулъ Рутиловъ.

— Веди Людмилу,—сказалъ Передоновъ.

Рутиловъ отошелъ отъ окна.

— Чортъ очкастый,—проворчалъ онъ, и пошелъ къ сестрамъ.

Валерія обрадовалась.

— Твое счастье, Людмила,—весело сказала она.

Людмила принялась хохотать,—упала въ кресло, откинулась на спинку, и хохотала, хохотала.

— Что ему сказать-то?—спрашивалъ Рутиловъ,—согласна, что ли?

Людмила отъ смѣха не могла сказать ни слова, и только махала руками.

— Да согласна, конечно,—сказала за нее Дарья.—Скажи ему скорѣе, а то еще уйдетъ сдуру, не дождется.

Рутиловъ вышелъ въ гостиную, и сказалъ шопотомъ въ окно:

— Погоди, сейчасъ будетъ готова.

— Да живѣе, — сердито сказалъ Передоновъ, — что тамъ копаются!

Людмилу проворно наряжали. Минутъ черезъ пять она была уже совсѣмъ готова.

Передоновъ думалъ о ней. Она веселая, сдобная. Только ужъ очень любитъ хохотать. Засмѣетъ, пожалуй. Страшно. Дарья, хоть и бойкая, а все же посолиднѣе и потише. А тоже красивая. Лучше взять ее.

Онъ опять стукнулъ въ окно.

— Стучитъ опять, — сказала Лариса, — ужъ не за тобой ли, Дарья?

— Вотъ чортъ-то! — выругался Рутиловъ, и побѣжалъ къ окну.

— Чего еще? — сердитымъ шопотомъ спросилъ онъ, — опять передумалъ, что ли?

— Веди Дарью, — отвѣчалъ Передоновъ.

— Ну, подожди, — свирѣпо прошепталъ Рутиловъ.

Передоновъ стоялъ и думалъ о Дарьѣ, — и опять недолгое любованіе ею въ воображеніи смѣнилось страхомъ. Ужъ очень она быстрая и дерзкая. Затормошитъ.

Да и чего тутъ стоять и ждать? — подумалъ онъ, — еще простудишься. Во рву на улицѣ, въ травѣ подъ заборомъ, можетъ быть, кто-нибудь прячется, вдругъ выскочитъ и укокошитъ. И тоскливо стало Передонову. Вѣдь онѣ безприданницы, думалъ онъ. Протекціи у нихъ въ учебномъ вѣдомствѣ нѣтъ. Варвара нажалуется княгинѣ. А на Передонова и такъ директоръ зубы точитъ.

Досадно стало Передонову на самого себя. Съ чего онъ тутъ путается съ Рутиловымъ? Словно Рутиловъ очаровалъ его. Да, можетъ

быть, и въ самомъ дѣлѣ очаровалъ его. Надо поскорѣе зачураться.

Передоновъ закружился на мѣстѣ, плевалъ во всѣ стороны, и бормоталъ:

— Чуръ-чурашки, чурки-балвашки, буки-букашки, вѣди-таракашки. Чуръ меня. Чуръ меня. Чуръ, чуръ, чуръ. Чуръ-перечуръ-расчуръ.

На лицѣ его изображалось строгое вниманіе, какъ при совершеніи важнаго обряда. И послѣ этого необходимаго дѣйствія онъ почувствовалъ себя въ безопасности отъ Рутиловскаго навожденія. Рѣшительно застучалъ палкой въ окно, сердито бормоча:

— Донести бы, — заманиваютъ. — Нѣтъ, не хочу сегодня жениться, — объявилъ онъ высунувшемуся къ нему Рутилову.

— Да что ты, Ардальонъ Борисычъ, вѣдь уже все готово, — пытался убѣждать Рутиловъ.

— Не хочу,—рѣшительно сказалъ Передоновъ,—пойдемъ ко мнѣ въ карты играть.

— Вотъ чортъ-то! — выругался Рутиловъ. — Не хочетъ вѣнчаться, струсилъ,—объявилъ онъ сестрамъ. — Но я еще уломаю дурака. Зоветъ къ себѣ въ карты играть.

Сестры закричали всѣ разомъ, браня Передонова

— И ты пойдешь къ этому прохвосту?—съ досадой спросила Валерія.

— Ну да, пойду и возьму съ него штрафъ. И онъ еще отъ насъ не уйдетъ, — говорилъ Рутиловъ, стараясь сохранить увѣренный тонъ, но чувствуя себя очень неловко.

Досада на Передонова быстро замѣнилась у дѣвицъ смѣхомъ. Рутиловъ ушелъ. Сестры побѣжали къ окнамъ.

— Ардальонъ Борисычъ!—крикнула Дарья,— что жъ вы такой нерѣшительный? Такъ нельзя.

— Кисляй Кисляевичъ!—съ хохотомъ крикнула Людмила.

Передонову стало досадно. По его мнѣнію, сестры должны бы плакать отъ печали, что онъ ихъ отвергъ. „Притворяются!“ подумалъ онъ, молча уходя со двора. Дѣвицы перебѣжали къ окнамъ на улицу, и кричали вслѣдъ Передонову насмѣшливыя слова, пока онъ не скрылся въ темнотѣ.

V.

Передонова томила тоска. Уже и карамелекъ не было въ карманѣ, и это его опечалило и раздосадовало. Рутиловъ почти всю дорогу говорилъ одинъ,—продолжалъ выхвалять сестеръ. Передоновъ только однажды вступилъ въ разговоръ. Онъ сердито спросилъ:

— У быка есть рога?

— Ну, есть, такъ что же изъ того?—сказалъ удивленный Рутиловъ.

— Ну, а я не хочу быть быкомъ,—объяснилъ Передоновъ.

Раздосадованный Рутиловъ сказалъ.

— Ты, Ардальонъ Борисычъ, и не будешь никогда быкомъ, потому что ты форменная свинья.

— Врешь!—угрюмо сказалъ Передоновъ.

— Нѣтъ, не вру, и могу доказать,—злорадно сказалъ Рутиловъ.

— Докажи,—потребовалъ Передоновъ.

— Погоди, докажу,—съ тѣмъ же злорадствомъ въ голосѣ отвѣтилъ Рутиловъ.

Оба замолчали. Передоновъ пугливо ждалъ, и томила его злость на Рутилова. Вдругъ Рутиловъ спросилъ:

— Ардальонъ Борисычъ, а у тебя есть пятачекъ?

— Есть, да тебѣ не дамъ,—злобно отвѣтилъ Передоновъ.

Рутиловъ захохоталъ.

— Коли у тебя есть пятачекъ, такъ какъ же ты не свинья!—крикнулъ онъ радостно.

Передоновъ въ ужасѣ хватился за носъ.

— Врешь, какой у меня пятачекъ, у меня человѣчья харя,—бормоталъ онъ.

Рутиловъ хохоталъ. Передоновъ, сердито и трусливо посматривая на Рутилова, сказалъ:

— Ты меня сегодня нарочно надъ дурманомъ водилъ да и одурманилъ, чтобы съ сестрами окрутить. Мало мнѣ одной вѣдьмы, на трехъ разомъ вѣнчаться!

— Чудородъ, да какъ же я-то не одурманился?—спросилъ Рутиловъ.

— Ты средство знаешь,—говорилъ Передоновъ.—Ты, можетъ быть, черезъ ротъ дышалъ, а въ носъ не пускалъ, или слова такія говорилъ, а я ничего не знаю, какъ надо противъ волшебства. Я не чернокнижникъ. Пока не зачурался, все одурманенный стоялъ.

Рутиловъ хохоталъ.

— Какъ же ты чурался?—спрашивалъ онъ.

Но уже Передоновъ молчалъ.

— Что ты за Варвару такъ уцѣпился?—говорилъ Рутиловъ.—Ты думаешь, хорошо тебѣ будетъ, если ты черезъ нее получишь мѣсто? Она тебя осѣдлаетъ.

Это было непонятно Передонову.

Вѣдь она для себя старается,—думалъ онъ.—Ей самой будетъ лучше, когда онъ будетъ начальникомъ и будетъ получать много денегъ. Значитъ, не онъ ей, а она ему должна быть

благодарна. Да и во всякомъ случаѣ съ нею ему удобнѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было другимъ.

Передоновъ привыкъ къ Варварѣ. Его тянуло къ ней,—можетъ быть, вслѣдствіе пріятной для него привычки издѣваться надъ нею. Другую такую вѣдь и на заказъ бы не найти.

Было уже поздно. У Передонова въ квартирѣ горѣли лампы,—окна ярко выдѣлялись въ уличной темнотѣ.

Вокругъ чайнаго стола сидѣли гости, Грушина,—она же теперь ежеденничала у Варвары,—Володинъ,—Преполовенская,—ея мужъ, Константинъ Петровичъ, высокій человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, матово-блѣдный, черноволосый и необычайно молчаливый. Варвара принарядилась,—надѣла бѣлое платье. Пили чай, бесѣдовали. Варвару, какъ всегда, безпокоило, что Передоновъ долго не возвращался. Володинъ съ веселымъ блеющимъ хохотомъ разсказалъ, что Передоновъ пошелъ куда-то съ Рутиловымъ. Это увеличило Варварино безпокойство.

Наконецъ, явились Передоновъ съ Рутиловымъ. Ихъ встрѣтили крикомъ, смѣхомъ, глупыми и нескромными шутками.

— Варвара, а гдѣ же водка?—сердито крикнулъ Передоновъ.

Варвара метнулась изъ-за стола, виновато ухмыляясь, и быстро принесла водку въ большомъ, грубо граненомъ графинѣ.

— Выпьемъ,—угрюмо пригласилъ Передоновъ.

— Подожди,—сказала Варвара,—Клавдюшка закуску принесетъ. Копа, шевелись,—крикнула она въ кухню.

Но уже Передоновъ разливалъ водку по рюмкамъ, и бормоталъ:

— Чего ждать, время не ждетъ.

Выпили и закусили пирожками съ черносмородиннымъ вареньемъ. У Передонова, чтобы занимать гостей, только и было въ запасѣ, что карты да водка. Такъ какъ за карты сѣсть еще нельзя было,—чай надо было пить,—то оставалась водка.

Межъ тѣмъ принесли и закуску, такъ что можно было и еще выпить. Клавдія, уходя, не затворила двери, и Передоновъ забезпокоился.

— Вѣчно двери настежь,—ворчалъ онъ.

Онъ боялся сквозняка,—простудиться можно. Поэтому въ квартирѣ всегда душно и смрадно.

Преполовенская взяла яйцо.

— Хорошія яйца,—сказала она,—гдѣ вы ихъ достаете?

Передоновъ сказалъ:

— Это еще что яйца,—а вотъ въ нашемъ имѣніи у отца курица по два крупныхъ яйца въ день круглый годъ несла.

— Что-жъ такое,—отвѣтила Преполовенская,—эка невидаль, нашли чѣмъ хвастать! У насъ въ деревнѣ была курица, несла въ день по два яйца и по ложкѣ масла.

— Да, да, и у насъ тоже,—сказалъ Передоновъ, не замѣчая насмѣшки.—Если носятъ другія, такъ и она несла. У насъ выдающаяся была.

Варвара засмѣялась.

— Петрушку валяютъ,—сказала она.

— Уши вянутъ, такой вздоръ вы несете,—сказала Грушина.

Передоновъ свирѣпо посмотрѣлъ на нее, и отвѣтилъ съ ожесточеніемъ:

— А коли вянутъ, оборвать ихъ надо.

Грушина смутилась.

— Ну, ужъ вы, Ардальонъ Борисычъ, всегда такое скажете!—жалобно сказала она.

Остальные сочувственно смѣялись. Володинъ, щуря глаза и потряхивая лбомъ, смѣшливо объяснялъ:

— Если у васъ уши вянутъ, то вамъ ихъ оборвать надо, а то нехорошо, коли они у васъ завянутъ и такъ мотаться будутъ, туда-сюда, туда-сюда.

Володинъ показалъ пальцами, какъ будутъ мотаться вялыя уши. Грушина прикрикнула на него:

— Ну ужъ вы, туда же, сами ничего придумать не умѣете, на готовенькое прохаживаетесь!

Володинъ обидѣлся, и сказалъ съ достоинствомъ:

— Я и самъ могу, Марья Осиповна, а только какъ мы въ компаніи пріятно время проводимъ, то отчего же не поддержать чужую шутку! А если это вамъ не нравится, то какъ вамъ будетъ угодно,—какъ вы къ намъ изволите, такъ и мы къ вамъ изволимъ.

— Резонно, Павелъ Васильевичъ,—со смѣхомъ одобрилъ его Рутиловъ.

— Ужъ Павелъ Васильевичъ за себя постоитъ,—съ лукавой усмѣшкой сказала Преполовенская.

Варвара отрѣзала кусокъ булки, и, заслушавшись затѣйливыхъ рѣчей Володина, держала ножъ въ рукѣ. Остріе сверкало. Передонову стало страшно,—а ну, какъ вдругъ зарѣжетъ. Онъ крикнулъ:

— Варвара, положи ножъ!

Варвара вздрогнула.

— Чего кричишь, испугалъ! — сказала она и положила ножъ. — Вѣдь вы знаете, у него все привереды, — объяснила она молчаливому Преполовенскому, видя, что онъ поглаживаетъ бороду и собирается что-то сказать.

— Это бываетъ, — сладостнымъ и грустнымъ голосомъ заговорилъ Преполовенскій, — у меня былъ одинъ знакомый, такъ тотъ иголокъ боялся, все боялся, что его уколютъ, и иголка уйдетъ во внутренности. И ужасно боялся, представьте, какъ увидитъ иголку...

И, разъ начавши говорить, уже онъ не могъ остановиться, и все на разные лады пересказывалъ одно и то же, пока его не перебилъ кто-то, заговоривъ о другомъ. Тогда онъ опять погрузился въ молчаніе.

Грушина перевела разговоръ на эротическія темы. Она разсказала, какъ ее ревновалъ покойникъ-мужъ, и какъ она ему измѣняла. Потомъ разсказала слышанную отъ столичнаго знакомаго исторію о любовницѣ нѣкоего высокопоставленнаго лица, какъ она ѣхала по улицѣ и встрѣтила своего покровителя.

„Она ему и кричитъ: здравствуй, Жанчикъ! Это на улицѣ-то!“ — разсказывала Грушина.

— А вотъ я на васъ донесу, — сердито сказалъ Передоновъ: — развѣ можно про такихъ знатныхъ лицъ такія глупости болтать?

Грушина испуганно залепетала:

— Да вѣдь я что-жъ, — мнѣ такъ разсказывали. За что купила, за то и продаю.

Передоновъ сердито молчалъ и пилъ чай съ блюдечка, налегая на столъ локтями. Онъ думалъ, что въ домѣ будущаго инспектора не подобаетъ непочтительно говорить о вельможахъ. Онъ злился на Грушину. Еще досадовалъ его и былъ

ему подозрителенъ Володинъ: что-то ужъ слишкомъ часто называлъ онъ Передонова будущимъ инспекторомъ. Одинъ разъ Передоновъ даже сказалъ Володину.

— Что, братъ, завидно, небось! Да, вотъ ты не будешь инспекторомъ, а я буду.

На это Володинъ, придавъ своему лицу внушительное выраженіе, возразилъ:

— Всякому свое, Ардальонъ Борисычъ—вы въ своемъ дѣлѣ спеціалистъ, а я въ своемъ.

— А Наташка-то наша, — сообщила Варвара,—отъ насъ прямо къ жандармскому поступила.

Передоновъ вздрогнулъ, и лицо его выразило ужасъ.

— Врешь?—вопросительно сказалъ онъ.

— Ну вотъ, чего мнѣ врать, — отвѣтила Варвара,—хоть самъ поди къ нему, спроси.

Это непріятное извѣстіе подтвердила и Грушина. Передоновъ былъ ошеломленъ. Наскажетъ, чего и не было, а жандармскій на усъ намотаетъ и, пожалуй, напишетъ въ министерство. Это скверно.

Въ это самое время глаза Передонова остановились на полочкѣ надъ коммодомъ. Тамъ стояло нѣсколько переплетенныхъ книгъ: тонкія—Писарева, и потолще— „Отечественныя Записки“. Передоновъ поблѣднѣлъ и сказалъ:

— Книги-то эти надо спрятать, а то донесутъ.

Раньше эти книги Передоновъ держалъ на виду, чтобы показать, что у него свободныя мнѣнія, — хотя на самомъ дѣлѣ онъ не имѣлъ ни мнѣній, ни даже охоты къ размышленіямъ. И эти книги онъ только держалъ, а не читалъ. Давно уже не прочелъ онъ ни одной книги,— говорилъ, что некогда,—газетъ не выписывалъ,

новости узнавалъ изъ разговоровъ. Впрочемъ, и узнавать ему нечего было,—ничто во внѣшнемъ мірѣ его не занимало. Надъ подписчиками на газеты онъ даже издѣвался, какъ надъ расточителями денегъ и времени. Дорого, подумаешь, было для него его время.

Онъ подошелъ къ полочкѣ, бормоча:

— Ужъ у насъ такой городъ,—сейчасъ донесутъ. Помоги-ка, Павелъ Васильевичъ,—сказалъ онъ Володину.

Володинъ подошелъ къ нему съ серьезнымъ и понимающимъ лицомъ, и осторожно принималъ книги, которыя передавалъ ему Передоновъ. Себѣ взялъ Передоновъ пачку книгъ поменьше, Володину далъ побольше, и пошелъ въ залу, а Володинъ за нимъ.

— Куда же вы ихъ спрячете, Ардальонъ Борисычъ?—спросилъ онъ.

— А вотъ увидишь, — съ обычною угрюмостью отвѣтилъ Передоновъ.

Преполовенская спросила:

— Что же это вы потащили, Ардальонъ Борисычъ?

Передоновъ отвѣтилъ на ходу:

— Строжайше запрещенныя книги. Донесутъ, коли увидятъ.

Въ залѣ Передоновъ присѣлъ на корточки передъ печкой, свалилъ книги на желѣзный листъ,—и Володинъ сдѣлалъ то же,—и принялся съ усиліемъ запихивать книгу за книгой въ неширокое отверстіе. Володинъ сидѣлъ на корточкахъ рядомъ съ нимъ, немного позади, и подавалъ ему книги, сохраняя глубокомысленное и понимающее выраженіе на своемъ бараньемъ лицѣ съ выпяченными изъ важности губами и

склоненнымъ отъ избытка пониманія крутымъ лбомъ.

Варвара заглядывала на нихъ черезъ дверь. Со смѣхомъ сказала она:

— Пошелъ валять петрушку!

Но Грушина остановила ее:

— Ой, голубушка, Варвара Дмитріевна, вы такъ не говорите,—за это большія непріятности могутъ быть, коли узнаютъ. Особенно, если учитель. Начальство страсть какъ боится, что учителя мальчишекъ бунтовать научатъ.

Напились чаю и усѣлись играть въ стуколку, всѣ семеро вокругъ ломбернаго стола въ залѣ. Передоновъ игралъ съ азартомъ, но плохо. Каждое двадцатое число ему приходилось уплачивать дань своимъ соучастникамъ въ игрѣ, особенно Преполовенскому; этотъ получалъ и за себя и за жену. Въ выигрышѣ чаще всего были Преполовенскіе. У нихъ были условленные знаки,—постукиваніе, покашливаніе,—посредствомъ которыхъ они обмѣнивались извѣстіями о своихъ картахъ.

Сегодня Передонову сразу не повезло. Онъ спѣшилъ отыграться, а Володинъ медлилъ сдавать, и тщательно уравнивалъ карты.

— Павлушка, сдавай,—нетерпѣливо крикнулъ Передоновъ.

Володинъ, чувствуя себя въ игрѣ особою, равною всѣмъ остальнымъ, сдѣлалъ значительное лицо и спросилъ:

— То-есть какъ это Павлушка? По дружбѣ или какъ?

— По дружбѣ, по дружбѣ,—небрежно отвѣтилъ Передоновъ,—только сдавай скорѣе.

— Ну, если по дружбѣ, то я радъ, я очень радъ,—говорилъ Володинъ съ радостнымъ и

глупымъ смѣхомъ, сдавая карты, — ты хорошій человѣкъ, Ардаша, и я тебя очень даже люблю. А если бы не по дружбѣ, то это былъ бы другой разговоръ. А если по дружбѣ, то я радъ. Я тебѣ туза сдалъ за это,—сказалъ Володинъ и открылъ козыря.

Тузъ точно оказался у Передонова, но не козырный, и подвелъ его подъ ремизъ.

— Сдалъ!—сердито сказалъ Передоновъ, — тузъ, да не тотъ. Подъ руку говоришь,—ворчалъ онъ,—надо было козырнаго, а ты мнѣ что сдалъ? На что мнѣ тиковый пузъ?

Рутиловъ со смѣхомъ подхватилъ:

— На что тебѣ тиковый пузъ, у тебя свое пузо растетъ.

Володинъ заблеялъ и захихикалъ:

— Будущій инспекторъ язычкомъ заплетается,—пузъ, пузъ, карапузъ.

Рутиловъ непрерывно болталъ, сплетничалъ, разсказывалъ анекдоты, иногда весьма щекотливаго содержанія. Чтобы подразнить Передонова, онъ сталъ увѣрять, что гимназисты плохо себя ведутъ, особенно тѣ, которые живутъ на квартирахъ: курятъ, пьютъ водку, ухаживаютъ за дѣвицами. Передоновъ вѣрилъ. И Грушина поддерживала. Ей эти разсказы доставляли особое удовольствіе: она сама хотѣла было, послѣ смерти мужа, держать у себя на квартирѣ трехъ-четырехъ гимназистовъ, но директоръ не разрѣшилъ ей, несмотря на ходатайство Передонова, — о Грушиной въ городѣ была дурная слава. Теперь она принялась бранить хозяекъ тѣхъ квартиръ, гдѣ жили гимназисты.

— Онѣ взятки даютъ директору, — заявила она.

— Хозяйки всѣ стервы,— убѣжденно сказалъ

Володинъ, — вотъ хоть моя. У насъ съ нею былъ такой уговоръ, когда я комнату нанималъ, что она будетъ давать мнѣ вечеромъ три стакана молока. Хорошо, мѣсяцъ, другой такъ мнѣ и подавали.

— И ты не опился? — спросилъ Рутиловъ со смѣхомъ.

— Зачѣмъ же опиваться! — обиженно возразилъ Володинъ. — Молоко — полезный продуктъ. Я и привыкъ три стакана выпивать на ночь. Вдругъ вижу, приносятъ мнѣ два стакана. Это, спрашиваю, почему же? Прислуга говоритъ, — Анна Михайловна, говоритъ, просятъ извинить, что коровка у нихъ, говоритъ, нынче мало молока даетъ. А мнѣ-то что за дѣло! Уговоръ дороже денегъ. У нихъ совсѣмъ коровка не дастъ молочка, такъ мнѣ и кушать не дадутъ? Ну, я говорю, если нѣтъ молока, то скажите Аннѣ Михайловнѣ, что я прошу дать мнѣ стаканъ воды. Я привыкъ кушать три стакана, мнѣ двухъ стакановъ мало.

— Павлушка у насъ герой, — сказалъ Передоновъ. — Разскажи-ка, братъ, какъ ты съ генераломъ сцѣпился.

Володинъ охотно повторилъ разсказъ. Но теперь его подняли на смѣхъ. Онъ обиженно выпятилъ нижнюю губу.

За ужиномъ всѣ напились до-пьяна, даже и женщины. Володинъ предложилъ еще попачкать стѣны. Всѣ обрадовались: немедленно, еще не кончивъ ѣсть, принялись за дѣло и неистово забавлялись. Плевали на обои, обливали ихъ пивомъ, пускали въ стѣны и въ потолокъ бумажныя стрѣлы, запачканныя на концахъ масломъ, лѣпили на потолокъ чертей изъ жеваннаго хлѣба. Потомъ придумали рвать полоски изъ обоевъ

на азартъ,—кто длиннѣе вытянетъ. На этой игрѣ Преполовенскіе еще выиграли рубля полтора.

Володинъ проигралъ. Отъ этого проигрыша и опьяненія онъ внезапно загрустилъ и сталъ жаловаться на свою мать. Онъ сдѣлалъ укоризненное лицо и, толкая зачѣмъ-то внизъ рукою, говорилъ:

— И зачѣмъ она меня родила? И что она тогда думала? Какая моя теперь жизнь! Она мнѣ не мать, а только родительница. Потому какъ настоящая мать заботится о своемъ дѣтищѣ, а моя только родила меня, и отдала на казенное воспитаніе съ самыхъ малыхъ лѣтъ.

— Зато вы обучились, вышли въ люди,— сказала Преполовенская.

Володинъ уставился внизъ лбомъ, покачивалъ головой и говорилъ:

— Нѣтъ, ужъ какая моя жизнь,—самая послѣдняя жизнь. И зачѣмъ она меня родила? Что она тогда думала?

Вчерашніе ерлы вдругъ опять припомнились Передонову.

«Вотъ,—думалъ онъ про Володина,—на свою мать жалуется, зачѣмъ она его родила,—не хочетъ быть Павлушкой. Видно, и въ самомъ дѣлѣ завидуетъ. Можетъ быть, уже и подумываетъ жениться на Варварѣ и влѣзть въ мою шкуру»,— думалъ Передоновъ и тоскливо смотрѣлъ на Володина.

Хоть бы женить его на комъ-нибудь.

Ночью, въ спальнѣ, Варвара говорила Передонову:

— Ты думаешь, всѣ эти дѣвки, что за тобою вяжутся, молоденькія, такъ и хорошенькія? Онѣ всѣ дряни, я ихъ всѣхъ красивѣе.

Она поспѣшно раздѣлась и, нахально ухмыляясь, показывала Передонову свое слегка раскрашенное, стройное, красивое и гибкое тѣло.

Хотя Варвара шаталась отъ опьянѣнія, и лицо ея во всякомъ свѣжемъ человѣкѣ возбудило бы отвращеніе своимъ дрябло-похотливымъ выраженіемъ, но тѣло у нея было прекрасное, какъ тѣло у нѣжной нимфы, съ приставленною къ нему, силою какихъ-то презрѣнныхъ чаръ, головою увядающей блудницы. И это восхитительное тѣло для этихъ двухъ пьяныхъ и грязныхъ людишекъ являлось только источникомъ низкаго соблазна.

Такъ это и часто бываетъ, — и воистину въ нашемъ вѣкѣ надлежитъ красотѣ быть попранной и поруганной.

Передоновъ угрюмо хохоталъ, глядя на свою голую подругу.

Всю эту ночь ему снились дамы всѣхъ мастей, голыя и гнусныя.

Варвара повѣрила, что натираніе крапивою, которое она себѣ сдѣлала по совѣту Преполовенской, ей помогло. Ей казалось, что она сразу начала полнѣть. У всѣхъ знакомыхъ она спрашивала:

— Правда, вѣдь я пополнѣла?

И она думала, что ужъ теперь непремѣнно Передоновъ, увидѣвъ, какъ она полнѣетъ, и получивъ къ тому же поддѣльное письмо, женится на ней.

Далеко не такъ пріятны были ожиданія Передонова. Уже онъ давно убѣдился, что директоръ ему враждебенъ, — и на самомъ дѣлѣ директоръ гимназіи считалъ Передонова лѣни-

вымъ, неспособнымъ учителемъ. Передоновъ думалъ, что директоръ приказываетъ ученикамъ его не почитать, — что было, понятно, вздорною выдумкою самого Передонова. Но это вселяло въ Передонова увѣренность, что надо отъ директора защищаться. Со злости на директора онъ не разъ начиналъ поносить его въ старшихъ классахъ. Многимъ гимназистамъ такіе разговоры нравились.

Теперь, когда Передоновъ захотѣлъ стать инспекторомъ, директоровы непріязненныя отношенія къ нему являлись особенно непріятными. Положимъ, если княгиня захочетъ, то ея протекція превозможетъ директоровы козни. Но все же онѣ не безопасны.

И другіе были въ городѣ люди, — какъ замѣтилъ въ послѣдніе дни Передоновъ, — которые враждебны ему, и хотѣли бы помѣшать его назначенію на инспекторскую должность. Вотъ Володинъ: не даромъ онъ все повторяетъ слова „будущій инспекторъ". Вѣдь бывали же случаи, что люди присваивали себѣ чужое имя, и жили себѣ въ свое удовольствіе. Конечно, замѣнить самого Передонова Володину трудненько, — да вѣдь у дурака, такого, какъ Володинъ, могутъ быть самыя нелѣпыя затѣи. Извѣстно, злого человѣка надо всегда бояться.

И еще Рутиловы, Вершина со своею Мартою, сослуживцы изъ зависти, — всѣ рады ему повредить. А какъ повредить? Ясное дѣло, опорочатъ его въ глазахъ у начальства, выставятъ человѣкомъ неблагонадежнымъ.

Итакъ, у Передонова явились двѣ заботы: доказать свою благонадежность, и обезопасить себя отъ Володина, — женить его на богатой.

И вотъ однажды Передоновъ спросилъ Володина:

— Хочешь, къ Адаменковой барышнѣ тебя посватаю? Или все еще по Мартѣ скучаешь? Цѣлый мѣсяцъ утѣшиться не можешь?

— Что жъ мнѣ по Мартѣ скучать!—отвѣтилъ Володинъ.—Я ей честь честью сдѣлалъ предложеніе, а коли ежели она не хочетъ, то что же мнѣ! Я и другую найду,—развѣ ужъ для меня и невѣстъ не найдется? Да этого добра вездѣ сколько угодно.

— Да, а вотъ Марта натянула тебѣ носъ,—подразнилъ Передоновъ.

— Не знаю ужъ, какого жениха онѣ ждутъ,—обидчиво сказалъ Володинъ,—хоть бы приданое большое было, а то вѣдь гроши дадутъ. Это она въ тебя, Ардальонъ Борисычъ, втюрилась.

Передоновъ посовѣтовалъ:

— А я бы на твоемъ мѣстѣ ей ворота дегтемъ вымазалъ.

Володинъ захихикалъ, но сейчасъ же успокоился и сказалъ:

— Ежели поймаютъ, такъ непріятность можетъ выйти.

— Найми кого-нибудь, зачѣмъ самому,—сказалъ Передоновъ.

— И слѣдуетъ, ей-Богу, слѣдуетъ,—съ одушевленіемъ сказалъ Володинъ.—Потому какъ ежели она въ законный бракъ не хочетъ вступать, а, между прочимъ, къ себѣ въ окно молодыхъ людей пускаетъ, то ужъ это что жъ! Ужъ это значитъ—ни стыда, ни совѣсти нѣтъ у человѣка.

VI.

На другой день Передоновъ и Володинъ отправились къ дѣвицѣ Адаменко. Володинъ при-

нарядился, — надѣлъ новенькій свой узенькій сюртучекъ, чистую крахмальную рубашку, пестрый шейный платокъ, намазалъ волосы помадой, надушился,—и взыгралъ духомъ.

Надежда Васильевна Адаменко съ братомъ жила въ городѣ въ собственномъ кирпичномъ красномъ домикѣ; недалеко отъ города было у нея имѣніе, отданное въ аренду. Въ позапрошломъ году кончила она ученіе въ здѣшней гимназіи, а нынѣ занималась тѣмъ, что лежала на кушеткѣ, читала книжки всякаго содержанія, да школила своего брата, одиннадцатилѣтняго гимназиста, который спасался отъ ея строгостей только сердитымъ заявленіемъ:

— При мамѣ лучше было. Мама въ уголъ только зонтикъ ставила.

Съ Надеждой Васильевной жила ея тетка, существо безличное и дряхлое, не имѣвшее никакого голоса въ домашнихъ дѣлахъ. Знакомства вела Надежда Васильевна со строгимъ разборомъ. Передоновъ бывалъ у нея рѣдко и только малое знакомство его съ нею могло быть причиною предположенія, что эта барышня можетъ выйти замужъ за Володина.

Теперь она удивилась неожиданному посѣщенію, но приняла незванныхъ гостей любезно. Гостей надо было занимать, — и Надеждѣ Васильевнѣ казалось, что самый пріятный и удобный разговоръ для учителя русскаго языка, — разговоръ о состояніи учебнаго дѣла, о реформѣ гимназій, о воспитаніи дѣтей, о литературѣ, о символизмѣ, о русскихъ журналахъ. Всѣхъ этихъ темъ она коснулась, но не получала въ отвѣтъ ничего кромѣ озадачившихъ ее отповѣдей, обнаружившихъ, что ея гостямъ эти вопросы не любопытны. Она увидѣла, что возможенъ только

одинъ разговоръ — городскія сплетни. Но Надежда Васильевна все-таки сдѣлала еще одну попытку.

— А вы читали «Человѣкъ въ футлярѣ» Чехова? — спросила она. — Неправда ли, какъ мѣтко?

Такъ какъ съ этимъ вопросомъ она обратилась къ Володину, то онъ пріятно осклабился и спросилъ:

— Это что же, статья или романъ?

— Разсказъ,—объяснила Надежда Васильевна.

— Господина Чехова, вы изволили сказать?— освѣдомился Володинъ.

— Да, Чехова, — сказала Надежда Васильевна, и усмѣхнулась.

— Это гдѣ же помѣщено?—продолжалъ любопытствовать Володинъ.

— Въ «Русской Мысли»,—отвѣтила барышня любезно.

— Въ какомъ номерѣ?—допрашивалъ Володинъ.

— Не помню хорошенько, въ какомъ-то лѣтнемъ,—все такъ же любезно, но съ нѣкоторымъ удивленіемъ отвѣтила Надежда Васильевна.

Маленькій гимназистъ высунулся изъ-за двери.

— Это въ майской книжкѣ было напечатано, — сказалъ онъ, придерживаясь рукой за дверь, и обводя гостей и сестру веселыми синими глазами.

— Вамъ еще рано романы читать,—сердито сказалъ Передоновъ,—учиться надо, а не скабрезныя исторіи читать.

Надежда Васильевна строго посмотрѣла на брата.

— Какъ это мило—за дверьми стоять и слушать, — сказала она, и, поднявъ обѣ руки,

сложила кончики мизинцевъ подъ прямымъ угломъ.

Гимназистъ нахмурился и скрылся. Онъ пошелъ въ свою комнату, сталъ тамъ въ уголъ, и принялся глядѣть на часы; два мизинца угломъ,— это знакъ стоять въ углу десять минутъ. „Нѣтъ,— досадливо думалъ онъ,—при мамѣ лучше было: мама только зонтикъ ставила въ уголъ".

А въ гостиной межъ тѣмъ Володинъ утѣшалъ хозяйку обѣщаніемъ достать непремѣнно майскій нумеръ „Русской Мысли", и прочесть разсказъ господина Чехова. Передоновъ слушалъ съ выраженіемъ явной скуки на лицѣ. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Я тоже не читалъ. Я не читаю пустяковъ. Въ повѣстяхъ и романахъ все глупости пишутъ.

Надежда Васильевна любезно улыбнулась и сказала:

— Вы очень строго относитесь къ современной литературѣ. Но пишутся же теперь и хорошія книги.

— Я всѣ хорошія книги раньше прочелъ,— заявилъ Передоновъ. — Не стану же я читать того, что теперь сочиняютъ.

Володинъ смотрѣлъ на Передонова съ уваженіемъ. Надежда Васильевна легонько вздохнула и—дѣлать нечего — принялась пустословить и сплетничать, какъ умѣла. Хоть и не любъ ей былъ такой разговоръ, но она поддерживала его съ ловкостью и веселостью бойкой и выдержанной дѣвицы. Гости оживились. Ей было нестерпимо скучно, — а они думали, что она съ ними исключительно любезна, и приписывали это обаянію прелестной наружности Володина.

Когда они ушли, Передоновъ на улицѣ поздравлялъ Володина съ успѣхомъ. Володинъ радостно смѣялся и прыгалъ. Онъ уже забылъ всѣхъ отвергнувшихъ его дѣвицъ.

— Не лягайся,—говорилъ ему Передоновъ,— распрыгался, какъ баранъ. Погоди еще, натянутъ тебѣ носъ.

Но говорилъ онъ это въ шутку, а самъ вполнѣ вѣрилъ въ успѣхъ задуманнаго сватовства.

Грушина чуть не каждый день забѣгала къ Варварѣ, Варвара бывала у нея еще чаще, такъ что онѣ почти и не разставались. Варвара волновалась, а Грушина медлила, — увѣряла, что очень трудно скопировать буквы, чтобы вышло совсѣмъ похоже.

Передоновъ все еще не хотѣлъ назначить дня для свадьбы. Опять онъ требовалъ, чтобы ему сначала мѣсто дали инспекторское. Помня, какъ много у него готовыхъ невѣстъ, онъ не разъ, какъ и прошлою зимою, грозилъ Варварѣ:

— Вотъ сейчасъ пойду вѣнчаться. Вернусь утромъ съ женой, а тебя вонъ. Послѣдній разъ ночуешь.

И съ этими словами уходилъ, — играть на билліардѣ. Оттуда иногда къ вечеру приходилъ домой, а чаще кутилъ въ какомъ-нибудь грязномъ притонѣ съ Рутиловымъ и Володинымъ. Въ такія ночи Варвара не могла заснуть. Поэтому она страдала мигренями. Хорошо еще, если онъ вернется въ часъ, въ два ночи,—тогда она вздохнетъ свободно. Если же онъ являлся только утромъ, то Варвара встрѣчала день совсѣмъ больная

Наконецъ, Грушина изготовила письмо и показала его Варварѣ. Долго разсматривали, сличали съ прошлогоднимъ княгининымъ письмомъ. Грушина увѣряла: похоже такъ, что сама княгиня не узнала бы поддѣлки. Хоть на самомъ дѣлѣ сходства было мало, но Варвара повѣрила. Да она же и понимала, что Передоновъ не могъ помнить мало знакомаго ему почерка настолько точно, чтобы замѣтить поддѣлку.

— Ну вотъ,—радостно сказала она,—наконецъ-то. А то я уже ждала, ждала, да и жданки потеряла. А только какъ же конвертъ, — если онъ спроситъ, что я скажу?

— Да ужъ конверта нельзя поддѣлать, — штемпеля,—сказала Грушина, посмѣиваясь, поглядывая на Варвару лукавыми, разными глазами: правый—побольше, лѣвый—поменьше.

— Такъ какъ же?

— Душечка Варвара Дмитріевна, да вы скажите ему, что конвертъ въ печку бросили. На что же вамъ конвертъ?

Варварины надежды оживились. Она говорила Грушиной:

— Только бы онъ женился, тогда ужъ я не стану для него бѣгать. Нѣтъ, я буду сидѣть, а онъ пусть для меня побѣгаетъ.

Въ субботу послѣ обѣда Передоновъ шелъ поиграть на билліардѣ. Мысли его были тяжелы и печальны.

Онъ думалъ:

„Скверно жить среди завистливыхъ и враждебныхъ людей. Но что же дѣлать,—не могутъ же всѣ быть инспекторами! Борьба за существованіе!“

На углу двухъ улицъ онъ встрѣтилъ жандармскаго штабъ-офицера. Непріятная встрѣча!

Подполковникъ Николай Вадимовичъ Рубовскій, невысокій плотный человѣкъ съ густыми бровями, веселыми сѣрыми глазами и прихрамывающею походкою, отчего его шпоры неровно и звонко призвякивали, былъ весьма любезенъ, и за то любимъ въ обществѣ. Онъ зналъ всѣхъ людей въ городѣ, всѣ ихъ дѣла и отношенія, любилъ слушать сплетни, но самъ былъ скроменъ и молчаливъ, какъ могила, и никому не дѣлалъ ненужныхъ непріятностей.

Остановились, поздоровались, побесѣдовали. Передоновъ насупился, оглянулся по сторонамъ, и опасливо сказалъ:

— У васъ, я слышалъ, наша Наташа живетъ, такъ вы ей не вѣрьте, что она про меня говоритъ, это она вретъ.

— Я отъ прислуги сплетенъ не собираю,— съ достоинствомъ сказалъ Рубовскій.

— Она — сама скверная, — продолжалъ Передоновъ, не обращая вниманія на возраженіе Рубовскаго, — у нея любовникъ есть полякъ; она, можетъ быть, нарочно къ вамъ и поступила, чтобъ у васъ что-нибудь стащить секретное.

— Пожалуйста, не безпокойтесь объ этомъ,— сухо возразилъ подполковникъ,—у меня планы крѣпостей не хранятся.

Упоминаніе о крѣпостяхъ озадачило Передонова. Ему казалось, что Рубовскій намекаетъ на то, что можетъ посадить Передонова въ крѣпость.

— Ну, что крѣпость,—пробормоталъ онъ,— до этого далеко, а только вообще про меня всякія глупости говорятъ, такъ это все больше изъ

зависти. Вы ничему такому не вѣрьте. Это они доносятъ, чтобъ отъ себя отвести подозрѣніе, а я и самъ могу донести.

Рубовскій недоумѣвалъ.

— Увѣряю васъ,—сказалъ онъ, вздергивая плечами и бряцая шпорами,—я ни отъ кого не получалъ на васъ доноса. Вамъ, видно, кто-нибудь въ шутку погрозилъ,—да вѣдь мало ли что говорится иногда.

Передоновъ не вѣрилъ. Онъ думалъ, что жандармскій скрытничаетъ,—и стало ему страшно.

Каждый разъ, какъ Передоновъ проходилъ мимо Вершинскаго сада, Вершина останавливала его, и своими ворожащими движеніями и словами заманивала въ садъ. И онъ входилъ, невольно подчиняясь ея тихой ворожбѣ. Можетъ быть, ей скорѣе Рутиловыхъ удалось бы достичь своей цѣли,—вѣдь Передоновъ одинаково далекъ былъ отъ всѣхъ людей, и почему бы ему было не связаться законнымъ бракомъ съ Мартою? Но, видно, вязко было то болото, куда залѣзъ Передоновъ, и никакими чарами не удавалось перебултыхнуть его въ другое.

Вотъ и теперь, когда, разставшись съ Рубовскимъ, Передоновъ шелъ мимо, Вершина,—одѣтая, какъ всегда, вся въ черномъ,—заманила его.

— Марта и Владя домой на день ѣдутъ,—сказала она, ласково глядя сквозь дымъ своей папироски на Передонова коричневыми глазами,—вотъ бы и вы съ ними погостить въ деревнѣ.—За ними работникъ въ телѣжкѣ пріѣхалъ.

— Тѣсно,—сказалъ Передоновъ угрюмо.

— Ну, вотъ, тѣсно,—возразила Вершина,—

отлично размѣститесь. Да и потѣснитесь, не бѣда, что жъ, не далеко, шесть верстъ проѣхать.

Въ это время изъ дома выбѣжала Марта спросить что-то у Вершиной. Хлопоты передъ отъѣздомъ немного расшевелили ея лѣнь, и лицо ея было живѣе и веселѣе обычнаго. Опять, уже обѣ, стали звать Передонова въ деревню.

— Размѣститесь удобно, — увѣряла Вершина,—вы съ Мартой на заднемъ сидѣньѣ, а Владя съ Игнатіемъ на переднемъ. Вотъ посмотрите, и телѣжка на дворѣ.

Передоновъ вышелъ за Вершиной и Мартой во дворъ, гдѣ стояла телѣжка, а около нея возился, укладывая что-то, Владя. Телѣжка была помѣстительная. Но Передоновъ, угрюмо осмотрѣвъ ее, объявилъ:

— Не поѣду. Тѣсно. Четверо, да еще вещи.

— Ну, если вы думаете, что тѣсно,—сказала Вершина,—то Владя и пѣшкомъ можетъ итти.

— Конечно,—сказалъ Владя, улыбаясь сдержанно и ласково,—пѣшкомъ дойду въ полтора часа отлично. Вотъ сейчасъ зашагаю, такъ раньше васъ буду.

Тогда Передоновъ объявилъ, что будетъ трясти, а онъ не любитъ тряски. Вернулись въ бесѣдку. Все уже было уложено, но работникъ Игнатій еще ѣлъ на кухнѣ, насыщаясь неторопливо и основательно.

— Какъ учится Владя?—спросила Марта.

Другого разговора съ Передоновымъ она не умѣла придумать, а уже Вершина не разъ упрекала ее, что она не умѣетъ занять Передонова.

— Плохо, — сказалъ Передоновъ, — лѣнится, ничего не слушаетъ.

Вершина любила поворчать. Она стала выговаривать Владѣ. Владя краснѣлъ и улыбался, пожимался плечами, какъ отъ холода, и подымалъ, по своей привычкѣ, одно плечо выше другого.

— Что же, только годъ начался, — сказалъ онъ,—я еще успѣю.

— Съ самаго начала надо учиться,—тономъ старшей, но слегка отъ этого краснѣя, сказала Марта.

— Да и шалитъ,—жаловался Передоновъ,— вчера такъ развозились, точно уличные мальчишки. Да и грубъ, мнѣ дерзость сказалъ въ четвергъ.

Владя вдругъ вспыхнулъ и заговорилъ горячо, но не переставая улыбаться:

— Никакой дерзости, а я только правду сказалъ, что вы въ другихъ тетрадкахъ ошибокъ по пяти прозѣвали, а у меня всѣ подчерк-
бокъ по пяти прозѣвали, а у меня всѣ подчеркнули и поставили два, а у меня лучше было написано, чѣмъ у тѣхъ, кому вы три поставили.

— И еще вы мнѣ дерзость сказали,—настаивалъ Передоновъ.

— Никакой дерзости, а я только сказалъ, что инспектору скажу,—запальчиво говорилъ Владя,—что же мнѣ зря двойку...

— Владя, не забывайся,—сердито сказала Вершина,—чѣмъ бы извиниться, а ты опять повторяешь.

Владя вдругъ вспомнилъ, что Передонова нельзя раздражать, что онъ можетъ стать Мартѣ женихомъ. Онъ сильнѣе покраснѣлъ, въ смущеніи передернулъ поясъ на своей блузѣ и робко сказалъ:

— Извините. Я только хотѣлъ попросить, чтобы вы поправили.

— Молчи, молчи, пожалуйста, — прервала его Вершина, — терпѣть не могу такихъ разсужденій, терпѣть не могу, — повторила она, и еле замѣтно дрогнула всѣмъ своимъ сухонькимъ тѣломъ. — Тебѣ дѣлаютъ замѣчаніе, ты молчи.

И Вершина высыпала на Владю немало укоризненныхъ словъ, дымя папироскою и криво улыбаясь, какъ она всегда улыбалась, о чемъ бы ни шла рѣчь.

— Надо будетъ отцу сказать, чтобы наказалъ тебя,—кончила она.

— Высѣчь надо, — рѣшилъ Передоновъ и сердито посмотрѣлъ на обидѣвшаго его Владю.

— Конечно, — подтвердила Вершина, — высѣчь надо.

— Высѣчь надо, — сказала и Марта и покраснѣла.

— Вотъ поѣду сегодня къ вашему отцу, — сказалъ Передоновъ, — и скажу, чтобы васъ при мнѣ высѣкли, да хорошенько.

Владя молчалъ, смотрѣлъ на своихъ мучителей, поеживался плечьми, и улыбался сквозь слезы. Отецъ у него крутъ. Владя старался утѣшить себя, думая, что это — только угрозы. Неужели, думалъ онъ, въ самомъ дѣлѣ захотятъ испортить ему праздникъ? Вѣдь праздникъ — день особенный, отмѣченный и радостный, и все праздничное совсѣмъ несоизмѣримо со всѣмъ школьнымъ, будничнымъ.

А Передонову нравилось, когда мальчики плакали, — особенно, если это онъ такъ сдѣлалъ, что они плачутъ и винятся. Владино смущеніе, и сдержанныя слезы на его глазахъ, и робкая, виноватая его улыбка, все это радовало Передонова. Онъ рѣшилъ ѣхать съ Мартою и Владею.

— Ну, хорошо, я поѣду съ вами,—сказалъ онъ Мартѣ.

Марта обрадовалась, но какъ-то испуганно. Конечно, она хотѣла, чтобы Передоновъ ѣхалъ съ ними,—или, вѣрнѣе, Вершина хотѣла этого за нее, и приворожила ей своими быстрыми наговорами это желаніе. Но теперь, когда Передоновъ сказалъ, что ѣдетъ, Мартѣ стало неловко за Владю,—жалко его.

Жутко стало и Владѣ. Неужели это для него Передоновъ ѣдетъ? Ему захотѣлось умилостивить Передонова. Онъ сказалъ:

— Если вы думаете, Ардальонъ Борисычъ, что тѣсно будетъ, то я могу пѣшкомъ пойти.

Передоновъ посмотрѣлъ на него подозрительно и сказалъ:

— Ну да, если васъ отпустить одного, вы еще убѣжите куда-нибудь. Нѣтъ ужъ, мы васъ лучше свеземъ къ отцу, пусть онъ вамъ задастъ.

Владя покраснѣлъ и вздохнулъ. Ему стало такъ неловко, и тоскливо, и досадно на этого мучительнаго и угрюмаго человѣка. Чтобы все-таки смягчить Передонова, онъ рѣшился устроить ему сидѣнье поудобнѣе.

— Ну, ужъ я такъ сдѣлаю,—сказалъ онъ,—что вамъ отлично будетъ сидѣть.

И онъ поспѣшно отправился къ телѣжкѣ. Вершина посмотрѣла вслѣдъ за нимъ, криво улыбаясь и дымя, и сказала Передонову тихо:

— Они всѣ боятся отца. Онъ у нихъ очень строгій.

Марта покраснѣла.

Владя хотѣлъ было взять съ собою въ деревню удочку, новую, англійскую, купленную на сбереженныя деньги,—хотѣлъ взять еще кое-

что,—да это все занимало бы въ телѣжкѣ не мало мѣста. И Владя унесъ обратно въ домъ всѣ свои пожитки.

Было не жарко. Солнце склонялось. Дорога, омоченная утреннимъ дождемъ, не пылила. Телѣжка ровно катилась по мелкому щебню, унося изъ города четырехъ сѣдоковъ; сытая сѣрая лошадка бѣжала, словно не замѣчая ихъ тяжести, и лѣнивый, безмолвный работникъ Игнатій управлялъ ея бѣгомъ при помощи замѣтныхъ лишь опытному взору движеній вожжами.

Передоновъ сидѣлъ рядомъ съ Мартой. Ему расчистили такъ много мѣста, что Мартѣ совсѣмъ неудобно было сидѣть. Но онъ не замѣчалъ этого. А если бы и замѣтилъ, то подумалъ бы, что такъ и должно: вѣдь онъ гость.

Передоновъ чувствовалъ себя очень пріятно. Онъ рѣшилъ поговорить съ Мартою любезно, пошутить, позабавить ее. Онъ началъ такъ:

— Ну, что, скоро бунтовать будете?

— Зачѣмъ бунтовать?—спросила Марта.

— Вы, поляки, вѣдь все бунтовать собираетесь, да только напрасно.

— Я и не думаю объ этомъ,—сказала Марта,—да и никто у насъ не хочетъ бунтовать.

— Ну да, это вы только такъ говорите, а вы русскихъ ненавидите.

— И не думаемъ,—сказалъ Владя, повертываясь къ Передонову съ передней скамейки, гдѣ сидѣлъ рядомъ съ Игнатіемъ.

— Знаемъ мы, какъ вы не думаете. Только мы вамъ не отдадимъ вашей Польши. Мы васъ завоевали. Мы вамъ сколько благодѣяній сдѣлали, да, видно, какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ.

Марта не возражала. Передоновъ помолчалъ немного и вдругъ сказалъ:

— Поляки—безмозглые.

Марта покраснѣла.

— Всякіе бываютъ и русскіе и поляки, — сказала она.

— Нѣтъ, ужъ это такъ, это вѣрно,—настаивалъ Передоновъ.—Поляки глупые. Только форсу задаютъ. Вотъ жиды,—тѣ умные.

— Жиды—плуты, а вовсе не умные,—сказалъ Владя.

— Нѣтъ, жиды—очень умный народъ. Жидъ русскаго всегда надуетъ, а русскій жида никогда не надуетъ.

— Да и не надо надувать,—сказалъ Владя,—развѣ въ томъ только и умъ, чтобы надувать да плутовать?

Передоновъ сердито глянулъ на Владю.

— А умъ въ томъ, чтобы учиться,—сказалъ онъ,—а вы не учитесь.

Владя вздохнулъ, и опять отвернулся и сталъ смотрѣть на ровный бѣгъ лошади. А Передоновъ говорилъ:

— Жиды во всемъ умные, и въ ученьѣ, и во всемъ. Если бы жидовъ пускали въ профессора, то всѣ профессора изъ жидовъ были бы. А польки всѣ неряхи.

Онъ посмотрѣлъ на Марту и, съ удовольствіемъ замѣтивъ, что она сильно покраснѣла, сказалъ изъ любезности:

— Да вы не думайте, я не про васъ говорю. Я знаю, что вы будете хорошая хозяйка.

— Всѣ польки—хорошія хозяйки,—отвѣтила Марта.

— Ну, да,—возразилъ Передоновъ,—хозяйки, сверху чисто, а юбки грязныя. Ну да зато у

васъ Мицкевичъ былъ. Онъ выше нашего Пушкина. Онъ у меня на стѣнѣ виситъ. Прежде тамъ Пушкинъ висѣлъ, да я его въ сортиръ вынесъ,—онъ камеръ-лакеемъ былъ.

— Вѣдь вы русскій,—сказалъ Владя,—что жъ вамъ нашъ Мицкевичъ? Пушкинъ—хорошій, и Мицкевичъ—хорошій.

— Мицкевичъ—выше, — повторилъ Передоновъ.—Русскіе—дурачье. Одинъ самоваръ изобрѣли, а больше ничего.

Передоновъ посмотрѣлъ на Марту, сощурилъ глаза, и сказалъ:

— У васъ много веснушекъ. Это некрасиво.

— Что жъ дѣлать?—улыбаясь промолвила Марта.

— И у меня веснушки,—сказалъ Владя, поворачиваясь на своемъ узенькомъ сидѣньѣ, и задѣвая безмолвнаго Игнатія.

— Вы мальчикъ,—сказалъ Передоновъ,—это ничего, мужчинѣ красота не нужна, а вотъ у васъ,—продолжалъ онъ, оборачиваясь къ Мартѣ,—нехорошо. Этакъ васъ никто и замужъ не возьметъ. Надо огуречнымъ разсоломъ лицо мыть.

Марта поблагодарила за совѣтъ.

Владя, улыбаясь, смотрѣлъ на Передонова.

— Вы что улыбаетесь? — сказалъ Передоновъ,—вотъ погодите, пріѣдемъ, такъ будетъ вамъ дера отличная.

Владя, повернувшись на своемъ мѣстѣ, внимательно смотрѣлъ на Передонова, стараясь угадать, шутитъ ли онъ, говоритъ ли взаправду. А Передоновъ не выносилъ, когда на него пристально смотрѣли.

— Что вы на меня глазѣете?—грубо спросилъ онъ.—На мнѣ узоровъ нѣтъ. Или вы сглазить меня хотите?

Владя испугался и отвелъ глаза.

— Извините,—сказалъ онъ робко,—я такъ, не нарочно.

— А вы развѣ вѣрите въ глазъ?—спросила Марта.

— Сглазить нельзя, это суевѣріе,—сердито сказалъ Передоновъ,—а только ужасно невѣжливо уставиться и разсматривать

Нѣсколько минутъ продолжалось неловкое молчаніе.

— Вѣдь вы—бѣдные,— вдругъ сказалъ Передоновъ.

— Да, не богатые,—отвѣтила Марта,—да все-таки ужъ и не такъ бѣдны. У насъ у всѣхъ есть кое-что отложено.

Передоновъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее, и сказалъ:

— Ну, да, я знаю, что вы бѣдные. Босые ежеденкомъ дома ходите.

— Мы это не отъ бѣдности,—живо сказалъ Владя.

— А что же, отъ богатства, что ли?—спросилъ Передоновъ и отрывисто захохоталъ.

— Вовсе не отъ бѣдности,—сказалъ Владя, краснѣя,—это для здоровья очень полезно, закаляетъ здоровье, и пріятно лѣтомъ.

— Ну, это вы врете,—грубо возразилъ Передоновъ.—Богатые босикомъ не ходятъ. У вашего отца много дѣтей, а получаетъ гроши. Сапогъ не накупишься.

VII.

Варвара ничего не знала о томъ, куда отправился Передоновъ. Она провела жестоко безпокойную ночь.

Но и вернувшись утромъ въ городъ, Передоновъ не пошелъ домой, а велѣлъ везти себя въ церковь,—въ это время начиналась обѣдня. Ему казалось теперь опаснымъ не бывать часто въ церкви,—еще донесутъ, пожалуй.

Встрѣтивъ при входѣ въ ограду миловиднаго маленькаго гимназиста съ румянымъ, простодушнымъ лицомъ и непорочными голубыми глазами, Передоновъ сказалъ:

— А, Машенька, здравствуй, раздѣвоня.

Миша Кудрявцевъ мучительно покраснѣлъ. Передоновъ уже нѣсколько разъ дразнилъ его, называя Машенькой,—Кудрявцевъ не понималъ за что, и не рѣшался пожаловаться. Нѣсколько товарищей, глупыхъ малышей, толпившихся тутъ же, засмѣялись на слова Передонова. Имъ тоже весело было дразнить Мишу.

Церковь во имя пророка Иліи, старая, построенная еще при царѣ Михаилѣ, стояла на площади противъ гимназіи. Поэтому, по праздникамъ къ обѣднѣ и всенощной гимназисты обязаны были сюда собираться и стоять съ лѣвой стороны, у придѣла святой Екатерины-великомученицы, рядами, — а сзади помѣщался одинъ изъ помощниковъ классныхъ наставниковъ, для надзора. Тутъ же рядомъ, поближе къ серединѣ храма, становились учителя гимназіи, инспекторъ и директоръ, со своими семьями. Собирались, обыкновенно, почти всѣ православные гимназисты, кромѣ немногихъ, которымъ разрѣшено было посѣщать свои приходскія церкви съ родителями.

Хоръ изъ гимназистовъ пѣлъ хорошо, и потому церковь посѣщалась первогильдейнымъ купечествомъ, чиновниками и помѣщичьими семьями. Простого народа бывало немного, тѣмъ

болѣе, что обѣдню здѣсь служили, сообразно съ желаніемъ директора, позже, чѣмъ въ другихъ церквахъ.

Передоновъ сталъ на привычное свое мѣсто. Пѣвчіе отсюда всѣ были ему видны. Щуря глаза, онъ смотрѣлъ на нихъ, и думалъ, что они стоятъ безпорядочно, и что онъ подтянулъ бы ихъ, если бы онъ былъ инспекторомъ гимназіи. Вотъ смуглый Крамаренко, маленькій, тоненькій, вертлявый,—все оборачивается то туда, то сюда, шепчетъ что-то, улыбается,—и никто-то его не уйметъ. Точно никому и дѣла нѣтъ.

„Безобразіе,—думалъ Передоновъ:—эти пѣвчіе всегда негодяи; у черномазаго мальчишки звонкій, чистый дискантъ,—такъ ужъ онъ думаетъ, что и въ церкви можно шептать и улыбаться".

И хмурился Передоновъ.

Рядомъ съ нимъ сталъ пришедшій попозже инспекторъ народныхъ училищъ, Сергѣй Потаповичъ Богдановъ, старикъ съ коричневымъ глупымъ лицомъ, на которомъ постоянно было такое выраженіе, какъ будто онъ хотѣлъ объяснить кому-то что-то такое, чего еще и самъ никакъ не могъ понять. Никого такъ легко нельзя было удивить или испугать, какъ Богданова: чуть услышитъ что-нибудь новое или тревожное,—и уже лобъ его наморщивается отъ внутренняго болѣзненнаго усилія, и изо рта вылетаютъ безпорядочныя, смятенныя восклицанія.

Передоновъ наклонился къ нему, и сказалъ шопотомъ:

— У васъ учительница одна въ красной рубашкѣ ходитъ.

Богдановъ испугался. Бѣлая еретица его трусливо затряслась на подбородкѣ.

— Что, что вы говорите?—сипло зашепталъ онъ,—кто, кто такая?

— Да вотъ горластая-то, толстуха-то эта, какъ ее, не знаю,—шепталъ Передоновъ.

— Горластая, горластая, — растерянно припоминалъ Богдановъ,—это Скобочкина, да.

— Ну, да,—подтвердилъ Передоновъ.

— А, какъ же, какъ же такъ!—восклицалъ шопотомъ Богдановъ,—Скобочкина, въ красной рубашкѣ, а! Да вы сами видѣли?

— Видѣлъ,—да она, говорятъ, и въ школѣ такъ щеголяетъ. А то и хуже бываетъ,—сарафанъ надѣнетъ, совсѣмъ какъ простая дѣвка ходитъ.

— А, скажите! Надо, надо узнать. Такъ нельзя, нельзя. Уволить за это слѣдуетъ, уволить,—лепеталъ Богдановъ.—Она всегда такая была.

Обѣдня кончилась. Выходили изъ церкви. Передоновъ сказалъ Крамаренку.

— Ты, черпышъ-огарышъ, зачѣмъ въ церкви улыбался? Вотъ погоди, ужо отцу скажу.

Передоновъ говорилъ иногда „ты" гимназистамъ не изъ дворянъ; дворянамъ же онъ всегда говорилъ „вы". Онъ узнавалъ въ канцеляріи, кто какого сословія, и его память цѣпко держалась за эти различія.

Крамаренко посмотрѣлъ на Передонова съ удивленіемъ и молча пробѣжалъ мимо. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ гимназистовъ, которые находили Передонова грубымъ, глупымъ и несправедливымъ, и за то ненавидѣли и презирали его. Такихъ было большинство. Передоновъ думалъ, что это—тѣ, кого директоръ подговариваетъ противъ него, если не самъ, то черезъ сыновей.

Къ Передонову подошелъ—уже за оградой—Володинъ съ радостнымъ хихиканьемъ,—лицо, какъ у именинника, блаженное, котелокъ на затылкѣ, тросточка на перехватъ.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Ардальонъ Борисычъ,—зашепталъ онъ радостно,—я уговорилъ Черепнина, и онъ на-дняхъ вымажетъ Мартѣ дегтемъ ворота.

Передоновъ помолчалъ, соображая что-то, и вдругъ угрюмо захохоталъ. Володинъ такъ же быстро пересталъ осклабляться, принялъ скромный видъ, поправилъ котелокъ и, поглядывая на небо и помахивая тросточкой, сказалъ:

— Хорошая погодка,—а къ вечеру, пожалуй, дождикъ соберется. Ну, и пусть дождичекъ, мы съ будущимъ инспекторомъ дома посидимъ.

— Не очень-то мнѣ дома сидѣть можно,—сказалъ Передоновъ,—у меня нынче дѣла, надо въ городъ ходить.

Володинъ сдѣлалъ понимающее лицо, хотя, конечно, не зналъ, какія это нашлись вдругъ у Передонова дѣла. А Передоновъ думалъ, что ему необходимо будетъ сдѣлать нѣсколько визитовъ. Вчерашняя случайная встрѣча съ жандармскимъ офицеромъ навела его на мысль, которая показалась ему весьма дѣльною: обойти всѣхъ значительныхъ въ городѣ лицъ, и увѣрить ихъ въ своей благонадежности. Если это удастся, тогда, въ случаѣ чего, у Передонова найдутся заступники въ городѣ, которые засвидѣтельствуютъ его правильный образъ мыслей.

— Куда же вы, Ардальонъ Борисычъ?—спросилъ Володинъ, видя, что Передоновъ сворачиваетъ съ того пути, по которому всегда возвращался,—развѣ вы не домой?

— Нѣтъ, я домой—отвѣтилъ Передоновъ,— только я нынче боюсь по той улицѣ ходить.

— Почему же?

— Тамъ дурману много растетъ, и запахъ тяжелый; это на меня сильно дѣйствуетъ, одурманиваетъ. У меня нынче нервы слабы. Все непріятности.

Володинъ опять придалъ своему лицу понимающее и сочувственное выраженіе.

По дорогѣ Передоновъ сорвалъ нѣсколько шишекъ отъ чертополоха, и сунулъ ихъ въ карманъ.

— Это для чего же вы собираете?—осклабясь спросилъ Володинъ.

— Для кота,—хмуро отвѣтилъ Передоновъ.

— Лѣпить въ шкуру будете? — дѣловито освѣдомился Володинъ.

— Да.

Володинъ захихикалъ.

— Вы безъ меня не начинайте, — сказалъ онъ,—занятно.

Передоновъ пригласилъ его зайти сейчасъ, но Володинъ сказалъ, что у него есть дѣло: онъ вдругъ почувствовалъ, что какъ-то неприлично все не имѣть дѣла; слова Передонова о своихъ дѣлахъ подстрекали его, и онъ сообразилъ, что хорошо бы теперь самостоятельно зайти къ барышнѣ Адаменко, и сказалъ ей, что у него есть новые и очень изящные рисунки для рамочекъ, такъ не хочетъ ли она посмотрѣть. Кстати, думалъ Володинъ, Надежда Васильевна угоститъ его кофейкомъ.

Такъ Володинъ и сдѣлалъ. И еще придумалъ одну замысловатую штуку: предложилъ Надеждѣ Васильевнѣ заниматься съ ея братомъ ручнымъ трудомъ. Надежда Васильевна подумала, что

Володинъ нуждается въ заработкѣ, и немедленно согласилась. Условились заниматься три раза въ недѣлю по два часа, за тридцать рублей въ мѣсяцъ. Володинъ былъ въ восторгѣ, — и денежки, и возможность частыхъ встрѣчъ съ Надеждою Васильевною.

Передоновъ вернулся домой, мрачный, какъ всегда. Варвара, блѣдная отъ безсонной ночи, заворчала:

— Могъ бы вчера сказать, что не придешь.

Передоновъ, дразня ее, разсказалъ, что ѣздилъ къ Мартѣ. Варвара молчала. У нея въ рукахъ было княгинино письмо. Хоть и поддѣльное, а все-таки...

За завтракомъ она сказала, ухмыляясь:

— Пока ты тамъ возжался съ Мареушкой, здѣсь я безъ тебя отвѣтъ получила отъ княгини.

— А ты развѣ ей писала? — спросилъ Передоновъ.

Лицо его оживилось отблескомъ тусклаго ожиданія.

— Ну вотъ, валяетъ петрушку, — отвѣчала Варвара со смѣхомъ, — вѣдь самъ же велѣлъ написать.

— Ну, что же она пишетъ? — спросилъ Передоновъ тревожно.

— Вотъ письмо, читай самъ.

Варвара порылась въ карманахъ, словно искала засунутое куда-то письмо, потомъ достала его, и подала Передонову. Онъ оставилъ ѣду, и съ жадностью накинулся на письмо. Прочелъ, и обрадовался. Вотъ, наконецъ, ясное и положительное обѣщаніе. Никакихъ сомнѣній у него не явилось. Онъ наскоро кончилъ завтракъ,

и пошелъ показывать письмо знакомымъ и пріятелямъ.

Угрюмо-одушевленный, онъ быстро вошелъ въ Вершинскій садъ. Вершина, какъ почти всегда, стояла у калитки, и курила. Она обрадовалась: раньше его надо было заманивать, теперь самъ зашелъ. Вершина подумала:

„Вотъ что значитъ проѣхался-то съ барышней, побылъ съ нею, — вотъ и прибѣжалъ! Ужъ не хочетъ ли свататься?“ тревожно и радостно думала она.

Передоновъ тотчасъ же разочаровалъ ее, — показалъ письмо.

— Вотъ вы все сомнѣвались, — сказалъ онъ, — а вотъ сама княгиня пишетъ. Вотъ почитайте, сами увидите.

Вершина недовѣрчиво посмотрѣла на письмо, быстро нѣсколько разъ пыхнула на него табачнымъ дымомъ, криво усмѣхнулась, и спросила тихо и быстро:

— А гдѣ же конвертъ?

Передоновъ вдругъ испугался. Онъ подумалъ, что Варвара могла и обмануть его письмомъ, — взяла да сама написала. Надо потребовать отъ нея конвертъ, какъ можно скорѣе.

— Я не знаю, — сказалъ онъ, — надо спросить.

Онъ поспѣшно простился съ Вершиною, и быстро пошелъ назадъ, къ своему дому. Необходимо было какъ можно скорѣе удостовѣриться въ происхожденіи этого письма, — внезапное сомнѣніе такъ мучительно.

Вершина, стоя у калитки, смотрѣла за нимъ, криво улыбалась, и торопливо дымила папироскою, словно спѣша окончить къ сроку заданный на сегодня урокъ.

Съ испуганнымъ и отчаяннымъ лицомъ Пе-

редоновъ прибѣжалъ домой, и крикнулъ еще въ передней голосомъ, хриплымъ отъ волненія:

— Варвара, гдѣ же конвертъ?

— Какой конвертъ?—спросила Варвара дрогнувшимъ голосомъ.

Она смотрѣла на Передонова нахально, но покраснѣла бы, если бы не была раскрашена.

— Конвертъ, отъ княгини, что письмо сегодня принесли,—объяснилъ Передоновъ, испуганно и злобно глядя на Варвару.

Варвара напряженно засмѣялась.

— Вотъ, я сожгла, на что мнѣ его?—сказала она.—Что же, собирать, что ли, конверты, коллекцію составлять? Такъ вѣдь денегъ за конверты не платятъ. Это только за бутылки въ кабакѣ деньги назадъ даютъ.

Передоновъ, мрачный, ходилъ по горницамъ, и ворчалъ:

— Княгини тоже бываютъ всякія. Знаемъ мы. Можетъ быть, эта здѣсь живетъ княгиня.

Варвара притворялась, что не догадывается о его подозрѣніяхъ, но жестоко трусила.

Когда къ вечеру Передоновъ проходилъ мимо Вершинскаго сада, Вершина остановила его.

— Нашли конвертъ?—спросила она.

— Да Варя говоритъ, что сожгла его,—отвѣтилъ Передоновъ.

Вершина засмѣялась, и бѣлыя тонкія облачка отъ табачнаго дыма заколебались передъ нею въ тихомъ и нежаркомъ воздухѣ.

— Странно,—сказала она,—какъ это такъ ваша сестрица неосторожна,—дѣловое письмо, и вдругъ безъ конверта! Все-жъ таки по штемпелю видно было бы, когда послали письмо и откуда.

Передоновъ жестоко досадовалъ. Напрасно Вершина звала его зайти въ садъ, напрасно обѣщала погадать на картахъ, — Передоновъ ушелъ.

Но все же онъ показывалъ пріятелямъ это письмо, и хвастался. И пріятели вѣрили.

А Передоновъ не зналъ, вѣрить или не вѣрить. На всякій случай рѣшился онъ со вторника начать оправдательныя свои посѣщенія къ значительнымъ въ городѣ особамъ. Съ понедѣльника нельзя,—тяжелый день.

VIII.

Какъ только Передоновъ ушелъ играть на билліардѣ, Варвара поѣхала къ Грушиной. Долго онѣ толковали, и, наконецъ, рѣшили поправить дѣло вторымъ письмомъ. Варвара знала, что у Грушиной есть знакомые въ Петербургѣ. При ихъ посредствѣ не трудно переслать туда и обратно письмо, которое изготовятъ здѣсь.

Грушина, какъ и первый разъ, долго и притворно отказывалась.

— Ой, голубушка Варвара Дмитріевна,—говорила она,—я и отъ одного-то письма вся дрожу, все боюсь. Увижу пристава близко дома,—такъ вся и сомлѣю,—думаю,—за мной идутъ, въ тюрьму сажать хотятъ.

Битый часъ уговаривала ее Варвара, насулила подарковъ, дала впередъ немного денегъ. Наконецъ, Грушина согласилась. Рѣшили сдѣлать такъ: сначала Варвара скажетъ, что написала княгинѣ отвѣтъ, благодарность. Потомъ черезъ нѣсколько дней придетъ письмо, будто бы опять отъ княгини. Въ томъ письмѣ еще опредѣленнѣе

будетъ написано, что есть мѣста въ виду, что если скоро повѣнчается, то теперь же можно будетъ одно изъ нихъ выхлопотать Передонову. Это письмо напишетъ здѣсь Грушина, какъ и первое,—запечатаютъ его, налѣпятъ марку въ семь копѣекъ, Грушина вложитъ его въ письмо своей подругѣ, а та въ Петербургѣ опуститъ его въ почтовый ящикъ.

И вотъ Варвара и Грушина пошли въ лавочку на самый дальній конецъ города, и купили тамъ пачку конвертовъ, узкихъ, съ цвѣтнымъ подбоемъ, и цвѣтной бумаги. Выбрали и бумагу, и конверты такіе, какихъ не осталось больше въ лавкѣ,—предосторожность, придуманная Грушиною для сокрытія поддѣлки. Узкіе конверты выбрали для того, чтобы поддѣланное письмо легко входило въ другое.

Вернувшись домой, къ Грушиной, сочинили и письмо отъ княгини. Когда, черезъ два дня, письмо было готово, его надушили шипромъ. Остальные конверты и бумагу сожгли, чтобы не осталось уликъ.

Грушина написала своей подругѣ, въ какой именно день опустить письмо, — разсчитали, чтобы оно пришло въ воскресенье: тогда почтальонъ принесетъ его при Передоновѣ, и это будетъ лишнимъ доказательствомъ неподдѣльности письма.

Во вторникъ Передоновъ постарался пораньше вернуться изъ гимназіи. Случай ему помогъ: послѣдній урокъ его былъ въ классѣ, дверь котораго выходила въ коридоръ близъ того мѣста, гдѣ висѣли часы и бодрствовалъ трезвонящій въ положенные сроки сторожъ, бравый запасный унтеръ-офицеръ. Передоновъ послалъ сторожа въ учительскую за клас-

снымъ журналомъ, а самъ переставилъ часы на четверть часа впередъ, — никто этого не замѣтилъ.

Дома Передоновъ отказался отъ завтрака, и сказалъ, чтобы обѣдъ сдѣлали позже, — ему-де нужно ходить по дѣламъ.

— Путаютъ, путаютъ, а я распутывай, — сердито сказалъ онъ, думая о козняхъ, которыя строятъ ему враги.

Надѣлъ мало употребляемый имъ фракъ, въ которомъ уже было ему тѣсно и неловко: тѣло съ годами добрѣло, фракъ садился. Досадовалъ, что нѣтъ ордена. У другихъ есть,—даже у Фаластова изъ городского училища есть,—а у него нѣтъ. Все директоровы штуки: ни разу не хотѣлъ представить. Чины идутъ, этого директоръ не можетъ отнять,—да что въ нихъ, коли никто не видитъ. Ну, да вотъ при новой формѣ будетъ видно. Хорошо, что тамъ погоны будутъ по чину, а не по классу должности. Это важно будетъ,—погоны, какъ у генерала, и одна большая звѣздочка. Сразу всякій увидитъ, что идетъ по улицѣ статскій совѣтникъ.

„Надо поскорѣе заказать новую форму“, думалъ Передоновъ.

Онъ вышелъ на улицу, и только тогда сталъ думать, съ кого бы начать.

Кажется, самые необходимые въ его положеніи люди—исправникъ и прокуроръ окружного суда. Съ нихъ бы и слѣдовало начать. Или съ предводителя дворянства. Но начинать съ нихъ Передонову стало страшно. Предводитель Верига — генералъ, мѣтитъ въ губернаторы. Исправникъ, прокуроръ, — это страшные представители полиціи и суда.

„Для начала, думалъ Передоновъ, надо выбрать

начальство попроще, и тамъ осмотрѣться, принюхаться, — видно будетъ, какъ относятся къ нему, что о немъ говорятъ". Поэтому, рѣшилъ Передоновъ, всего умнѣе начать съ городского головы. Хотя онъ купецъ и учился всего только въ уѣздномъ училищѣ, но все же онъ вездѣ бываетъ, и у него всѣ бываютъ, и онъ пользуется въ городѣ уваженіемъ, а въ другихъ городахъ и даже въ столицѣ у него есть знакомые, довольно важные.

И Передоновъ рѣшительно направился къ дому городского головы.

Погода стояла пасмурная. Листья съ деревьевъ падали покорные, усталые. Передонову было немного страшно.

Въ домѣ у городского головы пахло недавно натертыми паркетными полами и еще чѣмъ-то, еле замѣтно, пріятно-съѣстнымъ. Было тихо и скучно. Дѣти хозяиновы, сынъ гимназистъ и дѣвочка подростокъ,—„она у меня подъ гувернанткой ходитъ", говорилъ отецъ,—чинно пребывали въ своихъ покояхъ. Тамъ было уютно, покойно и весело, окна смотрѣли въ садъ, мебель стояла удобная, игры разнообразныя въ горницахъ и въ саду, дѣтскіе звенѣли голоса.

Въ лицевыхъ же на улицу покояхъ верхняго жилья, тамъ, гдѣ принимались гости, все было вытянуто и жестко. Мебель краснаго дерева словно была увеличена во много разъ по образцу игрушечной. Обыкновеннымъ людямъ на ней сидѣть было неудобно,—сядешь, словно на камень повалишься. А грузный хозяинъ—ничего, сядетъ, примнетъ себѣ мѣсто, и сидитъ съ удобствомъ. Навѣщавшій голову почасту архимандритъ подгороднаго монастыря называлъ эти кресла и диваны душеспасительными, на что голова отвѣчалъ:

— Да, не люблю я этихъ дамскихъ нѣжностей, какъ въ иномъ домѣ, сядешь на пружины и затрясешься,—самъ трясешься, и мебель трясется,—что тутъ хорошаго? А, впрочемъ, и доктора мягкой мебели не одобряютъ.

Городской голова, Яковъ Аникіевичъ Скучаевъ, встрѣтилъ Передонова на порогѣ своей гостиной. Это былъ мужчина толстый, высокій, черноволосый, коротко стриженый; держался онъ съ достоинствомъ и любезностью, не чуждой нѣкоторой презрительности въ отношеніи къ людямъ малоденежнымъ.

Усѣвшись торчкомъ въ широкомъ креслѣ, и отвѣтивъ на первые любезные хозяиновы вопросы, Передоновъ сказалъ:

— А я къ вамъ по дѣлу.

— Съ удовольствіемъ. Чѣмъ могу служить?— любезно освѣдомился хозяинъ.

Въ хитрыхъ черныхъ глазахъ его вспыхнулъ презрительный огонекъ. Онъ думалъ, что Передоновъ пришелъ просить денегъ въ долгъ, и рѣшилъ, что больше полутораста рублей не дастъ. Многіе въ городѣ чиновники должны были Скучаеву болѣе или менѣе значительныя суммы. Скучаевъ никогда не напоминалъ о возвратѣ долга, но зато не оказывалъ дальнѣйшаго кредита неисправнымъ должникамъ. Въ первый же разъ онъ давалъ охотно, по мѣрѣ своей свободной наличности и состоятельности просителя.

— Вы, Яковъ Аникіевичъ, какъ городской голова, первое лицо въ городѣ,—сказалъ Передоновъ,—такъ мнѣ надо поговорить съ вами.

Скучаевъ принялъ важный видъ, и слегка поклонился, сидя въ креслѣ.

— Про меня въ городѣ всякій вздоръ ме-

лютъ, — угрюмо говорилъ Передоновъ, — чего и не было, наплетутъ.

— На чужой ротокъ не накинешь платокъ, — сказалъ хозяинъ, — а впрочемъ, въ нашихъ палестинахъ, извѣстно, кумушкамъ что и дѣлать, какъ не язычки чесать.

— Говорятъ, что я въ церковь не хожу, а это неправда, — продолжалъ Передоновъ, — я хожу. А что на Ильинъ день не былъ, такъ у меня тогда животъ болѣлъ, а то я всегда хожу

— Это точно, — подтвердилъ хозяинъ, — это могу сказать, случалось васъ видѣть. А впрочемъ, вѣдь я не всегда въ вашу церковь хожу. Я больше въ монастырь ѣзжу. Такъ ужъ это у насъ въ роду повелось.

— Всякій вздоръ мелютъ, — говорилъ Передоновъ. — Говорятъ, будто бы я гимназистамъ гадости разсказываю. А это вздоръ. Конечно, иногда разскажешь на урокѣ что-нибудь смѣшное, чтобъ оживить. У васъ у самого сынъ гимназистъ. Вѣдь онъ вамъ ничего такого про меня не разсказывалъ?

— Это точно, — согласился Скучаевъ, — ничего такого не было. А впрочемъ, вѣдь они, мальчишки, прехитрый народъ, — чего не надо, того и не скажутъ. Оно, конечно, мой еще малъ, сболтнулъ бы по глупости, однако, ничего такого не сказывалъ.

— Ну, а въ старшихъ классахъ они сами все знаютъ, — сказалъ Передоновъ, — да я и тамъ худыхъ словъ не говорю.

— Ужъ это такое дѣло, — отвѣчалъ Скучаевъ — извѣстно, гимназія не базарная площадь.

— А у насъ ужъ такой народъ, — жаловался Передоновъ, — того наблекочутъ, чего и не было. Такъ вотъ я къ вамъ, — вы городской голова.

Скучаевъ былъ весьма польщенъ тѣмъ, что къ нему пришли. Онъ не совсѣмъ понималъ, для чего это, и въ чемъ тутъ дѣло, но изъ политики не показывалъ и вида, что не понимаетъ.

— И еще про меня худо говорятъ, — продолжалъ Передоновъ, — что я съ Варварой живу. Говорятъ, что она мнѣ не сестра, а любовница. А она мнѣ, ей-Богу, сестра, только дальняя, четвероюродная, на такихъ можно вѣнчаться. Я съ ней и повѣнчаюсь.

— Такъ-съ, такъ-съ, конечно, — сказалъ Скучаевъ, — а впрочемъ, вѣнецъ дѣлу конецъ.

— А раньше нельзя было, — говорилъ Передоновъ, — у меня важныя причины были. Никакъ нельзя. А я бы давно повѣнчался. Ужъ вы мнѣ повѣрьте.

Скучаевъ пріосанился, нахмурился и, постукивая пальцами, пухлыми и бѣлыми, по темной скатерти на столѣ, сказалъ:

— Я вамъ вѣрю. Если такъ, то это, дѣйствительно, другой разговоръ. Теперь я вамъ вѣрю. А то, признаться сказать, сомнительно было, какъ это вы съ вашей, съ позволенія сказать, подругой не вѣнчавшись живете. Оно сомнительно, знаете, потому,—ребятенки—острый народъ; они перенимаютъ, если что худое. Доброму ихъ трудно научить, а худое само. Такъ оно, точно, сомнительно было. А впрочемъ, кому какое дѣло,—я такъ объ этомъ сужу. А что вы пожаловали, такъ это мнѣ лестно, потому что мы хоть и лыкомъ шиты, дальше уѣзднаго училища свѣту не видали, ну, а все-таки почтенъ довѣріемъ общества, третій срокъ головой хожу, такъ мое слово у господъ горожанъ чего-нибудь да стоитъ.

Скучаевъ говорилъ, и все больше запутывался въ своихъ мысляхъ, и ему казалось, что никогда не кончится ползущая съ его языка канитель. И онъ оборвалъ свою рѣчь, и тоскливо подумалъ:

„А впрочемъ, равно бы изъ пустого въ порожнее переливаемъ. Бѣда съ этими учеными,—думалъ онъ — не поймешь, чего онъ хочетъ. Въ книгахъ-то ему все ясно, ученому человѣку, а вотъ какъ изъ книги носъ вытащитъ, такъ и завязнетъ и другихъ завязитъ".

Онъ съ тоскливымъ недоумѣніемъ уставился на Передонова, острые глаза его потухли, тучное тѣло осунулось, и онъ казался уже не тѣмъ бодрымъ дѣятелемъ, какъ давеча, а просто глуповатымъ старикомъ.

Передоновъ тоже помолчалъ немного, какъ бы завороженный хозяиновыми словами, потомъ сказалъ, щуря глаза съ неопредѣленно-хмурымъ выраженіемъ:

— Вы—городской голова, такъ вы можете сказать, что все это вздоръ.

— То-есть, это насчетъ чего же?—осторожно освѣдомился Скучаевъ.

— А вотъ,—объяснилъ Передоновъ, — если въ округѣ донесутъ, что я въ церковь не хожу, или тамъ другое что, такъ вотъ, если пріѣдутъ и спрашивать будутъ.

— Это мы можемъ, —сказалъ голова, —это ужъ вы, во всякомъ случаѣ, будьте благонадежны. Если что, такъ ужъ мы за васъ постоимъ,—отчего же за хорошаго человѣка слова не замолвить. Хоть адресъ вамъ отъ думы поднесемъ, если понадобится. Это мы все можемъ. Или, примѣрно, званіе почетнаго гражданина, - отчего же, понадобится, все можно.

— Такъ ужъ я буду на васъ надѣяться,— сказалъ Передоновъ угрюмо, какъ бы отвѣчая на что-то не совсѣмъ пріятное для него,— а то директоръ все меня притѣсняетъ.

— С-съ, скажите! — воскликнулъ Скучаевъ, съ соболѣзнованіемъ покачивая головой, — не иначе, какъ такъ надо полагать, что по наговорамъ. Николай Власьевичъ, кажется, основательный господинъ, даромъ никого не обидитъ. Какъ же, по сыну вижу. Серьезный господинъ, строгій, поблажки не даетъ, и различекъ не дѣлаетъ, одно слово, основательный господинъ. Не иначе, что по наговорамъ. Съ чего же у васъ съ нимъ контры?

— Мы съ нимъ во взглядахъ не сходимся, — объяснилъ Передоновъ.—И у меня въ гимназіи есть завистники. Всѣ хотятъ быть инспекторами. А мнѣ княгиня Волчанская обѣщала выхлопотать инспекторское мѣсто. Вотъ они и злятся отъ зависти.

— Такъ-съ, такъ-съ, — осторожно сказалъ Скучаевъ. — А, впрочемъ, что же это мы сухопутный разговоръ дѣлаемъ. Надо закусить да выпить.

Скучаевъ нажалъ пуговку электрическаго звонка около висячей лампы.

— Удобная штука, — сказалъ онъ Передонову.—А вамъ бы въ другое вѣдомство перейти слѣдовало. Вы намъ, Дашенька, соберите,—сказалъ онъ вошедшей на звонокъ миловидной дѣвицѣ атлетическаго сложенія,—закусочки какой-нибудь, да кофейку, горяченькаго, понимаете?

— Слушаю,—отвѣтила Дашенька, улыбаясь, и ушла, ступая удивительно, по ея сложенію, легко.

— Въ другое вѣдомство, — опять обратился

Скучаевъ къ Передонову. — Хотя бы въ духовное, напримѣръ. Если взять духовный санъ, то священникъ изъ васъ вышелъ бы серьезный, обстоятельный. Я могу посодѣйствовать. У меня есть преосвященные хорошіе знакомые.

Скучаевъ назвалъ нѣсколько епархіальныхъ и викарныхъ епископовъ.

— Нѣтъ, я не хочу въ попы, — отвѣчалъ Передоновъ, — я ладану боюсь. Меня тошнитъ отъ ладана, и голова болитъ.

— Въ такомъ разѣ въ полицію тоже хорошо,—совѣтовалъ Скучаевъ.—Поступите, напримѣръ, въ становые. На васъ, позвольте узнать, какой чинъ?

— Я статскій совѣтникъ, — важно сказалъ Передоновъ.

-- Вотъ какъ! — воскликнулъ Скучаевъ, — скажите, какіе вамъ большіе чины даютъ. И это за то, что ребятъ обучаете? Скажите, что значитъ наука! А, впрочемъ, хотя по нынѣшнимъ временамъ иные господа нападаютъ на науку, а безъ науки не проживешь. Вотъ я самъ хоть только въ уѣздномъ учился, а сына въ университетъ направляю. Черезъ гимназію, извѣстно, почти силкомъ ведешь, прутомъ, а тамъ и самъ пойдетъ. Я его, знаете, сѣчь никогда не сѣку, а только какъ залѣнится, или такъ въ чемъ проштрафится, возьму за плечи, подведу къ окну,—тамъ у насъ въ саду березы стоятъ. Покажу ему березу,—это, говорю, видишь? Вижу, папенька, вижу, говоритъ, больше не буду. И точно, помогаетъ, заправится мальчуганъ, будто его и на самомъ дѣлѣ постегали. Охъ, дѣти, дѣти!—вздыхая, закончилъ Скучаевъ.

У Скучаева Передоновъ просидѣлъ часа два. Послѣ дѣлового разговора послѣдовало обильное угощеніе.

Скучаевъ угощалъ, — какъ и все, что дѣлалъ,—весьма степенно, словно важнымъ дѣломъ занимался. Притомъ онъ старался дѣлать это съ какими-нибудь хитрыми колѣнцами. Подавали глинтвейнъ въ большихъ стаканахъ, совсѣмъ какъ кофе, и хозяинъ называлъ его кофейкомъ. Рюмки для водки подали съ отбитыми и обточенными донышками, чтобъ ихъ нельзя было поставить на столъ.

— Это у меня называется: налей да выпей,— объяснилъ хозяинъ.

Пришелъ еще купецъ Тишковъ, сѣдой, низенькій, веселый и молодцоватый, въ длинномъ сюртукѣ и сапогахъ бутылками. Онъ пилъ много водки, говорилъ подъ риѳму всякій вздоръ очень весело и быстро и, очевидно, былъ весьма доволенъ собою.

Передоновъ сообразилъ, наконецъ, что пора итти домой, и сталъ прощаться.

— Не торопитесь,—говорилъ хозяинъ,—посидите.

— Посидите, компанію поддержите,— сказалъ Тишковъ.

— Нѣтъ, мнѣ пора,—отвѣчалъ озабоченно Передоновъ.

— Ему пора, ждетъ сестра,—сказалъ Тишковъ и подмигнулъ Скучаеву.

— У меня дѣла,—сказалъ Передоновъ.

— У кого дѣла, тому отъ насъ хвала,—немедленно же отвѣчалъ Тишковъ.

Скучаевъ проводилъ Передонова до передней. На прощанье обнялись и поцѣловались. Передоновъ остался доволенъ этимъ посѣщеніемъ.

Голова за меня, увѣренно думалъ онъ.

Вернувшись къ Тишкову, Скучаевъ сказалъ:

— Зря болтаютъ на человѣка.

— Зря болтаютъ, правды не знаютъ,—тотчасъ же подхватилъ Тишковъ, молодцовато наливая себѣ рюмку англійской горькой.

Видно было, что онъ не думаетъ о томъ, что ему говорятъ, а только ловитъ слова для риѳмованія.

— Онъ ничего, парень душевный, и выпить не дуракъ,—продолжалъ Скучаевъ, наливая и себѣ, и не обращая вниманіе на риѳмачество Тишкова.

— Если выпить не дуракъ, значитъ парень такъ и сякъ,—бойко крикнулъ Тишковъ и опрокинулъ рюмку въ ротъ.

— А что съ мамзелью вяжется, такъ это что же!—говорилъ Скучаевъ.

— Отъ мамзели клопы въ постели,—отвѣтилъ Тишковъ.

— Кто Богу не грѣшенъ, царю не виноватъ!

— Всѣ грѣшимъ, всѣ любить хотимъ.

— А онъ хочетъ грѣхъ вѣнцомъ прикрыть.

— Грѣхъ вѣнцомъ прикроютъ, подерутся и завоютъ.

Такъ разговаривалъ Тишковъ всегда, если рѣчь шла не о дѣлѣ его собственномъ. Онъ бы смертельно надоѣлъ всѣмъ, но къ нему привыкли, и уже не замѣчали его бойко произносимыхъ скороговорокъ; только на свѣжаго человѣка иногда напустятъ его. Но Тишкову было все равно, слушаютъ его или нѣтъ; онъ не могъ не схватывать чужихъ словъ для риѳмачества, и дѣйствовалъ съ неуклонностью хитро придуманной машинки-докучалки. Долго глядя на его расторопныя, отчетливыя движенія, можно было подумать, что это не живой человѣкъ, что онъ

уже умеръ, или и не жилъ никогда, и ничего не видитъ въ живомъ мірѣ, и не слышитъ ничего, кромѣ звенящихъ мертво словъ.

IX.

На другой день Передоновъ пошелъ къ прокурору Авиновицкому.

Опять была пасмурная погода. Вѣтеръ налеталъ порывами, и несъ по улицамъ пыльные вихри. Близился вечеръ, и все освѣщено было просѣяннымъ сквозь облачный туманъ, печальнымъ, какъ бы не солнечнымъ, свѣтомъ. Тоскою вѣяло затишье на улицахъ, и казалось, что ни къ чему возчикли эти жалкія зданія, безнадежно-обветшалыя, робко намекающія на таящуюся въ ихъ стѣнахъ нищую и скучную жизнь. Люди попадались,—и шли они медленно, словно ничто ни къ чему ихъ не побуждало, словно едва одолѣвали они клонящую ихъ къ успокоенію дремоту. Только дѣти, вѣчные, неустанные сосуды Божьей радости надъ землею, были живы и бѣжали, и играли, — но уже и на нихъ налегала косность, и какое-то безликое и незримое чудище, угнѣздясь за ихъ плечьми, заглядывало порою глазами, полными угрозъ, на ихъ внезапно тупѣющія лица.

Среди этого томленія на улицахъ и въ домахъ, подъ этимъ отчужденіемъ съ неба, по нечистой и безсильной землѣ, шелъ Передоновъ, и томился неясными страхами,—и не было для него утѣшенія въ возвышенномъ и отрады въ земномъ, — потому что и теперь, какъ всегда, смотрѣлъ онъ на міръ мертвенными глазами, какъ нѣкій демонъ, томящійся въ мрачномъ одиночествѣ страхомъ и тоскою.

Его чувства были тупы, и сознаніе его было растлѣвающимъ и умертвляющимъ аппаратомъ. Все доходящее до его сознанія претворялось въ мерзость и грязь. Въ предметахъ ему бросались въ глаза неисправности, и радовали его. Когда онъ проходилъ мимо прямостоящаго и чистаго столба, ему хотѣлось покривить его или испакостить. Онъ смѣялся отъ радости, когда при немъ что-нибудь пачкали. Чисто вымытыхъ гимназистовъ онъ презиралъ и преслѣдовалъ. Онъ называлъ ихъ ласкомойками. Неряхи были для него понятнѣе. У него не было любимыхъ предметовъ, какъ не было любимыхъ людей, — и потому природа могла только въ одну сторону дѣйствовать на его чувства, только угнетать ихъ. Также и встрѣчи съ людьми. Особенно съ чужими и незнакомыми, которымъ нельзя сказать грубость. Быть счастливымъ для него значило ничего не дѣлать и, замкнувшись отъ міра, ублажать свою утробу.

А вотъ теперь приходится поневолѣ, — думалъ онъ,—итти и объясняться. Какая тягость! Какая докука! И еще если бы можно было напакостить тамъ, куда онъ идетъ, а то нѣтъ ему и этого утѣшенія.

Прокуроровъ домъ усилилъ и опредѣлилъ въ Передоновѣ его тягостныя настроенія въ чувствѣ тоскливаго страха. И точно, этотъ домъ имѣлъ сердитый, злой видъ. Высокая крыша хмуро опускалась надъ окнами, пригнетенными къ землѣ. И дощатая обшивка, и крыша были когда-то выкрашены ярко и весело, но отъ времени и дождей окраска стала хмурой и сѣрой. Ворота, громадныя и тяжелыя, выше самого дома, какъ бы приспособленныя для отраженія вражьихъ нападеній, постоянно были на запорѣ. За ними

гремѣла цѣпь, и глухимъ басомъ лаяла собака на каждаго прохожаго.

Кругомъ тянулись пустыри, огороды, кривились лачуги какія-то. Противъ прокуророва дома—длинная шестиугольная площадь, посерединѣ углубленная, заросшая травой, вся немощеная. У самаго дома торчалъ фонарный столбъ, единственный на всей площади.

Передоновъ медленно, неохотно поднялся по четыремъ пологимъ ступенькамъ на крыльцо, покрытою дощатою двускатною кровелькою, и взялся за почернѣлую мѣдную ручку отъ звонка. Звонокъ раздался гдѣ-то близко, съ рѣзкимъ и продолжительнымъ дребезжаніемъ. Невдолгѣ послышались крадущіеся шаги. Кто-то подошелъ къ двери на ципочкахъ, и остановился тамъ тихо-тихо. Должно быть, смотрѣлъ въ какую-нибудь незамѣтную щель. Потомъ загремѣлъ желѣзный крюкъ, дверь открылась,—на порогѣ стояла черноволосая, угрюмая, рябая дѣвица съ подозрительно-озирающими все глазами.

— Вамъ кого?—спросила она.

Передоновъ сказалъ, что пришелъ къ Александру Алексѣевичу по дѣлу. Дѣвица его впустила. Переступая порогъ, Передоновъ зачурался про себя. И хорошо, что поспѣшилъ: не успѣлъ еще онъ снять пальто, какъ уже въ гостиной послышался рѣзкій, сердитый голосъ Авиновицкаго. Голосъ у прокурора всегда былъ устрашающій,—иначе онъ и не говорилъ. Такъ и теперь, сердитымъ и бранчивымъ голосомъ онъ еще изъ гостиной кричалъ привѣтствія и выраженія радости по тому поводу, что наконецъ-то Передоновъ собрался къ нему.

Александръ Алексѣевичъ Авиновицкій былъ мужчина мрачной наружности, какъ бы ужъ

отъ природы приспособленный для того, чтобы распекать и разносить. Человѣкъ несокрушимаго здоровья,—онъ купался ото льда до льда,—казался онъ, однако, худощавымъ, такъ сильно заросъ онъ бородою, черною, съ синеватымъ отливомъ. Онъ на всѣхъ наводилъ если не страхъ, то чувство неловкости, потому что, не уставая, кого-нибудь громилъ, кому-нибудь грозилъ Сибирью да каторгой.

— Я по дѣлу,—сказалъ Передоновъ смущенно.

— Съ повинной? человѣка убили? поджогъ устроили? почту ограбили?—сердито закричалъ Авиновицкій, пропуская Передонова въ залъ.— Или сами стали жертвой преступленія, что болѣе чѣмъ возможно въ нашемъ городѣ? Городъ у насъ скверный, а полиція въ немъ еще хуже. Удивляюсь еще я, отчего на этой вотъ площади каждое утро мертвыя тѣла не валяются. Ну-съ, прошу садиться. Такъ какое же дѣло? преступникъ вы или жертва?

— Нѣтъ,—сказалъ Передоновъ,—я ничего такого не сдѣлалъ. Это директоръ радъ бы меня упечь, а я ничего такого.

— Такъ вы повинной не приносите?—спросилъ Авиновицкій.

— Нѣтъ, я ничего такого,—боязливо бормоталъ Передоновъ.

— Ну, а если вы ничего такого,—со свирѣпыми удареніями на словахъ сказалъ прокуроръ,—такъ я вамъ предложу чего-нибудь этакого.

Онъ взялъ со стола колокольчикъ, и позвонилъ. Никто не шелъ. Авиновицкій схватилъ колокольчикъ въ обѣ руки, поднялъ неистовый трезвонъ, потомъ бросилъ колокольчикъ на

полъ, застучалъ ногами, и закричалъ дикимъ голосомъ:

— Маланья! Маланья! черти, дьяволы, лѣшіе!

Послышались неторопливые шаги, вошелъ гимназистъ, сынъ Авиновицкаго, черноволосый коренастый мальчикъ, лѣтъ тринадцати, съ весьма увѣренными и самостоятельными повадками. Онъ поклонился Передонову, поднялъ колокольчикъ, поставилъ его на столъ, и уже потомъ сказалъ спокойно:

— Маланья на огородъ пошла.

Авиновицкій мгновенно успокоился, и, глядя на сына съ нѣжностью, столь не идущею къ его обросшему и сердитому лицу, сказалъ:

— Такъ ты, сынокъ, добѣги до нея, скажи, чтобъ она собрала намъ выпить и закусить.

Мальчикъ неторопливо пошелъ изъ горницы. Отецъ смотрѣлъ за нимъ съ горделивою и радостною улыбкою. Но, уже когда мальчикъ былъ въ дверяхъ, Авиновицкій вдругъ свирѣпо нахмурился и закричалъ страшнымъ голосомъ такъ, что Передоновъ вздрогнулъ:

— Живо!

Гимназистъ побѣжалъ, и слышно стало, какъ захлопали стремительно открытыя и съ трескомъ закрытыя двери. Отецъ послушалъ, радостно улыбнулся толстыми, красными губами, потомъ опять заговорилъ сердитымъ голосомъ:

— Наслѣдникъ. Хорошъ, а? Что изъ него будетъ, а? Какъ вы полагаете? Дуракомъ можетъ быть, но подлецомъ, трусомъ, тряпкой— никогда.

— Да, чтожъ,—пробормоталъ Передоновъ.

— Нынче люди пошли—пародія на человѣческую породу,—гремѣлъ Авиновицкій.—Здоровье пошлостью считаютъ. Нѣмецъ фуфайку

выдумалъ. Я бы этого нѣмца въ каторжныя работы послалъ. Вдругъ бы на моего Владиміра фуфайку! Да онъ у меня въ деревнѣ все лѣто сапогъ ни разу не надѣлъ, а ему фуфайку! Да онъ у меня изъ бани на морозъ нагишомъ выбѣжитъ, да на снѣгу поваляется, а ему фуфайку! Сто плетей проклятому нѣмцу!

Отъ нѣмца, выдумавшаго фуфайку, перешелъ Авиновицкій къ другимъ преступникамъ.

— Смертная казнь, милостивый государь, не варварство!—кричалъ онъ.—Наука признала, что есть врожденные преступники. Этимъ, батенька, все сказано. Ихъ истреблять надо, а не кормить на государственный счетъ. Онъ злодѣй, а ему на всю жизнь обезпеченъ теплый уголъ въ каторжной тюрьмѣ. Онъ убилъ, поджогъ, растлилъ, а плательщикъ налоговъ отдувается своимъ карманомъ на его содержаніе. Нѣтъ-съ, вѣшать много справедливѣе и дешевле.

Въ столовой накрытъ былъ круглый столъ бѣлою, съ красною каемкою скатертью, и на немъ разставлены тарелки съ жирными колбасами и другими снѣдями, солеными, копчеными, маринованными, и графины и бутылки разныхъ калибровъ и формъ со всякими водками, настойками и наливками. Все было по вкусу для Передонова, и даже нѣкоторая неряшливость убранства была ему мила.

Хозяинъ продолжалъ громить. По поводу съѣстного обрушился на лавочниковъ, а затѣмъ заговорилъ почему-то о наслѣдственности.

— Наслѣдственность великое дѣло!—свирѣпо кричалъ онъ. — Изъ мужиковъ въ баре выво-

дить—глупо, смѣшно, нерасчетливо и безнравственно. Земля скудѣетъ, города наполняются золоторотцами, неурожаи, невѣжество, самоубійства,—это вамъ нравится? Учите мужика, сколько хотите, но не давайте ему чиновъ за это. А то крестьянство теряетъ лучшихъ членовъ, и вѣчно останется чернью, быдломъ, а дворянство тоже терпитъ ущербъ отъ прилива некультурныхъ элементовъ. У себя въ деревнѣ онъ былъ лучше другихъ, а въ дворянское сословіе онъ вноситъ что-то грубое, нерыцарское, неблагородное. На первомъ планѣ у него нажива, утробные интересы. Нѣтъ-съ, батенька, касты были мудрое устройство.

— Да, вотъ и у насъ въ гимназіи директоръ всякую шушеру пускаетъ,—сердито сказалъ Передоновъ,—даже есть крестьянскія дѣти, а мѣщанъ даже много.

— Хорошее дѣло, нечего сказать!—крикнулъ хозяинъ.

— Есть циркуляръ, чтобъ всякой швали не пускать, а онъ по своему,—жаловался Передоновъ—почти никому не отказываетъ. У насъ, говоритъ, дешевая жизнь въ городѣ, а гимназистовъ, говоритъ, и такъ мало. Чтожъ что мало? И еще бы пусть было меньше. А то однѣхъ тетрадокъ не напоправляешься. Книги некогда прочесть. А они нарочно въ сочиненіяхъ сомнительныя слова пишутъ,—все съ Гротомъ приходится справляться.

— Выпейте ерофеичу,—предложилъ Авиновицкій.—Какое же у васъ до меня дѣло?

— У меня враги есть,—пробормоталъ Передоновъ, уныло разсматривая рюмку съ желтою водкою, прежде чѣмъ выпить ее.

— Безъ враговъ свинья жила,—отвѣчалъ

Авиновицкій,—да и ту зарѣзали. Кушайте, хорошая была свинья.

Передоновъ взялъ кусокъ ветчины, и сказалъ

— Про меня распускаютъ всякую ерунду.

— Да, ужъ могу сказать, по части сплетенъ хуже нѣтъ города! — свирѣпо закричалъ хозяинъ. — Ужъ и городъ! Какую гадость ни сдѣлай, сейчасъ всѣ свиньи о ней захрюкаютъ.

— Мнѣ княгиня Волчанская обѣщала инспекторское мѣсто выхлопотать, а тутъ вдругъ болтаютъ. Это мнѣ повредить можетъ. А все изъ зависти. То же и директоръ, распустилъ гимназію. — гимназисты, которые на квартирахъ живутъ, курятъ, пьютъ, ухаживаютъ за гимназистками. Да и здѣшніе такіе есть. Самъ распустилъ, а вотъ меня притѣсняетъ. Ему, можетъ быть, наговорили про меня. А тамъ и дальше пойдутъ наговаривать. До княгини дойдетъ.

Передоновъ длинно и нескладно разсказывалъ о своихъ опасеніяхъ. Авиновицкій слушалъ сердито, и по временамъ восклицалъ гнѣвно:

— Мерзавцы! Шельмецы! Иродовы дѣти!

— Какой же я нигилистъ?—говорилъ Передоновъ — даже смѣшно. У меня есть фуражка съ кокардою, а только я ее не всегда надѣваю,—такъ и онъ шляпу носитъ. А что у меня Мицкевичъ виситъ, такъ я его за стихи повѣсилъ, а не за то, что онъ бунтовалъ. А я и не читалъ его Колокола.

— Ну, это вы изъ другой оперы хватили,—безцеремонно сказалъ Авиновицкій.—Колоколъ Герценъ издавалъ, а не Мицкевичъ.

— То другой Колоколъ, — сказалъ Передоновъ,—Мицкевичъ тоже издавалъ Колоколъ.

— Не знаю-съ. Это вы напечатайте. Научное открытіе. Прославитесь.

— Этого нельзя напечатать,—сердито сказалъ Передоновъ. — Мнѣ нельзя запрещенныя книги читать. Я и не читаю никогда. Я—патріотъ.

Послѣ долгихъ сѣтованій, въ которыхъ изливался Передоновъ, Авиновицкій сообразилъ, что кто-то пытается Передонова шантажировать, и съ этою цѣлью распускаетъ о немъ слухи съ такимъ расчетомъ, чтобы запугать его, и тѣмъ подготовить почву для внезапнаго требованія денегъ. Что эти слухи не дошли до Авиновицкаго, онъ объяснилъ себѣ тѣмъ, что шантажистъ ловко дѣйствуетъ въ самомъ близкомъ къ Передонову кругу,—вѣдь ему же и нужно воздѣйствовать лишь на Передонова, Авиновицкій спросилъ:

— Кого подозрѣваете?

Передоновъ задумался. Случайно подвернулась на память Грушина, смутно припомнился недавній разговоръ съ нею, когда онъ оборвалъ ея разсказъ угрозою донести. Что это онъ погрозилъ доносомъ Грушиной, спуталось у него въ головѣ въ тусклое представленіе о доносѣ вообще. Онъ ли донесетъ, на него ли донесутъ, — было неясно, и Передоновъ не хотѣлъ сдѣлать усилія припомнить точно, — ясно было одно, что Грушина—врагъ. И что хуже всего, она видѣла, куда онъ пряталъ Писарева. Надо будетъ перепрятать.

Передоновъ сказалъ:

— Вотъ Грушина тутъ есть такая.

— Знаю, шельма первостатейная, — кратко рѣшилъ Авиновицкій.

— Она все къ намъ ходитъ,—жаловался Передоновъ,—и все вынюхиваетъ. Она жадная, ей все давай. Можетъ быть, она хочетъ, чтобъ я ей деньгами заплатилъ, чтобъ она не донесла,

что у меня Писаревъ былъ. А, можетъ быть, она хочетъ за меня замужъ. Но я не хочу платить, и у меня есть другая невѣста,—пусть доноситъ, я не виноватъ. А только мнѣ непріятно, что выйдетъ исторія, и это можетъ повредить моему назначенію.

— Она извѣстная шарлатанка,—сказалъ прокуроръ. — Она тутъ гаданьемъ занялась было, дураковъ морочила, да я сказалъ полиціи, что это надо прекратить. На этотъ разъ были умны, послушались.

— Она и теперь гадаетъ,—сказалъ Передоновъ,—на картахъ мнѣ раскидывала, все дальняя дорога выходила, да казенное письмо.

— Она знаетъ, кому что сказать. Вотъ, погодите, она будетъ петли метать, а потомъ и пойдетъ деньги вымогать. Тогда вы прямо ко мнѣ. Я ей всыплю сто горячихъ,—сказалъ Авиновицкій любимую свою поговорку.

Не слѣдовало принимать ее буквально,—это обозначало просто изрядную головомойку.

Такъ обѣщалъ Авиновицкій свою защиту Передонову. Но Передоновъ ушелъ отъ него, волнуемый неопредѣленными страхами; ихъ укрѣпили въ немъ громкія, грозныя рѣчи Авиновицкаго.

Каждый день такъ дѣлалъ Передоновъ по одному посѣщенію передъ обѣдомъ, — больше одного не успѣвалъ, потому что вездѣ надо было вести обстоятельныя объясненія. Вечеромъ, по обыкновенію, отправлялся играть на билліардѣ.

Попрежнему ворожащими зовами заманивала его Вершина, попрежнему Рутиловъ выхвалялъ сестеръ. Дома Варвара уговаривала его

скорѣе вѣнчаться, — но никакого рѣшенія не принималъ онъ. Конечно, думалъ онъ иногда, жениться бы на Варварѣ всего выгоднѣе, — ну, а вдругъ княгиня обманетъ? Въ городѣ станутъ смѣяться, думалъ онъ, и это останавливало его.

Преслѣдованіе невѣстъ, — зависть товарищей, болѣе сочиненная имъ самимъ, чѣмъ дѣйствительная,—чьи-то подозрѣваемыя имъ козни,— все это дѣлало его жизнь скучною и печальною, какъ эта погода, которая нѣсколько дней подрядъ стояла хмурая, и часто разрѣшалась медленными, скупыми, но долгими и холодными дождями. Скверно складывалась жизнь, чувствовалъ Передоновъ, — но онъ думалъ, что вотъ скоро сдѣлается онъ инспекторомъ, и тогда все перемѣнится къ лучшему.

X.

Въ четвергъ Передоновъ отправился къ предводителю дворянства.

Предводителевъ домъ напоминалъ помѣстительную дачу гдѣ-нибудь въ Павловскѣ или въ Царскомъ Селѣ, дачу, вполнѣ пригодную и для зимняго житья. Не била въ глаза роскошь, но новизна многихъ вещей казалась преувеличенно-излишнею.

Александръ Михайловичъ Верига ждалъ Передонова въ кабинетѣ. Онъ сдѣлалъ такъ, какъ будто торопится итти навстрѣчу къ гостю, и только случайно не успѣлъ встрѣтить его раньше.

Верига держался необычайно прямо, даже и для отставного кавалериста. Говорили, что онъ носитъ корсетъ. Лицо, гладко выбритое, было однообразно румяно, какъ бы подкрашено, Го-

лова острижена подъ самую низкостригущую машинку,—пріемъ, удобный для смягченія плѣши. Глаза сѣрые, любезные и холодные. Въ обращеніи онъ былъ со всѣми весьма любезенъ, во взглядахъ рѣшителенъ и строгъ. Во всѣхъ движеніяхъ чувствовалась хорошая военная выправка, и замашки будущаго губернатора иногда проглядывали.

Передоновъ объяснялъ ему, сидя противъ него у дубоваго рѣзного стола:

— Вотъ обо мнѣ всякіе слухи ходятъ, такъ я, какъ дворянинъ, обращаюсь къ вамъ. Про меня всякій вздоръ говорятъ, ваше превосходительство, чего и не было.

— Я ничего не слышалъ,—отвѣчалъ Верига, и выжидательно и любезно улыбаясь, упиралъ въ Передонова сѣрые внимательные глаза.

Передоновъ упорно смотрѣлъ въ уголъ и говорилъ:

— Соціалистомъ я никогда не былъ, а что тамъ иной разъ, бывало, скажешь лишнее, такъ вѣдь это въ молодые годы кто не кипятится А теперь я ничего такого не думаю.

— Такъ вы таки были большимъ либераломъ?—съ любезною улыбкою спросилъ Верига.—Конституціи желали, не правда ли? Всѣ мы въ молодости желали конституціи. Не угодно ли?

Верига подвинулъ Передонову ящикъ съ сигарами. Передоновъ побоялся взять и отказался; Верига закурилъ.

— Конечно, ваше превосходительство,—признался Передоновъ,—въ университетѣ и я, но только я и тогда хотѣлъ не такой конституціи, какъ другіе.

— А именно?—съ оттѣнкомъ приближающагося неудовольствія въ голосѣ спросилъ Верига.

— А чтобъ была конституція, но только безъ парламента,—обяснилъ Передоновъ,—а то въ парламентѣ только дерутся.

Веригины сѣрые глаза засвѣтились тихимъ восторгомъ.

— Конституція безъ парламента! — мечтательно сказалъ онъ.—Это, знаете ли, практично.

— Но и то это давно было,—сказалъ Передоновъ,—а теперь я ничего.

И онъ съ надеждою посмотрѣлъ на Веригу. Верига выпустилъ изо рта тоненькую струйку дыма, помолчалъ, и сказалъ медленно:

— Вотъ вы — педагогъ, а мнѣ приходится, по моему положенію въ уѣздѣ, имѣть дѣло и со школами. Съ вашей точки зрѣнія вы какимъ школамъ изволите отдавать предпочтеніе: церковно ли приходскимъ, или этимъ, такъ называемымъ, земскимъ?

Верига отряхнулъ пепелъ съ сигары, и прямо уставился въ Передонова любезнымъ, но слишкомъ внимательнымъ взоромъ. Передоновъ нахмурился, глянулъ по угламъ и сказалъ:

— Земскія школы надо подтянуть.

— Подтянуть, — неопредѣленнымъ тономъ повторилъ Верига,—такъ-съ.

И онъ опустилъ глаза на свою тлѣющую сигару, словно приготовляясь слушать долгія объясненія.

— Тамъ учителя нигилисты,—говорилъ Передоновъ,—а учительницы въ Бога не вѣрятъ. Онѣ въ церкви стоятъ и сморкаются.

Верига быстро глянулъ на Передонова, улыбнулся и сказалъ:

— Ну это, знаете ли, иногда необходимо.

— Да, но она точно въ трубу, такъ что пѣвчіе смѣются, — сердито говорилъ Передо-

новъ.—Это она нарочно. Это Скобочкина такая есть.

— Да, это не хорошо,—сказалъ Верига.— Но у Скобочкиной это больше отъ невоспитанности. Она дѣвица вовсе безъ манеръ, но учительница усердная. Но, во всякомъ случаѣ, это не хорошо. Надо ей сказать.

— Она и въ красной рубахѣ ходитъ. А иногда такъ даже босая ходитъ, и въ сарафанѣ. Съ мальчишками въ козны играетъ. У нихъ въ школахъ очень вольно,—продолжалъ Передоновъ,—никакой дисциплины. Они совсѣмъ не хотятъ наказывать. А съ мужицкими дѣтьми такъ нельзя, какъ съ дворянскими. Ихъ стегать надо.

Верига спокойно посмотрѣлъ на Передонова, потомъ, какъ бы испытывая неловкость отъ услышанной имъ безтактности, опустилъ глаза, и сказалъ холоднымъ, почти губернаторскимъ тономъ:

— Долженъ сказать, что въ ученикахъ сельскихъ школъ я наблюдалъ многія хорошія качества. Несомнѣнно, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ они вполнѣ добросовѣстно относятся къ своей работѣ. Конечно, какъ и вездѣ у дѣтей, бываютъ проступки. Вслѣдствіе неблаговоспитанности окружающей среды, эти проступки могутъ принять тамъ довольно грубыя формы, тѣмъ болѣе, что въ сельскомъ населеніи Россіи вообще мало развиты чувства долга и чести и уваженіе къ чужой собственности. Школа обязана къ такимъ проступкамъ относиться внимательно и строго. Если всѣ мѣры внушенія исчерпаны, или если проступокъ великъ, то, конечно, слѣдовало бы, чтобы не увольнять мальчика, прибѣгать и къ крайнимъ мѣрамъ. Впрочемъ, это относится и ко всѣмъ

дѣтямъ, даже и къ дворянскимъ. Но я вообще согласенъ съ вами въ томъ, что въ школахъ этого типа воспитаніе поставлено не совсѣмъ удовлетворительно. Госпожа Штевенъ въ своей,— весьма, кстати, интересной книгѣ,—вы изволили читать?..

— Нѣтъ, ваше превосходительство, — смущенно сказалъ Передоновъ,—мнѣ все некогда было, много работы въ гимназіи. Но я прочту.

— Ну, это не такъ необходимо,—съ любезною улыбкою сказалъ Верига, словно разрѣшая Передонову не читать этой книги.—Да, такъ вотъ госпожа Штевенъ разсказываетъ съ большимъ возмущеніемъ, какъ двухъ ея учениковъ, парней лѣтъ по семнадцати, волостной судъ приговорилъ къ розгамъ. Они, видите ли, гордые, эти парни,—да мы изволите ли видѣть, намучились всѣ, пока надъ ними тяготѣлъ позорный приговоръ,—его потомъ отмѣнили. А я вамъ скажу, что на мѣстѣ госпожи Штевенъ я постѣснялся бы разсказывать на всю Россію объ этомъ происшествіи: вѣдь осудили-то ихъ, можете себѣ представить, за кражу яблокъ. Прошу замѣтить, за кражу! А она еще пишетъ, что это ея самые хорошіе ученики. А яблоки, однако, украли! Хорошо воспитаніе! Остается только откровенно признаться, что право собственности мы отрицаемъ.

Верига въ волненіи поднялся съ мѣста, сдѣлалъ шага два, но тотчасъ же овладѣлъ собою, и опять сѣлъ.

— Вотъ, если я сдѣлаюсь инспекторомъ народныхъ училищъ, я иначе поведу дѣло,—сказалъ Передоновъ.

— А. вы имѣете въ виду?—спросилъ Верига.

— Да, княгиня Волчанская мнѣ обѣщала.

Верига сдѣлалъ любезное лицо.

— Мнѣ пріятно будетъ васъ поздравить. Не сомнѣваюсь, что въ вашихъ рукахъ дѣло выиграетъ.

— А вотъ тутъ, ваше превосходительство, въ городѣ болтаютъ всякіе пустяки,—еще, можетъ быть, кто-нибудь донесетъ въ округъ, помѣшаютъ моему назначенію, а я ничего такого.

— Кого же вы подозрѣваете въ распространеніи ложныхъ слуховъ?—спросилъ Верига.

Передоновъ растерялся и забормоталъ:

— Кого же подозрѣвать? Я не знаю. Говорятъ. А я собственно потому, что это можетъ мнѣ повредить по службѣ.

Верига подумалъ, что ему и не надо знать, кто именно говоритъ: вѣдь онъ еще не губернаторъ. Онъ опять вступилъ въ роль предводителя, и произнесъ рѣчь, которую Передоновъ выслушалъ, страшась и тоскуя:

— Я благодарю васъ за довѣріе, которое вы оказали мнѣ, прибѣгая къ моему (Верига хотѣлъ сказать „покровительству", но воздержался) посредничеству между вами и обществомъ, въ которомъ, по вашимъ свѣдѣніямъ, ходятъ неблагопріятные для васъ слухи. До меня эти слухи не дошли, и вы можете утѣшать себя тѣмъ, что распространяемыя на вашъ счетъ клеветы не осмѣливаются подняться изъ низинъ городского общества и, такъ сказать, пресмыкаются во тьмѣ и тайнѣ. Но мнѣ очень пріятно, что вы, состоя на службѣ по назначенію, однако столь высоко оцѣниваете одновременно и значеніе общественнаго мнѣнія и достоинство занимаемаго вами положенія въ качествѣ воспитателя юношества, одного изъ тѣхъ, просвѣщеннымъ попеченіямъ которыхъ мы, родители, довѣряемъ драгоцѣн-

нѣйшее наше достояніе, нашихъ дѣтей, наслѣдниковъ нашего имени и нашего дѣла. Какъ чиновникъ, вы имѣете своего начальника въ лицѣ вашего достоуважаемаго директора, но, какъ членъ общества и дворянинъ, вы всегда вправѣ разсчитывать на... содѣйствіе предводителя дворянства въ вопросахъ, касающихся вашей чести, вашего человѣческаго и дворянскаго достоинства.

Продолжая говорить, Верига всталъ и, упруго упираясь въ край стола пальцами правой руки, глядѣлъ на Передонова съ тѣмъ безлично-любезнымъ и внимательнымъ выраженіемъ, съ которымъ смотрятъ на толпу, произнеся благосклонно-начальническія рѣчи. Всталъ и Передоновъ и, сложа руки на животѣ, угрюмо смотрѣлъ на коверъ подъ хозяиновыми ногами. Верига говорилъ:

— Я радъ, что вы обратились ко мнѣ, и потому, что въ наше время особенно полезно членамъ первенствующаго сословія всегда и вездѣ прежде всего помнить, что они дворяне, дорожить принадлежностью къ этому сословію,— не только правами, но и обязанностями и честью дворянина. Дворяне въ Россіи, какъ вамъ, конечно, извѣстно, сословіе, по преимуществу, служилое. Строго говоря, всѣ государственныя должности,—кромѣ самыхъ низшихъ, разумѣется, должны находиться въ дворянскихъ рукахъ. Нахожденіе разночинцевъ на государственной службѣ составляетъ, конечно, одну изъ причинъ такихъ нежелательныхъ явленій, какъ то, которое возмутило ваше спокойствіе. Клевета и кляуза,—орудія людей низшей породы, не воспитанныхъ въ добрыхъ дворянскихъ традиціяхъ. Но я надѣюсь, что общественное мнѣ-

ніе выскажется ясно и громко въ вашу пользу, и вы можете вполнѣ разсчитывать на все мое содѣйствіе въ этомъ отношеніи.

— Покорно благодарю, ваше превосходительство,—сказалъ Передоновъ,—такъ ужъ я буду надѣяться.

Верига любезно улыбнулся и не садился, давая понять, что разговоръ оконченъ. Сказавъ свою рѣчь, онъ вдругъ почувствовалъ, что это вышло вовсе некстати, и что Передоновъ не кто иной, какъ трусливый искатель хорошаго мѣста, обивающій пороги въ поискахъ покровительства. Онъ опустилъ Передонова съ холоднымъ пренебреженіемъ, которое привыкъ чувствовать къ нему за его непорядочную жизнь.

Одѣваясь при помощи лакея въ прихожей, и слыша доносящіеся издали звуки рояля, Передоновъ думалъ, что въ этомъ домѣ живутъ побарски, гордые люди, высоко себя ставятъ. „Въ губернаторы мѣтитъ", съ почтительнымъ и завистливымъ удивленіемъ думалъ Передоновъ.

На лѣстницѣ встрѣтились ему возвращавшіеся съ прогулки маленькіе два предводителевы сына со своимъ наставникомъ. Передоновъ посмотрѣлъ на нихъ съ сумрачнымъ любопытствомъ.

„Чистые какіе,—думалъ онъ,—даже въ ушахъ ни грязинки. И бойкіе такіе, а сами, небось, вышколенные, по стрункѣ ходятъ. Пожалуй,—думалъ Передоновъ,—ихъ никогда и не стегаютъ".

И сердито посмотрѣлъ имъ вслѣдъ Передоновъ,—а они быстро подымались по лѣстницѣ, и весело разговаривали. И дивило Передонова, что наставникъ былъ съ ними, какъ равный, не хмурился и не кричалъ на нихъ.

Когда Передоновъ вернулся домой, онъ засталъ Варвару въ гостиной съ книгою въ рукахъ, что бывало рѣдко. Варвара читала поваренную книгу, — единственную, которую она иногда открывала. Книга была старая, трепаная, въ черномъ переплетѣ. Черный переплетъ бросился въ глаза Передонову, и привелъ его въ уныніе.

— Что ты читаешь, Варвара?—сердито спросилъ онъ.

— Что? Извѣстно что,—поварскую книгу,—отвѣчала Варвара.—Мнѣ пустяковъ некогда читать.

— Зачѣмъ поварская книга?—съ ужасомъ спросилъ Передоновъ.

— Какъ зачѣмъ? Кушанье буду готовить, тебѣ же, ты все привередничаешь,—объясняла Варвара, усмѣхаючись горделиво и самодовольно.

— По черной книгѣ я не стану ѣсть!—рѣшительно заявилъ Передоновъ, быстро выхватилъ изъ рукъ у Варвары книгу, и унесъ ее въ спальню.

Черная книга! Да еще по ней обѣды готовить!—думалъ онъ со страхомъ.—Того только недоставало, чтобы его открыто пытались извести чернокнижіемъ! Необходимо уничтожить эту страшную книгу,—думалъ онъ, не обращая вниманія на дребезжащее Варварино ворчанье.

Въ пятницу Передоновъ былъ у предсѣдателя уѣздной земской управы.

Въ этомъ домѣ все говорило, что здѣсь хотятъ жить по-просту, по хорошему, и работать на общую пользу. Въ глаза метались многія вещи,

напоминающія о деревенскомъ и простомъ: кресло съ дугою-спинкою и топориками ручками, чернильницы въ видѣ подковы, пепельница-лапоть. Въ залѣ много мѣрочекъ,—на окнахъ, на столахъ, на полу,—съ образцами разнаго зерна, и кое-гдѣ куски „голоднаго" хлѣба,—скверныя глыбы, похожія на торфъ. Въ гостиной рисунки и модели сельско-хозяйственныхъ машинъ. Кабинетъ загромождали шкапы съ книгами о сельскомъ хозяйствѣ и о школьномъ дѣлѣ. На столѣ—бумаги, печатные отчеты, картонки съ какими-то разной величины карточками. Много пыли, и ни одной картины.

Хозяинъ, Иванъ Степановичъ Кирилловъ, очень безпокоился,—какъ бы, съ одной стороны, быть любезнымъ,—европейски-любезнымъ,—но, съ другой стороны, не уронить своего достоинства хозяина въ уѣздѣ. Онъ весь былъ странный и противорѣчивый, какъ бы спаянный изъ двухъ половинокъ. По всей его обстановкѣ было видно, что онъ много и съ толкомъ работаетъ. А на него самого посмотришь, и кажется, что вся эта земская дѣятельность для него только лишь забава, и ею занятъ онъ пока, а настоящія его заботы гдѣ-то впереди, куда порою устремлялись его бойкіе, но какъ бы не живые, оловяннаго блеска, глаза. Какъ-будто кѣмъ-то вынута изъ него живая душа, и положена въ долгій ящикъ, а на мѣсто ея вставлена неживая, но сноровистая суетилка.

Онъ былъ невеликъ ростомъ, тонокъ, моложавъ,—такъ моложавъ и румянъ, что подчасъ казался мальчикомъ, прикленвшимъ бороду и перенявшимъ отъ взрослыхъ, довольно удачно, ихъ повадки. Движенія у него были отчетливыя и быстрыя. Здороваясь, онъ проворно кланялся

и шаркалъ, и скользилъ на подошвахъ щегольскихъ башмачковъ. Одежду его хотѣлось назвать костюмчикомъ: сѣренькая курточка, батистовая некрахмаленная сорочка съ отложными воротничками, веревочный синій галстукъ, узенькія брючки, сѣрые чулочки. И разговоръ его, всегда отмѣнно-вѣжливый, былъ тоже какимъ-то двоякимъ: говоритъ себѣ степенно, — и вдругъ дѣтски простодушная улыбка, какая-нибудь мальчишеская ухватка, а черезъ минуту, глядишь, опять уймется и скромничаетъ.

Жена его, женщина тихая и степенная, казавшаяся старше мужа, нѣсколько разъ при Передоновѣ входила въ кабинетъ, и каждый разъ спрашивала у мужа какихъ-то точныхъ свѣдѣній объ уѣздныхъ дѣлахъ.

Хозяйство у нихъ въ городѣ шло запутанно,—постоянно приходили по дѣлу и постоянно пили чай. И Передонову, едва онъ усѣлся, принесли стаканъ не очень теплаго чая и булокъ на тарелкѣ.

До Передонова уже сидѣлъ гость. Передоновъ его зналъ, — да и кто въ нашемъ городѣ кого не знаетъ? Всѣ другъ другу знакомы,— только иные раззнакомились, поссорясь.

То былъ земскій врачъ Георгій Семеновичъ Трепетовъ, маленькій — еще меньше Кириллова,—человѣкъ съ прыщавымъ лицомъ, остренькимъ и незначительнымъ. На немъ были синія очки, и смотрѣлъ онъ всегда внизъ или въ сторону, какъ бы тяготясь смотрѣть на собесѣдника. Онъ былъ необыкновенно честенъ, и никогда не поступился ни одною своею копейкою въ чужую пользу. Всѣхъ, находящихся на казенной службѣ, онъ глубоко презиралъ: еще руку подастъ при встрѣчѣ, но отъ разговора

упрямо уклонялся. За это онъ слылъ свѣтлою головою,—какъ и Кирилловъ,—хотя зналъ мало и лѣчилъ плохо. Все собирался опроститься,—и съ этою цѣлью присматривался, какъ мужики сморкаются, чешутъ затылки, утираютъ ладонью губы,—и самъ наединѣ подражалъ имъ иногда,—но все откладывалъ опрощеніе до будущаго лѣта.

Передоновъ и здѣсь повторилъ всѣ привычныя ему за послѣдніе дни пени на городскія сплетни, на завистниковъ, которые хотятъ помѣшать ему достигнуть инспекторскаго мѣста. Кирилловъ сперва почувствовалъ себя польщеннымъ этимъ обращеніемъ къ нему. Онъ восклицалъ:

— Да, вотъ вы теперь видите, какова провинціальная среда? Я всегда говорилъ, что единственное спасеніе для мыслящихъ людей сплотиться,—и я радуюсь, что вы пришли къ тому же убѣжденію.

Трепетовъ сердито и обиженно фыркнулъ. Кирилловъ посмотрѣлъ на него боязливо. Трепетовъ презрительно сказалъ:

— Мыслящіе люди!—и опять фыркнулъ.

Потомъ, помолчавъ немного, заговорилъ тоненькимъ, обиженнымъ голосомъ:

— Не знаю, могутъ ли мыслящіе люди служить затхлому классицизму!

Кирилловъ нерѣшительно сказалъ:

— Но вы, Георгій Семеновичъ, не берете въ расчетъ, что не всегда отъ человѣка зависитъ избрать свою дѣятельность.

Трепетовъ презрительно фыркнулъ, чѣмъ окончательно сразилъ любезнаго Кириллова, и погрузился въ глубокое молчаніе.

Кирилловъ обратился къ Передонову. Услы-

шавъ, что тотъ говоритъ объ инспекторскомъ мѣстѣ, Кирилловъ забезпокоился. Ему показалось, что Передоновъ хочетъ быть инспекторомъ въ нашемъ уѣздѣ. А въ уѣздномъ земствѣ назрѣвало предположеніе учредить должность своего инспектора училищъ, выбираемаго земствомъ и утверждаемаго учебнымъ начальствомъ.

Тогда инспекторъ Богдановъ, имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи школы трехъ уѣздовъ, переселился бы въ одинъ изъ сосѣднихъ городовъ, и школы нашего уѣзда перешли бы къ новому инспектору. Для этой должности былъ у земцевъ на примѣтѣ человѣкъ, наставникъ учительской семинаріи въ ближайшемъ городкѣ Сафатѣ.

— Тамъ у меня есть протекція, — говорилъ Передоновъ, — а только вотъ здѣсь директоръ пакоститъ, да и другіе тоже. Всякую ерунду распускаютъ. Такъ ужъ въ случаѣ какихъ справокъ обо мнѣ, я вотъ васъ предупреждаю, что это все вздоръ обо мнѣ говорятъ. Вы этимъ господамъ не вѣрьте.

Кирилловъ отвѣчалъ поспѣшно и бойко:

— Мнѣ, Ардальонъ Борисычъ, нѣтъ времени особенно углубляться въ городскія отношенія и слухи, я по горло заваленъ дѣломъ. Если бы жена не помогала, то я не знаю, какъ бы справился. Я нигдѣ не бываю, никого не вижу, ничего не слышу. Но я вполнѣ увѣренъ, что все это, что о васъ говорятъ, — я ничего не слышалъ, повѣрьте чести, — все это вздоръ, вполнѣ вѣрю. Но это мѣсто не отъ одного меня зависитъ.

— Васъ могутъ спросить, — сказалъ Передоновъ.

Кирилловъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ и сказалъ:

— Еще бы не спросили, конечно, спросятъ. Но дѣло въ томъ, что мы имѣемъ въ виду...

Въ это время на порогѣ показалась госпожа Кириллова и сказала:

— Степанъ Иванычъ, на минутку.

Мужъ вышелъ къ ней. Она озабоченно зашептала:

— Я думаю, что этому субъекту лучше не говорить, что мы имѣемъ въ виду Красильникова. Этотъ субъектъ мнѣ подозрителенъ,—онъ что-нибудь нагадитъ Красильникову.

— Ты думаешь? — проворно прошепталъ Кирилловъ.—Да, да, пожалуй. Такъ непріятно.

Онъ схватился за голову. Жена посмотрѣла на него съ дѣловитымъ сочувствіемъ, и сказала:

— Лучше совсѣмъ ничего ему объ этомъ не говорить, какъ будто и мѣста нѣтъ.

— Да, да, ты права,—шепталъ Кирилловъ.— Но я побѣгу. Неловко.

Онъ побѣжалъ въ кабинетъ, и тамъ сталъ усиленно шаркать и сыпать любезныя слова Передонову.

— Такъ ужъ вы, если что...—началъ Передоновъ.

— Будьте спокойны, будьте спокойны, буду имѣть въ виду,—быстро говорилъ Кирилловъ.— Мы это еще не вполнѣ рѣшили, этотъ вопросъ.

Передоновъ не понималъ, о какомъ вопросѣ говоритъ Кирилловъ, и чувствовалъ тоску и страхъ. А Кирилловъ говорилъ:

— Мы составляемъ школьную сѣть. Изъ Петербурга выписали спеціалиста. Цѣлое лѣто работали. Девятьсотъ рублей это намъ обошлось. Къ земскому собранію готовимъ. Удивительно

тщательная работа,—подсчитаны всѣ разстоянія, намѣчены всѣ школьные пункты.

И Кирилловъ долго и подробно разсказывалъ о школьной сѣти, т. е. о раздѣленіи уѣзда на такіе мелкіе участки, со школою въ каждомъ, чтобы изъ каждаго селенія школа была не далеко. Передоновъ ничего не понималъ и запутывался тугими мыслями въ словесныхъ петляхъ сѣти, которую бойко и ловко плелъ передъ нимъ Кирилловъ.

Наконецъ, онъ распрощался и ушелъ, безнадежно тоскуя. Въ этомъ домѣ,—думалъ онъ,—его не захотѣли ни понять, ни даже выслушать. Хозяинъ мололъ что-то непонятное, Трепетовъ почему-то сердито фыркалъ, хозяйка приходила, не любезничала, и уходила, — странные люди живутъ въ этомъ домѣ,—думалъ Передоновъ.— Потерянный день!

XI.

Въ субботу Передоновъ собрался итти къ исправнику. Этотъ хоть и не такая важная птица, какъ предводитель дворянства,—думалъ Передоновъ,—однако можетъ навредить больше всѣхъ, а захочетъ, такъ онъ же можетъ и помочь своимъ отзывомъ передъ начальствомъ. Полиція—важное дѣло.

Передоновъ вынулъ изъ картонки шапку съ кокардой. Онъ рѣшилъ, что отнынѣ будетъ носить только ее. Хорошо директору носить шляпу,—онъ на хорошемъ счету у начальства, а Передонову еще надо добиться инспекторскаго мѣста; нечего разсчитывать на протекцію, надо и самому во всемъ показывать себя съ наилучшей стороны. Уже нѣсколько дней назадъ,

передъ тѣмъ, какъ начать свои походы по властямъ, онъ думалъ это, да только подъ руку попадалась шляпа. Теперь же Передоновъ устроился иначе: онъ шляпу швырнулъ на печь,— такъ-то вѣрнѣе не попадется.

Варвары не было дома. Клавдія мыла полы въ горницахъ. Передоновъ вошелъ въ кухню вымыть руки. На столѣ увидѣлъ онъ свертокъ синей бумаги, и изъ него высыпалось нѣсколько изюминокъ. Это былъ фунтъ изюма, купленный для булки къ чаю,—ее пекли дома. Передоновъ принялся ѣсть изюмъ, какъ онъ былъ, не мытый и не чищенный, и съѣлъ весь фунтъ быстро и жадно, стоя у стола, озираясь на дверь, чтобы Клавдія не вошла невзначай. Потомъ онъ тщательно свернулъ толстую синюю обертку, подъ сюртукомъ вынесъ ее въ переднюю, и тамъ положилъ въ карманъ въ пальто, чтобы на улицѣ выбросить и такимъ способомъ уничтожить слѣды.

Онъ ушелъ. А Клавдія скоро хватилась изюма, испугалась, принялась искать, — и не нашла. Варвара вернулась, узнала о пропажѣ изюма и накинулась на Клавдію съ бранью: она была увѣрена, что Клавдія съѣла изюмъ.

На улицѣ было вѣтрено и тихо. Лишь изрѣдка набѣгали тучки. Лужи подсыхали. Небо блѣдно радовалось. Но тоскливо было на душѣ у Передонова.

По дорогѣ онъ зашелъ къ портному, поторопить его,—скорѣе бы шилъ заказанную третьяго дня новую форму.

Проходя мимо церкви, Передоновъ снялъ шапку, и трижды перекрестился, истово и ши-

роко, чтобы видѣли всѣ, кто могъ бы увидѣть проходившаго мимо церкви будущаго инспектора. Прежде онъ этого не дѣлалъ, но теперь надо держать ухо востро. Можетъ быть, сзади идетъ себѣ тишкомъ какой-нибудь соглядатай, или за угломъ, за деревомъ таится кто-нибудь и наблюдаетъ.

Исправникъ жилъ на одной изъ дальнихъ городскихъ улицъ. Въ воротахъ, распахнутыхъ настежъ, попался Передонову городовой,—встрѣча, наводившая въ послѣднiе дни на Передонова унынiе. На дворѣ видно было нѣсколько мужиковъ, но не такихъ, какъ вездѣ,—эти были какiе-то особенные, необыкновенно смирные и молчаливые. Грязно было на дворѣ. Стояли телѣги, покрытыя рогожею.

Въ темныхъ сѣняхъ попался Передонову еще одинъ городовой, низенькiй, тощiй человѣкъ вида исполнительнаго, но все же унылаго. Онъ стоялъ неподвижно, и держалъ подъ мышкой книгу въ кожаномъ черномъ переплетѣ. Отрепанная босая дѣвица выбѣжала изъ боковой двери, стащила пальто съ Передонова, и провела его въ гостиную, приговаривая:

— Пожалуйте, Семенъ Григорьевичъ, сейчасъ выдутъ.

Въ гостиной были низкiе потолки. Они давили Передонова. Мебель тѣсно жалась къ стѣнкѣ. На полу лежали веревочные маты. Справа и слѣва изъ за стѣны слышались шопоты и шорохи. Изъ дверей выглядывали блѣдныя женщины и золотушные мальчики, всѣ съ жадными, блестящими глазами. Изъ шопота иногда выдѣлялись вопросы и отвѣты погромче:

— Принесъ...

— Куда нести?

— Куда поставить прикажете?

— Отъ Ермошкина, Сидоръ Петровича.

Скоро вышелъ исправникъ. Онъ застегивалъ мундирный сюртукъ, и сладко улыбался.

— Извините, что задержалъ,—сказалъ онъ, пожимая руку Передонова обѣими своими большими и загребистыми руками, — тамъ разные посѣтители по дѣламъ. Служба наша такая, не терпитъ отлагательства.

Семенъ Григорьевичъ Миньчуковъ, мужчина длинный, плотный, черноволосый, съ облѣзлыми по désсерединѣ головы волосами, держался слегка сгибаясь, руки внизъ, пальцы грабельками. Онъ часто улыбался съ такимъ видомъ, точно сейчасъ съѣлъ что-то запрещенное, но пріятное и теперь облизывался. Губы у него ярко-красныя, толстыя, носъ мясистый, лицо вожделѣющее. усердное и глупое.

Передонова смущало все, что онъ здѣсь видѣлъ и слышалъ. Онъ бормоталъ несвязныя слова и, сидя на креслѣ, старался держать шапку такъ, чтобы исправникъ видѣлъ кокарду. Миньчуковъ сидѣлъ противъ него, по другую сторону стола, совершенно прямо, улыбался все такъ же сладко, а загребистыя руки его тихонько двигались на колѣняхъ, сжимались и разжимались.

— Болтаютъ нивѣсть что,—говорилъ Передоновъ,—чего и не было. А я и самъ могу донести. Я ничего такого, а за ними я знаю. Только я не хочу. Они за глаза всякую ерунду городятъ, а въ глаза смѣются. Согласитесь сами, въ моемъ положеніи это щекотливо. У меня протекція, а они гадятъ. Они совершенно напрасно меня выслѣживаютъ, только время теряютъ. а меня стѣсняютъ. Куда ни пойдешь, а ужъ по всему

городу извѣстно. Такъ ужъ я надѣюсь, что въ случаѣ чего вы меня поддержите.

— Какъ же, какъ же, помилуйте, съ величайшимъ удовольствіемъ,—сказалъ Миньчуковъ, простирая впередъ свои широкія ладони,—конечно, мы, полиція, должны знать, если за кѣмъ есть что-нибудь неблагонадежное или нѣтъ.

— Мнѣ, конечно, наплевать,—сердито сказалъ Передоновъ,—пусть бы болтали, да боюсь, что они мнѣ нагадятъ въ моей службѣ. Они хитрые. Вы не смотрите, что они все болтаютъ, хоть напримѣръ Рутиловъ. А вы почемъ знаете, можетъ онъ подъ казначейство подкопъ ведетъ. Такъ это съ больной головы на здоровую.

Миньчукову казалось сначала, что Передоновъ подвыпилъ и мелетъ вздоръ. Потомъ вслушавшись онъ сообразилъ, что Передоновъ жалуется на кого-то, кто на него клевещетъ, и проситъ принять какія-нибудь мѣры.

— Молодые люди,—продолжалъ Передоновъ, думая о Володинѣ,—а много о себѣ думаютъ. Противъ другихъ умышляютъ, а и сами-то нечисты. Молодые люди, извѣстно, увлекаются. Иные и въ полиціи служатъ, а тоже туда же суются.

И онъ долго говорилъ о молодыхъ людяхъ, но почему-то не хотѣлъ назвать Володина. Про полицейскихъ же молодыхъ людей онъ сказалъ на всякій случай, чтобы Миньчуковъ понялъ, что у него и относительно служащихъ въ полиціи есть кое-какія неблагопріятныя свѣдѣнія. Миньчуковъ рѣшилъ, что Передоновъ намекаетъ на двухъ молодыхъ чиновниковъ полицейскаго управленія: молоденькіе, смѣшливые, ухаживаютъ за барышнями. Смущеніе и явный страхъ Передонова заражали невольно и Миньчукова.

— Я буду слѣдить,—сказалъ онъ озабоченно, на минуту призадумался, и опять началъ сладко улыбаться.—Два есть у меня молоденькихъ чиновничка, совсѣмъ еще желтогубые. Одного изъ нихъ мамаша, повѣрите ли, въ уголъ ставитъ, ей-Богу.

Передоновъ отрывисто захохоталъ.

Между тѣмъ Варвара побывала у Грушиной, гдѣ узнала поразившую ее новость.

— Душенька Варвара Дмитріевна,—торопливо заговорила Грушина, едва только Варвара переступила порогъ ея дома,—какую я вамъ новость скажу, вы просто ахнете.

— Ну, какая тамъ новость?—ухмыляясь, спросила Варвара.

— Нѣтъ, вы только подумайте, какіе есть на свѣтѣ низкіе люди! На какія штуки идутъ, чтобы только достичь своей цѣли!

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Ну вотъ, постойте, я вамъ разскажу.

Но хитрая Грушина прежде начала угощать Варвару кофеемъ, потомъ погнала изъ дома на улицу своихъ ребятишекъ, причемъ старшая дѣвочка заупрямилась и не хотѣла итти.

— Ахъ ты, негодная дрянь!—закричала на нее Грушина.

— Сама дрянь,—отвѣчала дерзкая дѣвочка, и затопала на мать ногами.

Грушина схватила дѣвочку за волосы, выбросила изъ дому на дворъ и заперла дверь...

— Тварь капризная,—жаловалась она Варварѣ, — съ этими дѣтьми просто бѣда. Я одна, сладу нѣтъ никакого. Имъ бы отца надо было.

— Вотъ замужъ выдете, будетъ имъ отецъ,— сказала Варвара.

— Тоже какой еще попадется, голубушка Варвара Дмитріевна,—другой тиранить ихъ начнетъ.

Въ это время дѣвочка забѣжала съ улицы, бросила въ окно горсть песку, и осыпала имъ голову и платье у матери. Грушина высунулась въ окно, и закричала:

— Я тебя, дрянь этакая, выдеру,—вотъ ты вернись домой, я тебѣ задамъ, дрянь паршивая!

— Сама дрянь, злая дура!—кричала на улицѣ дѣвочка, прыгала на одной ногѣ, и показывала матери грязные кулачонки.

Грушина крикнула дочкѣ:

— Погоди ты у меня!

И закрыла окно. Потомъ она сѣла спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало, и заговорила:

— Новость-то я вамъ хотѣла разсказать, да ужъ не знаю. Вы, голубушка Варвара Дмитріевна, не тревожьтесь, они ничего не успѣютъ.

— Да что такое?—испуганно спросила Варвара, и блюдце съ кофе задрожало въ ея рукахъ.

— Знаете, нынче поступилъ въ гимназію, прямо въ пятый классъ, одинъ гимназистъ, Пыльниковъ, будто бы изъ Рубани, потому что его тетка въ нашемъ уѣздѣ имѣніе купила.

— Ну, знаю, — сказала Варвара, — видѣла, какъ же, еще они съ теткой приходили, такой смазливенькій, на дѣвочку похожъ, и все краснѣетъ.

— Голубушка Варвара Дмитріевна, какъ же ему не быть похожимъ на дѣвочку,—вѣдь это и есть переодѣтая барышня!

— Да что вы!—воскликнула Варвара.

— Нарочно они такъ придумали, чтобы Ар-

дальона Борисыча подловить,—говорила Грушина, торопясь, размахивая руками и радостно волнуясь отъ того, что передаетъ такое важное извѣстіе.—Видите ли, у этой барышни есть двоюродный братъ, сирота, онъ и учился въ Рубани, такъ мать-то этой барышни его изъ гимназіи взяла, а по его бумагамъ барышня сюда и поступила. И вы замѣтьте, они его помѣстили на квартирѣ, гдѣ другихъ гимназистовъ нѣтъ, онъ тамъ одинъ, такъ что все шито-крыто, думали, останется.

— А вы какъ же узнали!—недовѣрчиво спросила Варвара.

— Голубушка Варвара Дмитріевна, слухомъ земля полнится. И такъ сразу стало подозрительно: всѣ мальчики, какъ мальчики, а этотъ тихоня, ходитъ, какъ въ виду опущенный. А порожѣ посмотрѣть,—молодецъ молодцемъ долженъ быть, румяный, грудастый. И такой скромный, товарищи замѣчаютъ,—ему слово скажутъ, а онъ ужъ и краснѣетъ. Они его и дразнятъ дѣвчонкой. Только они думаютъ, что это такъ, чтобы посмѣяться, не знаютъ, что это правда. И представьте, какіе они хитрые,—вѣдь и хозяйка ничего не знаетъ.

— Какъ же вы-то узнали?—повторила Варвара.

— Голубушка Варвара Дмитріевна, чего я не узнаю! Я всѣхъ въ уѣздѣ знаю. Какъ же, вѣдь это всѣмъ извѣстно, что у нихъ еще мальчикъ дома живетъ, такихъ же лѣтъ, какъ этотъ. Отчего же они не отдали ихъ вмѣстѣ въ гимназію? Говорятъ, что онъ лѣтомъ боленъ былъ, такъ одинъ годъ отдохнетъ, а потомъ опять поступитъ въ гимназію. Но все это вздоръ,—это-то и есть гимназистъ. И опять же извѣстно,

что у нихъ была барышня, а они говорятъ, что она замужъ вышла, и на Кавказъ уѣхала. И опять врутъ, ничего она не уѣхала, а живетъ здѣсь подъ видомъ мальчика.

— Да какой же имъ расчетъ?—спросила Варвара.

— Какъ какой расчетъ!—оживленно говорила Грушина.—Подцѣпить кого-нибудь изъ учителей, мало ли у насъ холостыхъ, а то и такъ кого-нибудь. Подъ видомъ-то мальчика она можетъ и на квартиру притти, и мало ли что можетъ.

Варвара сказала испуганно:

— Смазливая дѣвчонка-то.

— Еще бы, писаная красавица,—согласилась Грушина,—это она только теперь стѣсняется, а погодите, попривыкнетъ, разойдется, такъ она тутъ всѣхъ въ городѣ закружитъ. И представьте, какіе они хитрые: я, какъ только узнала объ этакихъ дѣлахъ, сейчасъ же постаралась встрѣтиться съ его хозяйкой,—или съ ея хозяйкой,—ужъ какъ и сказать-то, не знаешь.

— Чистый оборотень, тьфу, прости Господи!—сказала Варвара.

— Пошла я ко всенощной въ ихъ приходъ, къ Пантелеймону, а она богомольная. Ольга Васильевна, говорю, отчего это у васъ нынче только одинъ гимназистъ живетъ? Вѣдь вамъ, говорю, съ однимъ невыгодно. А она говоритъ: да на что, говоритъ, мнѣ больше? суета съ ними. Я и говорю: вѣдь вы, говорю, въ прежніе года все двухъ-трехъ держали. А она и говоритъ, — представьте, голубушка Варвара Дмитріевна! — да они, говоритъ, ужъ такъ и условились, чтобы Сашенька одинъ у меня жилъ. Они, говоритъ, люди не бѣдные, заплатили по-

больше, а то они, говоритъ, боятся, что онъ съ другими мальчиками избалуется. Каковы?

— Вотъ-то пройдохи!—злобно сказала Варвара. — Что жъ, вы ей сказали, что это дѣвчонка?

— Я ей говорю, — смотрите, говорю, Ольга Васильевна, не дѣвчонку ли вамъ подсунули вмѣсто мальчика.

— Ну, а она что?

— Ну, она думала, я шучу, смѣется. Тогда я посерьезнѣе сказала, — голубушка Ольга Васильевна, говорю, знаете, вѣдь говорятъ, что это дѣвчонка. Но только она не вѣритъ, — пустяки, говоритъ, какая же это дѣвчонка, я вѣдь, говоритъ, не слѣпая...

Этотъ разсказъ поразилъ Варвару. Она совершенно повѣрила, что все это такъ и есть, и что на ея жениха готовится нападеніе еще съ одной стороны. Надо было какъ-нибудь поскорѣе сорвать маску съ переодѣтой барышни. Долго совѣщались онѣ, какъ это сдѣлать, но пока ничего не придумали.

Дома еще болѣе разстроила Варвару пропажа изюма.

Когда Передоновъ вернулся домой, Варвара торопливо и взволнованно разсказала ему, что Клавдія куда-то дѣла фунтъ изюму и не признается.

— Да еще что выдумала,—раздраженно говорила Варвара, — это, говоритъ, можетъ быть, баринъ скушали. Они, говорятъ, на кухню зачѣмъ-то выходили, когда я полы мыла, и долго, говоритъ, тамъ пробыли.

— И вовсе недолго,—хмуро сказалъ Пере-

доновъ,—я только руки помылъ, а изюму я тамъ и не видѣлъ.

— Клавдюшка, Клавдюшка!– закричала Варвара,—вотъ баринъ говоритъ, что онъ и не видѣлъ изюма, — значитъ, ты его и тогда уже припрятала куда-то.

Клавдія показала изъ кухни раскраснѣвшееся, опухшее отъ слезъ лицо.

— Не брала я вашего изюму,—прокричала она рыдающимъ голосомъ,—я вамъ его откуплю, только не брала я вашего изюму!

— И откупишь, и откупишь!—сердито закричала Варвара,—я тебя не обязана изюмомъ откармливать.

Передоновъ захохоталъ и крикнулъ:

— Дюшка фунтъ изюму оплела!

— Обидчики! — закричала Клавдія и хлопнула дверью.

За обѣдомъ Варвара не могла удержаться, чтобы не передать того, что слышала о Пыльниковѣ. Она не думала, будетъ ли это для нея вредно или полезно, какъ отнесется къ этому Передоновъ,—говорила просто со зла.

Передоновъ старался припомнить Пыльникова, да какъ-то все не могъ ясно представить его себѣ. До сихъ поръ онъ мало обращалъ вниманія на этого новаго ученика, и презиралъ его за смазливость и чистоту, за то, что онъ велъ себя скромно, учился хорошо, и былъ самымъ младшимъ по возрасту изъ учениковъ пятаго класса. Теперь же Варварииъ разсказъ зажегъ въ немъ блудливое любопытство. Нескромныя мысли медленно зашевелились въ его темной головѣ...

„Надо сходить ко всенощной, — подумалъ онъ,—посмотрѣть на эту переодѣтую дѣвчонку“.

— Вдругъ вбѣжала Клавдія, ликуя, бросила на столъ смятую въ комокъ синюю оберточную бумагу, и закричала:

— Вотъ на меня говорили, что я изюмъ съѣла, а это что? Нужно очень мнѣ вашъ изюмъ, какъ же.

Передоновъ догадался, въ чемъ дѣло; онъ забылъ выбросить на улицѣ обертку, и теперь Клавдія нашла ее въ пальто въ карманѣ.

— Ахъ, чортъ! — воскликнулъ онъ.

— Что это, откуда?—закричала Варвара.

— У Ардальонъ Борисыча въ карманѣ нашла,—злорадно отвѣчала Клавдія.—Сами съѣли, а на меня поклепъ взвели. Извѣстно, Ардальонъ Борисычъ большіе сластуны, только чего жъ на другихъ валить, коли сами...

— Ну, поѣхала — сердито сказалъ Передоновъ, — и все врешь. Ты мнѣ подсунула, я не бралъ ничего.

— Чего мнѣ подсовывать, что вы, Богъ съ вами,—растерянно сказала Клавдія.

— Какъ ты смѣла по карманамъ лазить!—закричала Варвара.—Ты тамъ денегъ ищешь?

— Ничего я по карманамъ не лазаю,—грубо отвѣчала Клавдія. — Я взяла пальто почистить, все въ грязи.

— А въ карманъ зачѣмъ полѣзла?

— Да она сама изъ кармана вывалилась, что мнѣ по карманамъ лазить, — оправдывалась Клавдія.

— Врешь, дюшка,—сказалъ Передоновъ.

— Какая я вамъ дюшка, чтой-то-такое, насмѣшники этакіе! — закричала Клавдія.—Чортъ съ вами, откуплю вамъ вашъ изюмъ, подавитесь вы имъ,—сами сожрали, а я откупай. Да и откуплю,—совѣсти, видно, въ васъ нѣтъ, стыда въ глазахъ нѣтъ, а еще господа называетесь.

Клавдія ушла въ кухню, плача и ругаясь. Передоновъ отрывисто захохоталъ и сказалъ:

— Взъерепенилась какъ.

— И пусть откупаетъ,—говорила Варвара,—имъ все спускать, такъ они все сожрать готовы, черти голодушные.

И долго потомъ они оба дразнили Клавдію тѣмъ, что она съѣла фунтъ изюму. Деньги за этотъ изюмъ вычли изъ ея жалованья, и всѣмъ гостямъ разсказывали объ этомъ изюмѣ.

Котъ, словно привлеченный криками, вышелъ изъ кухни, пробираясь вдоль стѣнъ, и сѣлъ около Передонова, глядя на него жадными и злыми глазами. Передоновъ нагнулся, чтобы его поймать. Котъ яростно фыркнулъ, оцарапалъ руку Передонова, убѣжалъ и забился подъ шкапъ. Онъ выглядывалъ оттуда, и узкіе, зеленые зрачки его сверкали.

Точно оборотень,—пугливо подумалъ Передоновъ.

Межъ тѣмъ Варвара, все думая о Пыльниковѣ, заговорила.

— Чѣмъ бы по вечерамъ на билліардъ ходить каждый вечеръ, сходилъ бы иногда къ гимназистамъ на квартиры. Они знаютъ, что учителя къ нимъ рѣдко заглядываютъ, а инспектора и разъ въ годъ не дождешься, такъ у нихъ тамъ всякое безобразіе творится, и картежъ, и пьянство. Да вотъ, сходилъ бы къ этой дѣвчонкѣ-то переодѣтой. Пойди попозже, какъ спать станутъ ложиться; мало ли какъ тогда можно будетъ ее уличить, да сконфузить.

Передоновъ подумалъ, и захохоталъ.

Варвара—хитрая шельма,—подумалъ онъ,—она научитъ.

XII

Передоновъ отправился ко всенощной въ гимназическую церковь. Тамъ онъ сталъ сзади учениковъ и внимательно смотрѣлъ за тѣмъ, какъ они себя вели. Нѣкоторые, показалось ему, шалили, толкались, шептались, смѣялись. Онъ замѣтилъ ихъ, и постарался запомнить. Ихъ было много, и онъ сѣтовалъ на себя, какъ это онъ не догадался взять изъ дома бумажку и карандашикъ, записывать. Ему стало грустно, что гимназисты такъ плохо себя ведутъ, и никто на это не обращаетъ вниманія, хотя тутъ же въ церкви стояли директоръ, да инспекторъ со своими женами и дѣтьми.

А на самомъ дѣлѣ гимназисты стояли чинно и скромно, — иные крестились безсознательно, думая о чемъ-то постороннемъ храму, другіе молились прилежно. Рѣдко-рѣдко кто шепнетъ что-нибудь сосѣду,—два-три слова, почти не поворачивая головы, — и тотъ отвѣчалъ такъ же коротко и тихо, или даже однимъ только быстрымъ движеніемъ, взглядомъ, пожиманіемъ плечъ, улыбкой. Но эти маленькія движенія, незамѣчаемыя дежурившимъ помощникомъ классныхъ наставниковъ, давали встревоженнымъ, но тупымъ чувствамъ Передонова иллюзію большого безпорядка. Даже и въ спокойномъ своемъ состояніи Передоновъ, какъ и всѣ грубые люди, не могъ точно оцѣнить мелкихъ явленій: онъ или не замѣчалъ ихъ, или преувеличивалъ ихъ значеніе. Теперь же, когда онъ былъ возбужденъ ожиданіями и страхами, чувства его служили ему еще хуже, и мало-по-малу вся дѣйствительность заволакивалась передъ нимъ дымкой противныхъ и злыхъ иллюзій.

Да, впрочемъ, и раньше, что были гимназисты для Передонова? Не только ли аппаратомъ для растаскиванія перомъ чернилъ по бумагѣ и для пересказа суконнымъ языкомъ того, что когда-то было сказано языкомъ человѣчьимъ! Передоновъ во всю свою учительскую дѣятельность совершенно искренно не понималъ и не думалъ о томъ, что гимназисты такіе же люди, какъ и взрослые. Только бородатые гимназисты съ пробудившимся влеченіемъ къ женщинамъ вдругъ становились въ его глазахъ равными ему.

Постоявъ сзади и набравши достаточно грустныхъ впечатлѣній, Передоновъ подвинулся впередъ, къ среднимъ рядамъ. Тамъ стоялъ, на самомъ концѣ ряда, справа, Саша Пыльниковъ; онъ скромно молился и часто опускался на колѣни. Передоновъ посматривалъ на него, и особенно пріятно ему было смотрѣть, когда Саша стоялъ на колѣняхъ, какъ наказанный, и смотрѣлъ впередъ, къ сіяющимъ дверямъ алтарнымъ съ озабоченнымъ и просительнымъ выраженіемъ на лицѣ, съ мольбою и печалью въ черныхъ глазахъ, осѣненныхъ длинными, до синевы черными рѣсницами. Смуглый, стройный,—что особенно было замѣтно, когда онъ стоялъ на колѣняхъ спокойно и прямо, какъ бы подъ чьимъ-то строго наблюдающимъ взоромъ,—съ высокою и широкою грудью, онъ казался Передонову совсѣмъ похожимъ на дѣвочку.

Теперь Передоновъ окончательно рѣшился сегодня же послѣ всенощной итти къ нему на квартиру.

Стали выходить изъ церкви. Замѣтили, что у Передонова не шляпа, какъ всегда прежде, а

фуражка съ кокардою. Рутиловъ спросилъ смѣясь:

— Что ты, Ардальонъ Борисычъ, нынче съ кокардой щеголяешь? Вотъ что значитъ въ инспекторы-то мѣтитъ человѣкъ.

— Вамъ теперь солдаты должны честь отдавать?—съ дѣланнымъ простодушіемъ спросила Валерія.

— Ну вотъ, глупости какія! — сердито сказалъ Передоновъ.

— Ты ничего не понимаешь, Валерочка,— сказала Дарья, — какіе же солдаты! Теперь только отъ гимназистовъ Ардальонъ Борисычу почтенія гораздо больше будетъ, чѣмъ прежде.

Людмила хохотала. Передоновъ поспѣшилъ распрощаться съ ними, чтобы избавиться отъ ихъ насмѣшекъ.

Къ Пыльникову было еще рано, а домой не хотѣлось. Передоновъ пошелъ по темнымъ улицамъ, придумывая, гдѣ бы провести часъ. Было много домовъ, во многихъ окнахъ горѣли огни, иногда изъ отворенныхъ оконъ слышались голоса. По улицамъ шли расходившіеся изъ церкви, и слышно было, какъ отворялись и затворялись калитки и двери. Вездѣ люди жили, чужіе, враждебные Передонову, и иные изъ нихъ, можетъ быть, и теперь злоумышляли противъ него. Можетъ быть, уже кто-нибудь дивился, зачѣмъ это Передоновъ одинъ въ такой поздній часъ, и куда это онъ идетъ. Казалось Передонову, что кто-то выслѣживаетъ его и крадется за нимъ. Тоскливо стало ему. Онъ пошелъ поспѣшно, безъ цѣли.

Онъ думалъ, что у каждаго здѣсь дома есть свои покойники. И всѣ, кто жилъ въ этихъ старыхъ домахъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ,

всѣ умерли. Нѣкоторыхъ покойниковъ еще онъ помнилъ.

Человѣкъ умретъ, такъ и домъ бы сжечь,— тоскливо думалъ Передоновъ,--а то страшно очень.

Ольга Васильевна Коковкина, у которой жилъ гимназистъ Саша Пыльниковъ, была вдова казначея. Мужъ оставилъ ей пенсію и небольшой домъ, въ которомъ ей было такъ просторно, что она могла отдѣлить еще и двѣ, три комнаты для жильцовъ. Но она предпочла гимназистовъ. Повелось такъ, что къ ней всегда помѣщали самыхъ скромныхъ мальчиковъ, которые учились исправно и кончали гимназію. На другихъ же ученическихъ квартирахъ значительная часть была такихъ, которые кочуютъ изъ одного учебнаго заведенія въ другое, да такъ и выходятъ недоучками.

Ольга Васильевна, худощавая старушка, высокая и прямая, съ добродушнымъ лицомъ, которому она, однако, старалась придавать строгое выраженіе, и Саша Пыльниковъ, мальчикъ, хорошо откормленный и строго выдержанный своею теткою, сидѣли за чайнымъ столомъ. Сегодня была Сашина очередь ставить варенье, изъ деревни, и потому онъ чувствовалъ себя хозяиномъ, важно угощалъ Ольгу Васильевну, и черные глаза его ярко блестѣли.

Послышался звонокъ,—и вслѣдъ за тѣмъ въ столовой появился Передоновъ. Коковкина была удивлена столь позднимъ посѣщеніемъ.

— Вотъ я пришелъ посмотрѣть нашего гимназиста,—сказалъ онъ,—какъ онъ тутъ живетъ.

Коковкина угощала Передонова, но онъ отказался. Ему хотѣлось, чтобы они поскорѣе

кончили пить чай, и чтобы ему побыть одному съ гимназистомъ. Выпили чай, перешли въ Сашину комнату, а Коковкина не оставляла ихъ и разговаривала безъ конца. Передоновъ угрюмо смотрѣлъ на Сашу,—а тотъ застѣнчиво молчалъ.

„Ничего не выдетъ изъ этого посѣщенія", досадливо думалъ Передоновъ.

Служанка позвала зачѣмъ-то Коковкину. Она вышла. Саша тоскливо посмотрѣлъ за нею. Его глаза померкли, призакрылись рѣсницами,—и, казалось, что эти рѣсницы, слишкомъ длинныя, бросаютъ тѣнь на все его лицо, смуглое и вдругъ поблѣднѣвшее. Ему неловко было при этомъ угрюмомъ человѣкѣ. Передоновъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, неловко обнялъ его рукою и, не мѣняя неподвижнаго выраженія на лицѣ, спросилъ:

— Что, Сашенька, хорошо ли Богу помолилась?

Саша стыдливо и испуганно глянулъ на Передонова, покраснѣлъ и промолчалъ.

— А? что? хорошо?—спрашивалъ Передоновъ.

— Хорошо,—сказалъ, наконецъ, Саша.

— Ишь ты, румянецъ какой на щечкахъ,—сказалъ Передоновъ,—признавайтесь-ка, вѣдь вы дѣвчонка? Шельма, дѣвчонка!

— Нѣтъ, не дѣвчонка,—сказалъ Саша, и вдругъ, сердясь на себя за свою застѣнчивость, спросилъ зазвенѣвшимъ голосомъ:—чѣмъ это я похожъ на дѣвчонку? Это у васъ гимназисты такіе, придумали дразнить за то, что я дурныхъ словъ боюсь; я не привыкъ ихъ говорить, мнѣ ни за что не сказать, да и зачѣмъ говорить гадости?

— Маменька накажетъ?—спросилъ Передоновъ.

— У меня нѣтъ матери,—сказалъ Саша,—мама давно умерла; у меня тетя.

— Что-жъ, тетя накажетъ?

— Конечно, накажетъ, коли я стану гадости говорить. Развѣ хорошо?

— А откуда тетя узнаетъ?

— Да я и самъ не хочу,—спокойно сказалъ Саша.—А тетя мало ли какъ можетъ узнать. Можетъ быть, я самъ проговорюсь.

— А кто изъ вашихъ товарищей дурныя слова говоритъ?—спросилъ Передоновъ.

Саша опять покраснѣлъ и молчалъ.

— Ну что-жъ, говорите,—настаивалъ Передоновъ,—вы обязаны сказать, нельзя покрывать.

— Никто не говоритъ,—смущенно сказалъ Саша.

— Вы же сами сейчасъ жаловались.

— Я не жаловался.

— Что-жъ вы отпираетесь?—сердито сказалъ Передоновъ.

Саша чувствовалъ себя пойманнымъ въ какой-то скверный капканъ. Онъ сказалъ:

— Я только объяснилъ вамъ, почему меня нѣкоторые товарищи дразнятъ дѣвчонкой. А я не хочу на нихъ фискалить.

— Вотъ какъ, это почему же?—со злобою спросилъ Передоновъ.

— Да нехорошо,—сказалъ Саша съ досадливою усмѣшкою.

— Ну вотъ я директору скажу, такъ васъ заставятъ,—злорадно сказалъ Передоновъ.

Саша смотрѣлъ на Передонова гнѣвно загорѣвшимися глазами.

— Нѣтъ, вы, пожалуйста, не говорите, Ардальонъ Борисычъ,—просилъ онъ.

И въ срывающихся звукахъ его голоса было слышно, что онъ дѣлаетъ усиліе просить, что ему хочется кричать дерзкія, угрожающія слова.

— Нѣтъ, скажу. Вотъ вы тогда увидите, какъ покрывать гадости. Вы должны были сами сразу пожаловаться. Вотъ погодите, вамъ достанется.

Саша всталъ, и въ замѣшательствѣ теребилъ поясъ. Пришла Коковкина.

— Тихоня-то вашъ, хорошъ, нечего сказать,—злобно сказалъ Передоновъ.

Коковкина испугалась. Она торопливо подошла къ Сашѣ, сѣла рядомъ съ нимъ,—отъ волненія у нея всегда подкашивались ноги,—и спросила боязливо:

— А что такое, Ардальонъ Борисычъ? Что онъ сдѣлалъ?

— Вотъ у него спросите,—съ угрюмою злобою отвѣтилъ Передоновъ.

— Что такое, Сашенька, въ чемъ ты провинился?—спросила Коковкина, трогая Сашу за локоть.

— Я не знаю,—сказалъ Саша, и заплакалъ.

— Да что такое, что съ тобою, что ты плачешь?—спрашивала Коковкина.

Она положила руки на плечи мальчику, нагибала его къ себѣ, и не замѣчала, что ему неловко. А онъ стоялъ, склонясь, и закрывалъ глаза платкомъ. Передоновъ объяснилъ:

— Его тамъ въ гимназіи дурнымъ словамъ учатъ, а онъ не хочетъ сказать кто. Онъ не долженъ укрывать. А то и самъ учится гадостямъ, и другихъ покрываетъ.

— Ахъ, Сашенька, Сашенька, какъ же это ты такъ! Развѣ можно? Да какъ тебѣ не стыдно!—растерянно говорила Коковкина, отпустивъ Сашу.

— Я ничего,—рыдая отвѣчалъ Саша,—я ничего не сдѣлалъ худого. Они меня за то и дразнятъ, что я не могу худыхъ словъ говорить.

— Кто говоритъ худыя слова?—опять спросилъ Передоновъ.

— Никто не говоритъ,—съ отчаяніемъ воскликнулъ Саша.

— Видите, какъ онъ лжетъ,—сказалъ Передоновъ,—его наказать надо хорошенько. Надо, чтобъ онъ открылъ, кто говоритъ гадости, а то на нашу гимназію нареканія пойдутъ, а мы ничего не можемъ сдѣлать.

— Ужъ вы его извините, Ардальонъ Борисычъ,—сказала Коковкина,—какъ же онъ скажетъ на товарищей? Вѣдь ему потомъ житья не дадутъ.

— Онъ обязанъ сказать,—сердито сказалъ Передоновъ,—отъ этого только польза будетъ. Мы примемъ мѣры къ ихъ исправленію.

— Да вѣдь они его бить будутъ?—нерѣшительно сказала Коковкина.

— Не посмѣютъ. Если онъ труситъ, пусть по секрету скажетъ.

— Ну, Сашенька, скажи по секрету. Никто не узнаетъ, что ты сказалъ.

Саша молча плакалъ. Коковкина привлекла его къ себѣ, обняла и долго шептала что-то на ухо. Онъ отрицательно качалъ головой.

— Не хочетъ,—сказала Коковкина.

— А вотъ розгой его пробрать, такъ заговоритъ,—свирѣпо сказалъ Передоновъ.—Принесите мнѣ розгу, я его заставлю говорить.

— Ольга Васильевна, да за что же!—воскликнулъ Саша.

Коковкина встала и обняла его.

— Ну, довольно ревѣть,—сказала она нѣжно и строго,—никто тебя не тронетъ.

— Какъ хотите,—сказалъ Передоновъ,—а только я тогда долженъ директору сказать. Я думалъ по-семейному, ему же лучше бы. Можетъ быть, и вашъ Сашенька прожженный. Еще мы не знаемъ, за что его дразнятъ дѣвчонкой,— можетъ быть, совсѣмъ за другое. Можетъ быть, не его учатъ, а онъ другихъ развращаетъ.

Передоновъ сердито пошелъ изъ комнаты. За нимъ вышла и Коковкина. Она укоризненно сказала:

— Ардальонъ Борисычъ, какъ же это вы такъ мальчика конфузите нивѣсть за что! Хорошо, что онъ еще и не понимаетъ вашихъ словъ.

— Ну, прощайте,—сердито сказалъ Передоновъ,—а только я скажу директору. Это надо разслѣдовать.

Онъ ушелъ. Коковкина пошла утѣшать Сашу. Саша грустно сидѣлъ у окна, и смотрѣлъ на звѣздное небо. Уже спокойны и странно печальны были его черные глаза. Коковкина молча погладила его по головѣ.

— Я самъ виноватъ,—сказалъ онъ,—проболтался, за что меня дразнятъ, а онъ и присталъ. Онъ самый грубый. Его никто изъ гимназистовъ не любитъ.

На другой день Передоновъ и Варвара переѣзжали, наконецъ, на новую квартиру. Ершова стояла въ воротахъ, и свирѣпо ругалась съ Варварой. Передоновъ прятался отъ нея за возами.

На новой квартирѣ тотчасъ же отслужили молебенъ. Необходимо было, по расчетамъ Передонова, показать, что онъ—человѣкъ вѣрующій. Во время молебна запахъ ладана, кружа

ему голову, вызвалъ въ немъ смутное настроеніе, похожее на молитвенное.

Одно странное обстоятельство смутило его. Откуда-то прибѣжала удивительная тварь неопредѣленныхъ очертаній, — маленькая, сѣрая, юркая недотыкомка. Она посмѣивалась, и дрожала, и вертѣлась вокругъ Передонова. Когда же онъ протягивалъ къ ней руку, она быстро ускользала, убѣгала за дверь или подъ шкапъ, а черезъ минуту появлялась снова, и дрожала, и дразнилась,—сѣрая, безликая, юркая.

Наконецъ, уже когда кончался молебенъ, Передоновъ догадался и зачурался шопотомъ. Недотыкомка зашипѣла тихо-тихо, сжалась въ малый комокъ, и укатилась за дверь. Передоновъ вздохнулъ облегченно.

„Да, хорошо, если она совсѣмъ укатилась. А, можетъ быть, она живетъ въ этой квартирѣ, гдѣ-нибудь подъ поломъ, и опять станетъ приходить и дразнить".

Тоскливо и холодно стало Передонову.

И къ чему вся эта нечисть на свѣтѣ? подумалъ онъ.

Когда молебенъ кончился, когда гости разошлись, Передоновъ долго думалъ о томъ, гдѣ бы могла скрываться недотыкомка. Варвара ушла къ Грушиной, а Передоновъ отправился на поиски, и принялся перерывать ея вещи.

„Не въ карманѣ ли унесла ее Варвара?"—думалъ Передоновъ. — „Много ли ей надо мѣста? Спрячется въ карманъ, и будетъ сидѣть, пока срокъ не придетъ".

Одно Варварино платье привлекло вниманіе Передонова. Оно все было въ оборкахъ, бантикахъ, лентахъ, словно нарочно сшито, чтобы можно было спрятать кого-нибудь. Поредоновъ

долго разсматривалъ его, потомъ съ усиліемъ, при помощи ножа, вырвалъ, отчасти вырѣзалъ, карманъ, бросилъ его въ печку, а затѣмъ принялся рвать и рѣзать на мелкіе куски все платье. Въ его головѣ бродили смутныя, странныя мысли, а на душѣ было безнадежно тоскливо.

Скоро вернулась Варвара,—еще Передоновъ кромсалъ остатки платья. Она подумала, что онъ пьянъ, и принялась ругаться. Передоновъ слушалъ долго, и, наконецъ, сказалъ:

— Чего лаешься, дура! Ты, можетъ быть, чорта въ карманѣ носишь. Долженъ же я позаботиться, что тутъ дѣлается.

Варвара опѣшила. Довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, онъ поспѣшилъ отыскать шапку, и отправился играть на билліардѣ. Варвара выбѣжала въ переднюю и, пока Передоновъ надѣвалъ пальто, кричала:

— Это ты, можетъ быть, чорта въ карманѣ носишь, а у меня нѣтъ никакого чорта. Откуда я тебѣ чорта возьму? Развѣ по заказу изъ Голландіи тебѣ выписать!

Молоденькій чиновникъ Черепнинъ, тотъ самый, о которомъ разсказывала Вершина, что онъ подсматривалъ въ окно, началъ было, когда Вершина овдовѣла, ухаживать за нею. Вершина не прочь была бы выйти замужъ второй разъ, но Черепнинъ казался ей слишкомъ ничтожнымъ. Черепнинъ озлобился. Онъ съ радостью поддался на уговоры Володина вымазать дегтемъ ворота у Вершиной.

Согласился, а потомъ раздумье взяло. А ну какъ поймаютъ? Неловко, все же чиновникъ. Онъ рѣшилъ переложить это дѣло на другихъ.

Затративъ четвертакъ на подкупъ двухъ подростковъ-сорванцовъ, онъ обѣщалъ имъ еще по пятіалтынному, если они устроятъ это, — и въ одну темную ночь дѣло было сдѣлано.

Если бы кто-нибудь въ домѣ Вершиной открылъ окно послѣ полуночи, то онъ услышалъ бы на улицѣ легкій шорохъ босыхъ ногъ на мосткахъ, тихій шопотъ, еще какіе-то мягкіе звуки, похожіе на то, словно обметали заборъ; потомъ легкое звяканье, быстрый топотъ тѣхъ же ногъ, все быстрѣе и быстрѣе, далекій хохотъ, тревожный лай собакъ.

Но никто не открылъ окна. А утромъ... Калитка, заборъ около сада и около двора были исполосованы желтовато-коричневыми слѣдами отъ дегтя. На воротахъ дегтемъ написаны были грубыя слова. Прохожіе ахали и смѣялись, разнеслась молва, приходили любопытные.

Вершина ходила быстро въ саду, курила, улыбалась еще кривѣе обычнаго, и бормотала сердитыя слова. Марта не выходила изъ дому, и горько плакала. Служанка Марья пыталась смыть деготь, и злобно переругивалась съ глазѣвшими, галдѣвшими и хохотавшими любопытными.

Черепнинъ въ тотъ же день разсказалъ Володину, кто это сдѣлалъ. Володинъ немедленно же передалъ это Передонову. Оба они знали этихъ мальчишекъ, которые славились дерзкими шалостями.

Передоновъ, отправляясь на билліардъ, зашелъ къ Вершиной. Было пасмурно. Вершина и Марта сидѣли въ гостиной.

— У васъ ворота замазали дегтемъ, — сказалъ Передоновъ.

Марта покраснѣла. Вершина торопливо разсказала, какъ онѣ встали и увидѣли, что на ихъ заборъ смѣются, и какъ Марья отмывала заборъ. Передоновъ сказалъ:

— Я знаю, кто это сдѣлалъ.

Вершина въ недоумѣніи смотрѣла на Передонова.

— Какъ же это вы узнали?—спросила она.

— Да ужъ узналъ.

— Кто же, скажите, — сердито спросила Марта.

Она сдѣлалась совсѣмъ некрасивою, потому что у нея были теперь злые, заплаканные глаза съ покраснѣвшими и распухшими вѣками. Передоновъ отвѣчалъ:

— Я скажу, конечно, для того и пришелъ. Этихъ мерзавцевъ надо проучить. Только вы должны обѣщать, что никому не скажете, отъ кого узнали.

— Да отчего же такъ, Ардальонъ Борисычъ?—съ удивленіемъ спросила Вершина.

Передоновъ помолчалъ значительно, потомъ сказалъ въ объясненіе:

— Это такіе озорники, что голову проломятъ, коли узнаютъ, кто ихъ выдалъ.

Вершина обѣщала молчать.

— И вы не говорите, что это я сказалъ,— обратился Передоновъ къ Мартѣ.

— Хорошо, я не скажу,—поспѣшно согласилась Марта, потому что хотѣлось поскорѣе узнать имена виновниковъ.

Ей казалось, что ихъ слѣдовало подвергнуть мучительному и позорному наказанію.

— Нѣтъ, вы лучше побожитесь,—опасливо сказалъ Передоновъ.

— Ну вотъ ей-Богу, никому не скажу,—

увѣряла Марта, — вы только скажите поскорѣй.

А за дверью подслушивалъ Владя. Онъ радъ былъ, что догадался не входить въ гостиную: его не заставятъ дать обѣщанія, и онъ можетъ сказать кому угодно. И онъ улыбался отъ радости, что такъ отомститъ Передонову.

— Я вчера въ первомъ часу возвращался домой по вашей улицѣ,—разсказывалъ Передоновъ,—вдругъ слышу, около вашихъ воротъ кто-то возится. Я сначала думалъ, что воры. Думаю, какъ мнѣ быть. Вдругъ слышу, побѣжали, и прямо на меня. Я къ стѣнкѣ прижался, они меня не видали, а я ихъ узналъ. У одного мазилка, у другого ведерко. Извѣстные мерзавцы, слесаря Авдѣева сыновья. Бѣгутъ, и одинъ другому говоритъ: не даромъ ночь провели, говоритъ, пятьдесятъ пять копѣечекъ заработали. Я было хотѣлъ хоть одного задержать, да побоялся, что харю измажутъ, да и на мнѣ новое пальто было.

Едва Передоновъ ушелъ, Вершина отправилась къ исправнику съ жалобою.

Исправникъ Миньчуковъ послалъ городового за Авдѣевымъ и его сыновьями.

Мальчики пришли смѣло; они думали, что ихъ подозрѣваютъ по прежнимъ шалостямъ. Авдѣевъ, унылый, длинный старикъ, былъ, наоборотъ, вполнѣ увѣренъ, что его сыновья опять сдѣлали какую-нибудь пакость. Исправникъ разсказалъ Авдѣеву, въ чемъ обвиняются его сыновья. Авдѣевъ промолвилъ:

— Нѣтъ съ ними моего сладу. Что хотите, то съ ними и дѣлайте, а я ужъ руки объ нихъ обколотилъ.

— Это не наше дѣло,—рѣшительно заявилъ старшій, вихрастый, рыжій мальчикъ Нилъ.

— На насъ все валятъ, кто что ни сдѣлаетъ, — плаксиво сказалъ младшій, такой же вихрастый, но бѣлоголовый Илья. — Что жъ, разъ нашалили, такъ теперь за все и отвѣчай.

Миньчуковъ сладко улыбнулся, покачалъ головою, и сказалъ:

— А вы лучше признайтесь чистосердечно.

— Не въ чемъ, — грубо сказалъ Нилъ.

— Не въ чемъ? А пятьдесятъ пять копѣекъ кто вамъ далъ за работу, а?

И видя по минутному замѣшательству мальчиковъ, что они виноваты, Миньчуковъ сказалъ Вершиной:

— Да ужъ видно, что они.

Мальчики стали снова запираться. Ихъ отвели въ чуланъ,—сѣчь. Не стерпѣвши боли, они повинились. Но и признавшись, не хотѣли было говорить, отъ кого получили за это деньги.

— Сами затѣяли.

Ихъ сѣкли по-очереди, не торопясь, пока они не сказали, что подкупилъ ихъ Черепнинъ. Мальчиковъ отдали отцу.

Исправникъ сказалъ Вершиной:

— Ну вотъ, мы ихъ наказали, т.-е. отецъ ихъ наказалъ, а вы знаете, кто это вамъ сдѣлалъ.

— Я этого Черепнину такъ не спущу, — говорила Вершина,—я на него въ судъ подамъ.

— Не совѣтую, Наталья Аѳанасьевна, — кротко сказалъ Миньчуковъ,—лучше оставьте это.

— Какъ это спускать такимъ негодяямъ? да ни за что!—воскликнула Вершина.

— Главное, уликъ никакихъ, — спокойно сказалъ исправникъ.

— Какъ никакихъ, коли сами мальчики признались?

— Мало ли что признались, а передъ судьей отопрутся,—тамъ вѣдь ихъ пороть не станутъ.

— Какъ же отопрутся? Городовые—свидѣтели,—сказала Вершина уже не такъ увѣренно.

— Какіе тамъ свидѣтели? Коли шкуру драть съ человѣка станутъ, такъ онъ во всемъ признается, чего и не было. Они, конечно, мерзавцы, имъ и досталось, ну, а судомъ съ нихъ ничего не возьмете.

Миньчуковъ сладко улыбался, и спокойно посматривалъ на Вершину.

Вершина ушла отъ исправника очень недовольная, но, подумавъ, согласилась, что Черепнина обвинять трудно, и что изъ этого можетъ выйти только лишняя огласка и срамъ.

XIII.

Къ вечеру Передоновъ явился къ директору,—поговорить по дѣлу.

Директоръ, Николай Власьевичъ Хрипачъ, имѣлъ извѣстное число правилъ, которыя столь удобно прикладывались къ жизни, что придерживаться ихъ было нисколько не обременительно. По службѣ онъ спокойно исполнялъ все, что требовалось законами или распоряженіями начальства, а также правилами общепринятаго умѣреннаго либерализма. Поэтому начальство, родители и ученики равно довольны были директоромъ. Сомнительныхъ случаевъ, нерѣшительности, колебаній онъ не зналъ, да и къ чему они? всегда можно опереться или на постановленіе педагогическаго совѣта, или на предписаніе начальства. Столь же правиленъ и спо-

коенъ былъ онъ въ личныхъ сношеніяхъ. Самая наружность его являла видъ добродушія и стойкости: небольшого роста, плотный, подвижной, съ бойкими глазами и увѣренною рѣчью, онъ казался человѣкомъ, который недурно устроился и намѣренъ устроиться еще лучше. Въ кабинетѣ его на полкахъ стояло много книгъ; изъ нѣкоторыхъ онъ дѣлалъ выписки. Когда выписокъ накоплялось достаточно, онъ располагалъ ихъ въ порядкѣ, и пересказывалъ своими словами,—и вотъ составлялся учебникъ, печатался и расходился, не такъ, какъ расходятся книжки Ушинскаго или Евтушевскаго, но все-таки хорошо. Иногда онъ составлялъ, преимущественно по заграничнымъ книжкамъ, компиляцію, почтенную и никому ненужную, и печаталъ ее въ журналѣ, тоже почтенномъ и тоже никому ненужномъ. Дѣтей у него было много, и всѣ они, мальчики и дѣвочки, уже обнаруживали зачатки разнообразныхъ талантовъ: кто писалъ стихи, кто рисовалъ, кто дѣлалъ быстрые успѣхи въ музыкѣ.

Передоновъ угрюмо говорилъ:

— Вотъ вы все на меня нападаете, Николай Власьевичъ. Вамъ на меня, можетъ быть, клевещутъ, а я ничего такого не дѣлаю.

— Извините,—прервалъ директоръ,—я не могу понять, о какихъ клеветахъ вы изволите упоминать. Въ дѣлѣ управленія ввѣренной мнѣ гимназіей я руководствуюсь собственными моими наблюденіями, и смѣю надѣяться, что моя служебная опытность достаточна для того, чтобы съ должною правильностью оцѣнивать то, что я вижу и слышу, тѣмъ болѣе, при томъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу, которое я ставлю себѣ за непремѣнное правило,—говорилъ Хри-

пачъ быстро и отчетливо, и голосъ его раздавался сухо и ясно, подобно треску, издаваемому цинковыми прутьями, когда ихъ сгибаютъ.—Что же касается моего личнаго о васъ мнѣнія, то я и нынѣ продолжаю думать, что въ вашей служебной дѣятельности обнаруживаются досадные пробѣлы.

— Да,—угрюмо сказалъ Передоновъ, — вы взяли себѣ въ голову, что я никуда не гожусь, а я постоянно о гимназіи забочусь.

Хрипачъ съ удивленіемъ поднялъ брови, и вопросительно поглядѣлъ на Передонова.

— Вы не замѣчаете,—продолжалъ Передоновъ,—что у насъ въ гимназіи скандалъ можетъ вытти,—и никто не замѣчаетъ, одинъ я услѣдилъ.

— Какой скандалъ?—съ сухимъ смѣшкомъ спросилъ Хрипачъ, и проворно заходилъ по кабинету. — Вы меня интригуете, хотя, скажу откровенно, я мало вѣрю въ возможность скандала въ нашей гимназіи.

— Да, а вотъ вы не знаете, кого вы нынче приняли,—сказалъ Передоновъ съ такимъ злорадствомъ, что Хрипачъ пріостановился и внимательно посмотрѣлъ на него.

— Всѣ вновь принятые на перечетъ,—сухо сказалъ онъ.—При томъ же принятые въ первый классъ, очевидно, не были еще исключены изъ другой гимназіи, а единственный, поступившій въ пятый классъ, прибылъ къ намъ съ такими рекомендаціями, которыя исключаютъ возможность нелестныхъ предположеній.

— Да, только его не къ намъ надо бы отдать, а въ другое заведеніе, — угрюмо, словно нехотя, промолвилъ Передоновъ.

— Объяснитесь, Ардальонъ Борисычъ, про-

шу васъ,—сказалъ Хрипачъ.—Надѣюсь, вы не хотите сказать, что Пыльникова слѣдуетъ отправить въ колонію для малолѣтнихъ преступниковъ.

— Нѣтъ, эту тварь надо отправить въ пансіонъ безъ древнихъ языковъ,—злобно сказалъ Передоновъ, и глаза его сверкнули злостью.

Хрипачъ, засунувъ руки въ карманы домашняго коротенькаго пиджака, смотрѣлъ на Передонова съ необычайнымъ удивленіемъ.

— Какой пансіонъ?—спросилъ онъ.—Извѣстно ли вамъ, какія учрежденія именуются такимъ образомъ? И если извѣстно, то какъ рѣшились вы сдѣлать такое непристойное сопоставленіе?

Хрипачъ сильно покраснѣлъ, и голосъ его звучалъ еще суше и отчетливѣе. Въ другое время эти признаки директорова гнѣва приводили Передонова въ замѣшательство. Но теперь онъ не смущался.

— Вы всѣ думаете, что это мальчикъ,—сказалъ онъ, насмѣшливо щуря глаза, — а вотъ и не мальчикъ, а дѣвчонка, да еще какая!

Хрипачъ коротко и сухо засмѣялся, словно дѣланнымъ смѣхомъ, звонкимъ и отчетливымъ,— такъ онъ и всегда смѣялся.

— Ха-х-а-ха!—отчетливо дѣлалъ онъ, кончая смѣяться, сѣлъ въ кресло, и откинулъ голову, словно падая отъ смѣха.—Удивили же вы меня, почтенный Ардальонъ Борисычъ! ха-ха-ха! Скажите мнѣ, будьте любезны, на чемъ вы основываете ваше предположеніе,—если посылки, которыя васъ привели къ этому заключенію, не составляютъ вашей тайны! ха-ха-ха!

Передоновъ разсказалъ все, что слышалъ отъ Варвары, и уже заодно распространился о дурныхъ качествахъ Коковкиной. Хрипачъ слушалъ,

по временамъ разражаясь сухимъ, отчетливымъ смѣхомъ.

— У васъ, любезный Ардальонъ Борисычъ, зашалило воображеніе, — сказалъ онъ, всталъ и похлопалъ Передонова по рукаву.— У многихъ изъ моихъ уважаемыхъ товарищей, какъ и у меня, есть свои дѣти, мы всѣ не первый годъ живемъ, и неужели вы думаете, что могли принять за мальчика переодѣтую дѣвочку?

— Вотъ вы такъ къ этому относитесь, а если что-нибудь выйдетъ, то кто же будетъ виноватъ?—спросилъ Передоновъ.

— Ха-ха-ха!—засмѣялся Хрипачъ, — какихъ же послѣдствій вы опасаетесь?

— Въ гимназіи развратъ начнется,—сказалъ Передоновъ.

Хрипачъ нахмурился и сказалъ:

— Вы слишкомъ далеко заходите. Все, что вы мнѣ до сихъ поръ сказали, не даетъ мнѣ ни малѣйшаго повода раздѣлять ваши подозрѣнія.

Въ этотъ же вечеръ Передоновъ поспѣшно обошелъ всѣхъ сослуживцевъ, отъ инспектора до помощниковъ классныхъ наставниковъ, и всѣмъ разсказывалъ, что Пыльниковъ—переодѣтая барышня. Всѣ смѣялись и не вѣрили, но многіе, когда онъ уходилъ, впадали въ сомнѣніе. Учительскія жены, такъ тѣ почти всѣ повѣрили сразу.

На другое утро уже многіе пришли на уроки съ мыслью, что Передоновъ, можетъ быть, и правъ. Открыто этого не говорили, но уже и не спорили съ Передоновымъ, и ограничивались нерѣшительными и двусмысленными отвѣтами: каждый боялся, что его сочтутъ глупымъ, если

онъ станетъ спорить, а вдругъ окажется, что это—правда. Многимъ хотѣлось бы услышать, что говоритъ объ этомъ директоръ,—но директоръ, сверхъ обыкновенія, вовсе не выходилъ сегодня изъ своей квартиры, только прошелъ, сильно запоздавъ, на свой единственный въ тотъ день урокъ въ шестомъ классѣ, просидѣлъ тамъ лишнихъ пять минутъ, и ушелъ прямо къ себѣ, никому не показавшись.

Наконецъ передъ четвертымъ урокомъ сѣдой законоучитель и еще двое учителей пошли въ кабинетъ къ директору подъ предлогомъ какого-то дѣла, и батюшка осторожно завелъ рѣчь о Пыльниковѣ. Но директоръ засмѣялся такъ увѣренно и простодушно, что всѣ трое разомъ прониклись увѣренностью, что все это вздоръ. А директоръ быстро перешелъ на другія темы, разсказалъ свѣжую городскую новость, пожаловался на сильнѣйшую головную боль, и сказалъ, что, кажется, придется пригласить почтеннѣйшаго Евгенія Ивановича, — гимназическаго врача. Затѣмъ въ очень добродушномъ тонѣ онъ разсказалъ, что сегодня урокъ еще усилилъ его головную боль, такъ какъ случилось, что въ сосѣднемъ классѣ былъ Передоновъ, и гимназисты тамъ почему-то часто и необычайно громко смѣялись. Засмѣявшись своимъ сухимъ смѣхомъ, Хрипачъ сказалъ:

— Въ этомъ году судьба ко мнѣ не милосердна,—три раза въ недѣлю приходится сидѣть рядомъ съ классомъ, гдѣ занимается Ардальонъ Борисычъ, и, представьте, постоянно хохотъ, да еще какой. Казалось бы, Ардальонъ Борисычъ человѣкъ не смѣшливый, а какую постоянно возбуждаетъ веселость!

И, не давъ никому сказать что-нибудь на

это, Хрипачъ быстро перешелъ еще разъ къ другой темѣ.

А на урокахъ у Передонова въ послѣднее время, дѣйствительно, много смѣялись,—и не потому, чтобы это ему нравилось. Напротивъ, дѣтскій смѣхъ раздражалъ Передонова. Но онъ не могъ удержаться, чтобы не говорить чего-нибудь лишняго, непристойнаго: то разскажетъ глупый анекдотъ, то примется дразнить кого-нибудь посмирнѣе. Всегда въ классѣ находилось нѣсколько такихъ, которые рады были случаю произвести безпорядокъ,—и при каждой выходкѣ Передонова подымали неистовый хохотъ.

Къ концу уроковъ Хрипачъ послалъ за врачемъ, а самъ взялъ шляпу, и отправился въ садъ, что лежалъ межъ гимназіею и берегомъ рѣки. Садъ былъ обширный и тѣнистый. Маленькіе гимназисты любили его. Они въ немъ широко разбѣгались на перемѣнахъ. Поэтому помощники классныхъ наставниковъ не любили этого сада. Они боялись, что съ мальчиками что-нибудь случится. А Хрипачъ требовалъ, чтобы мальчики бывали тамъ на перемѣнахъ. Это было нужно ему для красоты въ отчетахъ.

Проходя по коридору, Хрипачъ пріостановился у открытой двери въ гимнастическій залъ, постоялъ, опустилъ голову, и вошелъ. По его невеселому лицу и медленной походкѣ уже всѣ знали, что у него болитъ голова.

Собирался на гимнастику пятый классъ. Построились въ одну шеренгу, и учителъ гимнастики, поручикъ мѣстнаго резервнаго батальона, собирался что-то скомандовать, но, увидѣвъ директора, пошелъ къ нему навстрѣчу. Директоръ пожалъ ему руку, разсѣянно поглядѣлъ на гимназистовъ, и спросилъ:

— Довольны вы ими? Какъ они, стараются? Не утомляются?

Поручикъ глубоко презиралъ въ душѣ гимназистовъ, у которыхъ, по его мнѣнію, не было и не могло быть военной выправки. Если бы это были кадеты, то онъ прямо сказалъ бы, что о нихъ думаетъ. Но объ этихъ увальняхъ не стоило говорить непріятной правды человѣку, отъ котораго зависѣли его уроки. И онъ сказалъ, пріятно улыбаясь тонкими губами и глядя на директора ласково и весело:

— О, да, славные ребята.

Директоръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ вдоль фронта, повернулъ къ выходу, и вдругъ остановился, словно вспомнивъ что-то.

— А нашимъ новымъ ученикомъ вы довольны? Какъ онъ, старается? Не утомляется?— спросилъ онъ лѣниво и хмуро, и взялся рукою за лобъ.

Поручикъ, для разнообразія, и думая, что вѣдь этой чужой, со стороны, гимназистъ, сказалъ:

— Нѣсколько вялъ, да скоро устаетъ.

Но директоръ уже не слушалъ его и выходилъ изъ зала.

Внѣшній воздухъ, повидимому, мало освѣжилъ Хрипача. Черезъ полчаса онъ вернулся, и опять, постоявъ у двери съ полминуты, зашелъ на урокъ. Шли упражненія на снарядахъ. Два-три незанятыхъ пока гимназиста, не замѣчая директора, стояли, прислонясь къ стѣнѣ, пользуясь тѣмъ, что поручикъ не смотрѣлъ на нихъ. Хрипачъ подошелъ къ нимъ.

— А, Пыльниковъ,—сказалъ онъ,—зачѣмъ же вы легли на стѣну?

Саша ярко покраснѣлъ, вытянулся и молчалъ.

— Если вы такъ утомляетесь, то вамъ, можетъ быть, вредна гимнастика?—строго спросилъ Хрипачъ.

— Виноватъ, я не усталъ,—испуганно сказалъ Саша.

— Одно изъ двухъ,—продолжалъ Хрипачъ,—или не посѣщать уроковъ гимнастики, или... Впрочемъ, зайдите ко мнѣ послѣ уроковъ.

Онъ поспѣшно ушелъ, а Саша стоялъ, смущенный, испуганный.

— Влетѣлъ!—говорили ему товарищи,—онъ тебя до вечера будетъ отчитывать.

Хрипачъ любилъ дѣлать продолжительные выговоры, и гимназисты пуще всего боялись его приглашеній.

Послѣ уроковъ Саша робко отправился къ директору. Хрипачъ принялъ его немедленно. Онъ быстро подошелъ, словно подкатился на короткихъ ногахъ къ Сашѣ, придвинулся къ нему близко и, внимательно глядя ему прямо въ глаза, спросилъ:

— Васъ, Пыльниковъ, въ самомъ дѣлѣ, утомляютъ уроки гимнастики? Вы на видъ довольно здоровый мальчикъ, но „наружность иногда обманчива бываетъ". У васъ нѣтъ какой-нибудь болѣзни? Можетъ быть, вамъ вредно заниматься гимнастикой?

— Нѣтъ, Николай Власьевичъ, я здоровъ,—отвѣчалъ Саша, весь красный отъ смущенія.

— Однако,—возразилъ Хрипачъ,—и Алекс
Алексѣевичъ жалуется на вашу вялость и
то, что вы скоро устаете, и я замѣтилъ сегод
на урокѣ, что у васъ утомленный видъ. Или
ошибся, можетъ быть?

Саша не зналъ, куда ему скрыть свои гла
отъ пронизывающаго взора Хрипача. Онъ р
стерянно бормоталъ:

— Извините, я не буду, я такъ, просто полѣнился стоять. Я, право, здоровъ. Я буду усердно заниматься гимнастикой.

Вдругъ, совсѣмъ неожиданно для себя, онъ заплакалъ.

— Вотъ видите, — сказалъ Хрипачъ, — вы, очевидно, утомлены: вы плачете, какъ будто я сдѣлалъ вамъ суровый выговоръ. Успокойтесь.

Онъ положилъ руку на Сашино плечо, и сказалъ:

— Я позвалъ васъ не для нотацій, а чтобы разъяснить... Да вы сядьте, Пыльниковъ, я вижу, вы устали.

Саша поспѣшно вытеръ платкомъ мокрые глаза, и сказалъ:

— Я совсѣмъ не усталъ.

— Сядьте, сядьте,—повторилъ Хрипачъ, и подвинулъ Сашѣ стулъ.

— Право же, я не усталъ, Николай Власьевичъ,—увѣрялъ Саша.

Хрипачъ взялъ его за плечи, посадилъ, самъ сѣлъ противъ него, и сказалъ:

— Поговоримте спокойно, Пыльниковъ. Вы и сами можете не знать дѣйствительнаго состоянія вашего здоровья: вы—мальчикъ старательный и хорошій во всѣхъ отношеніяхъ, поэтому для меня вполнѣ понятно, что вы не хотѣли просить увольненія отъ уроковъ гимнастики. Кстати, я просилъ сегодня Евгенія Ивановича притти ко мнѣ, такъ какъ и самъ чувствую себя дурно. Вотъ онъ кстати и васъ посмотритъ. Надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ этого?

Хрипачъ посмотрѣлъ на часы и, не дожидаясь отвѣта, заговорилъ съ Сашей о томъ, какъ онъ провелъ лѣто.

Скоро явился Евгеній Ивановичъ Суровцевъ, гимназическій врачъ, человѣкъ маленькій, черный, юркій, любитель разговоровъ о политикѣ и о новостяхъ. Знаній большихъ у него не было, но онъ внимательно относился къ больнымъ, лѣкарствамъ предпочиталъ діэту и гигіену, и потому лѣчилъ успѣшно.

Сашѣ велѣли раздѣться, Суровцевъ внимательно разсмотрѣлъ его, и не нашелъ никакого порока, а Хрипачъ убѣдился, что Саша вовсе не барышня. Хотя онъ и раньше былъ въ этомъ увѣренъ, но считалъ полезнымъ, чтобы впослѣдствіи, если придется отписываться на запросы округа, врачъ гимназіи имѣлъ возможность удостовѣрить это безъ лишнихъ справокъ.

Отпуская Сашу, Хрипачъ сказалъ ему ласково:

— Теперь, когда мы знаемъ, что вы здоровы, я скажу Алексѣю Алексѣевичу, чтобы онъ не давалъ вамъ никакой пощады.

Передоновъ не сомнѣвался, что раскрытіе въ одномъ изъ гимназистовъ дѣвочки обратитъ вниманіе начальства, и что, кромѣ повышенія, ему дадутъ и орденъ. Это поощряло его бдительно смотрѣть за поведеніемъ гимназистовъ. Къ тому же погода нѣсколько дней подрядъ стояла пасмурная и холодная, на билліардъ собирались плохо,—оставалось ходить по городу и посѣщать ученическія квартиры и даже тѣхъ гимназистовъ, которые жили при родителяхъ.

Передоновъ выбиралъ родителей, что попроще: придетъ, нажалуется на мальчика, того высѣкутъ,—и Передоновъ доволенъ. Такъ нажаловался онъ прежде всего на Іосифа Крама-

ренка его отцу, державшему въ городѣ пивной заводъ,—сказалъ, что Іосифъ шалитъ въ церкви. Отецъ повѣрилъ и наказалъ сына. Потомъ та же участь постигла еще нѣсколькихъ другихъ. Къ тѣмъ, которые, по мнѣнію Передонова, стали бы заступаться за сыновей, онъ и не ходилъ: еще пожалуются въ округъ.

Каждый день посѣщалъ онъ хоть одну ученическую квартиру. Тамъ онъ велъ себя по-начальнически: распекалъ, распоряжался, угрожалъ. Но тамъ гимназисты чувствовали себя самостоятельнѣе, и порою дерзили Передонову. Впрочемъ, Флавицкая, дама энергичная, высокая и звонкоголосая, по желанію Передонова, высѣкла больно своего маленькаго постояльца, Владиміра Бультякова.

Въ классахъ на слѣдующій день Передоновъ разсказывалъ о своихъ подвигахъ. Фамилій не называлъ, но жертвы его сами выдавали себя своимъ смущеніемъ.

XIV.

Слухи о томъ, что Пыльниковъ—переодѣтая барышня, быстро разнеслись по городу. Изъ первыхъ узнали Рутиловы. Людмила, любопытная, всегда старалась все новое увидѣть своими глазами. Она зажглась жгучимъ любопытствомъ къ Пыльникову. Конечно, ей надо посмотрѣть на ряженую плутовку. Она же и знакома съ Коковкиною. И вотъ какъ-то разъ къ вечеру Людмила сказала сестрамъ:

— Пойду посмотрѣть эту барышню.

— Глазопялка!—сердито крикнула Дарья.

— Нарядилась,—отмѣтила Валерія, сдержанно усмѣхаясь.

Имъ было досадно, что не онѣ выдумали: втроемъ неловко итти. Людмила одѣлась нѣсколько наряднѣе обычнаго,—зачѣмъ и сама не знала. Впрочемъ, она любила наряжаться, и одѣвалась откровеннѣе сестеръ: руки да плеча поголѣе, юбка покороче, башмаки полегче, чулки потоньше, попрозрачнѣе, тѣльнаго цвѣта. Дома ей нравилось побыть въ одной юбкѣ и босикомъ и надѣть башмаки на босыя ноги,—притомъ рубашка и юбка у нея всегда были слишкомъ нарядны.

Погода стояла холодная, вѣтренная, облетѣлые листья плавали по рябымъ лужамъ. Людмила шла быстро, и подъ своею тонкою накидкою почти не чувствовала холода.

Коковкина съ Сашею пили чай. Зоркими глазами оглядѣла ихъ Людмила,—ничего, сидятъ скромненько, чай пьютъ, булки ѣдятъ и разговариваютъ. Людмила поцѣловалась съ хозяйкою и сказала:

— Я къ вамъ по дѣлу, милая Ольга Васильевна. Но это потомъ, а пока вы меня чайкомъ согрѣйте. Ай, какой у васъ юноша сидитъ!

Саша покраснѣлъ, неловко поклонился, Коковкина назвала его гостьѣ. Людмила усѣлась за столъ, и принялась оживленно разсказывать новости. Горожане любили принимать ее за то, что она все знала и умѣла разсказывать мило и скромно. Коковкина, домосѣдка, была ей непритворно рада, и радушно угощала. Людмила весело болтала, смѣялась, вскакивала съ мѣста передразнить кого-нибудь, задѣвала Сашу. Она сказала:

— Вамъ скучно, голубушка,—что вы все дома съ этимъ кисленькимъ гимназистикомъ сидите, вы бы хоть къ намъ когда-нибудь заглянули.

— Ну, гдѣ ужъ мнѣ,—отвѣчала Коковкина,—стара я уже стала въ гости ходить.

— Какіе тамъ гости!—ласково возражала Людмила,—придите и сидите, какъ у себя дома, вотъ и все. Этого младенца пеленать не надо.

Саша сдѣлалъ обиженное лицо, и покраснѣлъ.

— Угланъ какой!—задорно сказала Людмила и принялась толкать Сашу.—А вы побесѣдуйте съ гостьей.

— Онъ еще маленькій,—сказала Коковкина,—онъ у меня скромный.

Людмила съ усмѣшкою глянула на нее, и сказала:

— Я тоже скромная.

Саша засмѣялся, и простодушно возразилъ:

— Вотъ еще, вы развѣ скромная?

Людмила захохотала. Смѣхъ ея былъ, какъ всегда, словно сплетенъ со сладостными и страстными веселіями. Смѣясь, она сильно краснѣла, глаза становились у нея шаловливыми, виноватыми, и взоръ ихъ убѣгалъ отъ собесѣдниковъ. Саша смутился, спохватился, началъ оправдываться:

— Да нѣтъ же, я вѣдь хотѣлъ сказать, что вы бойкая, а не скромная, а не то, что вы нескромная.

Но чувствуя, что на словахъ это не выходитъ такъ ясно, какъ вышло бы на письмѣ, онъ смѣшался и покраснѣлъ.

— Какія онъ дерзости говоритъ!—хохоча и краснѣя, кричала Людмила,—это просто прелесть что такое!

— Законфузили вы совсѣмъ моего Сашеньку,—сказала Коковкина, одинаково ласково посматривая и на Людмилу и на Сашу.

Людмила, изогнувшись кошачьимъ движеніемъ, погладила Сашу по головѣ. Онъ засмѣялся застѣнчиво и звонко, увернулся изъ-подъ ея руки, и убѣжалъ къ себѣ въ комнату.

— Голубушка, сосватайте мнѣ жениха, — сразу же, безъ всякаго перехода, заговорила Людмила.

— Ну вотъ, какая я сваха! — съ улыбкою отвѣчала Коковкина, но по лицу ея было видно, что она съ наслажденіемъ взялась бы за сватовство.

— Чѣмъ же вы не сваха, право? — возразила Людмила, — да и я чѣмъ не невѣста? Меня вамъ не стыдно сватать.

Людмила подперла руками бока, и приплясывала передъ хозяйкою.

— Да ну васъ! — сказала Коковкина, — вѣтреница вы этакая.

Людмила заговорила смѣясь:

— Хоть отъ нечего дѣлать займитесь.

— Какого же вамъ жениха-то надо? — улыбаючись спросила Коковкина.

— Пусть онъ будетъ, — будетъ брюнетъ, — голубушка, непремѣнно брюнетъ, — быстро заговорила Людмила. — Глубокій брюнетъ. Глубокій, какъ яма. И вотъ вамъ образчикъ, — какъ вашъ гимназистъ, — такія же чтобы черныя были брови и очи съ поволокой, и волосы черные съ синимъ отливомъ, и рѣсницы густыя, густыя, синевато-черныя рѣсницы. Онъ у васъ красавецъ, — право, красавецъ! Вотъ вы мнѣ такого.

Скоро Людмила собралась уходить. Уже стало темнѣть. Саша пошелъ провожать.

— Только до извозчика! — нѣжнымъ голосомъ просила Людмила, и смотрѣла на Сашу, виновато краснѣя, ласковыми глазами.

На улицѣ Людмила опять стала бойкою, и принялась допрашивать Сашу.

— Ну что же, вы все уроки учите? Книжки-то читаете какія-нибудь?

— Читаю и книжки, — отвѣчалъ Саша, — я люблю читать.

— Сказки Андерсена?

— Ничего не сказки, а всякія книги. Я исторію люблю, да стихи.

— То-то стихи. А какой у васъ любимый поэтъ?—строго спросила Людмила.

— Надсонъ, конечно, — отвѣтилъ Саша съ глубокимъ убѣжденіемъ въ невозможности иного отвѣта.

— То-то!—поощрительно сказала Людмила.— Я тоже Надсона люблю, но только утромъ, а вечеромъ я, миленькій, наряжаться люблю. А вы что любите дѣлать?

Саша глянулъ на нее ласковыми черными глазами,—и они вдругъ стали влажными,—и тихонько сказалъ:

— Я люблю ласкаться.

— Ишь ты, какой нѣжный, — сказала Людмила, и обняла его за плечи,—ласкаться любишь. А полоскаться любите?

Саша хихикнулъ. Людмила допрашивала:

— Въ теплой водицѣ?

— И въ теплой, и въ холодной, — стыдливо сказалъ мальчикъ.

— А мыло вы какое любите?

— Глицериновое.

— А виноградъ любите?

Саша засмѣялся.

— Какая вы! Вѣдь это--разное, а вы тѣ же слова говорите. Только меня вы не поддѣнете.

— Вотъ еще, нужно мнѣ васъ поддѣвать! — посмѣиваясь, сказала Людмила.

— Да ужъ я знаю, что вы—пересмѣшница.

— Откуда это вы взяли?

— Да всѣ говорятъ,—сказалъ Саша.

— Скажите, сплетникъ какой! — притворно-строго сказала Людмила.

Саша покраснѣлъ.

— Ну вотъ и извозчикъ. Извозчикъ! —крикнула Людмила.

— Извозчикъ!—крикнулъ и Саша.

Извозчикъ, дребезжа неуклюжими дрожками, подкатилъ. Людмила сказала ему, куда ѣхать, Онъ подумалъ и потребовалъ сорокъ копѣекъ. Людмила сказала:

— Что ты, голубчикъ, далеко ли? Да ты дороги не знаешь.

— Сколько же дадите?—спросилъ извозчикъ.

— Да возьми любую половину.

Саша засмѣялся.

— Веселая барышня, — осклабясь сказалъ извозчикъ,—прибавьте хоть пятачекъ.

— Спасибо, что проводили, миленькій,—сказала Людмила, крѣпко пожала Сашину руку, и сѣла на дрожки.

Саша побѣжалъ домой, весело думая о веселой дѣвицѣ.

Людмила веселая вернулась домой, улыбаясь и о чемъ-то забавномъ мечтая. Сестры ждали ее. Онѣ сидѣли въ столовой за круглымъ столомъ, освѣщеннымъ висячею лампою. На бѣлой скатерти веселою казалась коричневая бутылка съ копенгагенскою шери-бренди, и свѣтло поблескивали облипшіе сладкимъ края у ея горлышка. Ее окружали тарелки съ яблоками, орѣхами и халвой.

Дарья была подъ хмѣлькомъ; красная, растрепанная, полуодѣтая, она громко пѣла. Людмила услышала уже предпослѣдній куплетъ знакомой пѣсенки:

Гдѣ дѣлось платье, гдѣ свирѣль?
Нагой нагу влечетъ на мель.
Страхъ гонитъ стыдъ, стыдъ гонитъ страхъ,
Пастушка вопіетъ въ слезахъ:
Забудь, что видѣлъ ты!

Была и Ларисса тутъ,—нарядная, спокойно-веселая, она ѣла яблоко, отрѣзая ножичкомъ по ломтику, и посмѣивалась.

— Ну что,—спросила она,—видѣла?

Дарья примолкла и смотрѣла на Людмилу. Валерія оперлась на локотокъ, отставила мизинчикъ и наклонила голову, подражая улыбкою Лариссѣ. Но она тоненькая, хрупкая, и улыбка у нея безпокойная. Людмила налила въ рюмку вишнево-красный ликеръ, и сказала:

— Глупости! Мальчишка самый настоящій,—я пресимпатичный. Глубокій брюнетъ, глаза блестятъ, а самъ маленькій и невинный.

И вдругъ она звонко захохотала. На нее глядючи, и сестры засмѣялись.

— А, да что говорить, все это ерунда Передоновская,—сказала Дарья, махнула рукою, и призадумалась минутку, опершись локтями на столъ, и склонивъ голову.—Спѣть лучше,—сказала она, и запѣла пронзительно громко.

Въ ея визгахъ звучало напряженно-угрюмое одушевленіе. Если бы мертвеца выпустили изъ могилы съ тѣмъ, чтобы онъ все время пѣлъ, такъ запѣло бы то навье. А ужъ сестры давно привыкли къ хмельному Дарьиному горланенью, и порою подпѣвали ей нарочито-визгливыми голосами

— Вотъ-то развылась, — сказала Людмила, усмѣхаючись.

Не то, чтобы ей не нравилось, а лучше бы хотѣлось разсказывать, а чтобы сестры слушали. Дарья сердито крикнула, прервавъ пѣсню на полусловѣ:

— Тебѣ-то что, я вѣдь тебѣ не мѣшаю!

И немедленно снова запѣла съ того же самаго мѣста. Ларисса ласково сказала.

— Пусть поетъ.

— Мнѣ мокротно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду,

визгливо пѣла Дарья, искажая звуки и вставляя слоги, какъ дѣлаютъ простонародные пѣвцы для пущей трогательности. Выходило, примѣрно, этакъ:

А-е-ехъ мнѣ-э ды ма-а-е-кро-о-ты-на-а ма-а-ла-а-е-де-е-ни-кѣ-е-а-е-эхъ.

При этомъ растягивались особенно непріятно тѣ звуки, на которые удареніе не падаетъ. Впечатлѣніе достиглось въ превосходной степени: тоску смертную нагнало бы это пѣніе на всѣжаго слушателя...

О смертная тоска, оглашающая поля и веси, широкіе родные просторы! Тоска, воплощенная въ дикомъ галдѣніи, тоска, гнуснымъ пламенемъ пожирающая живое слово, низводящая когда-то живую пѣсню къ безумному вою! О, смертная тоска! О, милая, старая русская пѣсня, или и подлинно ты умираешь?..

Вдругъ Дарья вскочила, подбоченилась и принялась выкрикивать веселую частушку, съ плясомъ и прищелкиваніемъ пальцами:

— Уходи-т-ка, парень, прочь,—
Я разбойницкая дочь.

Наплевать, что ты пригожъ,—
Я всажу тѣ въ брюхо ножъ.
Мнѣ не надо мужика,—
Полюблю я босяка.

Дарья пѣла и плясала, и глаза ея, неподвижные на лицѣ, вращались за ея круженіемъ, подобно кругамъ мертвой луны. Людмила громко хохотала,—и сердце у нея легонько замирало и тѣснилось, не то отъ веселой радости, не то отъ вишнево-сладкой и страшной шери-бренди. Валерія смѣялась тихо, стеклянно-звенящимъ смѣхомъ, и завистливо смотрѣла на сестеръ: ей бы хотѣлось такого же веселія, но было почему-то невесело,—она думала, что она послѣдняя, „поскребышъ", а потому слабая и несчастливая. И она смѣялась, точно сейчасъ заплачетъ.

Ларисса глянула на нее, подмигнула ей,—и Валеріи вдругъ стало весело и забавно. Ларисса поднялась, пошевелила плечьми,—и въ мигъ всѣ четыре сестры закружились въ неистовомъ радѣніи, внезапно объятыя шальною пошавою, горланя за Дарьею глупыя слова новыхъ да новыхъ частушекъ, одна другой нелѣпѣе и бойчѣе. Сестры были молоды, красивы, голоса ихъ звучали звонко и дико,—вѣдьмы на Лысой горѣ позавидовали бы этому хороводу.

Всю эту ночь Людмилѣ снились такіе знойные, африканскіе сны!

То грезилось ей, что лежитъ она въ душно-натопленной горницѣ, и одѣяло сползаетъ съ нея, и обнажаетъ ея горячее тѣло,—и вотъ чешуйчатый, кольчатый змѣй вползъ въ ея опочивальню, и подымается, ползетъ по дереву, по вѣтвямъ ея нагихъ, прекрасныхъ ногъ...

Потомъ приснилось ей озеро въ жаркій лѣт-

ній вечеръ, подъ тяжко-надвигающимися грозовыми тучами,—и она лежитъ на берегу, нагая, съ золотымъ гладкимъ вѣнцомъ на лбу. Пахло теплою застоявшеюся водою и тиною, и изнывающею отъ зноя травою,—а по водѣ, темной и зловѣще-спокойной, плылъ бѣлый лебедь, сильный, царственно-величавый. Онъ шумно билъ по водѣ крыльями и, громко шипя, приблизился, обнялъ ее,—стало сладко, томно и жутко...

И у змѣя и у лебедя наклонялось надъ Людмилою Сашино лицо, до синевы блѣдное, съ темными загадочно-печальными глазами,—и синевато-черныя рѣсницы, ревниво закрывая ихъ чарующій взоръ, опускались тяжело, страшно.

Потомъ приснилась Людмилѣ великолѣпная палата съ низкими, грузными сводами,—и толпились въ ней нагіе, сильные, прекрасные отроки,—а краше всѣхъ былъ Саша. Она сидѣла высоко, и нагіе отроки передъ нею поочередно бичевали другъ друга. И когда положили на полъ Сашу, головою къ Людмилѣ, и бичевали его, а онъ звонко смѣялся и плакалъ,—она хохотала, какъ иногда хохочутъ во снѣ, когда вдругъ усиленно забьется сердце, — смѣются долго, неудержимо, смѣхомъ самозабвенія и смерти...

Утромъ послѣ всѣхъ этихъ сновъ Людмила почувствовала, что страстно влюблена въ Сашу. Нетерпѣливое желаніе увидѣть его охватило Людмилу,—но ей досадно было думать, что она увидитъ его одѣтаго. Какъ глупо, что мальчишки не ходятъ обнаженные! Или хоть босые, какъ лѣтніе уличные мальчишки, на которыхъ Людмила любила смотрѣть за то, что они ходятъ босикомъ, иной разъ высоко обнажая ноги.

Точно стыдно имѣть тѣло, — думала Людмила,—что даже мальчишки прячутъ его.

XV.

Володинъ исправно ходилъ къ Адаменкамъ на уроки. Мечты его о томъ, что барышня станетъ его угощать кофейкомъ, не осуществились. Его каждый разъ провожали прямо въ покойчикъ, назначенный для ручного труда. Миша обыкновенно уже стоялъ въ передникѣ у верстака, все приготовивъ потребное для урока. Все, что Володинъ приказывалъ, онъ исполнялъ послушно, но безъ охоты. Чтобы поменьше работать, Миша старался втянуть Володина въ разговоръ. Володинъ хотѣлъ быть добросовѣстнымъ, и не поддавался. Онъ говорилъ:

— Вы, Мишенька, извольте сначала дѣломъ заняться два часика, а ужъ потомъ, если угодно, потолкуемъ. Тогда сколько угодно, а теперь нини, потому что прежде всего дѣло.

Миша легонько вздыхалъ и принимался за дѣло, но по окончаніи урока у него уже не являлось желанія потолковать: онъ говорилъ, что некогда, что много задано.

Иногда на урокъ приходила и Надежда Васильевна посмотрѣть, какъ Миша занимается. Миша замѣтилъ, — и пользовался этимъ, — что при ней Володинъ легче поддается на разговоры. Однако, Надежда Васильевна, какъ только увидитъ, что Миша не работаетъ, немедленно замѣчаетъ ему:

— Миша, не изображай лѣнтяя!

А сама уходитъ, сказавши Володину:

— Извините, я вамъ помѣшала. Онъ у меня такой, что не прочь и полѣниться, если ему дать волю.

Володинъ сначала былъ смущенъ такимъ поведеніемъ Надежды Васильевны. Потомъ подумалъ, что она стѣсняется угощать его кофейкомъ,—боится, какъ бы сплетенъ не вышло. Потомъ сообразилъ, что она могла бы вовсе не приходить къ нему на уроки, однако, приходитъ,—не отъ того ли, что ей пріятно видѣть Володина? И то истолковывалъ Володинъ въ свою пользу, что Надежда Васильевна такъ съ перваго слова охотно согласилась, чтобы Володинъ давалъ уроки, и не торговалась. Въ такихъ мысляхъ утверждали его и Передоновъ съ Варварою.

— Ясно, что она въ тебя влюблена,—говорилъ Передоновъ.

— Какого ей еще жениха надо!—прибавляла Варвара.

Володинъ дѣлалъ скромное лицо, и радовался своимъ успѣхамъ.

Однажды Передоновъ сказалъ ему:

— Женихъ, а трепаный галстукъ носишь.

— Я еще не женихъ, Ардаша,—разсудительно отвѣчалъ Володинъ, весь, однако, трепеща отъ радости,—а галстукъ я могу купить новый.

— Ты себѣ фигурный купи, — совѣтовалъ Передоновъ,—чтобъ видѣли, что въ тебѣ любовь играетъ.

— Красный галстукъ,—сказала Варвара,—да попышнѣе, и булавку. Можно дешево булавку купить, и съ камнемъ,—шикъ будетъ.

Передоновъ подумалъ, что у Володина, пожалуй, и денегъ столько нѣтъ. Или поскупится, купитъ простенькій, черный. И это будетъ скверно, думалъ Передоновъ: Адаменко—барышня свѣтская; если итти къ ней свататься въ кой-какомъ галстукѣ, то она можетъ обидѣться, и откажетъ. Передоновъ сказалъ:

— Зачѣмъ дешево покупать? Ты, Павлуша, на галстукъ выигралъ у меня. Сколько я тебѣ долженъ, рубль сорокъ?

— Сорокъ копѣекъ — это вѣрно, — сказалъ Володинъ, осклабясь и кривляясь, — только не рубликъ, а два рублика.

Передоновъ и самъ зналъ, что два рубля, но ему пріятнѣе было бы заплатить только рубль. Онъ сказалъ:

— Врешь, какіе два рубля!

— Вотъ Варвара Дмитріевна свидѣтельница, — увѣрялъ Володинъ.

Варвара сказала ухмыляясь:

— Ужъ плати, Ардальонъ Борисычъ, коли проигралъ, — и я помню, что два сорокъ.

Передоновъ подумалъ, что Варвара заступается за Володина, значитъ, передается на его сторону. Онъ насупился, досталъ изъ кошелька деньги, и сказалъ:

— Ну ладно, пусть два сорокъ, я не разорюсь. Ты бѣдный человѣкъ, Павлушка, ну вотъ тебѣ, возьми.

Володинъ взялъ деньги, сосчиталъ, потомъ сдѣлалъ обиженное лицо, наклонилъ крутой лобъ, выпятилъ нижнюю губу, и промолвилъ блеющимъ и дребезжащимъ голосомъ:

— Вы, Ардальонъ Борисычъ, изволите быть мнѣ должны, такъ и надо платить, а что я изволю быть бѣднымъ, такъ ужъ это сюда совсѣмъ не идетъ. И я еще ни у кого на хлѣбъ не прошу, а вы знаете, что бѣденъ только бѣсъ, который хлѣбца не ѣстъ, а какъ я еще хлѣбецъ кушаю, и даже съ маслицемъ, значитъ, я не бѣденъ.

И совсѣмъ утѣшился, закраснѣлъ отъ радости, что такъ удачно отвѣтилъ, и принялся смѣяться, выкручивая губы.

Наконецъ Передоновъ и Володинъ рѣшили итти свататься. Оба облеклись въ большой нарядъ, и имѣли торжественный и болѣе обыкновеннаго глупый видъ. Передоновъ надѣлъ бѣлый шейный платокъ, Володинъ—пестрый, красный съ зелеными полосками. Передоновъ разсуждалъ такъ:

— Я сватать иду, моя роль солидная, и случай выдающійся, мнѣ надо въ бѣломъ галстукѣ быть, а ты женихъ, тебѣ надо пламенныя чувства показать.

Напряженно торжественные, помѣстились Передоновъ и Володинъ въ гостиной у Адаменко: Передоновъ на диванѣ, Володинъ въ креслѣ. Надежда Васильевна съ удивленіемъ смотрѣла на гостей. Гости бесѣдовали о погодѣ и о новостяхъ съ видомъ людей, пришедшихъ по щекотливому дѣлу, и не знающихъ, какъ приступить къ нему. Наконецъ Передоновъ откашлялся, нахмурился и сказалъ:

— Надежда Васильевна, мы по дѣлу.

— По дѣлу,—сказалъ и Володинъ, сдѣлалъ значительное лицо, и выпятилъ губы.

— Вотъ объ немъ,—сказалъ Передоновъ, и показалъ на Володина большимъ пальцемъ.

— Вотъ обо мнѣ,—подтвердилъ и Володинъ, и тоже показалъ большимъ пальцемъ на себя, на грудь.

Надежда Васильевна улыбнулась.

— Прошу васъ,—сказала она.

— Я за него буду говорить,—сказалъ Передоновъ,—онъ скромный, не рѣшается самъ. А онъ человѣкъ достойный, не пьющій, добрый. Онъ мало получаетъ, но это наплевать. Вѣдь кому что надо, кому деньги, а кому человѣкъ. Ну, что жъ ты молчишь,—обратился онъ къ Володину,—скажи что-нибудь.

Володинъ склонилъ голову и произнесъ дрожащимъ голосомъ, какъ баранъ проблеялъ:

— Конечно, я небольшое жалованье получаю, но у меня всегда будетъ кусокъ хлѣбца. Конечно, я въ университетѣ не былъ, но живу, какъ дай Богъ всякому, и ничего худого за собой не знаю,—а, впрочемъ, кому какъ угодно судить. А я, что жъ, собою доволенъ.

Онъ развелъ руками, наклонилъ лобъ, словно собрался бодаться, и умолкъ.

— Такъ вотъ,—сказалъ Передоновъ,—онъ, человѣкъ молодой, ему такъ жить не слѣдуетъ. Ему надо жениться. Все жъ таки женатому лучше.

— Если жена соотвѣтствуетъ, то чего лучше,— подтвердилъ Володинъ.

— А вы,—продолжалъ Передоновъ,—дѣвица. Вамъ тоже надо замужъ.

За дверью послышался легкій шорохъ, заглушенные, короткіе звуки,—какъ будто кто-то вздыхалъ или смѣялся, закрывая ротъ. Надежда Васильевна строго посмотрѣла на дверь и сказала холодно:

— Вы слишкомъ ко мнѣ заботливы,—съ досадливымъ удареніемъ на словѣ „слишкомъ".

— Вамъ не надо богатаго мужа,—говорилъ Передоновъ,—вы сама богатая. Вамъ надо такого, чтобы васъ любилъ и угождалъ во всемъ. И вы его знаете, могли понять. Онъ къ вамъ неравнодушенъ, вы къ нему, можетъ быть, тоже. Такъ вотъ, у меня купецъ, а у васъ товаръ. То есть вы сами товаръ.

Надежда Васильевна краснѣла и кусала губы, чтобъ удержаться отъ смѣха. За дверью продолжали раздаваться тѣ же звуки. Володинъ скромно потупилъ глаза. Ему казалось, что дѣло идетъ на ладъ.

— Какой товаръ?—осторожно спросила Надежда Васильевна.—Извините, я не понимаю.

— Ну, какъ не понимаете! — недовѣрчиво сказалъ Передоновъ.—Ну, я прямо скажу: Павелъ Васильевичъ проситъ у васъ руки и сердца. И я за него прошу.

За дверью что-то упало на полъ и каталось, фыркая и вздыхая. Надежда Васильевна, краснѣя отъ сдержаннаго смѣха, смотрѣла на гостей. Предложенiе Володина казалось ей смѣшною дерзостью.

— Да,—сказалъ Володинъ,—Надежда Васильевна, я прошу у васъ руки и сердца.

Онъ покраснѣлъ, всталъ, сильно шаркнулъ ногою по ковру, поклонился и быстро сѣлъ. Потомъ опять всталъ, приложилъ руку къ сердцу и сказалъ, умильно глядя на барышню:

— Надежда Васильевна, позвольте объясниться! Такъ какъ я васъ даже очень люблю, то неужели же вы не захотите соотвѣтствовать?

Онъ ринулся впередъ, опустился передъ Надеждою Васильевною на колѣно и поцѣловалъ ея руку.

— Надежда Васильевна, повѣрьте! Клянусь!—воскликнулъ онъ, поднялъ руку вверхъ и со всего размаху ударилъ ею себя въ грудь, такъ что гулкiй звукъ отдался далече.

— Что вы, пожалуйста, встаньте!—смущенно сказала Надежда Васильевна,—къ чему это?

Володинъ всталъ и съ обиженнымъ лицомъ вернулся къ своему мѣсту. Тамъ онъ прижалъ обѣ руки къ груди и опять воскликнулъ:

— Надежда Васильевна, вы мнѣ повѣрьте! По гробъ, отъ всей души.

— Извините,—сказала Надежда Васильевна,—

я, право, не могу. Я должна воспитывать брата,— вотъ и онъ плачетъ тамъ за дверью.

— Что жъ воспитывать брата,—обиженно выпячивая губы, сказалъ Володинъ,—это не мѣшаетъ, кажется.

— Нѣтъ, во всякомъ случаѣ, это его касается,—сказала Надежда Васильевна, поспѣшно подымаясь,—надо его спросить. Подождите.

Она проворно выбѣжала изъ гостиной, шелестя свѣтло-желтымъ платьемъ, за дверью схватила Мишу за плечо, добѣжала съ нимъ до его горницы, и тамъ, стоя у двери, запыхавшись отъ бѣга и подавленнаго смѣха, сказала срывающимся голосомъ:

— Совсѣмъ, совсѣмъ безполезно просить, чтобы не подслушивалъ. Неужели необходимо прибѣгнуть къ самымъ строгимъ мѣрамъ?

Миша, обнявъ ее у пояса и прижимаясь къ ней головою, хохоталъ, сотрясаясь отъ хохота и отъ старанія заглушить его. Сестра втолкнула Мишу въ его горницу, сѣла на стулъ у двери и смѣялась.

— Слышалъ, что онъ выдумалъ, твой Павелъ Васильевичъ?—спросила она.—Иди со мною въ гостиную и не смѣй смѣяться. Я у тебя спрошу при нихъ, а ты не смѣй соглашаться. Понялъ?

— Угу!—промычалъ Миша и засунулъ въ ротъ конецъ платка, чтобы не смѣяться, что, однако, мало помогало.

— Закрой глаза платкомъ, когда смѣяться захочется,—посовѣтовала сестра и опять повела его за плечо въ гостиную.

Тамъ она посадила его на кресло, а сама помѣстилась на стулѣ рядомъ. Володинъ смотрѣлъ обиженно, склонивъ голову, какъ барашекъ.

— Вотъ,—сказала Надежда Васильевна, показывая на брата,—едва слезы уняли, бѣдный мальчикъ! Я ему вмѣсто матери, и вдругъ онъ думаетъ, что я его оставлю.

Миша закрылъ лицо платкомъ. Все тѣло его тряслось. Чтобы скрыть смѣхъ, онъ протяжно заныль:

— У-у-у.

Надежда Васильевна обняла его, незамѣтно ущипнула за руку и сказала:

— Ну, не плачь, миленькій, не плачь.

Мишѣ стало такъ неожиданно больно, что на глазахъ показались слезы. Онъ опустилъ платокъ и сердито посмотрѣлъ на сестру.

— А вдругъ,—подумалъ Передоновъ,—мальчишка разозлится и начнетъ кусаться; людская слюна, говорятъ, ядовита.

Онъ подвинулся къ Володину, чтобы, въ случаѣ опасности, спрятаться за него. Надежда Васильевна сказала брату:

— Павелъ Васильевичъ проситъ моей руки.

— Руки и сердца, — поправилъ Передоновъ.

— И сердца,—скромно, но съ достоинствомъ, сказалъ Володинъ.

Миша закрылся платкомъ и, всхлипывая отъ сдержаннаго смѣха, сказалъ:

— Нѣтъ, ты за него не выходи, а то какъ же я буду?

Володинъ заговорилъ дребезжащимъ отъ обиды и волненія голосомъ:

— Меня удивляетъ, Надежда Васильевна, что вы спрашиваетесь у вашего братца, который, къ тому же, изволитъ быть еще мальчикомъ. Если бы онъ даже изволилъ быть взрослымъ юношей, то и въ такомъ случаѣ вы могли бы сами. А те-

верь какъ вы у него спрашиваетесь, Надежда Васильевна, это меня очень удивляетъ и даже поражаетъ.

— У мальчишекъ спрашиваться, мнѣ это даже смѣшно,—угрюмо сказалъ Передоновъ.

— У кого же мнѣ спрашиваться? Тетѣ все равно, а вѣдь его я должна воспитывать, такъ какъ же я выйду за васъ замужъ? Вы, можетъ быть, станете съ нимъ жестоко обращаться. Неправда ли, Мишка, вѣдь ты боишься его жестокостей?

— Нѣтъ, Надя,—сказалъ Миша, выглядывая однимъ глазомъ изъ-за своего платка,—я не боюсь его жестокостей,—гдѣ жъ ему!—а я боюсь, что Павелъ Васильевичъ меня избалуетъ и не дастъ тебѣ ставить меня въ уголъ.

— Повѣрьте, Надежда Васильевна,—сказалъ Володинъ, прижимая руки къ сердцу,—я не избалую Мишеньку. Я такъ думаю, что зачѣмъ мальчика баловать! Сытъ, одѣтъ, обутъ—а баловать ни-ни. Я его тоже могу въ уголъ ставить, а совсѣмъ не то, чтобъ баловать. Я даже больше могу. Такъ какъ вы дѣвица, т. е. барышня, то вамъ, конечно, неудобно, а я и прутикомъ могу.

— Оба въ уголъ будете ставить,—плаксиво сказалъ Миша, закрывшись опять платкомъ,—вотъ вы какіе, да еще прутикомъ, нѣтъ, это мнѣ невыгодно. Нѣтъ, ты, Надя, не смѣй выходить за него.

— Ну вотъ, вы слышите, я рѣшительно не могу,—сказала Надежда Васильевна.

— Мнѣ очень странно, Надежда Васильевна, что вы такъ поступаете,—сказалъ Володинъ.— Я къ вамъ со всѣмъ расположеніемъ, и, можно сказать, пламенно, а вы, между прочимъ, изъ-за

братца. Если вы теперь изъ-за братца, другая изволитъ изъ-за сестрицы, третья изъ-за племянника, а тамъ и еще изъ-за кого-нибудь изъ родственниковъ, и всѣ такъ не будутъ выходить замужъ,—этакъ и родъ людской совсѣмъ прекратится.

— Объ этомъ не безпокойтесь, Павелъ Васильевичъ,—сказала Надежда Васильевна,—пока еще такой опасности свѣту не грозитъ. Я не хочу выйти замужъ безъ Мишина согласія, а онъ, вы слышали, не согласенъ. Да и понятно, вы его съ перваго слова сѣчь обѣщаетесь. Этакъ вы и меня поколотите.

— Помилуйте, Надежда Васильевна, да неужели же вы думаете, что я себѣ позволю такое невѣжество!—отчаянно воскликнулъ Володинъ.

Надежда Васильевна улыбнулась.

— Я и сама не чувствую желанія выходить замужъ,—сказала она.

— Вы, можетъ быть, хотите въ монашки итти?—обиженнымъ голосомъ спросилъ Володинъ.

— Къ толстовцамъ въ ихъ секту,—поправилъ Передоновъ,—землю навозить.

— Зачѣмъ же мнѣ итти куда-нибудь? — строго спросила Надежда Васильевна, вставая со своего мѣста,—мнѣ и здѣсь хорошо.

Володинъ тоже всталъ, обиженно выпятилъ губы и сказалъ:

— Послѣ этого, если Мишенька показываетъ ко мнѣ такія чувства, а вы его, оказывается, что спрашиваете, то это выходитъ, что я долженъ и отъ уроковъ отказаться, потому что какъ же я теперь стану ходить, если Мишенька ко мнѣ этакъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же?—возразила Надежда Васильевна,—это совсѣмъ особое дѣло.

Передоновъ подумалъ, что слѣдуетъ еще попытаться уговаривать барышню: можетъ быть, и согласится. Онъ сказалъ ей сумрачно:

— Вы, Надежда Васильевна, подумайте хорошенько. Что жъ такъ-то, сбухты-барахты? Онъ хорошій человѣкъ. Онъ — мой другъ.

— Нѣтъ, — сказала Надежда Васильевна, — что жъ тутъ думать! Благодарю очень Павла Васильевича за честь, но не могу.

Передоновъ сердито посмотрѣлъ на Володина, и всталъ. Онъ подумалъ, что Володинъ — дуракъ: не сумѣлъ влюбить въ себя барышню.

Володинъ стоялъ у своего кресла, склонивъ голову. Онъ спросилъ укоризненно:

— Такъ, значитъ, окончательно, Надежда Васильевна? Эхъ! Коли такъ, — сказалъ онъ, махнувъ рукою, — ну, такъ давай вамъ Богъ всего хорошаго, Надежда Васильевна. Значитъ, ужъ такая моя горемычная судьба. Эхъ! Любилъ парень дѣвицу, а она не любила. Видитъ Богъ! Ну, что жъ поплачу, да и все.

— Хорошимъ человѣкомъ пренебрегаете, а тоже еще какой попадется, — наставительно сказалъ Передоновъ.

— Эхъ! — еще разъ воскликнулъ Володинъ, и пошелъ было къ дверямъ. Но вдругъ рѣшилъ быть великодушнымъ, и вернулся — проститься за руку съ барышнею и даже съ обидчикомъ Мишею.

На улицѣ Передоновъ сердито ворчалъ. Володинъ всю дорогу обиженнымъ, скрипучимъ голосомъ разсуждалъ, словно блеялъ.

— Зачѣмъ отъ уроковъ отказывался? — ворчалъ Передоновъ. — Богачъ какой!

— Я, Ардальонъ Борисычъ, только сказалъ,

что если такъ, то я долженъ отказаться, а она мнѣ изволила сказать, что не надо отказываться, а какъ я ничего не изволилъ отвѣтить, то вышло, что она меня упросила. А ужъ теперь это отъ меня зависитъ, — хочу — откажусь, хочу — буду ходить.

— Чего отказываться? — сказалъ Передоновъ. — Ходи, какъ ни въ чемъ не бывало.

Пусть хоть здѣсь попользуется, — думалъ Передоновъ, — все меньше завидовать будетъ.

Тоскливо было на душѣ у Передонова. Володинъ все не пристроенъ, — смотри за нимъ въ оба, не снюхался бы съ Варварою. Еще, можетъ быть, и Адаменко станетъ на него злиться, зачѣмъ сваталъ Володина. У нея есть родня въ Петербургѣ: напишетъ и, пожалуй, навредитъ.

И погода была непріятная. Небо хмурилось, носились вороны, и каркали. Надъ самой головою Передонова каркали онѣ, точно дразнили и пророчили еще новыя, еще худшія непріятности. Передоновъ окуталъ шею шарфомъ, и думалъ, что въ такую погоду и простудиться не трудно.

— Какіе это цвѣты, Павлуша? — спросилъ онъ, показывая Володину на желтые цвѣточки у забора въ чьемъ-то саду.

— Это лютики, Ардаша, — печально отвѣчалъ Володинъ.

Такихъ цвѣтовъ, вспомнилъ Передоновъ, много въ ихъ саду. И какое у нихъ страшное названіе. Можетъ быть, они ядовиты. Вотъ, возьметъ ихъ Варвара, нарветъ цѣлый пукъ, заваритъ вмѣсто чаю, да и отравитъ его, — потомъ, ужъ когда бумага придетъ, — отравитъ, чтобъ подмѣнить его Володинымъ. Можетъ быть, ужъ

они условились. Не даромъ же онъ знаетъ, какъ называется этотъ цвѣтокъ.

А Володинъ говорилъ:

— Богъ ей судья! За что она меня обидѣла? Она ждетъ аристократа, а она не думаетъ, что аристократы тоже всякіе бываютъ, — съ инымъ наплачется; а простой хорошій человѣкъ ее бы могъ сдѣлать счастливою. А я вотъ схожу въ церковь, поставлю свѣчку за ея здоровье, помолюсь: дай Богъ, чтобъ ей мужъ достался пьяница, чтобъ онъ ее колотилъ, чтобъ онъ промотался, и ее по міру пустилъ. Вотъ тогда она обо мнѣ воспомянетъ, да ужъ поздно будетъ. Станетъ кулакомъ слезы утирать, скажетъ: дура я была, что Павлу Васильевичу отказала, бить меня некому, хорошій былъ человѣкъ.

Растроганный своими словами, Володинъ прослезился и вытиралъ руками слезы на своихъ бараньихъ, выпуклыхъ глазахъ.

— А ты ей ночью стекла побей, — посовѣтовалъ Передоновъ.

— Ну, Богъ съ нею, — печально сказалъ Володинъ, — еще поймаютъ. Нѣтъ, а мальчишка-то каковъ! Господи Боже мой, что я ему сдѣлалъ, что онъ вздумалъ мнѣ вредить? Ужъ я ли не старался для него, а онъ изволите видѣть, какую мнѣ подпустилъ интригу. Что это за ребенокъ такой, что изъ него выйдетъ, помилуйте, скажите?

— Да, — сердито сказалъ Передоновъ, — съ мальчишкой не могъ потягаться. Эхъ ты, женихъ!

— Что жъ такое, — возразилъ Володинъ, — конечно, женихъ. Я и другую найду. Пусть она не думаетъ, что объ ней плакать будутъ.

— Эхъ ты, женихъ! — дразнилъ его Передоновъ. — Еще галстукъ надѣлъ. Гдѣ ужъ тебѣ съ суконнымъ рыломъ въ калашный рядъ. Женихъ!

— Ну, я женихъ, а ты, Ардаша, сватъ, — разсудительно сказалъ Володинъ. — Ты самъ обнадежилъ меня, а и не сумѣлъ высватать. Эхъ ты, сватъ!

И они усердно принялись дразнить одинъ другого, длинно перекоряясь съ такимъ видомъ, словно совѣщались о дѣлѣ.

Проводивъ гостей, Надежда Васильевна вернулась въ гостиную. Миша лежалъ на диванѣ, и хохоталъ. Сестра за плечо стащила его съ дивана и сказала:

— А ты забылъ, что подслушивать не слѣдуетъ.

Она подняла руки и хотѣла сложить мизинчики, но вдругъ засмѣялась, и мизинчики не сходились. Миша бросился къ ней, — они обнялись и долго смѣялись.

— А все-таки, — сказала она, — за подслушиваніе въ уголъ.

— Ну, не надо, — сказалъ Миша, — я тебя отъ жениха избавилъ, ты мнѣ еще должна быть благодарна.

— Кто кого еще избавилъ! Слышалъ, какъ тебя собирались прутикомъ постегивать. Отправляйся въ уголъ.

— Ну, такъ я лучше здѣсь постою, — сказалъ Миша.

Онъ опустился на колѣни у сестриныхъ ногъ, и положилъ голову на ея колѣни. Она ласкала и щекотала его. Миша смѣялся, ползая колѣнями по полу. Вдругъ сестра отстранила его, и пересѣла на диванъ. Миша остался одинъ. Онъ постоялъ немного на колѣняхъ, вопросительно глядя на сестру. Она усѣлась поудобнѣе, взяла книгу, словно читать, а сама посматривала на брата.

— Ну, я ужъ и усталъ, — жалобно сказалъ онъ.

— Я не держу, ты самъ сталъ, — улыбаясь изъ-за книги, отвѣтила сестра.

— Ну, вѣдь я наказанъ, отпусти, — просилъ Миша.

— Развѣ я тебя ставила на колѣни? — притворно равнодушнымъ голосомъ спросила Надежда Васильевна, — что жъ ты ко мнѣ пристаешь!

— Я не встану, пока не простишь.

Надежда Васильевна засмѣялась, отложила книгу, и потянула къ себѣ Мишу за плечо. Онъ взвизгнулъ и бросился ее обнимать, восклицая:

— Павлушина невѣста!

XVI.

Черноглазый мальчишка заполонилъ всѣ Людмилины помыслы. Она часто заговаривала о немъ, со своими и со знакомыми, — иногда совсѣмъ некстати. Почти каждую ночь видѣла она его во снѣ, иногда скромнаго и обыкновеннаго, но чаще въ дикой и волшебной обстановкѣ. Разсказы объ этихъ снахъ стали у нея столь обычными, что уже сестры скоро начали сами спрашивать ее, что ни утро, какъ ей Саша приснился нынче.

Мечты о немъ занимали всѣ ея досуги.

Въ воскресенье Людмила уговорила сестеръ зазвать Коковкину отъ обѣдни, и задержать подольше. Ей хотѣлось застать Сашу одного. Сама же она въ церковь не пошла.

— Скажите ей про меня: проспала, — учила она сестеръ.

Сестры смѣялись надъ ея затѣею, но, конечно, согласились. Онѣ очень дружно жили. Да имъ же и на руку,—займется Людмила мальчишкою, имъ оставитъ настоящихъ жениховъ.

И онѣ сдѣлали, какъ обѣщали,—зазвали Коковкину отъ обѣдни.

Тѣмъ временемъ Людмила совсѣмъ собралась итти, принарядилась весело, красиво, надушилась мягкою, тихою Аткинсоновою серингою, положила въ одинъ карманъ неначатый флаконъ съ духами, въ другой маленькій распылитель, и притаилась у окна, за занавѣскою, въ гостиной, чтобы изъ этой засады увидѣть во-время, идетъ ли Коковкина. Духи взять съ собою она придумала еще раньше,—надушить гимназиста, чтобы онъ не пахнулъ своею противною латынью, чернилами да мальчишествомъ. Людмила любила духи, выписывала ихъ изъ Петербурга, и много изводила ихъ. Любила ароматные цвѣты. Ея горница всегда благоухала чѣмъ-нибудь,—цвѣтами, духами, сосною, свѣжими по веснѣ вѣтвями березы.

Вотъ и сестры, и Коковкина съ ними.

Людмила радостно побѣжала черезъ кухню, черезъ огородъ, въ калитку, переулочкомъ, чтобы не попасться Коковкиной на глаза. Она весело улыбалась, быстро шла къ дому Коковкиной, и шаловливо помахивала бѣлымъ зонтикомъ. Теплый осенній день радовалъ ее, и казалось, что она несетъ съ собою и распространяетъ вокругъ себя свойственный ей духъ веселости.

У Коковкиной служанка сказала ей, что барыни дома нѣтъ. Людмила шумливо засмѣялась и шутила съ краснощекою дѣвицею, отворившею ей дверь.

— А ты, можетъ быть, обманываешь меня,—

говорила она,—можетъ быть, твоя барыня отъ меня прячется.

— Гы-гы, что ей прятаться!—со смѣхомъ отвѣчала служанка,—идите сами въ горницы поглядите, коли не вѣрите.

Людмила заглянула въ гостиную, и шаловливо крикнула:

— А кто тутъ есть живъ человѣкъ? А, гимназистъ!

Саша выглянулъ изъ своей горницы, увидѣлъ Людмилу, обрадовался,—и отъ его радостныхъ глазъ Людмилѣ стало еще веселѣе. Она спросила:

— А гдѣ же Ольга Васильевна?

Саша отвѣтилъ:

— Дома нѣтъ. Еще не приходила. Изъ церкви куда-нибудь пошла. Вотъ я вернулся, а ея нѣтъ еще.

Людмила притворилась, что удивлена. Она помахивала зонтикомъ, и досадливо говорила:

— Какъ же такъ, ужъ всѣ изъ церкви пришли. Все дома сидитъ, а тутъ на-т-ко-ся, и нѣту. Это вы, юный классикъ, такъ буяните, что старушкѣ дома не усидѣть?

Саша молча улыбнулся. Его радовалъ Людмилинъ голосъ, Людмилинъ звонкій смѣхъ. Онъ придумывалъ, какъ бы половче вызваться проводить ее,—еще побыть съ нею хоть нѣсколько минутъ, посмотрѣть, да послушать.

Но Людмила не думала уходить. Она посмотрѣла на Сашу съ лукавою усмѣшкою, и сказала:

— Что же вы не просите меня посидѣть, любезный молодой человѣкъ? Поди-ка, я устала! Дайте отдохнуть хоть чуть.

И она вошла въ гостиную, смѣючись, ласкаючи Сашу быстрыми, нѣжными глазами. Саша

смутился, покраснѣлъ, обрадовался,—побудетъ съ нимъ!

— Хотите, я васъ душить буду? — живо спрсила Людмила,—хотите?

— Вотъ вы какая!—сказалъ Саша, — ужъ сразу и задушить! За что такая жестокость?

Людмила звонко захохотала и откинулась на спинку кресла.

— Задушить! — восклицала она, — глупый! совсѣмъ не такъ понялъ. Я не руками васъ душить хочу, а духами.

Саша сказалъ смѣшливо:

— А, духами! ну это еще куда ни шло.

Людмила вынула изъ кармана распылитель, повертѣла передъ Сашиными глазами красивый сосудикъ темнокраснаго съ золотыми узорами стекла, съ гуттаперчевымъ шарикомъ и бронзовымъ наборомъ, и сказала:

— Видите, купила новый пульверизаторъ.

Потомъ вынула изъ другого кармана большой флаконъ съ духами, съ темнымъ и пестрымъ ярлыкомъ,—парижская Герленова Pao-Rosa. Саша сказалъ:

— Карманы-то у васъ глубокіе какіе!

Людмила весело отвѣтила:

— Ну, не ждите больше ничего, пряничковъ вамъ не принесла.

— Пряничковъ,—смѣшливо повторилъ Саша.

Онъ съ любопытствомъ смотрѣлъ, какъ Людмила откупоривала духи, и спросилъ:

— А какъ же вы ихъ туда нальете безъ воронки?

Людмила весело сказала:

— А воронку-то ужъ вы мнѣ дадите.

— Да у меня нѣтъ, – смущенно сказалъ Саша.

— Да ужъ какъ хотите, а воронку мнѣ подайте,—смѣючись, настаивала Людмила.

— Я бы у Малашы взялъ, да у нея въ керосинѣ,—сказалъ Саша.

Людмила весело расхохоталась.

— Ахъ вы, недогадливый молодой человѣкъ. Дайте бумажки клочекъ, коли не жалко,—вотъ и воронка.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ!—радостно воскликнулъ Саша,—вѣдь можно изъ бумаги свернуть. Сейчасъ принесу.

Саша побѣжалъ въ свою горницу.

— Изъ тетрадки можно?—крикнулъ онъ оттуда.

— Да все равно,—весело откликнулась Людмила,—хоть изъ книжки рвите, изъ латинской грамматики,—мнѣ не жалко.

Саша засмѣялся и крикнулъ:

— Нѣтъ, ужъ я лучше изъ тетрадки.

Онъ отыскалъ чистую тетрадь, вырвалъ средній листъ, и хотѣлъ бѣжать въ гостиную,—но уже Людмила стояла на порогѣ.

— Къ тебѣ, хозяинъ, можно?—спросила она шаловливо.

— Пожалуйста, очень радъ!—весело крикнулъ Саша.

Людмила сѣла къ его столу, свернула изъ бумаги воронку, и съ дѣловито-озабоченнымъ лицомъ принялась переливать духи изъ флакона въ распылитель. Бумажная воронка внизу и сбоку, гдѣ текла струя, промокла и потемнѣла. Благовонная жидкость застаивалась въ воронкѣ, и стекала внизъ медленно. Повѣяло теплое и сладкое благоуханіе отъ розы, смѣшанное съ рѣзкимъ спиртнымъ запахомъ.

Людмила вылила въ распылитель половину духовъ изъ флакона, и сказала:

— Ну вотъ и довольно.

И принялась завинчивать распылитель. Потомъ скомкала влажную бумажку, и потерла одна о другую ладони.

— Понюхай,—сказала она Сашѣ, и поднесла къ его лицу ладонь.

Саша нагнулся, призакрылъ глаза, и понюхалъ. Людмила засмѣялась, легонько хлопнула его ладонью по губамъ, и удержала руку на его ртѣ. Саша зардѣлся и поцѣловалъ ея теплую, благоухающую ладонь нѣжнымъ прикосновенiемъ дрогнувшихъ губъ. Людмила вздохнула, разнѣженное выраженiе пробѣжало по ея миловидному лицу, и опять замѣнилось привычнымъ выраженiемъ счастливой веселости.

— Ну, теперь только держись, какъ я тебя опрыскаю,—сказала она, и сжала гуттаперчевый шарикъ.

Благовонная пыль брызнула, дробясь и расширяясь въ воздухѣ, на Сашину блузу. Саша смѣялся и повертывался послушно, когда Людмила его поталкивала.

— Хорошо пахнетъ, а?—спросила она.

— Очень мило,—весело отвѣтилъ Саша.— А какъ они называются?

— Вотъ еще, младенецъ! Прочти на флаконѣ, и узнаешь,—поддразнивающимъ голосомъ сказала она.

Саша прочелъ и сказалъ:

— То-то розовымъ маслицемъ попахиваетъ.

— Маслицемъ!—укоризненно сказала Людмила, и легонько хлопнула Сашу по спинѣ.

Саша засмѣялся, взвизгивая и высовывая свернутый трубочкою кончикъ языка.

Людмила встала и перебирала Сашины учебники да тетрадки.

— Можно посмотрѣть?—спросила она.

— Сдѣлайте одолженіе,—сказалъ Саша.

— Гдѣ же тутъ твои единицы да нули, показывай.

Саша возразилъ обидчиво:

— У меня такихъ прелестей не бывало пока.

— Ну, это ты врешь,—рѣшительно сказала Людмила,—ужъ у васъ положеніе такое—колы получать. Припряталъ, поди.

Саша молча улыбался.

— Латынь да греки,—сказала Людмила,—то-то они вамъ надоѣли.

— Нѣтъ, что-жъ,—отвѣчалъ Саша, но видно было, что уже одинъ разговоръ объ учебникахъ наводитъ на него привычную скуку.—Скучновато зубрить,—признался онъ,—да ничего, у меня память хорошая. Вотъ только задачи рѣшать—это я люблю.

— Приходи ко мнѣ завтра послѣ обѣда,—сказала Людмила.

— Благодарю васъ, приду,—краснѣя, сказалъ Саша.

Ему стало пріятно, что Людмила пригласила его.

— Знаешь, гдѣ я живу? Придешь?—спрашивала Людмила.

— Знаю. Ладно, приду,—радостно говорилъ Саша.

— Да непремѣнно приходи,—повторила Людмила строго,—ждать буду, слышишь!

— А коли уроковъ много будетъ?—сказалъ Саша, больше изъ добросовѣстности, чѣмъ на самомъ дѣлѣ думая изъ-за уроковъ не притти.

— Ну, вотъ, пустяки, все же приходи,—настаивала Людмила,—авось, на колъ не посадятъ.

— А зачѣмъ?—посмѣиваясь, спросилъ Саша.

— Да ужъ такъ, надо. Приходи, кое-что тебѣ скажу, кое-что покажу,—говорила Людмила, подпрыгивая и напѣвая, подергивая юбочку, отставляя розовые пальчики,—приходи, миленькій, серебряный, позолоченый.

Саша засмѣялся.

— А вы сегодня скажите,—попросилъ онъ.

— Сегодня нельзя. Да и какъ сказать тебѣ сегодня?—ты завтра тогда и не придешь, скажешь, незачѣмъ.

— Ну, ладно, приду непремѣнно, если пустятъ.

— Вотъ еще, конечно, пустятъ! Нешто васъ на цѣпочкѣ держатъ.

Прощаясь, Людмила поцѣловала Сашу въ лобъ, и подняла руку къ Сашинымъ губамъ,—пришлось поцѣловать. И Сашѣ пріятно было еще разъ поцѣловать бѣлую, нѣжную руку,—и словно стыдно. Какъ не покраснѣть!

А Людмила уходя улыбалась лукаво да нѣжно. И нѣсколько разъ обернулась.

„Какая она милая!"—думалъ Саша.

Остался одинъ.

„Какъ она скоро ушла"!—думалъ онъ.—„Вдругъ собралась и не дала опомниться, и уже нѣтъ ея. Побыла бы еще хоть немного!"—думалъ Саша, и ему стало стыдно, какъ это онъ забылъ вызваться проводить ее.

„Пройтись бы немного еще съ нею"!—мечталъ Саша.—„Развѣ догнать? Далеко ли она ушла? Побѣжать скорѣе, догонишь живо".

„Смѣяться, пожалуй, будетъ?—думалъ Саша.—А, можетъ быть, еще помѣшаешь ей".

Такъ и не рѣшился бѣжать за нею. Стало какъ-то скучно да неловко. На губахъ еще нѣж-

ное ощущеніе отъ поцѣлуя замирало, и на лбу горѣлъ ея поцѣлуй.

„Какъ она нѣжно цѣлуетъ!“ — мечтательно вспоминалъ Саша. — „Точно милая сестрица“.

Сашины щеки горѣли. Сладостно было и стыдно. Неясныя мечты рождались.

„Если бы она была сестрою!“ — разнѣженно мечталъ Саша, — „и можно было бы притти къ ней, обнять, сказать ласковое слово. Звать ее: Людмилочка, миленькая! Или еще какимъ-нибудь, совсѣмъ особеннымъ именемъ, — Буба или Стрекоза. И чтобъ она откликалась. То-то радость была бы“.

„Но вотъ“, — печально думалъ Саша, — „она чужая. Милая, но чужая. Пришла и ушла, и уже о немъ, поди, и не думаетъ. Только оставила сладкое благоуханіе сиренью да розою, и ощущеніе отъ двухъ нѣжныхъ поцѣлуевъ, — и неясное волненіе въ душѣ, рождающее сладкую мечту, какъ волна Афродиту“.

Скоро вернулась Коковкина.

— Фу ты, какъ пахнетъ сильно! — сказала она.

Саша покраснѣлъ.

— Была Людмилочка, — сказалъ онъ, — да васъ не застала, посидѣла, меня надушила и ушла.

— Нѣжности какія! — съ удивленіемъ сказала старуха, — ужъ и Людмилочка.

Саша засмѣялся смущенно и убѣжалъ къ себѣ. А Коковкина думала, что ужъ очень онѣ, сестрицы Рутиловы, веселыя да ласковыя дѣвицы, — и стараго, и малаго своею ласкою прельстятъ.

На другой день съ утра Сашѣ весело было думать, что его пригласили. Дома онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ обѣда. Послѣ обѣда, весь крас-

ный отъ смущенія, попросилъ у Коковкиной позволенія уйти до семи часовъ къ Рутиловымъ. Коковкина удивилась, но отпустила.

Саша побѣжалъ веселый, тщательно причесавшись и даже припомадившись. Онъ радовался и слегка волновался, какъ передъ чѣмъ-то и значительнымъ и милымъ. И ему пріятно было думать, что вотъ онъ придетъ, поцѣлуетъ Людмилину руку, и она его поцѣлуетъ въ лобъ,—и потомъ, когда онъ будетъ уходить, опять такіе же поцѣлуи. Сладостно мечталась ему Людмилина бѣлая, нѣжная рука.

Сашу встрѣтили, еще въ передней, всѣ три сестры. Онѣ же любили сидѣть у окна, глядючи на улицу, а потому завидѣли его издали. Веселыя, нарядныя, звонко-щебечущія, окружили онѣ его буйною вьюгою веселья,—и ему сразу стало пріятно и легко съ ними.

— Вотъ онъ, молодой, таинственный человѣкъ!—радостно воскликнула Людмила.

Саша поцѣловалъ ей руку, и сдѣлалъ это ловко и съ большимъ удовольствіемъ. Поцѣловалъ ужъ заодно руки и Дарьѣ съ Валеріею,—нельзя же ихъ обойти,—и нашелъ, что это тоже весьма пріятно. Тѣмъ болѣе, что онѣ всѣ три поцѣловали его въ щеку,—Дарья звонко, но равнодушно, какъ доску,—Валерія нѣжно,—опустила глаза,—лукавые глазки,—легонько хихикнула, и тихохонько прикоснулась легкими, радостными губами,—какъ нѣжный цвѣтъ яблони, благоуханный, упалъ на щеку,—а Людмила чмокнула радостно, весело и крѣпко.

— Это—мой гость,—рѣшительно объявила она, взяла Сашу за плечи, и повела къ себѣ.

Дарья сейчасъ же и разсердилась.

— А твой, такъ и цѣлуйся съ нимъ!—сер-

дито крикнула она.—Нашла сокровище! Никто не отниметъ.

Валерія ничего не сказала, только усмѣхнулась,—очень любопытно съ мальчишкою разговаривать! Что онъ понимаетъ?

Въ Людмилиной горницѣ было просторно, весело и свѣтло отъ двухъ большихъ оконъ въ садъ, слегка призадернутыхъ легкимъ желтоватымъ тюлемъ. Пахло сладко. Всѣ вещи стояли нарядныя и свѣтлыя. Стулья и кресла были обиты золотисто-желтою тканью съ бѣлымъ, едва различаемымъ узоромъ. Видѣлись разнообразныя скляночки съ духами, съ душистыми водами, баночки, коробочки, вѣера и нѣсколько русскихъ и французскихъ книжекъ.

— А я тебя сегодня ночью во снѣ видѣла,— хохоча разсказывала Людмила,—ты, будто бы, у городского моста плавалъ, а я на мосту сидѣла, и тебя на удочку выудила.

— И въ баночку положили?—смѣшливо спросилъ Саша.

— Зачѣмъ въ баночку?

— А куда же?

— Куда? Нарвала за уши, да назадъ въ рѣчку кинула.

И Людмила звонко и долго хохотала.

— Ишь вы какая!—сказалъ Саша.—А что вы мнѣ сегодня хотѣли сказать?

Людмила смѣялась и не отвѣчала.

— Обманули, видно,—догадался Саша.—А еще обѣщали показать что-то,—укоризненно сказалъ онъ.

— Я тебѣ покажу! хочешь ѣсть?—спросила Людмила.

— Я обѣдалъ,—сказалъ Саша.—Экая вы обманщица!

— Нужно очень мнѣ тебя обманывать. Да никакъ отъ тебя помадой разитъ?—вдругъ спросила Людмила.

Саша покраснѣлъ.

— Терпѣть не могу помады!—досадливо говорила Людмила.—Барышня помаженная!

Она провела рукою по его волосамъ, замаслила руку, и хлопнула его ладонью по щекѣ.

— Пожалуйста, не смѣй помадиться!—сказала она.

Саша смутился.

— Ну ладно, не буду,—сказалъ онъ.—Строгости какія! Душитесь же вы духами!

— То духи, а то помада, глупый! нашелъ сравнить, — убѣждающимъ голосомъ сказала Людмила. - Я никогда не помажусь. Зачѣмъ волосы склеивать! Духи совсѣмъ не то. Дай-ка я тебя надушу. Желаешь? Сиренькой надушу,—желаешь?

— Желаю,—сказалъ Саша, улыбаясь.

Ему пріятно было думать, что онъ принесетъ домой ароматъ, и опять удивитъ Коковкину.

— Кто желаетъ?—переспросила Людмила, взяла въ руки скляночку съ серингой, и вопросительно, и лукаво смотрѣла на Сашу.

— Я желаю,—повторилъ Саша.

— Ты желаешь? лаешь? вотъ какъ! лаешь!—весело дразнилась Людмила.

Саша и Людмила весело хохотали.

— Ужъ не боишься, что задушу?—спросила Людмила,—помнишь, какъ вчера струсилъ?

— И ничего не струсилъ,—вспыхнувъ, горячо отвѣчалъ Саша.

Людмила, посмѣиваясь и дразня мальчика, принялась душить его серингою. Саша поблагодарилъ, и опять поцѣловалъ ей руку.

— И, пожалуйста, остригись! — строго сказала Людмила, — что хорошаго локоны носить! лошадей прическою пугать.

— Ну, ладно, остригусь, — согласился Саша, — ужасныя строгости! У меня еще коротенькіе волосы, въ полъ-дюйма, еще инспекторъ ничего мнѣ о волосахъ не говорилъ.

— Я люблю остриженныхъ молодыхъ людей, замѣть это, — важно сказала Людмила, и погрозила ему пальцемъ. — И я тебѣ не инспекторъ, меня надо слушаться.

Съ тѣхъ поръ Людмила повадилась все чаще ходить къ Коковкиной, для Саши. Она старалась, особенно вначалѣ, приходить, когда Коковкина не бывала дома. Иногда пускалась даже на хитрости, — выманивала старуху изъ дому.

Дарья сказала ей однажды:

— Эхъ ты, трусиха! Старухи боишься. А ты при ней приди, да его и уведи, — погулять.

Людмила послушалась, — и уже стала приходить, когда попало. Если заставала Коковкину дома, то, посидѣвъ съ нею недолго, уводила Сашу погулять, — но при этомъ задерживала его только на короткое время.

Людмила и Саша быстро подружились, — нѣжною, но безпокойною дружбою. Сама того не замѣчая, уже Людмила будила въ Сашѣ прежде временныя, пока еще неясныя, стремленія да желанія.

Саша часто цѣловалъ Людмилины руки, — тонкія, гибкія пясти, покрытыя нѣжною, упругою кожею, — сквозь ея желтовато-розовую ткань просвѣчивали извилистыя синія жилки. И выше, — длинныя, стройныя, — до самаго локтя легко было цѣловать, отодвигая широкіе рукава.

Саша иногда скрывалъ отъ Коковкиной, что приходила Людмила. Не солжетъ,—только промолчитъ. Да и какъ бы солгать,—могла же сказать и служанка. И молчать-то о Людмилиныхъ посѣщеніяхъ не легко было Сашѣ: Людмилинъ смѣхъ такъ и таялъ въ ушахъ. Хотѣлось поговорить о ней. А сказать—неловко съ чего-то.

Саша быстро подружился и съ другими сестрами. Всѣмъ имъ цѣловалъ руки, и даже скоро сталъ дѣвицъ называть Дашенька, Людмилочка да Валерочка.

XVII.

Людмила, встрѣтивъ Сашу днемъ на улицѣ, сказала ему:

— Завтра у директорши старшая дочка именинница,—твоя старушка пойдетъ?

— Не знаю,—сказалъ Саша.

И уже радостная надежда шевельнулась въ его душѣ и даже не столько надежда, сколько желаніе: Коковкина уйдетъ, а Людмила какъ разъ въ это время придетъ и побудетъ съ нимъ.

Вечеромъ онъ напомнилъ Коковкиной о завтрашнихъ именинахъ.

— Чуть не забыла, — сказала Коковкина.— Схожу. Дѣвушка-то она такая милая.

И впрямь, когда Саша вернулся изъ гимназіи, Коковкина ушла къ Хрипачамъ. Сашу радовала мысль, что на этотъ разъ онъ помогъ удалить Коковкину изъ дому. Уже онъ былъ увѣренъ, что Людмила найдетъ время притти.

Такъ и сталось,—Людмила пришла. Она поцѣловала Сашу въ щеку, дала ему поцѣловать руку, и весело засмѣялась, а онъ зардѣлся. Отъ Людмилиныхъ одеждъ вѣялъ ароматъ влажный, сладкій, цвѣточный — розирисъ, — плотскій и

сладострастный ирисъ, растворенный въ сладко-мечтающихъ розахъ.

Людмила принесла узенькую коробку въ тонкой бумагѣ, сквозь которую просвѣчивалъ желтоватый рисунокъ. Сѣла, положила коробку къ себѣ на колѣни, и лукаво поглядѣла на Сашу.

— Финики любишь?—спросила она.

— Уважаю, — сказалъ Саша со смѣшливою гримаскою.

— Ну вотъ я тебя и угощу, — важно сказала Людмила.

Она развязала коробку и сказала:

— Ѣшь!

Сама вынимала изъ коробки по ягодкѣ, вкладывала ихъ Сашѣ въ ротъ, и послѣ каждой заставляла цѣловать ей руку. Саша сказалъ:

-- Да у меня губы стали сладкія.

— Что за бѣда, что сладкія, цѣлуй себѣ на здоровье, — весело отвѣтила Людмила, — я не обижусь.

— Ужъ лучше же я вамъ сразу отцѣлую,— сказалъ Саша смѣючись.

И потянулся было самъ за ягодою.

— Обманешь, обманешь! — закричала Людмила, проворно захлопнула коробку и ударила Сашу по пальцамъ.

— Ну вотъ еще, я—честный мальчикъ, ужъ я-то не обману,—увѣрялъ Саша.

— Нѣтъ, нѣтъ, не повѣрю, — твердила Людмила.

— Ну хотите, впередъ отцѣлую? — предложилъ Саша.

- Вотъ это похоже на дѣло,—радостно сказала Людмила—цѣлуй.

Она протянула Сашѣ руку. Саша взялъ ея тонкіе, длинные пальцы, поцѣловалъ одинъ

разъ, и спросилъ съ лукавою усмѣшкою, не выпускалъ ея руки:

— А вы не обманете, Людмилочка?

— А нешто я нечестная! — весело отвѣтила Людмила, — небось, не обману, цѣлуй безъ сомнѣнія.

Саша склонился надъ ея рукою, и сталъ быстро цѣловать ее; ровно покрывалъ руку поцѣлуями, и звучно чмокалъ широко-раскрываемыми губами, и ему было пріятно, что такъ много можно нацѣловать. Людмила внимательно считала поцѣлуи. Насчитала десять и сказала:

— Тебѣ неловко стоя-то на ногахъ, нагибаться надо.

— Ну, такъ я удобнѣе устроюсь, — сказалъ Саша.

Сталъ на колѣни, и съ усердіемъ продолжалъ цѣловать.

Саша любитъ поѣсть. Ему нравилось, что Людмила угощаетъ его сладкимъ. За это онъ еще нѣжнѣе любилъ ее.

Людмила обрызгала Сашу приторно-пахучими духами. И удивилъ Сашу ихъ запахъ, сладкій, но странный, кружащій, туманно-свѣтлый, какъ золотящаяся ранняя, но грѣшная заря за бѣлою мглою. Саша сказалъ:

— Какіе духи странные!

— А ты на руку попробуй, — посовѣтовала Людмила.

И дала ему четырехугольную съ округленными ребрами некрасивую баночку. Саша поглядѣлъ на свѣтъ, — ярко-желтая, веселая жидкость. Крупный, пестрый ярлыкъ, французская надпись — цикламенъ отъ Пивера. Саша взялся за плоскую стеклянную пробку, выта-

цилъ ее, понюхалъ духи. Потомъ сдѣлалъ такъ, какъ любила дѣлать Людмила,—ладонь наложилъ на горлышко флакона, быстро его опрокинулъ и опять повернулъ на дно, растеръ на ладони пролившіяся капли цикламена, и внимательно понюхалъ ладонь,—спиртъ улетучился, остался чистый ароматъ. Людмила смотрѣла на него съ волнующимъ ее ожиданіемъ. Саша нерѣшительно сказалъ:

— Клопомъ засахареннымъ пахнетъ немножко.

— Ну, ну, не ври, пожалуйста,—досадливо сказала Людмила.

Она также взяла духовъ на руку и понюхала. Саша повторилъ:

— Правда, клопомъ.

Людмила вдругъ вспыхнула, да такъ, что слезинки блеснули на глазахъ, ударила Сашу по щекѣ и крикнула:

— Ахъ ты, злой мальчишка! вотъ тебѣ за клопа!

— Здорово ляснула!—сказалъ Саша, засмѣялся и поцѣловалъ Людмилину руку.—Что же вы такъ сердитесь, голубушка Людмилочка! Ну, чѣмъ же по вашему онъ пахнетъ?

Онъ не разсердился на ударъ,—совсѣмъ былъ очарованъ Людмилою.

— Чѣмъ?—спросила Людмила, и схватила Сашино ухо,—а вотъ чѣмъ, я тебѣ сейчасъ скажу, только ухо надеру сначала.

— Ой, ой, ой, Людмилочка, миленькая, не буду!—морщась отъ боли и сгибаясь, говорилъ Саша.

Людмила выпустила покраснѣвшее ухо, нѣжно привлекла Сашу къ себѣ, посадила его на колѣни и сказала:

— Слушай, — три духа живутъ въ цикла-

менѣ,—сладкою амброзіею пахнетъ бѣдный цвѣтокъ, — это для рабочихъ пчелъ. Вѣдь ты знаешь, по-русски его дряквою зовутъ.

— Дряква, — смѣючись повторилъ Саша,— смѣшное имячко.

— Не смѣйся, пострѣлъ,—сказала Людмила, взяла его за другое ухо и продолжала:—сладкая амброзія, и надъ нею гудятъ пчелы, это— его радость. И еще онъ пахнетъ нѣжною ванилью, и уже это не для пчелъ, а для того, о комъ мечтаютъ, и это—его желаніе,—цвѣтокъ и золотое солнце надъ нимъ. И третій его духъ, онъ пахнетъ нѣжнымъ, сладкимъ тѣломъ, для того, кто любитъ, и это—его любовь,—бѣдный цвѣтокъ и полдневный тяжелый зной. Пчела, солнце, зной,—понимаешь, мой свѣтикъ?

Саша молча кивнулъ головою. Его смуглое лицо пылало, и длинныя темныя рѣсницы трепетали. Людмила мечтательно глядѣла вдаль, раскраснѣвшаяся, и говорила:

— Онъ радуетъ, нѣжный и солнечный цикламенъ, онъ влечетъ къ желаніямъ, отъ которыхъ сладко и стыдно, онъ волнуетъ кровь. Понимаешь, мое солнышко, когда сладко, и радостно, и больно, и хочется плакать? Понимаешь? вотъ онъ какой.

Долгимъ поцѣлуемъ прильнула она къ Сашинымъ губамъ...

Людмила задумчиво смотрѣла передъ собою. Вдругъ лукавая усмѣшка скользнула по ея губамъ. Она легонько оттолкнула Сашу и спросила:

— Ты розы любишь?

Саша вздохнулъ, открылъ глаза, улыбнулся сладко и тихо шепнулъ:

— Люблю.

— Большія?—спросила Людмила.

— Да всякія, и большія, и маленькія,—бойко сказалъ Саша, и всталъ съ ея колѣнъ ловкимъ мальчишескимъ движеніемъ.

— И розочки любишь? — нѣжно спросила Людмила, и звонкій ея голосъ вздрагивалъ отъ скрытаго смѣха.

— Люблю,—быстро отвѣтилъ Саша.

Людмила захохотала и покраснѣла.

— Глупый, розочки любишь, да посѣчь некому,—воскликнула она.

Оба хохотали и краснѣли.

Невинныя по необходимости возбужденія составляли для Людмилы главную прелесть ихъ связи. Они волновали,—и далеки были отъ грубыхъ, отвратительныхъ достиженій...

Заспорили, кто сильнѣе. Людмила сказала:

— Ну пусть ты и сильнѣе, такъ что жъ? Дѣло въ ловкости.

— Я и ловкій,—хвастался Саша.

— Туда же, ловкій! —дразнящимъ голосомъ вскрикнула Людмила.

Долго еще спорили. Наконецъ, Людмила предложила:

— Ну, давай бороться.

Саша засмѣялся, и задорно сказалъ:

— Гдѣ же вамъ справиться со мною!

Людмила принялась щекотать его.

— А, вы такъ!—съ хохотомъ крикнулъ онъ, вывернулся и обхватилъ ее вокругъ стана.

Началась возня. Людмила сразу же увидѣла, что Саша сильнѣе. Силою не взять, такъ она, хитрая, улучила удобную минуту, подшибла Сашу подъ ногу, — онъ упалъ, да и Людмилу

увлекъ за собою. Впрочемъ, Людмила ловко извернулась и прижала его къ полу. Саша отчаянно кричалъ:

— Такъ нечестно!

Людмила стала колѣнями ему на животъ, и руками прижала его къ полу. Саша отчаянно выбивался. Людмила опять принялась щекотать его. Сашинъ звонкій хохотъ смѣшался съ ея хохотомъ. Хохотъ заставилъ ее выпустить Сашу. Она хохоча упала на полъ. Саша вскочилъ на ноги. Онъ былъ красенъ и раздосадованъ.

— Русалка!—крикнулъ онъ.

А русалка лежала на полу, и хохотала.

Людмила посадила Сашу къ себѣ на колѣни. Усталые послѣ борьбы, они весело и близко смотрѣли другъ другу въ глаза, и улыбались.

— Я для васъ тяжелый, — сказалъ Саша,— колѣни вамъ намну, вы меня лучше спустите.

— Ничего, сиди знай, — ласково отвѣтила Людмила.—Вѣдь ты самъ говорилъ, что ласкаться любишь.

Она погладила его по головѣ. Онъ нѣжно прижался къ ней. Она сказала:

— А ужъ и красивъ ты, Саша.

Саша покраснѣлъ, засмѣялся.

— Тоже придумаете!—сказалъ онъ.

Разговоры и мысли о красотѣ въ примѣненіи къ нему какъ-то смутили его; онъ еще никогда не любопытствовалъ узнать, красивымъ или уродомъ кажется онъ людямъ.

Людмила щипнула Сашину щеку. Саша улыбнулся. Щека покраснѣла пятномъ. Это было красиво. Людмила щипнула и за другую щеку. Саша не сопротивлялся. Онъ только взялъ ея руку, поцѣловалъ и сказалъ:

— Будетъ вамъ щипаться, вѣдь и мнѣ больно, да и вы свои пальчики намозолите.

— Туда же, — протянула Людмила, — больно, а самъ какой комплиментщикъ сталъ.

— Мнѣ некогда, много уроковъ. Приласкайте меня еще немножко, на счастье, чтобы греку отвѣтить на пять.

— Выпроваживаешь! — сказала Людмила.

Схватила его за руку, и подняла рукавъ выше локтя.

— Нахлопать хотите? — спросилъ Саша, смущенно и виновато краснѣя.

Но Людмила залюбовалась его рукою, повертѣла ее и такъ и этакъ.

— Руки-то у тебя какія красивыя! — громко и радостно сказала она, и вдругъ поцѣловала около локтя.

Саша зардѣлся, рванулъ руку, — но Людмила удержала ее, и поцѣловала еще нѣсколько разъ. Саша притихъ, потупился, и странное выраженіе легло на его яркихъ, полу-улыбающихся губахъ, — и подъ навѣсомъ густыхъ рѣсницъ знойныя щеки его начали блѣднѣть.

Попрощались. Саша проводилъ Людмилу до калитки. Пошелъ бы и дальше, да не велѣла. Онъ остановился у калитки, и сказалъ:

— Ходи, милая, почаще, носи прянычковъ послаще.

Первый разъ сказанное — ты — прозвучало Людмилѣ нѣжною ласкою. Она порывисто обняла, поцѣловала Сашу, и убѣжала. Саша стоялъ, какъ оглушенный.

Саша обѣщалъ притти. Назначенный часъ прошелъ, — Саши не было. Людмила нетерпѣливо

жлала,—металась, томилась, смотрѣла въ окно. Шаги заслышитъ на улицѣ,—высунется. Сестры посмѣивались. Она сердито и взволнованно говорила:

— А ну васъ! Отстаньте.

Потомъ бурно набрасывалась на нихъ съ упреками, зачѣмъ смѣются. И уже видно стало, что Саша не придетъ. Людмила заплакала, отъ досады и огорченія.

— Ой-ёй-ёчиньки! Охти мнѣчиньки! — дразнила ее Дарья.

Людмила, всхлипывая, тихонько говорила, въ порывѣ горя забывая сердиться на то, что ее дразнятъ:

— Старая карга противная, не пустила его, подъ юбкой держитъ, чтобъ онъ грековъ училъ.

Дарья съ грубоватымъ сочувствіемъ сказала:

— Да и онъ-то пентюхъ, уйти не умѣетъ.

— Съ малюсенькимъ связалась, — презрительно молвила Валерія.

Обѣ сестры, хоть и посмѣивались, сочувствовали Людмилѣ. Онѣ же всѣ любили одна другую, нѣжно, но не сильно: поверхностна нѣжная любовь! Дарья сказала:

— Охота плакать, изъ-за молокососа глаза ермолить. Вотъ-то, ужъ можно сказать, чортъ съ младенцемъ связался.

— Кто это чортъ? — запальчиво крикнула Людмила, и вся багрово покраснѣла.

— Да ты, матушка, — спокойно отвѣтила Дарья, даромъ что молодая, а только...

Дарья не договорила, и пронзительно засвистала.

— Глупости!—сказала Людмила странно-звенящимъ голосомъ.

Странная, жестокая улыбка сквозь слезы

озарила ея лицо, какъ ярко-пылающій лучъ на закатѣ сквозь послѣднее паденіе усталаго дождя.

Дарья спросила досадливо:

— Да что въ немъ интереснаго, скажи, пожалуйста?

Людмила, все съ тою же удивительною улыбкою, задумчиво и медленно отвѣтила:

— Какой онъ красавецъ! И сколько въ немъ есть неистраченныхъ возможностей!

— Ну, это дешево стоитъ,—рѣшительно сказала Дарья.—Это у всѣхъ мальчишекъ есть.

— Нѣтъ, не дешево,—съ досадою отвѣтила Людмила.—Есть поганые.

— А онъ чистый?—спросила Валерія; такъ пренебрежительно протянула „чистый".

— Много ты понимаешь!—крикнула Людмила, но сейчасъ же опять заговорила тихо и мечтательно:—онъ невинный.

— Еще бы!—насмѣшливо сказала Дарья.

— Самый лучшій возрастъ для мальчиковъ,—говорила Людмила,—четырнадцать—пятнадцать лѣтъ. Еще онъ ничего не можетъ, и не понимаетъ по настоящему, а уже все предчувствуетъ, рѣшительно все. И нѣтъ бороды противной.

— Большое удовольствіе!—съ презрительною ужимкою сказала Валерія.

Она была грустна. Ей казалось, что она — маленькая, слабая, хрупкая, и она завидовала сестрамъ,—Дарьину веселому смѣху и даже Людмилину плачу. Людмила сказала опять:

— Ничего вы не понимаете. Я вовсе не такъ его люблю, какъ вы думаете. Любить мальчика лучше, чѣмъ влюбиться въ пошлую физіономію съ усиками. Я его невинно люблю. Мнѣ отъ него ничего не надо.

— Не надо, такъ чего жъ ты его теребишь? — грубо возразила Дарья.

Людмила покраснѣла, и виноватое выраженіе тяжело легло на ея лицѣ. Дарьѣ стало жалко, она подошла къ Людмилѣ, обняла ее, и сказала:

— Ну, не дуйся, вѣдь мы не со зла говоримъ.

Людмила опять заплакала, приникла къ Дарьину плечу, и горестно сказала:

— Я знаю, что ужъ тутъ не на что мнѣ надѣяться, но хоть бы немножко приласкалъ онъ меня, хоть бы какъ-нибудь.

— Ну что, тоска! — досадливо сказала Дарья, отошла отъ Людмилы, подперлась руками въ бока, и звонко запѣла:

— Я вечоръ сваво милова
Оставляла ночевать.

Валерія заливалась звонкимъ и хрупкимъ смѣхомъ. И у Людмилы глаза стали веселы и блудливы. Она порывисто прошла въ свою комнату, обрызгала себя корилопсисомъ, — и запахъ пряный, сладкій и блудливый охватилъ ее вкрадчивымъ соблазномъ.

Она вышла на улицу нарядная, взволнованная, и нескромною прелестью соблазна вѣяло отъ нея. — Можетъ быть, и встрѣчу, — думала она. И встрѣтила.

— Хорошъ! — укоризненно и радостно крикнула она.

Саша и смутился, и обрадовался.

— Некогда было, — смущенно сказалъ онъ, — все же уроки, все учить надо, правда, некогда.

— Врешь, миленькій, — пойдемъ-ка сейчасъ.

Онъ отнѣкивался смѣючись, но видно было, что и радъ тому, что Людмила его уводитъ. И Людмила привела его домой.

— Привела!—съ торжествомъ крикнула она сестрамъ, и за плечо отвела Сашу къ себѣ.

— Погоди, сейчасъ я съ тобою раздѣлаюсь,— погрозила она, и заложила дверь на задвижку,— вотъ теперь никто за тебя не заступится.

Саша, заложивъ руки за поясъ, неловко стоялъ посреди ея горницы,—ему было жутко и любо. Пахло какими-то новыми духами, празднично, сладко, но что-то въ этомъ запахѣ задѣвало, бередило нервы, какъ прикосновеніе радостныхъ, юркихъ и шероховатыхъ змѣекъ.

XVIII.

Передоновъ возвращался съ одной изъ ученическихъ квартиръ. Внезапно онъ былъ застигнутъ мелкимъ дождемъ. Сталъ соображать, куда бы зайти, чтобы не гноить на дождѣ новаго шелковаго зонтика. Черезъ дорогу, на каменномъ двухъэтажномъ особнячкѣ, увидѣлъ онъ вывѣску: Контора нотаріуса Гудаевскаго. Сынъ нотаріуса учился во второмъ классѣ гимназіи. Передоновъ рѣшился войти. Заодно нажалуется на гимназиста.

И отца, и мать засталъ онъ дома. Встрѣтили его суетливо. Такъ и все здѣсь дѣлалось.

Николай Михайловичъ Гудаевскій былъ человѣкъ невысокій, плотный, черноволосый, плѣшивый, съ длинною бородою. Движенія его всегда были стремительны и неожиданны: онъ словно не ходилъ, а носился, коротенькій, какъ воробей, и никогда нельзя было узнать по его лицу и положенію, что онъ сдѣлаетъ въ слѣдующую минуту. Среди дѣлового разговора онъ внезапно выкинетъ колѣнце, которое не столько насмѣшитъ, сколько приведетъ въ недоумѣніе своею

безпричинностью. Дома или въ гостяхъ онъ сидитъ, сидитъ, и вдругъ вскочитъ и, безъ всякой видимой надобности, быстро зашагаетъ по горницѣ, крикнетъ, стукнетъ. На улицѣ идетъ, идетъ, и вдругъ остановится, присядетъ, или сдѣлаетъ выпадъ, или другое гимнастическое упражненіе, и потомъ идетъ дальше. На совершаемыхъ или свидѣтельствуемыхъ у него актахъ Гудаевскій любилъ дѣлать смѣшныя помѣтки: напримѣръ, вмѣсто того, чтобы написать о Иванѣ Иванычѣ Ивановѣ, живущемъ на Московской площади, въ домѣ Ермиловой, онъ писалъ о Иванѣ Иванычѣ Ивановѣ, что живетъ на базарной площади, въ томъ кварталѣ, гдѣ нельзя дышать отъ зловонія и т. д., упоминалъ даже иногда о числѣ куръ и гусей у этого человѣка, подпись котораго онъ свидѣтельствуетъ.

Юлія Петровна Гудаевская, страстная, жестокосентиментальная, длинная, тонкая, сухая, странно, — при несходствѣ фигуръ, — походила на мужа ухватками: такія же порывистыя движенія, такая же совершенная несоразмѣрность съ движеніями другихъ. Одѣвалась она пестро и молодо, и при быстрыхъ движеніяхъ своихъ постоянно развѣвалась во всѣ стороны длинными разноцвѣтными лентами, которыми любила украшать въ изобиліи и свой нарядъ, и свою прическу.

Антоша, тоненькій, юркій мальчикъ, вѣжливо шаркнулъ. Передонова усадили въ гостиной, и онъ немедленно началъ жаловаться на Антошу: лѣнивъ, невнимателенъ, въ классѣ не слушаетъ, разговариваетъ и смѣется, на перемѣнахъ шалитъ. Антоша удивился,—онъ не зналъ, что окажется такимъ плохимъ, — и принялся горячо оправдываться. Родители оба взволновались.

— Позвольте, — кричалъ отецъ, — скажите мнѣ, въ чемъ же именно состоятъ его шалости?

— Ника, не защищай его, — кричала мать. — онъ не долженъ шалить.

— Да что онъ нашалилъ? — допрашивалъ отецъ, бѣгая, словно катаясь, на коротенькихъ ножкахъ.

— Вообще шалитъ, возится, дерется, — угрюмо говорилъ Передоновъ, — постоянно шалитъ.

— Я не дерусь, — жалобно восклицалъ Антоша, — у кого хотите спросите, я ни съ кѣмъ никогда не дрался.

— Никому проходу не даетъ, — сказалъ Передоновъ.

— Хорошо-съ, я самъ пойду въ гимназію, я узнаю отъ инспектора, — рѣшительно сказалъ Гудаевскій.

— Ника, Ника, отчего ты не вѣришь! — кричала Юлія Петровна, — ты хочешь, чтобы Антоша негодяемъ вышелъ? Его высѣчь надо.

— Вздоръ! вздоръ! — кричалъ отецъ.

— Высѣку, непремѣнно высѣку! — закричала мать, схватила сына за плечо, и потащила его: — пойдемъ въ кухню, Антоша, — кричала она, — пойдемъ, миленькій, я тебя высѣку.

— Не дамъ! — закричалъ отецъ, вырывая сына.

Мать не уступала, Антоша отчаянно кричалъ, родители толкались.

— Помогите мнѣ, Ардальонъ Борисычъ, — закричала Юлія Петровна, — подержите этого изверга, пока я раздѣлаюсь съ Антошей.

Передоновъ пошелъ на помощь. Но Гудаевскій вырвалъ сына, сильно оттолкнулъ жену, подскочилъ къ Передонову, и грозно закричалъ:

— Не лѣзьте! Двѣ собаки грызутся, третья не приставай! Да я васъ!

Красный, растрепанный, потный, онъ потрясалъ въ воздухѣ кулакомъ. Передоновъ попятился, бормоча невнятныя слова. Юлія Петровна бѣгала вокругъ мужа, стараясь ухватить Антошу; отецъ пряталъ его за себя, таская его за руку то вправо, то влѣво; глаза у Юліи Петровны сверкали, и она кричала:

— Разбойникомъ выростетъ! Въ тюрьмѣ насидится! Въ каторгу попадетъ!

— Типунъ тебѣ на языкъ!—кричалъ Гудаевскій.—Молчи, дура злая!

— А, тиранъ!—взвизгнула Юлія Петровна, подскочила къ мужу, ударила его кулакомъ въ спину, и порывисто бросилась изъ гостиной.

Гудаевскій сжалъ кулаки, и подскочилъ къ Передонову.

— Вы смутьянить пришли,—закричалъ онъ.— Шалитъ Антоша? Вы врете, ничего онъ не шалитъ. Если бы онъ шалилъ, я бы и безъ васъ это зналъ, а съ вами я и говорить не хочу. Вы по городу ходите, дураковъ обманываете, мальчишекъ стегаете, дипломъ получить хотите на стегальныхъ дѣлъ мастера. А здѣсь не на такого напали. Милостивый государь, прошу васъ удалиться!

Говоря это, онъ подскакивалъ къ Передонову, и оттѣснялъ его въ уголъ. Передоновъ испугался и радъ былъ бы убѣжать, да Гудаевскій въ пылу раздраженія не замѣтилъ, что загородилъ выходъ. Антоша схватилъ отца сзади за фалды сюртука, и тянулъ его къ себѣ. Отецъ сердито цыкнулъ на него, и лягнулся. Антоша проворно отскочилъ въ сторону, но не выпустилъ отцова сюртука.

— Цыцъ!—крикнулъ Гудаевскій,—Антоша, не забывайся.

— Папочка,—закричалъ Антоша, продолжая тянуть отца назадъ,—ты мѣшаешь Ардальону Борисычу пройти.

Гудаевскій быстро отскочилъ назадъ,—Антоша едва успѣлъ увернуться.

— Извините,—сказалъ Гудаевскій, и показалъ на дверь,—выходъ здѣсь, а задерживать не смѣю.

Передоновъ поспѣшно пошелъ изъ гостиной. Гудаевскій сложилъ ему изъ своихъ пальцевъ длинный носъ, потомъ поддалъ въ воздухѣ колѣномъ, словно выталкивалъ гостя. Антоша захихикалъ. Гудаевскій сердито прикрикнулъ на него:

— Антоша, не забывайся! Смотри, завтра поѣду въ гимназію, и если это окажется правда, отдамъ тебя матери на исправленіе.

— Я не шалилъ, онъ вретъ,—жалобно и пискливо сказалъ Антоша.

— Антоша, не забывайся!—крикнулъ отецъ.— Не вретъ надо сказать,—ошибается. Только маленькіе врутъ, взрослые изволятъ ошибаться.

Межъ тѣмъ Передоновъ выбрался въ полутемную прихожую, отыскалъ кое-какъ пальто и сталъ его надѣвать. Отъ страха и волненія онъ не попадалъ въ рукава. Никто не пришелъ ему помочь.

Вдругъ откуда-то изъ боковой двери выбѣжала Юлія Петровна, шелестя развѣвающимися лентами, и горячо зашептала что-то, махая руками, и прыгая на цыпочкахъ. Передоновъ не сразу ее понялъ.

— Я такъ вамъ благодарна,—наконецъ разслышалъ онъ,—это такъ благородно съ вашей стороны, такъ благородно, такое участіе. Всѣ люди такіе равнодушные, а вы вошли въ поло-

женіе бѣдной матери. Такъ трудно воспитывать дѣтей, такъ трудно, вы не можете себѣ представить. У меня двое, и то голова кругомъ идетъ. Мой мужъ—тиранъ, онъ ужасный, ужасный человѣкъ, не правда ли? вы сами видѣли.

— Да, — пробормоталъ Передоновъ, — вашъ мужъ, какъ же это онъ, такъ нельзя, я забочусь, а онъ...

— Ахъ, не говорите, — шептала Юлія Петровна,—ужасный человѣкъ. Онъ меня въ гробъ вгонитъ, и радъ будетъ, и будетъ развращать моихъ дѣтей, моего миленькаго Антошу. Но я—мать, я не дамъ, я все-таки высѣку.

— Не дастъ, — сказалъ Передоновъ, и мотнулъ головою по направленію къ горницамъ.

— Когда онъ уйдетъ въ клубъ. Не возьметъ же онъ Антошу съ собой! Онъ уйдетъ, а я до тѣхъ поръ молчать буду, какъ будто согласилась съ нимъ, а какъ только онъ уйдетъ, я его и высѣку, а вы мнѣ поможете. Вѣдь вы мнѣ поможете, не правда ли?

Передоновъ подумалъ и сказалъ:

— Хорошо, только какъ же я узнаю?

— Я пришлю за вами, я пришлю,—радостно зашептала Юлія Петровна.—Вы ждите,—какъ только онъ уйдетъ въ клубъ, такъ я и пришлю за вами.

Вечеромъ Передонову принесли записку отъ Гудаевской. Онъ прочелъ:

„Достоуважаемый Ардальонъ Борисычъ!

„Мужъ ушелъ въ клубъ, и теперь я свободна отъ его варварства до часу ночи. Сдѣлайте ваше одолженіе, пожалуйте поскорѣе ко мнѣ для содѣйствія надъ преступнымъ сыномъ. Я сознаю, что надо изгонять изъ него пороки, пока малъ, а послѣ поздно будетъ.

„Искренно уважающая Васъ

„Юлія Гудаевская.

„P. S. Пожалуйста, приходите поскорѣе, а то Антоша ляжетъ спать, такъ его придется будить“.

Передоновъ поспѣшно одѣлся, закуталъ горло шарфомъ и отправился.

— Куда ты, Ардальонъ Борисычъ, на ночь глядя собрался?—спросила Варвара.

— По дѣлу,—угрюмо отвѣчалъ Передоновъ, торопливо уходя.

Варвара подумала съ тоскою, что опять ей не спать долго. Хоть бы поскорѣе заставить его повѣнчаться! Вотъ-то можно будетъ спать и ночью, и днемъ,—вотъ-то будетъ блаженство!

На улицѣ сомнѣнія овладѣли Передоновымъ. А что, если это ловушка? А вдругъ окажется, что Гудаевскій дома, и его схватятъ и начнутъ бить? Не вернуться ли лучше назадъ?

„Нѣтъ, надо дойти до ихъ дома,—а тамъ видно будетъ“.

Ночь, тихая, прохладная и темная, обступала со всѣхъ сторонъ, и заставляла замедлять шаги. Свѣжія вѣянія доносились съ недалекихъ полей. Въ травѣ у заборовъ подымались легкіе шорохи и шумы, и вокругъ все казалось подозрительнымъ и страннымъ,—можетъ быть, кто-нибудь крался сзади и слѣдилъ. Всѣ предметы за тьмою странно и неожиданно таились,— словно въ нихъ просыпалась иная, ночная жизнь, непонятная для человѣка, и враждебная ему.

Передоновъ тихо шелъ по улицамъ, и бормоталъ:

„Ничего не выслѣдишь. Не на худое иду. Я, братъ, о пользѣ службы забочусь. Такъ-то“.

Наконецъ, онъ добрался до жилища Гудаевскихъ. Огонь виденъ былъ только въ одномъ окнѣ на улицу,—остальныя четыре были темны. Передоновъ поднялся на крыльцо тихохонько, постоялъ, прильнулъ ухомъ къ двери и послушалъ, — все было тихо. Онъ слегка дернулъ мѣдную ручку звонка,—раздался далекій и слабый дребезжащій звукъ. Но какъ онъ ни былъ слабъ, онъ испугалъ Передонова, какъ будто за этимъ звукомъ должны были проснуться и устремиться къ этимъ дверямъ всѣ враждебныя силы. Передоновъ быстро сбѣжалъ съ крыльца, и прижался къ стѣнкѣ, притаясь за столбикомъ.

Прошли короткія мгновенія. Сердце у Передонова замирало и тяжко колотилось.

Послышались легкіе шаги, стукъ отворенной двери,—Юлія Петровна выглянула на улицу, сверкая въ темнотѣ черными, страстными глазами.

— Кто тутъ? — громкимъ шопотомъ спросила она.

Передоновъ немного отдѣлился отъ стѣны и, заглядывая снизу въ узкое отверстіе двери, гдѣ было темно и тихо, спросилъ, тоже шопотомъ,—и голосъ его дрожалъ:

— Ушелъ Николай Михайловичъ?

— Ушелъ, ушелъ, — радостно зашептала и закивала Юлія Петровна.

Робко озираясь, Передоновъ вошелъ за нею въ темныя сѣни.

— Извините,—шептала Юлія Петровна,—я безъ огня, а то еще кто увидитъ, будутъ болтать.

Она шла впереди Передонова по лѣстницѣ, въ коридоръ, гдѣ висѣла маленькая лампочка, бросая тусклый свѣтъ на верхнія ступеньки. Юлія Петровна радостно и тихо смѣялась, и ленты ея зыбко дрожали отъ ея смѣха.

— Ушелъ,—радостно шепнула она, оглянулась и окинула Передонова страстно-горящими глазами.—Ужъ я боялась, что останется сегодня дома, такъ развоевался. Да не могъ вытерпѣть безъ винта. Я и прислугу отправила,—одна Лизина нянька осталась, — а то еще намъ помѣшаютъ. Вѣдь нынче люди, знаете, какіе.

Отъ Юліи Петровны вѣяло жаромъ, и вся она была жаркая, сухая, какъ лучина. Она иногда хватала Передонова за рукавъ, и отъ этихъ быстрыхъ сухихъ прикосновеній, словно быстрые сухіе огоньки пробѣгали по всему его тѣлу.

Тихохонько, на цыпочкахъ прошли они по коридору, мимо нѣсколькихъ запертыхъ дверей, и остановились у послѣдней...

Передоновъ оставилъ ее въ полночь, уже когда она ждала, что скоро вернется мужъ. Онъ шелъ по темнымъ улицамъ, угрюмый и пасмурный. Ему казалось, что кто-то все стоялъ около дома, и теперь слѣдитъ за нимъ. Онъ бормоталъ:

— Я по службѣ ходилъ. Я не виноватъ. Она сама захотѣла. Ты меня не поддѣнешь, не на такого напалъ.

Варвара еще не спала, когда онъ вернулся. Карты лежали передъ нею.

Передонову казалось, что кто-то могъ забраться, когда онъ входилъ... Можетъ быть, сама Варвара впустила врага... Передоновъ сказалъ:

— Я буду спать, а ты колдовать на картахъ станешь. Подавай сюда карты, а то околдуешь меня.

Онъ отнялъ карты и спряталъ себѣ подъ подушку. Варвара ухмылялась и говорила:

— Петрушку валяешь. Я и колдовать-то не умѣю, очень мнѣ надо.

Его досадовало и страшило, что она ухмыляется: значитъ, думалъ онъ, она и безъ картъ можетъ. Вотъ подъ кроватью котъ жмется и сверкаетъ зелеными глазами, — на его шерсти можно колдовать, гладя кота впотьмахъ, чтобы сыпались искры. Вотъ подъ коммодомъ мелькаетъ опять сѣрая недотыкомка, — не Варвара ли ее подсвистываетъ по ночамъ тихимъ свистомъ, похожимъ на храпъ?

Гадкій и страшный приснился Передонову сонъ: пришелъ Пыльниковъ, сталъ на порогѣ, манилъ и улыбался. Словно кто-то повлекъ Передонова къ нему, и Пыльниковъ повелъ его по темнымъ и грязнымъ улицамъ, а котъ бѣжалъ рядомъ, и свѣтилъ зелеными зрачками...

XIX.

Странности въ поведеніи Передонова все болѣе день ото дня безпокоили Хрипача. Онъ посовѣтовался съ гимназическимъ врачемъ, не сошелъ ли Передоновъ съ ума. Врачъ со смѣхомъ отвѣтилъ, что Передонову сходить не съ чего, а просто дуритъ по глупости. Поступали и жалобы. Начала Адаменко: она прислала директору тетрадь ея брата съ единицею за хорошо исполненную работу.

Директоръ во время одной изъ перемѣнъ пригласилъ къ себѣ Передонова.

„А, право, похожъ на помѣшаннаго", подумалъ Хрипачъ, увидѣвъ слѣды смятенія и ужаса на тупомъ, сумрачномъ лицѣ Передонова.

— Я имѣю къ вамъ претензію,—заговорилъ Хрипачъ сухою скороговоркою.—Каждый разъ,

какъ мнѣ приходится давать урокъ рядомъ съ вами, у меня голова буквально трещитъ,—такой хохотъ подымается въ вашемъ классѣ. Не могу ли я васъ просить давать уроки не столь веселаго содержанія? „Шутить и все шутить,—какъ васъ на это станетъ“?

— Я не виноватъ,—сердито сказалъ Передоновъ, — они сами смѣются. Да и нельзя же все о буквѣ Ѣ да о сатирахъ Кантемира говорить, иногда и скажешь что-нибудь, а они сейчасъ зубы скалятъ. Распущены очень. Подтянуть ихъ надо.

— Желательно, и даже необходимо, чтобы работа въ классѣ имѣла серьезный характеръ,— сухо сказалъ Хрипачъ.—И еще одно.

Хрипачъ показалъ Передонову двѣ тетради и сказалъ:

— Вотъ двѣ тетради по вашему предмету, обѣ учениковъ одного класса, Адаменка и моего сына. Мнѣ пришлось ихъ сравнить, и я принужденъ сдѣлать выводъ о вашемъ не вполнѣ внимательномъ отношеніи къ дѣлу. Послѣдняя работа Адаменка, исполненная весьма удовлетворительно, оцѣнена единицею, тогда какъ работа моего сына, написанная хуже, заслужила четверку. Очевидно, что вы ошиблись, баллъ одного ученика поставили другому, и наоборотъ. Хотя человѣку свойственно ошибаться, но все же прошу васъ избѣгать подобныхъ ошибокъ. Онѣ возбуждаютъ совершенно основательное неудовольствіе родителей и самихъ учащихся.

Передоновъ пробормоталъ что-то невнятное.

Въ классахъ онъ со злости усиленно принялся дразнить маленькихъ, наказанныхъ надняхъ по его жалобамъ. Особенно напалъ онъ на Крамаренка. Тотъ молчалъ, блѣднѣлъ подъ

своимъ темнымъ загаромъ, и глаза его сверкали.

Выйдя изъ гимназіи, Крамаренко въ этотъ день не торопился домой. Онъ постоялъ у воротъ, поглядывая на подъѣздъ. Когда вышелъ Передоновъ, Крамаренко пошелъ за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, пережидая рѣдкихъ прохожихъ.

Передоновъ шелъ медленно. Хмурая погода наводила на него тоску. Его лицо въ послѣдніе дни принимало все болѣе тупое выраженіе. Взглядъ или былъ остановленъ на чемъ-то далекомъ, или странно блуждалъ. Казалось, что онъ постоянно всматривается за предметъ. Отъ этого предметы въ его глазахъ раздваивались, млѣли, мережили.

Кого же онъ высматривалъ?

Доносчиковъ. Они прятались за всѣ предметы, шушукались, смѣялись. Враги наслали на Передонова цѣлую армію доносчиковъ. Иногда Передоновъ старался быстро накрыть ихъ. Но они всегда успѣвали во время убѣжать, — словно сквозь землю провалятся...

Передоновъ услышалъ за собою быстрые и смѣлые шаги по мосткамъ, испуганно оглянулся, — Крамаренко поровнялся съ нимъ, и смотрѣлъ на него горящими глазами рѣшительно и злобно, блѣдный, тонкій, какъ маленькій дикарь, готовый броситься на врага.

Этотъ взглядъ пугалъ Передонова.

„А вдругъ укуситъ?" — подумалъ онъ.

Пошелъ поскорѣе, — Крамаренко не отставалъ; пошелъ потише, — и Крамаренко замедлилъ шаги. Передоновъ остановился и сердито сказалъ:

— Чего толкаешься, чернышъ драный! Вотъ сейчасъ къ отцу отведу.

Крамаренко тоже остановился, все продол-

жая смотрѣть на Передонова. Теперь они стали одинъ противъ другого, на шаткихъ мосткахъ пустынной улицы, у сѣраго, безучастнаго ко всему живому, забора. Крамаренко, весь дрожа, шипящимъ голосомъ сказалъ:

— Подлецъ!

Усмѣхнулся, повернулся, чтобы уходить.

Сдѣлалъ шага три, пріостановился, оглянулся, повторилъ погромче:

— Этакій подлецъ! Гадина!

Плюнулъ и пошелъ. Передоновъ угрюмо посмотрѣлъ за нимъ, и тоже отправился домой. Смутныя, боязливыя мысли медленно чередовались въ его головѣ.

Вершина окликнула его. Она стояла за рѣшеткою своего сада, у калитки, укутанная въ большой черный платокъ, и курила. Передоновъ не сразу призналъ Вершину. Въ ея фигурѣ пригрезилось ему что-то зловѣщее, ворожащее, — черная колдунья стояла, распускала чарующій дымъ, ворожила. Онъ плюнулъ, зачурался. Вершина засмѣялась и спросила:

— Что это вы, Ардальонъ Борисычъ?

Передоновъ тупо посмотрѣлъ на нее и, наконецъ, сказалъ:

— А это—вы! А я васъ и не узналъ.

— Это—хорошая примѣта. Значитъ, я скоро буду богатой,—сказала Вершина.

Передонову это не понравилось: разбогатѣть-то ему самому хотѣлось бы.

— Ну, да,—сердито сказалъ онъ,—чего вамъ богатѣть! Будетъ съ васъ и того, что есть.

— А вотъ я двѣсти тысячъ выиграю,—криво улыбаясь, сказала Вершина.

— Нѣтъ, это я выиграю двѣсти тысячъ,—спорилъ Передоновъ.

— Я—въ одинъ тиражъ, вы—въ другой,—сказала Вершина.

— Ну, это вы врете,—грубо сказалъ Передоновъ. — Это не бываетъ, въ одномъ городѣ два выигрыша. Говорятъ вамъ, я выиграю.

Вершина замѣтила, что онъ сердится. Перестала спорить. Открыла калитку и, заманивая Передонова, сказала:

— Что жъ мы тутъ стоимъ? Зайдите, пожалуйста, у насъ Муринъ.

Имя Мурина Передонову напомнило пріятное для него,—выпивку, закуску. Онъ вошелъ.

Въ темноватой изъ-за деревьевъ гостиной сидѣли Марта съ краснымъ, завязаннымъ бантомъ, платочкомъ на шеѣ, и съ повеселѣвшими глазами,—Муринъ, больше обыкновеннаго растрепанный и чѣмъ-то словно обрадованный,—и возрастный гимназистъ Виткевичъ: онъ ухаживалъ за Вершиною, думалъ, что она въ него влюблена, и мечталъ оставить гимназію, жениться на Вершиной, и заняться хозяйствомъ въ ея имѣньицѣ.

Муринъ поднялся навстрѣчу входившему Передонову съ преувеличенно радостными восклицаніями, лицо его сдѣлалось еще слаще, глазки замаслились,—и все это не шло къ его дюжей фигурѣ и взлохмаченнымъ волосамъ, въ которыхъ виднѣлись даже кое-гдѣ былинки сѣна.

— Дѣла обтяпываю,—громко и сипло заговорилъ онъ,—у меня вездѣ дѣла, а вотъ кстати милыя хозяйки и чайкомъ побаловали.

— Ну да, дѣла, — сердито отвѣчалъ Передоновъ,—какія у васъ дѣла! Вы не служите, а такъ деньги наживаете. Это вотъ у меня дѣла.

— Что жъ, дѣла—это и есть чужія деньги,—съ громкимъ хохотомъ возразилъ Муринъ.

Вершина криво улыбалась и усаживала Передонова къ столу. На кругломъ предиванномъ столѣ тѣсно стояли стаканы и чашки съ чаемъ, ромъ, варенье изъ куманики, серебряная сквозная, крытая вязаною салфеточкою, корзинка со сладкими булками и домашними миндальными пряничками.

Отъ стакана Мурина сильно пахло ромомъ, а Виткевичъ положилъ себѣ на стеклянное блюдечко въ видѣ раковины много варенья. Марта съ видимымъ удовольствіемъ ѣла маленькими кусочками сладкую булку. Вершина угощала и Передонова,—онъ отказался отъ чая.

Еще отравятъ,—подумалъ онъ.—Отравить-то всего легче,—самъ выпьешь, и не замѣтишь, ядъ сладкій бываетъ, а домой придешь, и ноги протянешь.

И ему было досадно, зачѣмъ для Мурина поставили варенье, а когда онъ пришелъ, то для него не хотятъ принести новой банки съ вареньемъ получше. Не одна у нихъ куманика,—много всякаго варенья наварили.

А Вершина, точно, ухаживала за Муринымъ. Видя, что на Передонова мало надежды, она подыскивала Мартѣ и другихъ жениховъ. Теперь она приманивала Мурина. Полуодичавшій въ гоньбѣ за трудно дававшимися барышами помѣщикъ охотно шелъ на приманку: Марта ему нравилась.

Марта была рада,—вѣдь это была ея постоянная мечта, что вотъ найдется ей женихъ, и она выйдетъ замужъ, и у нея будетъ хорошее хозяйство, и домъ—полная чаша. И она смотрѣла на Мурина влюбленными глазами. Сорокалѣтній громадный мужчина съ грубымъ голосомъ и съ простоватымъ выраженіемъ въ лицѣ и въ каждомъ движеніи казался ей образ-

цомъ мужской силы, молодечества, красоты и доброты.

Передоновъ замѣтилъ влюбленные взгляды, которыми обмѣнивались Муринъ и Марта,—замѣтилъ потому, что ожидалъ отъ Марты преклоненія передъ нимъ самимъ.

Онъ сердито сказалъ Мурину:

— Точно женихъ сидишь, вся физіономія сіяетъ.

— Это я отъ радости,—возбужденнымъ и веселымъ голосомъ сказалъ Муринъ,—что вотъ дѣло мое хорошо обдѣлалъ.

Онъ подмигнулъ хозяйкамъ. Онѣ обѣ радостно улыбались. Передоновъ сердито спросилъ, презрительно щуря глаза:

— Невѣсту, что ли, нашелъ? Приданаго много даютъ?

Муринъ говорилъ, какъ будто и не слышалъ этихъ вопросовъ:

— Вотъ Наталья Аѳанасьевна, дай ей Богъ всего хорошаго, моего Ванюшку согласилась у себя помѣстить. Онъ будетъ тутъ жить, какъ у Христа за пазухой, и мое сердце будетъ спокойно, что не избалуется.

— Будутъ шалить вмѣстѣ съ Владей,— угрюмо сказалъ Передоновъ,—еще домъ сожгутъ.

— Не посмѣетъ! рѣшительно крикнулъ Муринъ.—Вы, матушка Наталья Аѳанасьевна, за это не безпокойтесь: онъ у васъ по стрункѣ будетъ ходить.

Вершина, чтобы прекратить этотъ разговоръ, сказала, криво улыбаясь:

— Что-то мнѣ кисленькаго захотѣлось.

— Не хотите ли брусники съ яблоками? Я принесу,—сказала Марта, быстро вставая съ мѣста.

— Пожалуй, принесите.

Марта побѣжала изъ комнаты. Вершина даже не посмотрѣла за нею,—она привыкла принимать спокойно Мартины угожденія, какъ нѣчто должное. Она сидѣла покойно и глубоко на диванѣ, пускала синіе дымные клубы, и сравнивала мужчинъ, которые разговаривали, Передоновъ—сердито и вяло, Муринъ—весело и оживленно.

Муринъ нравился ей гораздо больше. У него добродушное лицо, а Передоновъ и улыбаться не умѣетъ. Нравился ей Муринъ всѣмъ,—большой, толстый, привлекательный, говоритъ пріятнымъ низкимъ голосомъ, и къ ней очень почтителенъ. Вершина даже подумывала порой, не повернуть ли дѣло такъ, чтобы Муринъ посватался не къ Мартѣ, а къ ней. Но она всегда кончала свои размышленія тѣмъ, что великодушно уступала его Мартѣ.

За меня,—думала она,—всякій посватается, разъ что я съ деньгами, и я могу выбрать кого захочу. Вотъ, хоть этого юношу возьму,—думала она, и не безъ удовольствія останавливала свой взоръ на зеленоватомъ, нахальномъ, но все-таки красивомъ лицѣ Витковича, который говорилъ мало, ѣлъ много, посматривалъ на Вершину, и нагло при этомъ улыбался.

Марта принесла въ глиняной чашечкѣ бруснику съ яблоками, и принялась разсказывать, что нынче ночью видѣла во снѣ,—какъ она была въ подружкахъ на свадьбѣ, и ѣла ананасы и блины съ медомъ, въ одномъ блинѣ нашла бумажку сто рублей, и какъ отъ нея деньги отняли, и какъ она плакала. Такъ въ слезахъ и проснулась.

— Надо было потихоньку спрятать, чтобъ никто не видалъ, — сердито сказалъ Передо-

новъ,—а то вы и во снѣ не сумѣли денегъ удержать, какая-жъ вы хозяйка!

— Ну, этихъ денегъ нечего жалѣть,—сказала Вершина,—во снѣ мало ли что увидишь.

— А мнѣ такъ страсть какъ жалко этихъ денегъ,—простодушно сказала Марта,—цѣлыхъ сто рублей!

На глазахъ у нея навернулись слезы, и она принужденно засмѣялась, чтобы не заплакать. Муринъ суетливо полѣзъ въ карманъ, восклицая:

— Матушка, Марта Станиславовна, да вы не жалѣйте, мы сейчасъ это поправимъ!

Онъ досталъ изъ бумажника сторублевку, положилъ ее передъ Мартою на столъ, хлопнулъ по ней ладонью, и крикнулъ:

— Извольте! Ужъ эту никто не отнимегъ.

Марта обрадовалась было, но потомъ ярко покраснѣла, и смущенно сказала:

— Ахъ, что это вы, Владимiръ Ивановичъ, развѣ я къ тому! Я не возьму, что это вы, право!

— Нѣтъ, ужъ не извольте обижать,—сказалъ Муринъ, посмѣиваясь и не убирая денегъ,—пусть ужъ, значитъ, сонъ въ руку будетъ.

— Да нѣтъ, какъ же, мнѣ стыдно, я ни за что не возьму,—отнѣкивалась Марта, жадными глазами посматривая на сторублевку.

— Чего кобянитесь, коли даютъ,—сказалъ Витковичъ,—вотъ вѣдь счастье людямъ валится само въ руки,—сказалъ онъ съ завистливымъ вздохомъ.

Муринъ сталъ передъ Мартою, и воскликнулъ убѣждающимъ голосомъ:

— Матушка, Марта Станиславовна, вѣрьте слову, я отъ всей души,—берите, пожалуйста! А коли даромъ не хотите, такъ это за то, чтобы вы за моимъ Ванюшкой посмотрѣли. То, что

мы сговорились съ Натальей Аѳанасьевной, то такъ и будетъ, а это, значитъ, вамъ,—за посмотрѣнье, значитъ.

— Да какъ же такъ, это очень много,—нерѣшительно сказала Марта.

— За первые полгода,—сказалъ Муринъ, и поклонился Мартѣ въ поясъ—ужъ не обидьте, возьмите, и ужъ будьте вы моему Ванюшкѣ замѣсто старшей сестрицы.

— Ну, что же, Марта, берите,—сказала Вершина,—благодарите Владиміра Иваныча.

Марта, стыдливо и радостно краснѣя, взяла деньги. Муринъ принялся горячо ее благодарить.

— Сватайся сразу, дешевле будетъ, — съ яростью сказалъ Передоновъ, — ишь какъ разгрибанился!

Виткевичъ захохоталъ, а остальные сдѣлали видъ, что не слышали. Вершина начала было разсказывать свой сонъ,—Передоновъ не дослушалъ и сталъ прощаться. Муринъ пригласилъ его къ себѣ на вечеръ.

— Ко всенощной надо,—сказалъ Передоновъ.

— Что это Ардальонъ Борисычъ какое къ церкви получилъ усердіе,—съ сухимъ и быстрымъ смѣшкомъ сказала Вершина.

— Я всегда,—отвѣчалъ онъ,—я въ Бога вѣрую, не такъ, какъ другіе. Можетъ быть, я одинъ въ гимназіи такой. За то меня и преслѣдуютъ. Директоръ безбожникъ.

— Когда будетъ свободно, сами назначьте,—сказалъ Муринъ.

Передоновъ сказалъ, сердито комкая фуражку:

— Мнѣ по гостямъ некогда ходить.

Но сейчасъ же вспомнилъ, что Муринъ вкусно кормитъ и хорошо поитъ, и сказалъ:

— Ну, въ понедѣльникъ я могу притти.

Муринъ пришелъ въ восторгъ, и сталъ было звать Вершину и Марту. Но Передоновъ сказалъ:

— Нѣтъ, дамъ не надо. А то напьешься, да еще ляпнешь что-нибудь безъ предварительной цензуры, такъ при дамахъ неудобно.

Когда Передоновъ ушелъ, Вершина, усмѣхаясь, сказала:

— Чудитъ Ардальонъ Борисычъ. Очень ужъ ему инспекторомъ хочется быть, а Варвара его, должно быть, за носъ водитъ. Вотъ онъ и куролеситъ.

Владя,—онъ при Передоновѣ прятался,—вышелъ и сказалъ со злорадною усмѣшкою:

— А слесарята узнали отъ кого-то, что это ихъ Передоновъ выдалъ.

— Они ему стекла побьютъ! — съ радостнымъ хохотомъ воскликнулъ Витковичъ.

На улицѣ все казалось Передонову враждебнымъ и зловѣщимъ. Баранъ стоялъ на перекресткѣ, и тупо смотрѣлъ на Передонова. Этотъ баранъ былъ такъ похожъ на Володина, что Передоновъ испугался. Онъ думалъ, что, можетъ быть, Володинъ оборачивается бараномъ, чтобы слѣдить.

„Почемъ мы знаемъ,—думалъ онъ,—можетъ быть, это и можно; наука еще не дошла, а, можетъ быть, кто-нибудь и знаетъ. Вѣдь вотъ французы—ученый народъ, а у нихъ въ Парижѣ завелись волшебники да маги",—думалъ Передоновъ.

И страшно ему стало.

„Еще лягаться начнетъ этотъ баранъ",—думалъ онъ.

Баранъ заблеялъ, и это было похоже на

смѣхъ у Володина, рѣзкій, проницательный, непріятный.

Встрѣтился опять жандармскій офицеръ. Передоновъ подошелъ къ нему и шопотомъ сказалъ:

— Вы прослѣживайте за Адаменко. Она переписывается съ соціалистами, да она и сама такая.

Рубовскій молча и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

Передоновъ пошелъ дальше и думалъ тоскливо: «Что это онъ все попадается? Все слѣдитъ за мною,—и городовыхъ вездѣ наставилъ».

Грязныя улицы, пасмурное небо, жалкіе домишки, оборванныя, вялыя дѣти, — ото всего вѣяло тоскою, одичалостью, неизбывною печалью.

«Это—нехорошій городъ, — думалъ Передоновъ,—и люди здѣсь злые, скверные; поскорѣе бы уѣхать въ другой городъ, гдѣ всѣ учителя будутъ кланяться низенько, а всѣ школьники будутъ бояться и шептать въ страхѣ: инспекторъ идетъ. Да, начальникамъ совсѣмъ иначе живется на свѣтѣ».

— Господинъ инспекторъ второго района Рубанской губерніи,—бормоталъ онъ себѣ подъ носъ,—его высокородіе, статскій совѣтникъ Передоновъ. Вотъ какъ! Знай нашихъ! Его превосходительство, господинъ директоръ народныхъ училищъ Рубанской губерніи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Передоновъ. Шапки долой! Въ отставку подавайте! Вонъ! Я васъ подтяну!

Лицо у Передонова дѣлалось надменнымъ: онъ получалъ уже въ своемъ скудномъ воображеніи долю власти.

Когда Передоновъ пришелъ домой, онъ услышалъ, еще снимая пальто, доносившіеся изъ

столовой рѣзкіе звуки,—это смѣялся Володинъ. Сердце у Передонова упало.

„Успѣлъ уже и сюда прибѣжать,—подумалъ онъ:—можетъ быть, сговариваются съ Варварою, какъ бы меня околпачить. Потому и смѣется,—радъ, что Варвара съ нимъ заодно“.

Тоскливый, злой вошелъ онъ въ столовую. Уже было накрыто къ обѣду. Варвара съ озабоченнымъ лицомъ встрѣтила Передонова.

— Ардальонъ Борисычъ! — воскликнула она.—у насъ-то какое приключеніе! Котъ сбѣжалъ.

— Ну! — крикнулъ Передоновъ съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. — Зачѣмъ же вы его отпустили?

— Что же мнѣ за хвостъ его къ юбкѣ пришить?—досадливо спросила Варвара.

Володинъ хихикнулъ. Передоновъ думалъ, что котъ отправился, можетъ быть, къ жандармскому, и тамъ вымурлычитъ все, что знаетъ о Передоновѣ, и о томъ, куда и зачѣмъ Передоновъ ходилъ по ночамъ,—все откроетъ, да еще и того примяукаетъ, чего и не было. Бѣды! Передоновъ сѣлъ на стулъ у стола, опустилъ голову, и, комкая конецъ у скатерти, погрузился въ грустныя размышленія.

— Это ужъ завсегда коты изволятъ на старую квартиру сбѣгать,—сказалъ Володинъ,—потому какъ кошки къ мѣсту привыкаютъ, а не къ хозяину. Кошку надо закружить, какъ переносить на новую квартиру, и дороги ей не показывать, а то непремѣнно убѣжитъ.

Передоновъ слушалъ съ утѣшеніемъ.

— Такъ ты думаешь, Павлуша, что онъ на старую квартиру сбѣжалъ?—спросилъ онъ.

— Безпремѣнно такъ, Ардаша, — отвѣчалъ Володинъ.

Передоновъ всталъ и крикнулъ:

— Ну такъ выпьемъ, Павлушка!

Володинъ захихикалъ.

— Это можно, Ардаша,—сказалъ онъ,—выпить завсегда даже очень можно.

— А кота достать надо оттуда!—рѣшилъ Передоновъ.

— Сокровище!—ухмыляясь, отвѣчала Варвара,—вотъ послѣ обѣда пошлю Клавдюшку.

Сѣли обѣдать. Володинъ былъ веселъ, болталъ и смѣялся. Смѣхъ его звучалъ для Передонова, какъ блеянье того барана на улицѣ.

„И чего онъ злоумышляетъ?—думалъ Передоновъ,—много ли ему надо?

И подумалъ Передоновъ, что, можетъ быть, удастся задобрить Володина.

— Слушай, Павлуша,—сказалъ онъ,—если ты не станешь мнѣ вредить, то я тебѣ буду леденцовъ покупать по фунту въ недѣлю, самый первый сортъ,—соси себѣ за мое здоровье.

Володинъ засмѣялся, но тотчасъ же сдѣлалъ обиженное лицо и сказалъ:

— Я, Ардальонъ Борисычъ, вамъ вредить не согласенъ, а только мнѣ леденцовъ не надо, потому какъ я ихъ не люблю.

Передоновъ пріунылъ. Варвара, ухмыляючись, сказала:

— Полно тебѣ петрушку валять, Ардальонъ Борисычъ. Чѣмъ онъ тебѣ можетъ навредить?

— Напакостить всякій дуракъ можетъ,—уныло сказалъ Передоновъ.

Володинъ обиженно выпятилъ губы, покачалъ головою и сказалъ:

— Если вы, Ардальонъ Борисычъ, такъ обо мнѣ понимаете, то одно только могу сказать: благодарю покорно. Если вы обо мнѣ

такъ, то что же я послѣ этого долженъ дѣлать? Какъ это я долженъ понимать, въ какомъ смыслѣ?

— Выпей водки, Павлушка, и мнѣ налей —сказалъ Передоновъ.

— Вы на него не смотрите, Павелъ Васильевичъ,—утѣшала Володина Варвара,—онъ вѣдь это такъ говоритъ,—душа не знаетъ, что языкъ болтаетъ.

Володинъ замолчалъ и, храня обиженный видъ, принялся наливать водку изъ графина въ рюмки. Варвара сказала, ухмыляясь:

— Какъ же это, Ардальонъ Борисычъ, ты не боишься отъ него водку пить? Вѣдь онъ ее, можетъ быть, наговорилъ,—вотъ онъ что-то губами разводитъ.

На лицѣ у Передонова изобразился ужасъ. Онъ схватилъ налитую Володинымъ рюмку, выплеснулъ изъ нея водку на полъ и закричалъ:

— Чуръ меня, чуръ, чуръ, чуръ! Заговоръ на заговорщика, — злому языку сохнуть, черному глазу лопнуть. Ему карачунъ, меня чуръ-перечуръ.

Потомъ повернулся къ Володину съ озлобленнымъ лицомъ, показалъ кукишъ и сказалъ:

— На-т-ко, выкуси. Ты хитеръ, а я похитрѣе.

Варвара хохотала. Володинъ обиженнымъ, пребезжащимъ голосомъ говорилъ, словно блеялъ:

— Это вотъ вы, Ардальонъ Борисычъ, всякія волшебныя слова знаете и произносите, а я никогда не изволилъ магіей заниматься. Я вамъ ни водки, ни чего другого не согласенъ наговаривать, а это, можетъ быть, вы отъ меня моихъ невѣстъ отколдовываете.

— Вывезъ!—сердито сказалъ Передоновъ,—мнѣ не надо твоихъ невѣстъ, я могу и почище взять.

— Вы моему глазу лопнуть наговорили,— продолжалъ Володинъ,—только смотрите, какъ бы у васъ раньше очки не лопнули.

Передоновъ схватился испуганно за очки.

— Что мелешь,—проворчалъ онъ,—языкъ-то у тебя, какъ помело.

Варвара опасливо посмотрѣла на Володина и сказала сердито:

— Не ехидничайте, Павелъ Васильевичъ, кушайте себѣ супъ, а то простынетъ. Ишь, ехидникъ какой!

Она подумала, что, пожалуй, и кстати зачурался Ардальонъ Борисычъ. Володинъ замолчалъ и принялся ѣсть супъ. Всѣ помолчали немного, и потомъ Володинъ обиженнымъ голосомъ сказалъ:

— Не даромъ я сегодня во-сняхъ видѣлъ, что меня медомъ мазали. Помазали вы меня, Ардальонъ Борисычъ.

— Еще не такъ бы васъ надо помазать,— сердито сказала Варвара.

— За что же? позвольте узнать. Кажется, я ничего такого,—говорилъ Володинъ.

— За то, что языкъ у васъ скверный,— объяснила Варвара.—Нельзя всего болтать, что вздумаете,—въ какой часъ молвится.

XX.

Вечеромъ Передоновъ пошелъ въ клубъ,— позвали играть въ карты. Былъ тамъ и нотаріусъ Гудаевскій, съ которымъ на-дняхъ Передоновъ имѣлъ рѣзкое объясненіе изъ-за его сына, гимназиста. Передоновъ испугался, когда увидѣлъ его. Но Гудаевскій велъ себя мирно, и Передоновъ успокоился.

Играли долго, пили много. Поздно ночью, въ буфетѣ, Гудаевскій внезапно подскочилъ къ Передонову, безъ всякихъ объясненій ударилъ его по лицу нѣсколько разъ, разбилъ ему очки и проворно удалился изъ клуба. Передоновъ не оказалъ никакого сопротивленія, притворился пьянымъ, повалился на полъ и захрапѣлъ. Его растолкали и выпроводили домой.

На другой день объ этой дракѣ говорили по всему городу.

Въ этотъ вечеръ Варвара нашла случай украсть у Передонова первое поддѣльное письмо. Это было ей необходимо, по требованію Грушиной, чтобы впослѣдствіи, при сравненіи двухъ поддѣлокъ, не оказалось разницы. Передоновъ носилъ это письмо съ собою, но сегодня какъ-то случайно оставилъ его дома: переодѣваясь изъ вицъ-мундира въ сюртукъ, вынулъ его изъ кармана, сунулъ подъ учебникъ на коммодѣ, да тамъ и забылъ.

Варвара сожгла его на свѣчкѣ у Грушиной.

Когда, поздно ночью, Передоновъ вернулся, и Варвара увидѣла его разбитыя очки, онъ сказалъ ей, что они сами лопнули. Она повѣрила и рѣшила, что виною тому злой языкъ у Володина. Повѣрилъ въ злой языкъ и самъ Передоновъ.

Впрочемъ, на другой день Грушина подробно разсказала Варварѣ о дракѣ въ клубѣ.

Утромъ, одѣваясь, Передоновъ хватился письма, нигдѣ не нашелъ и ужаснулся. Онъ закричалъ дикимъ голосомъ:

— Варвара, гдѣ письмо?

Варвара смѣшалась.

— Какое письмо? — спросила она, глядя на Передонова испуганными и злыми глазами.

— Княгинино — кричалъ Передоновъ.

Варвара кое-какъ собралась съ духомъ. Нахально ухмыляясь, она сказала:

— А я почемъ знаю, гдѣ оно! Бросилъ, должно быть, въ ненужныя бумаги, а Клавдюшка и сожгла. Ищи у себя, коли еще оно цѣло.

Передоновъ ушелъ въ гимназію въ мрачномъ настроеніи. Вчерашнія непріятности припомнились ему. Онъ думалъ о Крамаренкѣ: какъ этотъ скверный мальчишка рѣшился назвать его подлецомъ? Значитъ, онъ не боится Передонова. Ужъ не знаетъ ли онъ чего-нибудь о Передоновѣ? Знаетъ и хочетъ донести.

Въ классѣ Крамаренко смотрѣлъ на Передонова въ упоръ и улыбался, и это еще болѣе страшило Передонова.

Въ третью перемѣну Передонова опять пригласили къ директору. Онъ пошелъ, смутно предчувствуя что-то непріятное.

Со всѣхъ сторонъ до Хрипача доносились слухи о подвигахъ Передонова. Сегодня утромъ ему разсказали о вчерашнемъ происшествіи въ клубѣ. Вчера же послѣ уроковъ къ нему явился Володя Бультяковъ, на-дняхъ наказанный своею хозяйкою по жалобѣ отъ Передонова. Опасаясь вторичнаго посѣщенія его съ такими же послѣдствіями, мальчикъ рѣшилъ пожаловаться директору.

Сухимъ и рѣзкимъ голосомъ Хрипачъ передалъ Передонову дошедшіе до него слухи, — изъ достовѣрныхъ источниковъ, прибавилъ онъ, — о томъ, что Передоновъ ходитъ на квартиры къ ученикамъ, сообщаетъ ихъ родителямъ или воспитателямъ неточныя свѣдѣнія объ успѣхахъ и поведеніи ихъ дѣтей, и требуетъ, чтобы мальчиковъ сѣкли, вслѣдствіе чего происходятъ

иногда крупныя непріятности съ родителями, какъ, напримѣръ, вчера въ клубѣ съ нотаріусомъ Гудаевскимъ.

Передоновъ слушалъ озлобленно, трусливо. Хрипачъ замолчалъ.

— Что жъ такое,—сердито сказалъ Передоновъ,—онъ дерется, а развѣ это позволяется? Онъ не имѣлъ никакого права мнѣ въ рожу заѣхать. Онъ въ церковь не ходитъ, въ обезьяну вѣруетъ, и сына въ ту же секту совращаетъ. На него надо донести,—онъ соціалистъ.

Хрипачъ внимательно посмотрѣлъ на Передонова и сказалъ внушительно:

— Все это не наше дѣло, и я совершенно не понимаю, что вы разумѣете подъ оригинальнымъ выраженіемъ „вѣруетъ въ обезьяну". По моему мнѣнію, не слѣдовало бы обогащать исторію религій вновь изобрѣтаемыми культами. Относительно же нанесеннаго вамъ оскорбленія вамъ слѣдовало бы привлечь его къ суду. А самое лучшее было бы для васъ—оставить нашу гимназію. Это былъ бы наилучшій исходъ и для васъ лично и для гимназіи.

— Я инспекторомъ буду,—сердито возразилъ Передоновъ.

— До тѣхъ же поръ,—продолжалъ Хрипачъ,—вамъ слѣдуетъ воздержаться отъ этихъ странныхъ прогулокъ. Согласитесь сами, что такое поведеніе неприлично педагогу и роняетъ достоинство учителя въ глазахъ учениковъ. Ходить по домамъ сѣчь мальчиковъ,—это, согласитесь сами...

Хрипачъ не кончилъ и пожалъ плечами.

— Что жъ такое!—опять возразилъ Передоновъ,—я для ихъ же пользы.

— Пожалуйста, не будемъ спорить,—рѣзко

прервалъ Хрипачъ,—я самымъ рѣшительнымъ образомъ требую отъ васъ, чтобъ это больше не повторялось.

Передоновъ сердито смотрѣлъ на директора.

Сегодня вечеромъ рѣшили справлять новоселье. Позвали всѣхъ своихъ знакомыхъ. Передоновъ ходилъ по комнатамъ и посматривалъ, все ли въ порядкѣ, нѣтъ ли гдѣ чего такого, о чемъ могутъ донести.

Что жъ, кажется, все хорошо,—думалъ онъ:—запрещенныхъ книжекъ не видно, лампадки теплятся, царскіе портреты висятъ на стѣнѣ, на почетномъ мѣстѣ.

Вдругъ Мицкевичъ со стѣны подмигнулъ Передонову.

„Подведетъ",—испуганно подумалъ Передоновъ, быстро снялъ портретъ, и потащилъ его въ отхожее мѣсто, чтобы замѣнить имъ Пушкина, а Пушкина повѣсить сюда.

„Все-таки Пушкинъ — придворный человѣкъ",—думалъ онъ, вѣшая его на стѣну въ столовой.

Потомъ припомнилъ онъ, что вечеромъ будутъ играть, и рѣшилъ осмотрѣть карты. Онъ взялъ распечатанную колоду, которая только однажды была въ употребленіи, и принялся перебирать карты, словно отыскивая въ нихъ что-то. Лица у фигуръ ему не нравились: глазастыя такія.

Въ послѣднее время за игрою ему все казалось, что карты ухмыляются, какъ Варвара. Даже какая-нибудь пиковая шестерка являла нахальный видъ, и непристойно вихлялась.

Передоновъ собралъ всѣ карты, какія были, и остріями ножницъ прокололъ глаза фигурамъ, чтобы онѣ не подсматривали. Сначала сдѣлалъ

онъ это съ играными картами, а потомъ распечаталъ и новыя колоды. Все это продѣлывалъ онъ съ оглядкою, словно боялся, что его накроютъ.

Къ счастью его, Варвара занялась въ кухнѣ, и не заглядывала въ горницы, — да и какъ ей было уйти отъ такого изобилія съѣстныхъ припасовъ: какъ разъ Клавдія чѣмъ-нибудь попользуется. Когда ей что-нибудь надобилось въ горницахъ, она посылала туда Клавдію Каждый разъ, когда Клавдія входила, Передоновъ вздрагивалъ, пряталъ ножницы въ карманъ, и притворялся, что раскладываетъ пасьянсъ.

Межъ тѣмъ, какъ Передоновъ, такимъ образомъ, лишалъ королей и дамъ возможности досаждать ему подсматриваньями, надвигалась на него непріятность съ другой стороны.

Ту шляпу, которую на прежней квартирѣ Передоновъ забросилъ на печку, чтобъ она не попадалась подъ руку, нашла Ершова. Домекнулась она, что не спроста оставлена шляпа: ненавистники — ея съѣхавшие жильцы, и очень можетъ быть, — думала Ершова, что они, со зла на нее, наколдовали въ шляпу что-нибудь такое, отъ чего квартиру никто не станетъ снимать. Въ страхѣ и досадѣ понесла она шляпу знахаркѣ. Та осмотрѣла шляпу, таинственно и сурово пошептала надъ нею, поплевала на всѣ четыре стороны, и сказала Ершовой:

— Они тебѣ напакостили, а ты имъ отпакости. Сильный колдунъ ворожилъ, да я хитрѣе, — я напротивъ его тебѣ такъ выворожу, что его самого скорежитъ.

И она еще долго ворожила надъ шляпою, и, получивъ отъ Ершовой щедрые дары, велѣла ей отдать шляпу рыжему парню, чтобъ онъ

отнесъ шляпу Передонову, отдалъ ее первому, кого встрѣтитъ, а самъ бѣжалъ бы безъ оглядки.

Случилось такъ, что первый рыжій парень, встрѣченный Ершовою, былъ одинъ изъ слесарятъ, злобившихся на Передонова за раскрытіе ночной проказы. Онъ съ удовольствіемъ взялся за пятакъ исполнить порученіе, и по дорогѣ отъ себя усердно наплевалъ въ шляпу. Въ квартирѣ у Передонова, встрѣтивъ въ темныхъ сѣняхъ самое Варвару, онъ сунулъ ей шляпу, и убѣжалъ такъ проворно, что Варвара не успѣла его разглядѣть.

И вотъ, едва успѣлъ Передоновъ ослѣпить послѣдняго валета, какъ вошла въ горницу Варвара, удивленная и даже испуганная, и сказала дрожащимъ отъ волненія голосомъ:

— Ардальонъ Борисычъ, посмотри, что это такое.

Передоновъ взглянулъ и замеръ отъ ужаса. Та самая шляпа, отъ которой онъ было отдѣлался, теперь была въ Варвариныхъ рукахъ помятая, запыленная, едва хранящая слѣды былого великолѣпія. Онъ спросилъ задыхаясь отъ ужаса:

— Откуда, откуда это?

Варвара испуганнымъ голосомъ разсказала, какъ получила эту шляпу отъ юркаго мальчишки, который словно изъ-подъ земли выросъ передъ нею, и опять словно сквозь землю провалился. Она сказала:

— Это—никто, какъ Ершиха. Это она тебѣ наколдовала въ шляпу, ужъ это непремѣнно.

Передоновъ бормоталъ что-то неразборчивое, и зубы его стучали отъ страха. Мрачныя опасенія и предчувствія томили его. Онъ ходилъ хмурясь, а сѣрая недотыкомка бѣгала подъ стульями, и хихикала.

Гости собрались рано. Нанесли на новоселье много пироговъ, яблокъ и грушъ. Варвара принимала все это съ радостью, только изъ приличія приговаривала:

— Ну, къ чему это вы? Напрасно безпокоились.

Но если ей казалось, что принесли дешевое или плохое, то она сердилась. Не нравилось ей тоже, если двое гостей приносили одинаковое.

Не теряя времени, сѣли за карты. Играли въ стуколку, на двухъ столахъ.

— Ахъ, батюшки!—воскликнула Грушина,—что это, король-то у меня слѣпой!

— Да и у меня дама безглазая,—всмотрѣвшись въ свои карты, сказала Преполовенская,—да и валетъ тоже.

Гости со смѣхомъ принялись разсматривать карты. Преполовенскій заговорилъ:

— То-то я смотрю, что такое, шершавыя карты,—а это вотъ отчего. А я все щупаю,—что такое, думаю, шершавая какая рубашка, а это, выходитъ, отъ этихъ дырочекъ. То-то она, рубашка-то, и шершавая.

Всѣ смѣялись, одинъ только Передоновъ былъ угрюмъ. Варвара, ухмыляясь, говорила:

— Вѣдь вы знаете, мой Ардальонъ Борисычъ все чудитъ, все придумываетъ разныя шутки.

— Да зачѣмъ ты это?—съ громкимъ хохотомъ спрашивалъ Рутиловъ.

— Что имъ глаза?—угрюмо сказалъ Передоновъ,—имъ не надо смотрѣть.

Всѣ хохотали, а Передоновъ оставался угрюмъ и молчаливъ. Ему казалось, что ослѣпленныя фигуры кривляются, ухмыляются и подмигиваютъ ему зіяющими дырками въ своихъ глазахъ.

«Можетъ быть,—думалъ Передоновъ, — они теперь изловчились носомъ смотрѣть».

Какъ почти всегда, ему не везло, и на лицахъ у королей, дамъ и валетовъ чудилось ему выраженіе насмѣшки и злобы; пиковая дама даже зубами скрипѣла, очевидно, злобясь на то, что ее ослѣпили.

Наконецъ, послѣ одного крупнаго ремиза, Передоновъ схватилъ колоду картъ, и съ яростью принялся рвать ее въ клочья. Гости хохотали. Варвара, ухмыляясь, говорила:

— Ужъ онъ у меня всегда такой,—выпьетъ, да и начнетъ чудить.

— Съ пьяныхъ глазъ, значитъ?– язвительно сказала Преполовенская.—Слышите, Ардальонъ Борисычъ, какъ ваша сестрица о васъ понимаетъ.

Варвара покраснѣла и сказала сердито:

— Что вы къ словамъ цѣпляетесь?

Преполовенская улыбалась и молчала.

Взамѣнъ разорванной, взяли новую колоду картъ, и продолжали игру. Вдругъ послышался грохотъ, — разбилось оконное стекло, камень упалъ на полъ, близъ стола, гдѣ сидѣлъ Передоновъ.

Подъ окномъ слышенъ былъ тихій говоръ, смѣхъ, потомъ быстрый, удаляющійся топотъ. Всѣ въ переполохѣ вскочили съ мѣстъ; женщины, какъ водится, завизжали. Подняли камень, разсматривали его испуганно, къ окну никто не рѣшался подойти, — сперва выслали на улицу Клавдію, и только тогда, когда она донесла, что на улицѣ пусто, стали разсматривать разбитое стекло.

Володинъ сообразилъ, что это бросили камень гимназисты. Догадка показалась правдоподобною, и всѣ значительно поглядѣли на Пере-

донова. Передоновъ хмурился и бормоталъ что-то невнятное. Гости заговорили о томъ, какіе дерзкіе и распущенные есть мальчишки.

Были же это, конечно, не гимназисты, а слесарята.

— Это директоръ подговорилъ гимназистовъ,—вдругъ заявилъ Передоновъ,—онъ ко мнѣ все придирается, не знаетъ, чѣмъ доѣхать, такъ вотъ придумалъ.

— Эку штуку вывезъ!—съ хохотомъ закричалъ Рутиловъ.

Всѣ захохотали, только Грушина сказала:

— А что вы думаете, онъ такой ядовитый человѣкъ, отъ него всего можно ждать. Онъ не самъ, онъ сторонкой, черезъ сыновей шепнетъ.

— Это ничего, что аристократы,—обиженнымъ голосомъ заблеялъ Володинъ,—отъ аристократовъ всего можно ждать.

Многіе изъ гостей подумали, что, пожалуй, и правда, и перестали смѣяться.

— Незадача тебѣ на стекло, Ардальонъ Борисычъ,—сказалъ Рутиловъ,—то очки разбили, то окно высадили.

Это возбудило новый приступъ смѣха.

— Стекла бьютъ, долго жить,—со сдержанною улыбкою сказала Преполовенская.

Когда Передоновъ и Варвара собрались спать, Передонову казалось, что у Варвары что-то злое на умѣ; онъ отобралъ отъ нея ножи и вилки, и спряталъ ихъ подъ постелью. Онъ лепеталъ коснѣющимъ языкомъ:

— Я тебя знаю: ты, какъ только за меня замужъ выдешь, такъ на меня и донесешь, чтобы отъ меня отдѣлаться. Будешь пенсію получать, а меня въ Петропавловкѣ на мельницѣ смелютъ.

Ночью Передоновъ бредилъ. Неясныя и страшныя ходили безшумно фигуры, — короли, валеты, помахивая своими палицами. Они шептались, старались спрятаться отъ Передонова, и тихонько лѣзли къ нему подъ подушку.

Но скоро они сдѣлались смѣлѣе, и заходили, забѣгали, завозились вокругъ Передонова, повсюду, — по полу, по кровати, по подушкамъ. Они шушукались, дразнили Передонова, казали ему языки, корчили передъ нимъ страшныя рожи, безобразно растягивая рты. Передоновъ видѣлъ, что они всѣ маленькіе и проказливые, что они его не убьютъ, а только издѣваются надъ нимъ, предвѣщая недоброе. Но ему было страшно, — онъ то бормоталъ какія-то заклинанія, отрывки слышанныхъ имъ въ дѣтствѣ заговоровъ, то принимался бранить ихъ и гнать ихъ отъ себя, махалъ руками, и кричалъ сиплымъ голосомъ.

Варвара проснулась, и сердито спросила:

— Что ты орешь, Ардальонъ Борисычъ? спать не даешь.

— Пиковая дама все ко мнѣ лѣзетъ, въ пиковомъ капотѣ, — пробормоталъ Передоновъ.

Варвара встала и, ворча и чертыхаясь, принялась отпаивать Передонова какими-то каплями.

Въ мѣстномъ губернскомъ листкѣ появилась статейка о томъ, будто бы въ нашемъ городѣ нѣкая госпожа К. сѣчетъ живущихъ у нея на квартирѣ маленькихъ гимназистовъ, сыновей лучшихъ мѣстныхъ дворянскихъ семей. Нотаріусъ Гудаевскій носился съ этимъ извѣстіемъ по всему городу, и негодовалъ.

И разные другіе нелѣпые слухи ходили по городу о здѣшней гимназіи: говорили о переодѣтой гимназистомъ барышнѣ, потомъ имя

Пыльникова стали понемногу соединять съ Людмилинымъ.

Товарищи начали дразнить Сашу любовью къ Людмилѣ. Сперва онъ легко относился къ этимъ шуточкамъ, потомъ началъ по временамъ вспыхивать и заступаться за Людьмилу, увѣряя, что ничего такого не было и нѣтъ.

И отъ этого ему стыдно стало ходить къ Людмилѣ, но и сильнѣе тянуло пойти: смѣшанныя и жгучія чувства стыда и влеченія волновали его, и туманно-страстными видѣніями наполняли его воображеніе.

XXI.

Въ воскресенье, когда Передоновъ и Варвара завтракали, въ переднюю кто-то вошелъ. Варвара, крадучись по-привычкѣ, подошла къ двери, и взглянула въ нее. Такъ же тихонько вернувшись къ столу, она прошептала:

— Почтальонъ. Надо ему водки дать,—опять письмо принесъ.

Передоновъ молча кивнулъ головою,—что жъ, ему не жалко рюмки водки. Варвара крикнула:

— Почтальонъ, иди сюда!

Письмоносецъ вошелъ въ горницу. Онъ рылся въ сумкѣ, и притворялся, что ищетъ письмо. Варвара налила въ большую рюмку водки и отрѣзала кусокъ пирога. Письмоносецъ посматривалъ на ея дѣйствія съ вожделѣніемъ. Межъ тѣмъ Передоновъ все думалъ, на кого похожъ почтарь. Наконецъ, онъ вспомнилъ,—это же вѣдь тотъ рыжій, прыщеватый хлапъ, что недавно подвелъ его подъ такой крупный ремизъ.

„Опять, пожалуй, подведетъ",—тоскливо подумалъ Передоновъ, и показалъ письмоносцу кукишъ въ карманѣ.

Рыжій хлапъ подалъ письмо Варварѣ.

— Вамъ-съ,—почтительно сказалъ онъ, поблагодарилъ за водку, выпилъ, крякнулъ, захватилъ пирогъ и вышелъ.

Варвара повертѣла въ рукахъ письмо, и не распечатывая, протянула его Передонову.

— На, прочти; кажется, опять отъ княгини,— сказала она ухмыляясь, — расписалась, а толку мало. Чѣмъ писать, дала бы мѣсто.

У Передонова задрожали руки. Онъ разорвалъ оболочку, и быстро прочелъ письмо. Потомъ вскочилъ съ мѣста, замахалъ письмомъ и завопилъ:

— Ура! три инспекторскихъ мѣста, любое можно выбирать. Ура, Варвара, наша взяла!

Онъ заплясалъ и закружился по горницѣ. Съ неподвижно-краснымъ лицомъ и тупыми глазами онъ казался странно-большою, заведенною въ плясъ куклою. Варвара ухмылялась и радостно глядѣла на него. Онъ крикнулъ:

— Ну, теперь рѣшено, Варвара,— вѣнчаемся.

Онъ схватилъ Варвару за плечи, и принялся вертѣть ее вокругъ стола, топоча ногами.

— Русскую, Варвара!—закричалъ онъ.

Варвара подбоченилась и поплыла. Передоновъ плясалъ передъ нею въ присядку.

Вошелъ Володинъ и радостно заблеялъ:

— Будущій инспекторъ трепака откалываетъ!

— Пляши, Павлушка!—закричалъ Передоновъ.

Клавдія выглядывала изъ-за двери. Володинъ крикнулъ ей, хохоча и ломаясь:

— Пляши, Клавдюша, и ты! Всѣ вмѣстѣ! Распотѣшимъ будущаго инспектора!

Клавдія завизжала и поплыла, пошевеливая плечами. Володинъ лихо завертѣлся передъ нею,—

присѣдалъ, повертывался, подскакивалъ, хлопалъ въ ладоши. Особенно лихо выходило у него, когда онъ подымалъ колѣно и подъ колѣномъ ударялъ въ ладоши. Полъ ходенемъ ходилъ подъ ихъ каблуками. Клавдія радовалась тому, что у нея такой ловкій молодецъ.

Устали, сѣли за столъ, а Клавдія убѣжала съ веселымъ хохотомъ въ кухню. Выпили водки, пива, побили бутылки и стаканы, кричали, хохотали, махали руками, обнимались и цѣловались. Потомъ Передоновъ и Володинъ побѣжали въ Лѣтній садъ,—Передоновъ спѣшилъ похвастаться письмомъ.

Въ билліардной застали обычную кампанію. Передоновъ показалъ пріятелямъ письмо. Оно произвело большое впечатлѣніе. Всѣ довѣрчиво осматривали его. Рутиловъ блѣднѣлъ и, бормоча что-то, брызгался слюною.

— При мнѣ почтальонъ принесъ!—восклицалъ Передоновъ. — Самъ я и распечатывалъ. Ужъ тутъ, значитъ, безъ обмана.

И пріятели смотрѣли на него съ уваженіемъ. Письмо отъ княгини!

Изъ Лѣтняго сада Передоновъ стремительно пошелъ къ Вершиной. Онъ шелъ быстро и ровно, однообразно махалъ руками, бормоталъ что-то; на лицѣ его, казалось, не было никакого выраженія,—какъ у заведенной куклы было оно неподвижно,—и только какой-то жадный огонь мертво мерцалъ въ глазахъ.

День выдался ясный, жаркій. Марта сидѣла въ бесѣдкѣ. Она вязала чулокъ. Мысли ея были смутны и набожны. Сначала она думала о грѣхахъ, потомъ направила мысли свои къ болѣе пріятному, и стала размышлять о добродѣтеляхъ.

Думы ея начали обволакиваться дремою, и стали образны, и по мѣрѣ того, какъ уничтожалась ихъ выражаемая словами вразумительность, увеличивалась ясность ихъ мечтательныхъ очертаній. Добродѣтели предстали передъ нею, какъ большія и красивыя куклы въ бѣлыхъ платьяхъ, сіяющія и благоуханныя. Онѣ обѣщали ей награды,— въ рукахъ ихъ звенѣли ключи, на головахъ развѣвались вѣнчальныя покрывала.

Между ними одна была странная и непохожая на другихъ. Она ничего не обѣщала, но глядѣла укоризненно, и губы ея двигались съ беззвучною угрозою; казалось, что, если она скажетъ слово, то станетъ страшно. Марта догадалась, что это совѣсть. Она была вся въ черномъ, эта странная и жуткая посѣтительница, съ черными глазами, съ черными волосами,—и вотъ она заговорила о чемъ-то, быстро, часто, отчетливо.

Она стала совсѣмъ похожа на Вершину. Марта встрепенулась, отвѣтила что-то на ея вопросъ, отвѣтила почти безсознательно,—и опять дрема одолѣла Марту.

Совѣсть ли, Вершина ли сидѣла противъ нея и говорила что-то скоро и отчетливо, но непонятно, и курила чѣмъ-то чужепахучимъ,— рѣшительная, тихая, требующая, чтобы все было, какъ она хочетъ. Марта хотѣла посмотрѣть прямо въ глаза этой докучной посѣтительницѣ, но почему-то не могла,—та странно улыбалась, ворчала, и глаза ея убѣгали куда-то и останавливались на далекихъ, невѣдомыхъ предметахъ, на которые Мартѣ страшно было глядѣть...

Громкій разговоръ разбудилъ Марту.

Въ бесѣдкѣ стоялъ Передоновъ, и громко говорилъ, здороваясь съ Вершиною. Марта испу-

ганно озиралась. Сердце у нея стучало, а глаза еще слипались, и мысли еще путались. Гдѣ же совѣсть? Или ея и не было? И не слѣдовало ей здѣсь быть?

— А вы дрыхнули тутъ,—сказалъ ей Передоновъ, — храпѣли во всѣ носовыя завертки. Теперь вы сосна.

Марта не поняла его каламбура, но улыбалась, догадываясь по улыбкѣ на губахъ у Вершиной, что говорится что-то, что надо принимать за смѣшное.

— Васъ бы надо Софьей назвать, — продолжалъ Передоновъ.

— Почему же?—спросила Марта.

— А потому, что вы—соня, а не Марта.

Передоновъ сѣлъ на скамейку рядомъ съ Мартою и сказалъ:

— А у меня новость, очень важная.

— Какая же у васъ новость, подѣлитесь съ нами,—сказала Вершина, и Марта тотчасъ позавидовала ей, что она такимъ большимъ количествомъ словъ сумѣла выразить простой вопросъ: какая новость?

— Угадайте,—угрюмо-торжественно сказалъ Передоновъ.

— Гдѣ же мнѣ угадать, какая у васъ новость,—отвѣтила Вершина,—вы такъ скажите, вотъ мы и будемъ знать вашу новость.

Передонову было непріятно, что не хотятъ разгадать его новость. Онъ замолчалъ и сидѣлъ, неловко сгорбившись, тупой и тяжелый, и неподвижно смотрѣлъ передъ собою. Вершина курила и криво улыбалась, показывая свои темно-желтые зубы.

— Чѣмъ такъ-то угадывать ваши новости,—сказала она, помолчавъ немного, — давайте, я

вамъ на картахъ погадаю. Марта, принесите изъ комнатъ карты.

Марта встала, но Передоновъ сердито остановилъ ее:

— Сидите, не надо, я не хочу. Гадайте сами себѣ, а меня оставьте. Ужъ меня теперь на свой копылъ не перегадаете. Вотъ я вамъ покажу штуку, такъ вы рты разинете.

Передоновъ проворно вынулъ изъ кармана бумажникъ, досталъ изъ него письмо въ оболочкѣ, и показалъ Вершиной, не выпуская изъ рукъ.

— Видите,—сказалъ онъ,—конвертъ. А вотъ и письмо.

Онъ вынулъ письмо, и прочиталъ его медленно, съ тупымъ выраженіемъ удовольствованной злости въ глазахъ. Вершина опѣшила. Она до послѣдней минуты не вѣрила въ княгиню, но теперь она поняла, что дѣло съ Мартою окончательно проиграно. Досадливо, криво усмѣхнулась она и сказала:

— Ну что жъ, ваше счастье.

Марта сидѣла съ удивленнымъ и испуганнымъ лицомъ, и растерянно улыбалась.

— Что взяли? — сказалъ Передоновъ злорадно.—Вы меня дуракомъ считали, а я-то поумнѣе васъ выхожу, Вотъ про конвертъ говорили,—а вотъ вамъ и конвертъ. Нѣтъ, ужъ мое дѣло вѣрное.

Онъ стукнулъ кулакомъ по столу, не сильно и не громко,—и движеніе его, и звукъ его словъ оставались какъ-то странно равнодушными, словно онъ былъ чужой и далекій своимъ дѣламъ

Вершина и Марта переглянулись съ брезгливо-недоумѣвающимъ видомъ.

— Что переглядываетесь! — грубо сказалъ Передоновъ, — нечего переглядываться: теперь

ужъ кончено, женюсь на Варварѣ. Многія тутъ барышеньки меня ловили.

Вершина послала Марту за папиросами,—и Марта радостно выбѣжала изъ бесѣдки. На песчаныхъ дорожкахъ, пестрѣвшихъ увядшими листьями, ей стало свободно и легко. Она встрѣтила около дома босого Владю,—и ей стало еще веселѣе и радостнѣе.

— Женится на Варварѣ, рѣшено, — оживленно сказала она, понижая голосъ, и увлекая брата въ домъ.

Между тѣмъ Передоновъ, не дожидаясь Марты, внезапно сталъ прощаться.

— Мнѣ некогда,—сказалъ онъ,—жениться — не лапти ковырять.

Вершина его не удерживала и распрощалась съ нимъ холодно. Она была въ жестокой досадѣ: все еще была до этого времени слабая надежда пристроить Марту за Передонова, а себѣ взять Мурина, — и вотъ теперь послѣдняя надежда исчезла.

И досталось же за это сегодня Мартѣ! Пришлось поплакать.

Передоновъ вышелъ отъ Вершиной, и задумалъ закурить. Онъ внезапно увидѣлъ городового,—тотъ стоялъ себѣ на углу и лущилъ подсолнечниковыя сѣмячки. Передоновъ почувствовалъ тоску

„Опять соглядатай,—подумалъ онъ,—такъ и смотрятъ, къ чему бы придраться".

Онъ не посмѣлъ закурить вынутой папиросы, подошелъ къ городовому и робко спросилъ:

— Господинъ городовой, здѣсь можно курить?

Городовой сдѣлалъ подъ козырекъ, и почтительно освѣдомился:

— То-есть, ваше высокородіе, это насчетъ чего?

— Папиросочку, — пояснилъ Передоновъ,— вотъ одну папиросочку можно выкурить?

— Насчетъ этого никакого приказанія не было,—уклончиво отвѣчалъ городовой.

— Не было?—переспросилъ Передоновъ съ печалью въ голосѣ.

— Никакъ нѣтъ, не было. Такъ что господа, которые курятъ, это не велѣно останавливать, а чтобы разрѣшеніе вышло, объ этомъ не могу знать.

— Если не было, такъ я и не стану,—сказалъ покорно Передоновъ.—Я—благонамѣренный. Я даже папироску брошу. Вѣдь я—статскій совѣтникъ.

Передоновъ скомкалъ папироску, бросилъ ее на землю, и уже опасаясь, не наговорилъ ли онъ чего-нибудь лишняго, поспѣшно пошелъ домой. Городовой посмотрѣлъ за нимъ съ недоумѣніемъ, наконецъ, рѣшилъ, что у барина „залито на вчерашнія дрожжи", и, успокоенный этимъ, снова принялся за мирное лущеніе сѣмячекъ.

— Улица торчкомъ встала,—пробормоталъ Передоновъ.

Улица поднималась на невысокій холмъ, и за нимъ снова былъ спускъ, и перегибъ улицы межъ двухъ лачугъ рисовался на синемъ, вечерѣющемъ и печальномъ небѣ. Тихая область бѣдной жизни замкнулась въ себѣ, и тяжко грустила и томилась.

Деревья свѣшивали вѣтки черезъ заборы, и заглядывали и мѣшали итти, и шопотъ ихъ былъ насмѣшливый и угрожающій. Баранъ стоялъ на перекресткѣ, и тупо смотрѣлъ на Передонова.

Вдругъ изъ-за угла послышался блеющій смѣхъ, выдвинулся Володинъ, и подошелъ здороваться. Передоновъ смотрѣлъ на него мрачно, и думалъ о баранѣ, который сейчасъ стоялъ, и вдругъ его нѣтъ.

„Это,—думалъ онъ,—конечно Володинъ оборачивается бараномъ. Не даромъ же онъ такъ похожъ на барана, и не разобрать, смѣется ли онъ или блеетъ".

Эти мысли такъ заняли его, что онъ совсѣмъ не слышалъ, что говорилъ, здороваясь, Володинъ.

— Что лягаешься, Павлушка!—тоскливо сказалъ онъ.

Володинъ осклабился, заблеялъ и возразилъ:

— Я не лягаюсь, Ардальонъ Борисычъ, а здороваюсь съ вами за руку. Это, можетъ быть, у васъ на родинѣ руками лягаются, а у меня на родинѣ ногами лягаются, да и то не люди, а, съ позволенія сказать, лошадки.

— Еще боднешь, пожалуй, — проворчалъ Передоновъ.

Володинъ обидѣлся, и дребезжащимъ голосомъ сказалъ:

— У меня, Ардальонъ Борисычъ, еще рога не выросли, а это, можетъ быть, у васъ рога выростутъ раньше, чѣмъ у меня.

— Языкъ у тебя длинный, мелетъ, что не надо,—сердито сказалъ Передоновъ.

— Если вы такъ, Ардальонъ Борисычъ,—немедленно возразилъ Володинъ,—то я могу и помолчать.

И лицо его сдѣлалось совсѣмъ прискорбнымъ, и губы его совсѣмъ выпятились; однако, онъ шелъ рядомъ съ Передоновымъ,—онъ еще не обѣдалъ и разсчитывалъ сегодня пообѣдать у Передонова: утромъ, на радостяхъ, звали.

Дома ждала Передонова важная новость. Еще въ передней можно было догадаться, что случилось необычное,—въ горницахъ слышалась возня, испуганныя восклицанія. Передоновъ подумалъ,—не все готово къ обѣду: увидѣли,—онъ идетъ, испугались, торопятся. Ему стало пріятно,—какъ его боятся! Но оказалось, что произошло другое. Варвара выбѣжала въ прихожую, и закричала:

— Кота вернули!

Испуганная, она не сразу замѣтила Володина. Нарядъ ея былъ, по обыкновенію, неряшливъ,—засаленная блуза надъ сѣрою, грязною юбкою, истоптанныя туфли на босу ногу. Волосы нечесанные, растрепанные. Взволнованно говорила она Передонову:

— Иришка-то! со злобы еще новую штуку выкинула. Опять мальчишка прибѣжалъ, принесъ кота, и бросилъ, а у кота на хвостѣ гремушки,—такъ и гремятъ. Котъ забился подъ диванъ, и не выходитъ.

Передонову стало страшно.

— Что же теперь дѣлать?—спросилъ онъ.

— Павелъ Васильевичъ, — попросила Варвара,—вы помоложе, турните его изъ-подъ дивана.

— Турнемъ, турнемъ,—хихикая, сказалъ Володинъ, и пошелъ въ залъ.

Кота кое-какъ вытащили и сняли у него съ хвоста гремушки. Передоновъ отыскалъ репейниковыя шишки, и снова принялся лѣпить ихъ въ кота. Котъ яростно зафыркалъ и убѣжалъ въ кухню.

Передоновъ, усталый отъ возни съ котомъ, усѣлся въ своемъ обычномъ положеніи,—локти на ручки кресла, пальцы скрещены, нога на ногу, лицо неподвижное и угрюмое.

Второе княгинино письмо Передоновъ берегъ усерднѣе, чѣмъ первое: носилъ его всегда при себѣ въ бумажникѣ, но всѣмъ показывалъ и принималъ при этомъ таинственный видъ. Онъ зорко смотрѣлъ, не хочетъ ли кто-нибудь отнять это письмо, не давалъ его никому въ руки, и послѣ каждаго показыванія пряталъ въ бумажникъ, бумажникъ засовывалъ въ сюртукъ, въ боковой карманъ, сюртукъ застегивалъ и строго, значительно смотрѣлъ на собесѣдниковъ.

— Что ты съ нимъ такъ носишься?—иногда со смѣхомъ спрашивалъ Рутиловъ.

— На всякій случай,—угрюмо объяснялъ Передоновъ,—кто васъ знаетъ. Еще стянете.

— Чистая Сибирь у тебя это дѣло,—говорилъ Рутиловъ, хохоталъ и хлопалъ по плечу Передонова.

Но Передоновъ сохранялъ невозмутимую важность. Вообще онъ въ послѣднее время важничалъ больше обыкновеннаго. Онъ часто хвасталъ:

— Вотъ я буду инспекторомъ. Вы тутъ киснуть будете, а у меня подъ началомъ два уѣзда будутъ. А то и три. Ого-го!

Онъ совсѣмъ увѣрился, что въ самомъ скоромъ времени получитъ инспекторское мѣсто. Учителю Фаластову онъ не разъ говорилъ:

— Я, братъ, и тебя вытащу.

И учитель Фаластовъ сдѣлался очень почтительнымъ въ обращеніи съ Передоновымъ.

XXII.

Передоновъ сталъ часто ходить въ церковь. Онъ становился на видное мѣсто, и то крестился чаще, чѣмъ слѣдовало, то вдругъ столбенѣлъ и тупо смотрѣлъ передъ собою. Какіе-то согля-

датаи, казалось ему, прятались за столбами, выглядывали оттуда, старались его разсмѣшить. Но онъ не поддавался.

Смѣхъ,—тихій смѣшокъ, хихиканье да шептанье дѣвицъ Рутиловыхъ звучали въ ушахъ у Передонова, разрастаясь порою до предѣловъ необычайныхъ,—точно прямо въ уши ему смѣялись лукавыя дѣвы, чтобы разсмѣшить — и погубить его. Но Передоновъ не поддавался.

Порою, межъ клубами ладаннаго дыма являлась недотыкомка, дымная, синеватая; глазки блестѣли огоньками, она съ легкимъ звяканьемъ носилась иногда по воздуху, но недолго, а все больше каталась въ ногахъ у прихожанъ, издѣвалась надъ Передоновымъ, и навязчиво мучила. Она, конечно, хотѣла напугать Передонова, чтобы онъ ушелъ изъ церкви до конца обѣдни. Но онъ понималъ ея коварный замыселъ—и не поддавался.

Церковная служба,—не въ словахъ и обрядахъ, а въ самомъ внутреннемъ движеніи своемъ столь близкая такому множеству людей, — Передонову была непонятна. Поэтому страшила. Кажденія ужасали его, какъ невѣдомыя чары.

Чего размахался?—думалъ онъ.

Одѣянія священно-служителей казались ему грубыми, досадно-пестрыми тряпками,—и когда онъ глядѣлъ на облаченнаго священника, онъ злобился, и хотѣлось ему изорвать ризы, изломать сосуды. Церковные обряды и таинства представлялись ему злымъ колдовствомъ, направленнымъ къ порабощенію простого народа.

Просвирку въ вино накрошилъ,—думалъ онъ сердито про священника, — вино дешевенькое, народъ морочатъ, чтобы имъ побольше денегъ за требы носили.

Таинство вѣчнаго претворенія безсильнаго вещества въ расторгающую узы смерти силу было передъ нимъ навѣкъ занавѣшено. Ходячій трупъ! Нелѣпое совмѣщеніе невѣрія въ живого Бога и Христа Его съ вѣрою въ колдовство!

Стали выходить изъ церкви. Сельскій учитель Мачигинъ, простоватый молодой человѣкъ, подсталъ къ дѣвицамъ, улыбался и бойко бесѣдовалъ. Передоновъ подумалъ, что неприлично ему при будущемъ инспекторѣ такъ вольно держаться. На Мачигинѣ была соломенная шляпа. Но Передоновъ вспомнилъ, что какъ-то лѣтомъ, за городомъ, онъ видѣлъ его въ форменной фуражкѣ съ кокардою. Передоновъ рѣшилъ пожаловаться Кстати, инспекторъ Богдановъ былъ тутъ же. Передоновъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— А вашъ-то Мачигинъ шапку съ кокардой носитъ. Забарничалъ.

Богдановъ испугался, задрожалъ, затрясъ своею сѣренькою еретицею.

— Не имѣетъ права, никакого права не имѣетъ,—озабоченно говорилъ, мигая красными глазками.

— Не имѣетъ права, а носитъ,—жаловался Передоновъ.—Ихъ подтянуть надо, я вамъ давно говорилъ. А то всякій мужикъ сиволапый кокарду носить будетъ, такъ это что же будетъ.

Богдановъ, уже и раньше напуганный Передоновымъ, пуще перетревожился.

— Какъ же это онъ смѣетъ, а?—плачевно говорилъ онъ.—Я его сейчасъ же позову, сейчасъ же, и строжайше запрещу.

Онъ распрощался съ Передоновымъ, и торопливо затрусилъ къ своему дому.

Володинъ шелъ рядомъ съ Передоновымъ, и укоризненно-блеющимъ голосомъ говорилъ:

— Носитъ кокарду. Скажите, помилуйте! Развѣ онъ чины получаетъ! Какъ же это можно!

— Тебѣ тоже нельзя носить кокарду,—сказалъ Передоновъ.

— Нельзя, и не надо,—возразилъ Володинъ.— А только я тоже иногда надѣваю кокарду,—но вѣдь только я знаю, гдѣ можно, и когда. Пойду себѣ за городъ, да тамъ и надѣну. И мнѣ удовольствіе, и никто не запретитъ. А мужичекъ встрѣтится, все-таки почтенія больше.

— Тебѣ, Павлушка, кокарда не къ рылу,—сказалъ Передоновъ.—И ты отъ меня отстань: ты меня запылилъ своими копытами.

Володинъ обиженно умолкъ, но шелъ рядомъ. Передоновъ сказалъ озабоченно:

— Вотъ еще на Рутиловыхъ дѣвокъ надо бы донести. Онѣ въ церковь только болтать да смѣяться ходятъ. Намажутся, нарядятся, да и пойдутъ. А сами ладанъ крадутъ, да изъ него духи дѣлаютъ, — отъ нихъ всегда вонько пахнетъ.

— Скажите, помилуйте! — качая головою и тараща тупые глаза, говорилъ Володинъ.

По землѣ быстро ползла тѣнь отъ тучи и наводила на Передонова страхъ. Въ клубахъ пыли по вѣтру мелькала иногда сѣрая недотыкомка. Шевелилась ли трава по вѣтру, а уже Передонову казалось, что сѣрая недотыкомка бѣгала по ней и кусала ее, насыщаясь.

Зачѣмъ трава въ городѣ? — думалъ онъ. — Безпорядокъ! Выполоть ее надо.

Вѣтка на деревѣ зашевелилась, съежилась, почернѣла, закаркала и полетѣла вдаль. Передоновъ дрогнулъ, дико крикнулъ и побѣжалъ домой. Володинъ трусилъ за нимъ озабоченно, съ недоумѣвающимъ выраженіемъ въ вытара-

щенныхъ глазахъ, придерживая на головѣ котелокъ и помахивая тросточкой.

Богдановъ въ тотъ же день призвалъ Мачигина. Передъ входомъ въ инспекторскую квартиру Мачигинъ сталъ на улицу спиной къ солнцу. снялъ шляпу и причесался на тѣнь пятернею,

— Какъ же это вы, юноша, а? что это вы такое выдумали, а?—напустился Богдановъ на Мачигина.

— Въ чемъ дѣло?—развязно спросилъ Мачигинъ, поигрывая соломенною шляпою и пошаливая лѣвою ножкою.

Богдановъ его не посадилъ, ибо намѣревался распечь.

— Какъ же это, какъ же это вы, юноша, кокарду носите, а? какъ это вы рѣшили посягнуть, а?—спрашивалъ онъ, напуская на себя строгость и усиленно потрясая сѣренькою своею сретицею.

Мачигинъ покраснѣлъ, но бойко отвѣтилъ:

— Что жъ такое, развѣ же я не въ правѣ?

— Да развѣ же вы чиновникъ, а? чиновникъ?—заволновался Богдановъ,—какой вы чиновникъ, а? азбучный регистраторъ, а?

— Знакъ учительскаго званія,—бойко сказалъ Мачигинъ, и внезапно сладко улыбнулся, вспомнивъ о важности своего учительскаго званія.

— Носите палочку въ рукахъ, палочку, вотъ вамъ и знакъ учительскаго званія,—посовѣтовалъ Богдановъ, покачивая головой.

— Помилуйте, Сергѣй Потапычъ,—съ обидою въ голосѣ сказалъ Мачигинъ,—что же палочка! Палочку всякій можетъ, а кокарда для престижа.

— Для какого престижа, а? для какого, какого престижа?—накинулся на юношу Богдановъ,—какой вамъ нуженъ престижъ, а? Вы развѣ начальникъ!

— Помилуйте, Сергѣй Потапычъ,—разсудительно доказывалъ Мачигинъ,—въ крестьянскомъ мало-культурномъ сословіи это сразу возбуждаетъ приливъ почтенія,—сей годъ гораздо ниже кланяются.

Мачигинъ самовольно погладилъ рыженькіе усики.

— Да нельзя, юноша, никакъ нельзя,—скорбно покачивая головою, сказалъ Богдановъ

— Помилуйте, Сергѣй Потапычъ, учитель безъ кокарды все равно, что британскій левъ безъ хвоста,—увѣрялъ Мачигинъ,—одна каррикатура.

— При чемъ тутъ хвостъ, а? какой тутъ хвостъ, а?—съ волненіемъ заговорилъ Богдановъ.—Куда вы въ политику заѣхали, а? Развѣ это ваше дѣло о политикѣ разсуждать, а? Нѣтъ, ужъ вы, юноша, кокарду снимите, сдѣлайте Божескую милость. Нельзя, какъ же можно, сохрани Богъ, мало ли кто можетъ узнать.

Мачигинъ пожалъ плечами, хотѣлъ еще что-то возразить, но Богдановъ перебилъ его,—въ его головѣ мелькнула блистательная, по его разумѣнію, мысль.

— Вѣдь вотъ вы ко мнѣ безъ кокарды пришли, а, безъ кокарды? сами чувствуете, что нельзя.

Мачигинъ замялся было, но нашелъ и на этотъ разъ возраженіе:

— Такъ какъ мы сельскіе учителя, то намъ и нужна сельская привиллегія, а въ городѣ мы состоимъ заурядъ-интеллигентами.

— Нѣтъ, ужъ вы, юноша, знайте,—сердито сказалъ Богдановъ,—что это нельзя, и если я еще услышу, тогда мы васъ уволимъ.

Грушина время отъ времени устраивала вечеринки для молодыхъ людей, изъ числа которыхъ надѣялась выудить мужа. Для отвода глазъ приглашала и семейныхъ знакомыхъ.

Вотъ была такая вечеринка. Гости собрались рано.

На стѣнахъ въ гостиной у Грушиной висѣли картинки, закрытыя плотною кисеею. Впрочемъ, неприличнаго въ нихъ ничего не было. Когда Грушина подымала, съ лукавою и нескромною усмѣшечкою, кисейныя занавѣсочки, гости любовались голыми бабами, написанными плохо

— Что же это—баба кривая?—угрюмо сказалъ Передоновъ.

— Ничего не кривая,—горячо заступалась Грушина за картинку,—это она изогнулась такъ.

— Кривая,—повторилъ Передоновъ.—И глаза разные, какъ у васъ.

— Ну, много вы понимаете!—обиженно сказала Грушина,—эти картинки очень хорошія и дорогія. Художникамъ безъ такихъ нельзя.

Передоновъ внезапно захохоталъ: онъ вспомнилъ совѣтъ, данный имъ на-дняхъ Владѣ.

— Чего вы заржали?—спросила Грушина.

— Нартановичъ, гимназистъ, своей сестрѣ Мароѣ платье подпалитъ, объяснилъ онъ,—я ему посовѣтовалъ это сдѣлать.

— Станетъ онъ палить, нашли дурака!—возразила Грушина.

— Конечно, станетъ, — увѣренно сказалъ Передоновъ,—братья съ сестрами всегда ссорятся. Когда я маленькимъ былъ, такъ всегда

своимъ сестрамъ пакостилъ,—маленькихъ билъ, а старшимъ одежду портилъ.

— Не всѣ же ссорятся,—сказалъ Рутиловъ,—вотъ я съ сестрами не ссорюсь.

— Что жъ ты съ ними, цѣлуешься, что ли?—спросилъ Передоновъ.

— Ты, Ардальонъ Борисычъ, свинья и подлецъ, и я тебѣ оплеуху дамъ,—очень спокойно сказалъ Рутиловъ.

— Ну, я не люблю такихъ шутокъ,—отвѣтилъ Передоновъ, и отодвинулся отъ Рутилова.

А то еще,—думалъ онъ,—и въ самомъ дѣлѣ дастъ,—что-то зловѣщее у него лицо.

— У нея,—продолжалъ онъ о Мартѣ,—только и есть одно платье, черное.

— Вершина ей новое сошьетъ,—съ завистливою злостью сказала Варвара.—Къ свадьбѣ все приданое сдѣлаетъ. Красавица, инда лошади жахаются,—проворчала она тихо, и злорадно посмотрѣла на Мурина.

— Пора и вамъ вѣнчаться,—сказала Преполовенская.—Чего ждете, Ардальонъ Борисычъ?

Преполовенскіе уже видѣли, что послѣ второго письма Передоновъ твердо рѣшилъ жениться на Варварѣ. Они и сами повѣрили письму. Стали говорить, что всегда были за Варвару. Ссориться съ Передоновымъ имъ не было расчета,—выгодно съ нимъ играть въ карты. А Геня, дѣлать нечего, пусть подождетъ,—другого жениха придется поискать.

— Конечно,—заговорилъ Преполовенскій,—вѣнчаться вамъ надо: и доброе дѣло сдѣлаете, да и княгинѣ угодите; княгинѣ пріятно будетъ, что вы женитесь, такъ что вы и ей угодите, и доброе дѣло сдѣлаете, вотъ и хорошо будетъ,

а то такъ-то что же, а тутъ все же доброе дѣло сдѣлаете, да и княгинѣ пріятно.

— Вотъ и я то же говорю,—сказала Преполовенская.

А Преполовенскій не могъ остановиться, и видя, что отъ него уже всѣ отходятъ, сѣлъ рядомъ съ молодымъ чиновникомъ, и принялся ему растолковывать то же самое.

— Я рѣшился вѣнчаться,—сказалъ Передоновъ,—только мы съ Варварой не знаемъ, какъ надо вѣнчаться. Что-то надо сдѣлать, а я и не знаю, что.

— Вотъ, дѣло нехитрое,—сказала Преполовенская,—да если хотите, мы съ мужемъ вамъ все устроимъ, вы только сидите и ни о чемъ не думайте.

— Хорошо, сказалъ Передоновъ, — я согласенъ. Только, чтобы все было хорошо и прилично. Мнѣ денегъ не жалко.

— Ужъ все будетъ хорошо, не безпокойтесь,—увѣряла Преполовенская.

Передоновъ продолжалъ ставить свои условія:

— Другіе изъ скупости покупаютъ тонкія обручальныя кольца, серебряныя вызолоченныя, а я такъ не хочу, а чтобъ были настоящія золотыя. И я даже хочу вмѣсто обручальныхъ колецъ заказать обручальные браслеты,—это и дороже и важнѣе.

Всѣ засмѣялись.

— Нельзя браслеты,—сказала Преполовенская, легонько усмѣхаясь,—кольца надо.

— Отчего нельзя?—съ досадою спросилъ Передоновъ.

— Да ужъ такъ, не дѣлаютъ.

— А можетъ быть и дѣлаютъ,—недовѣрчиво сказалъ Передоновъ.—Это еще я у попа спрошу. Онъ лучше знаетъ.

Рутиловъ, хихикая, совѣтовалъ:

— Ужъ ты лучше, Ардальонъ Борисычъ, обручальные пояса закажи.

— Ну, на это у меня и денегъ не хватитъ,— отвѣтилъ Передоновъ, не замѣчая насмѣшки,— я не банкиръ. А только я на-дняхъ во снѣ видѣлъ, что вѣнчаюсь, а на мнѣ атласный фракъ, и у насъ съ Варварою золотые браслеты. А сзади два директора стоятъ надъ нами вѣнцы держатъ и аллилую поютъ.

— Я сегодня тоже интересный сонъ видѣлъ,— объявилъ Володинъ,—а къ чему онъ, не знаю. Сижу это я будто на тронѣ, въ золотой коронѣ, а передо мною травка, а на травкѣ барашки, все барашки, все барашки, бе-бе-бе. Такъ вотъ все барашки ходятъ, и такъ головой дѣлаютъ, и все этакъ бе-бе-бе.

Володинъ прохаживался по комнатамъ, трясъ лбомъ, выпячивалъ губы и блеялъ. Гости смѣялись. Володинъ сѣлъ на мѣсто, блаженно глядѣлъ на всѣхъ, щуря глаза отъ удовольствія и смѣялся тоже бараньимъ, блеющимъ смѣхомъ.

— Ну, что же дальше?—спросила Грушина, подмигивая гостямъ.

— Ну, и все барашки, все барашки, а тутъ я и проснулся,—кончилъ Володинъ.

— Барану и сны бараньи,—ворчалъ Передоновъ,—важное кушанье—бараній царь.

— А я сонъ видѣла,—съ нахальной усмѣшкой сказала Варвара,—такъ его при мужчинахъ нельзя разсказывать,—ужо вамъ одной разскажу.

— Ахъ, матушка Варвара Дмитріевна, вотъ-то въ одно слово, и у меня то же,—хихикая и подмигивая всѣмъ, отвѣчала Грушина.

— Разскажите, мы—мужчины скромные, вродѣ дамъ,—сказалъ Рутиловъ.

И прочіе мужчины просили Варвару и Грушину разсказать сны. Но тѣ переглядывались, погано смѣялись и не разсказывали.

Сѣли играть въ карты. Рутиловъ увѣрялъ, что Передоновъ отлично играетъ. Передоновъ вѣрилъ. Но сегодня, какъ и всегда, онъ проигрывалъ. Рутиловъ былъ въ выигрышѣ. Отъ этого онъ пришелъ въ большую радость, и говорилъ оживленнѣе обыкновеннаго.

Передонова дразнила недотыкомка. Она пряталась гдѣ-то близко,—покажется иногда, высунется изъ-за стола или изъ-за чьей-нибудь спины, и спрячется. Казалось, она ждала чего-то. Было страшно.

Самый видъ картъ страшилъ Передонова. Дамы—по двѣ вмѣстѣ.

„А гдѣ же третья?“—думалъ Передоновъ.

Онъ тупо разглядывалъ пиковую даму, потомъ повернулъ ее другою стороною, — третья, можетъ быть, спряталась за рубашкою.

Рутиловъ сказалъ:

— Ардальонъ Борисычъ своей дамѣ за рубашку смотритъ.

Всѣ захохотали.

Между тѣмъ въ сторонѣ два молоденькихъ полицейскихъ чиновника сѣли играть въ дурачки. Партіи разыгрывались у нихъ живо. Выигравшій хохоталъ отъ радости и показывалъ другому длинный носъ. Проигравшій сердился.

Запахло съѣстнымъ. Грушина позвала гостей въ столовую. Всѣ пошли, толкаясь и жеманясь. Разсѣлись кое-какъ.

— Кушайте, господа,—угощала Грушина.— Ѣшьте, дружки, набивайте брюшки по самые ушки.

— Пирогъ ѣшь, хозяйку тѣшь, — кричалъ радостно Муринъ.

Ему было весело смотрѣть на водку и думать, что онъ въ выигрышѣ.

Усерднѣе всѣхъ угощались Володинъ и два молоденькихъ чиновника, — они выбирали кусочки получше и подороже и съ жадностью пожирали икру. Грушина сказала, принужденно смѣясь:

— Павелъ-то Иванычъ, пьянъ да призорокъ, черезъ хлѣбъ да за пирогъ.

Нешто она для него икру покупала! И подъ предлогомъ угостить дамъ, она отставила отъ него все, что было получше. Но Володинъ не унывалъ и довольствовался тѣмъ, что осталось: онъ успѣлъ съѣсть много хорошаго съ самаго начала и теперь ему было все равно.

Передоновъ смотрѣлъ на жующихъ, и ему казалось, что всѣ смѣются надъ нимъ. Съ чего? надъ чѣмъ? Онъ съ остервенѣніемъ ѣлъ все, что попадалось, ѣлъ неряшливо и жадно.

Послѣ ужина опять играли. Но скоро Передонову надоѣло. Онъ бросилъ карты и сказалъ:

— Ну васъ къ чорту! не везетъ. Надоѣло! Варвара, пойдемъ домой.

И другіе гости поднялись за нимъ.

Въ передней Володинъ увидѣлъ, что у Передонова новая тросточка. Осклабясь, онъ поворачивалъ ее передъ собою и спрашивалъ:

— Ардаша, отчего же тутъ пальчики калачикомъ свернуты? Что же это обозначаетъ?

Передоновъ сердито взялъ у него изъ рукъ тросточку, приблизилъ ее набалдашникомъ, съ кукишемъ изъ чернаго дерева, къ носу Володина и сказалъ:

— Шишъ тебѣ съ масломъ.

Володинъ сдѣлалъ обиженное лицо.

— Позвольте, Ардальонъ Борисычъ, — сказалъ онъ, — я съ масломъ хлѣбецъ изволю кушать, а шиша съ масломъ я не хочу кушать.

Передоновъ, не слушая его, заботливо куталъ шею шарфомъ и застегивалъ пальто на всѣ пуговицы. Рутиловъ говорилъ со смѣхомъ:

— Чего ты кутаешься, Ардальонъ Борисычъ? Тепло.

— Здоровье всего дороже, — отвѣтилъ Передоновъ.

На улицѣ было тихо, — улица улеглась во мракѣ и тихонько похрапывала. Темно было, тоскливо и сыро. На небѣ бродили тяжелыя тучи. Передоновъ ворчалъ:

— Напустили темени, а къ чему?

Онъ теперь не боялся, — шелъ съ Варварою, а не одинъ.

Скоро пошелъ дождь, мелкій, быстрый, продолжительный. Все стало тихо, — и только дождь болталъ что-то навязчиво и скоро, захлебываясь, — невнятныя, скучныя и тоскливыя рѣчи.

Передоновъ чувствовалъ въ природѣ отраженія своей тоски, своего страха подъ личиною ея враждебности къ нему, — той же внутренней и недоступной внѣшнимъ опредѣленіямъ жизни во всей природѣ, жизни, которая одна только и создаетъ истинныя отношенія, глубокія и несомнѣнныя, между человѣкомъ и природою, этой жизни онъ не чувствовалъ. Потому-то вся природа казалась ему проникнутою мелкими человѣческими чувствами. Ослѣпленный обольщеніями личности и отдѣльнаго бытія, онъ не понималъ діонисическихъ, стихійныхъ восторговъ, ликующихъ и вопіющихъ въ природѣ. Онъ былъ слѣпъ и жалокъ, какъ многіе изъ насъ.

XXIII.

Преполовенскіе взяли на себя устройство вѣнчанія. Вѣнчаться рѣшили въ деревнѣ, верстахъ въ шести отъ города: Варварѣ неловко было итти подъ вѣнецъ въ городѣ послѣ того, какъ прожили столько лѣтъ, выдавая себя за родныхъ. День, назначенный для вѣнчанія, скрыли: Преполовенскіе распустили слухъ, что вѣнчаться будутъ въ пятницу, а на самомъ дѣлѣ свадьба была въ среду днемъ. Это сдѣлали, чтобы не наѣхали любопытные изъ города. Варвара не разъ повторяла Передонову:

— Ты, Ардальонъ Борисычъ, не проговорись, когда вѣнецъ-то будетъ, а то еще помѣшаютъ.

Деньги на расходъ по свадьбѣ Передоновъ выдавалъ неохотно, съ издѣвательствами надъ Варварою. Иногда онъ приносилъ свою палку съ набалдашникомъ - кукишемъ, и говорилъ Варварѣ:

— Поцѣлуй мой кукишъ, дамъ денегъ, не поцѣлуешь, не дамъ.

Варвара цѣловала кукишъ.

— Что жъ такое, губы не треснутъ,—говорила она.

Срокъ свадьбы таили до самаго назначеннаго дня даже отъ шаферовъ, чтобы не проболтались. Сперва позвали въ шаферы Рутилова и Володина,—оба охотно согласились: Рутиловъ ожидалъ забавнаго анекдота, Володину было лестно играть такую значительную роль при такомъ выдающемся событіи въ жизни такого почтеннаго лица. Потомъ Передоновъ сообразилъ, что ему мало одного шафера. Онъ сказалъ:

— Тебѣ, Варвара, одного будетъ, а мнѣ

двухъ надо, мнѣ одного мало,—надо мной трудно вѣнецъ держать, я—большой человѣкъ.

И Передоновъ пригласилъ вторымъ шаферомъ Фаластова. Варвара ворчала:

— Куда его къ чорту, два есть, чего еще?

— У него очки золотыя, важнѣе съ нимъ,— сказалъ Передоновъ.

Утромъ въ день свадьбы Передоновъ помылся теплою водою, какъ всегда, чтобы не застудить себя, и затѣмъ потребовалъ румянъ, объясняя:

— Мнѣ надо теперь каждый день подкрашиваться, а то еще подумаютъ, дряхлый, и не назначатъ инспекторомъ.

Варварѣ жаль было своихъ румянъ, но пришлось уступить,—и Передоновъ подкрасилъ себѣ щеки. Онъ бормоталъ:

„Сама Вершга красится, чтобы моложе быть. Не могу же я съ бѣлыми щеками вѣнчаться“.

Затѣмъ запершись въ спальнѣ, онъ рѣшилъ намѣтить себя, чтобы Володинъ не могъ подмѣнить его собою. На груди, на животѣ, на локтяхъ, еще на разныхъ мѣстахъ намазалъ онъ чернилами букву П.

„Надо было бы намѣтить и Володина, да какъ его намѣтишь? Увидитъ, сотретъ“,—тоскливо думалъ Передоновъ.

Затѣмъ пришла ему въ голову мысль, что не худо бы надѣть корсетъ, а то за старика примутъ, если невзначай согнешься. Онъ потребовалъ отъ Варвары корсетъ. Но Варварины корсеты оказались ему тѣсны,—ни одинъ не сходился.

— Надо было раньше купить, — сердито ворчалъ онъ.—Ничего не подумаютъ.

— Да кто же мужчины носитъ корсетъ,— возражала Варвара,—никто не носитъ.

— Верига носитъ,—сказалъ Передоновъ.

— Такъ Верига старикъ, а ты, Ардальонъ Борисычъ, слава Богу, мужчина въ соку.

Передоновъ самодовольно улыбнулся, посмотрѣлъ въ зеркало и сказалъ:

— Конечно, я еще лѣтъ полтораста проживу.

Котъ чихнулъ подъ кроватью. Варвара сказала, ухмыляясь:

— Вотъ и котъ чихаетъ,—значитъ,—вѣрно.

Но Передоновъ вдругъ нахмурился. Котъ уже сталъ ему страшенъ, и чиханье его показалось ему злою хитростью.

„Начихаетъ тутъ чего не надо",—подумалъ онъ, полѣзъ подъ кровать и принялся гнать кота. Котъ дико мяукалъ, прижимался къ стѣнѣ и вдругъ, съ громкимъ и рѣзкимъ мяуканьемъ, шмыгнулъ межъ рукъ у Передонова, и выскочилъ изъ горницы.

— Чортъ голландскій!—сердито обругалъ его Передоновъ.

— Чортъ и есть,—поддакивала Варвара,—совсѣмъ одичалъ котъ, погладить не дается, ровно въ него чортъ вселился.

Преполовенскіе послали за шаферами съ ранняго утра. Часамъ къ десяти всѣ собрались у Передонова. Пришли Грушина и Софья съ мужемъ. Подали водку и закуску. Передоновъ ѣлъ мало, и тоскливо думалъ, чѣмъ бы ему отличить себя еще больше отъ Володина.

„Барашкомъ завился",—злобно думалъ онъ, и вдругъ сообразилъ, что вѣдь и онъ можетъ причесаться по особенному. Онъ всталъ изъ-за стола и сказалъ:

— Вы тутъ ѣшьте и пейте, мнѣ не жалко, а я пойду къ парикмахеру, причешусь по-испански.

— Какъ же это по-испански? — спросилъ Рутиловъ.

— А вотъ увидишь.

Когда Передоновъ ушелъ стричься, Варвара сказала:

— Все придумки разныя придумываетъ. Черти ему все мерещатся. Поменьше бы сивухи трескалъ, опитоха проклятый!

Преполовенская сказала съ хитрою усмѣшечкою:

— Вотъ повѣнчаетесь, Ардальонъ Борисычъ получитъ мѣсто и успокоится.

Грушина хихикала. Ее веселила таинственность этого вѣнчанія и подстрекала жажда устроить какое-нибудь позорище, да такъ, чтобы самой не быть замѣшанною. Она подъ рукой шепнула вчера вечеромъ нѣкоторымъ изъ своихъ друзей о часѣ и мѣстѣ вѣнчанія. Сегодня рано утромъ она зазвала къ себѣ младшаго слесаренка, дала ему пятачекъ, и подговорила къ вечеру ждать за городомъ проѣзда новобрачныхъ и накидать въ ихъ повозку сору да бумажекъ. Слесаренокъ радостно согласился и далъ клятвенное обѣщаніе не выдавать. Грушина напомнила ему:

— А Черепнина-то выдали, какъ васъ пороть стали.

— Дураки мы были,—сказалъ слесаренокъ,— а теперь хоть пусть повѣсятъ, все равно.

И слесаренокъ, въ подтвержденіе своей клятвы, съѣлъ горсточку земли. За это Грушина прибавила ему еще три копѣйки.

Въ парикмахерской Передоновъ потребовалъ самого хозяина. Хозяинъ, молодой человѣкъ, окончившій недавно городское училище и почитывавшій книги изъ земской библіотеки, кончалъ

стричь какого-то незнакомаго Передонову помѣщика. Скоро кончилъ и подошелъ къ Передонову.

— Сперва его отпусти,—сердито сказалъ Передоновъ.

Помѣщикъ расплатился и ушелъ.

Передоновъ усѣлся передъ зеркаломъ.

— Мнѣ постричься и прическу надо сдѣлать,—сказалъ онъ.—У меня сегодня важное дѣло есть, совсѣмъ особенное,—такъ ты мнѣ сдѣлай прическу по-испански.

Стоявшій у двери мальчикъ-ученикъ смѣшливо фыркнулъ. Хозяинъ строго посмотрѣлъ на него. По-испански стричь ему не приходилось, и онъ не зналъ, что это за прическа испанская, и есть ли такая прическа. Но если господинъ требуетъ, то, надо полагать, онъ знаетъ, чего хочетъ. Молодой парикмахеръ не пожелалъ обнаружить своего невѣжества. Онъ почтительно сказалъ:

— Изъ вашихъ волосъ, господинъ, никакъ нельзя-съ.

— Это почему нельзя?—обиженно спросилъ Передоновъ.

— Вашимъ волосамъ плохое питаніе,—объяснилъ парикмахеръ.

— Что же, мнѣ ихъ пивомъ поливать, что ли?—проворчалъ Передоновъ.

— Помилуйте, зачѣмъ же пивомъ!—любезно улыбаясь, отвѣчалъ парикмахеръ, — а только возьмите то, что, если постричь сколько-нибудь, и притомъ же такъ какъ у васъ на головѣ уже солидность обозначается, то никакъ не хватитъ на испанскую прическу.

Передоновъ чувствовалъ себя сраженнымъ невозможностью остричься по-испански. Онъ уныло сказалъ:

— Ну, стриги какъ хочешь.

Ужъ не подговорили ли этого парикмахера,— думалъ онъ,—чтобы не стричь на отличку. Не надо было говорить дома. Очевидно, что пока Передоновъ шелъ чинно и степенно по улицамъ, Володинъ барашкомъ побѣжалъ задворками и снюхался съ парикмахеромъ.

— Прикажете спрыснуть?—спросилъ парикмахеръ, окончивъ свое дѣло.

— Спрысни меня резедой, да побольше,— потребовалъ Передоновъ,—а то обчекрыжилъ кое-какъ, хоть резедой сдобри.

— Резеды, извините, не держимъ,—смущенно сказалъ парикмахеръ,—не угодно ли опопонаксомъ?

— Ничего-то ты не можешь, какъ слѣдуетъ,— горестно сказалъ Передоновъ,—ужъ прыскай, что есть.

Онъ въ досадѣ возвращался домой. День стоялъ вѣтреный. Ворота отъ вѣтра хлопали, зѣвали и смѣялись. Передоновъ смотрѣлъ на нихъ тоскливо. Какъ тутъ ѣхать? Но уже все дѣлалось само собой.

Поданы были три тарантаса,—надо было садиться и ѣхать, а то повозки привлекутъ вниманіе,—соберутся любопытные, пріѣдутъ и прибѣгутъ смотрѣть на свадьбу. Размѣстились и поѣхали: Передоновъ съ Варварою, Преполовенскіе съ Рутиловымъ, Грушина съ остальными шаферами.

На площади поднялась пыль. Стучали,—слышалось Передонову,—топоры. Еле видная сквозь пыль, подымалась, расла деревянная стѣна. Рубили крѣпость. Мелькали мужики въ красныхъ рубахахъ, свирѣпые и молчаливые.

Тарантасы пронеслись мимо,—страшное ви-

дѣніе мелькнуло и скрылось. Передоновъ оглядывался въ ужасѣ, но уже ничего не было видно,—и никому не рѣшился онъ сказать о своемъ видѣніи.

Всю дорогу грусть томила Передонова. Враждебно все смотрѣло на него, все вѣяло угрожающими примѣтами. Небо нахмурилось. Вѣтеръ дулъ навстрѣчу и вздыхалъ о чемъ-то. Деревья не хотѣли давать тѣни,—всю себѣ забрали. Зато поднималась пыль длинною полупрозрачно-сѣрою змѣею. Солнце съ чего-то пряталось за тучи,—подсматривало, что ли?

Дорога шла мажарами,—неожиданные изъ-за невысокихъ холмовъ вставали кусты, рощи, поляны, ручьи подъ гулкими деревянными мостами-трубами.

— Глазъ-птица пролетѣла,—угрюмо сказалъ Передоновъ, всматриваясь въ бѣлесовато-туманную даль небесъ.—Одинъ глазъ и два крыла, а больше ничего и нѣту.

Варвара ухмылялась. Она думала, что Передоновъ пьянъ съ утра. Но она не спорила съ нимъ,—а то еще,—думала она,—разсердится и не пойдетъ подъ вѣнецъ.

Въ церкви уже стояли въ уголкѣ, прячась за колонною, всѣ четыре сестры Рутиловы. Передоновъ ихъ не видѣлъ сначала, но потомъ, уже во время самаго вѣнчанія, когда онѣ вышли изъ своей засады и подвинулись впередъ,—онъ увидѣлъ ихъ, и испугался. Впрочемъ, онѣ ничего худого не сдѣлали, не потребовали,—чего онъ боялся сперва,—чтобы онъ Варвару прогналъ, а взялъ одну изъ нихъ,—а только все время смѣялись. И смѣхъ ихъ, сначала тихій, все громче и злѣе отдавался въ его ушахъ, какъ смѣхъ неукротимыхъ фурій.

Постороннихъ въ церкви почти не было,— только двѣ-три старушки пришли откуда-то. И хорошо: Передоновъ велъ себя глупо и странно. Онъ зѣвалъ, бормоталъ, толкалъ Варвару, жаловался, что воняетъ ладаномъ, воскомъ, мужичьемъ.

— Твои сестры все смѣются,—бормоталъ онъ, обернувшись къ Рутилову,—печенку смѣхомъ просверлятъ.

Кромѣ того, тревожила его недотыкомка. Она была грязная и пыльная, и все пряталась подъ ризу священнику.

И Варварѣ и Грушиной церковные обряды казались смѣшными. Онѣ безпрестанно хихикали. Слова о томъ, что жена должна прилѣпиться къ своему мужу, вызвали у нихъ особенную веселость. Рутиловъ тоже хихикалъ,—онъ считалъ своею обязанностью всегда и вездѣ смѣшить дамъ. Володинъ же велъ себя степенно и крестился, сохраняя на лицѣ глубокомысленное выраженіе. Онъ не связывалъ съ церковными обрядами никакого иного представленія, кромѣ того, что все это установлено, подлежитъ исполненію, и что исполненіе всѣхъ обрядовъ ведетъ къ нѣкоторому внутреннему удобству: сходилъ въ праздникъ въ церковь, помолился,—и правъ, нагрѣшилъ, покаялся,—и опять правъ. Хорошо и удобно,—тѣмъ удобнѣе, что внѣ церкви обо всемъ церковномъ не надо было и думать, а руководиться слѣдовало совсѣмъ иными, житейскими правилами.

Только что кончилось вѣнчанье, не успѣли еще выйти изъ церкви,—вдругъ неожиданность. Въ церковь шумно ввалилась пьяная компанія,— Муринъ со своими пріятелями.

Муринъ растрепанный и сѣрый, какъ всегда, облапилъ Передонова, и закричалъ:

— Отъ насъ, братъ, не скроешь! Такіе пріятели, водой не разольешь, а онъ, штукарь, скрылъ.

Слышались восклицанія:

— Злодѣй, не позвалъ!

— А мы тутъ какъ тутъ!

— Да, мы таки зазнали!

Вновь прибывшіе обнимали и поздравляли Передонова. Муринъ говорилъ:

— По пьяному дѣлу заблудились немножко, а то бы мы къ началу потрафили.

Передоновъ хмуро смотрѣлъ и не отвѣчалъ на поздравленія. Злоба и страхъ томили его.

„Вездѣ выслѣдятъ,"—тоскливо думалъ онъ.

— Вы бы лбы перекрестили,—сказалъ онъ злобно,—а то, можетъ быть, вы злоумышляете.

Гости крестились, хохотали, кощунствовали. Особенно отличались молоденькіе чиновнички. Дьяконъ укоризненно унималъ ихъ.

Среди гостей былъ одинъ, съ рыжими усами, молодой человѣкъ, котораго даже и не зналъ Передоновъ. Необычайно похожъ на кота. Не ихъ ли это котъ обернулся человѣкомъ? Не даромъ этотъ молодой человѣкъ все фыркаетъ,—не забылъ кошачьихъ ухватокъ.

— Кто вамъ сказалъ?—злобно спрашивала новыхъ гостей Варвара.

— Добрые люди, молодайка,—отвѣчалъ Муринъ,—а кто, ужъ мы и позабыли.

Грушина вертѣлась и подмигивала. Новые гости посмѣивались, но ея не выдали. Муринъ говорилъ:

— Ужъ какъ хошь, Ардальонъ Борисычъ, а мы всѣ къ тебѣ, а ты намъ шампанею ставь, не будь жомой. Какъ же можно, такіе пріятели, водой не разольешь, а ты тишкомъ удумалъ.

Когда Передоновы возвращались изъ-подъ вѣнца, солнце заходило, а небо все было въ огнѣ и въ золотѣ. Но не нравилось это Передонову. Онъ бормоталъ:

— Наляпали золота кусками, ажъ отваливается. Гдѣ это видано, чтобы столько тратить!

Слесарята встрѣтили ихъ за городомъ съ толпою другихъ уличныхъ мальчишекъ, бѣжали и гукали. Передоновъ дрожалъ отъ страха. Варвара ругалась, плевала на мальчишекъ, казала имъ кукиши. Гости и шафера хохотали.

Пріѣхали. Вся компанія ввалилась къ Передоновымъ съ гамомъ, гвалтомъ и свистомъ. Пили шампанское, потомъ принялись за водку, и сѣли играть въ карты. Пьянствовали всю ночь. Варвара напилась, плясала и ликовала. Ликовалъ и Передоновъ,—его-таки не подмѣнили. Съ Варварою гости, какъ всегда, обращались цинично и неуважительно; ей казалось это въ порядкѣ вещей.

Послѣ свадьбы въ житьѣ-бытьѣ у Передоновыхъ мало что измѣнилось. Только обращеніе Варвары съ мужемъ становилось увѣреннѣе и независимѣе. Она, какъ будто, поменьше бѣгала передъ мужемъ,—но все еще, по закоренѣлой привычкѣ, побаивалась его. Передоновъ, тоже по привычкѣ, по прежнему покрикивалъ на нее, даже иногда поколачивалъ. Но уже и онъ чуялъ ея большую въ своемъ положеніи увѣренность. И это наводило на него тоску. Ему казалось, что если она не какъ прежде боится его, то это потому, что она укрѣпилась въ своемъ преступномъ замыслѣ отдѣлаться отъ него и подмѣнить его Володинымъ.

„Надо быть на сторожѣ,“—думалъ онъ.

А Варвара торжествовала. Она, вмѣстѣ съ мужемъ, дѣлала визиты городскимъ дамамъ, даже и мало знакомымъ. При этомъ она проявляла смѣшную гордость и неумѣлость. Вездѣ ее принимали, хотя во многихъ домахъ съ удивленіемъ.

Для визитовъ она заблаговременно заказала шляпу лучшей мѣстной модисткѣ, изъ столицы. Яркіе цвѣты, крупные, насаженные въ изобиліи, восторгали Варвару.

Свои визиты Передоновы начали съ директорши. Потомъ поѣхали къ женѣ предводителя дворянства.

Въ тотъ день, когда Передоновы собрались дѣлать визиты, — что у Рутиловыхъ, конечно, было заранѣе извѣстно,—сестры отправились къ Варварѣ Николаевнѣ Хрипачъ, изъ любопытства посмотрѣть, какъ-то Варвара поведетъ себя здѣсь.

Скоро пришли и Передоновы. Варвара сдѣлала реверансъ директоршѣ, и больше обыкновеннаго дребезжащимъ голосомъ сказала:

— Вотъ и мы къ вамъ. Прошу любить и жаловать.

— Очень рада,—съ принужденіемъ отвѣтила директорша, и усадила Варвару на диванъ.

Варвара съ видимымъ удовольствіемъ сѣла на отведенное мѣсто, широко раскинула свое шумящее зеленое платье, и заговорила, стараясь развязностью скрыть смущеніе:

— Все мамзелью была, а вотъ и мадамой стала. Мы съ вами тезки,—я Варвара, и вы Варвара,—а не были знакомы домами. Пока мамзелью была, все больше дома сидѣла,—да что жъ все за печкой сидѣть! Теперь мы съ Ардальонъ Борисычемъ будемъ открыто жить. Милости про-

симъ,—мы къ вами, вы къ нами, мусью къ мусьи, мадамъ къ мадами.

— Только вамъ здѣсь, кажется, не долго придется жить, — сказала директорша, — вашъ мужъ, я слышала, переводится.

— Да, вотъ скоро бумага придетъ, мы и поѣдемъ, — отвѣтила Варвара. — А пока бумага не пришла, надо еще и здѣсь пожить, покрасоваться.

Варвара и сама надѣялась на инспекторское мѣсто. Послѣ свадьбы она написала княгинѣ письмо. Отвѣта еще не получила. Рѣшила еще написать къ новому году.

Людмила сказала:

— А ужъ мы думали, что вы, Ардальонъ Борисычъ, на барышнѣ Пыльниковой женитесь.

— Ну, да,—сердито сказалъ Передоновъ,— что жъ мнѣ на всякой жениться,—мнѣ протекція нужна.

— А все-таки, какъ же это съ m-lle Пыльниковой у васъ разошлось?—дразнила Людмила. — Вѣдь вы за нею ухаживали? Она вамъ отказала?

— Я еще ее выведу на чистую воду,—ворчалъ угрюмо Передоновъ.

— Это—idée fixe Ардальонъ Борисыча,—съ сухимъ смѣшкомъ сказалъ директоръ.

XXIV.

Котъ у Передонова дичалъ, фыркалъ, не шелъ по зову, — совсѣмъ отбился отъ рукъ. Страшенъ онъ сталъ Передонову. Иногда Передоновъ чурался отъ кота.

„Да поможетъ ли это?"—думалъ онъ. Сильное электричество у этого кота въ шерсти, вотъ въ чемъ бѣда.

Однажды онъ придумалъ:—остричь бы кота надо.

Вздумано—сдѣлано. Варвары не было дома,—она пошла къ Грушиной, опустивъ въ карманъ бутылочку съ вишневою наливкою,—помѣшать некому. Передоновъ привязалъ кота на веревку,—ошейникъ сдѣлалъ изъ носового платка,—и повелъ въ парикмахерскую.

Котъ дико мяукалъ, метался, упирался. Иногда въ отчаяніи бросался онъ на Передонова,—но Передоновъ отстранялъ его палкою. Мальчишки толпою бѣжали сзади, гукали, хохотали. Прохожіе останавливались. Изъ оконъ выглядывали на шумъ. Передоновъ угрюмо тянулъ кота за веревку, ничѣмъ не смущаясь.

Привелъ таки,—и сказалъ парикмахеру:

— Хозяинъ, кота побрей, да поглаже.

Мальчишки толпились у дверей снаружи, хохотали, кривлялись. Парикмахеръ обидѣлся, покраснѣлъ. Онъ сказалъ слегка дрожащимъ голосомъ:

— Извините, господинъ, мы этакими дѣлами не занимаемся. И даже не приходилось видѣть бритыхъ котовъ. Это, должно быть, самая послѣдняя мода, до насъ еще не дошла.

Передоновъ слушалъ его въ тупомъ недоумѣніи. Онъ крикнулъ:

— Скажи—не умѣю, шарлатанъ.

И ушелъ, таща неистово мяукавшаго кота. Дорогою онъ думалъ тоскливо, что вездѣ, всегда, всѣ надъ нимъ только смѣются, никто не хочетъ ему помочь. Тоска тѣснила его грудь.

Передоновъ съ Володинымъ и Рутиловымъ пришли въ садъ играть на билліардѣ. Смущенный маркеръ объявилъ имъ:

— Нельзя-съ играть сегодня, господа.

— Это почему?—злобно спросилъ Передоновъ,—намъ, да нельзя.

— Такъ какъ, извините, а только что шаровъ нѣту,—сказалъ маркеръ.

— Проворонилъ, ворона,—послышался изъ-за перегородки грозный окрикъ буфетнаго содержателя.

Маркеръ вздрогнулъ, шевельнулъ вдругъ покраснѣвшими ушами,—какое-то словно заячье движеніе,—и шепнулъ:

— Украли-съ.

Передоновъ крикнулъ испуганно:

— Ну! кто укралъ?

— Неизвѣстно-съ, — доложилъ маркеръ. — Ровно какъ никого не было, а вдругъ, глядь, и шаровъ нѣту-съ.

Рутиловъ хихикалъ и восклицалъ.

— Вотъ такъ анекдотъ!

Володинъ сдѣлалъ обиженное лицо, и выговаривалъ маркеру:

— Если у васъ изволятъ шарики воровать, а вы изволите въ это время быть въ другомъ мѣстѣ, а шарики брошены, то вамъ надо было загодя другіе шарики завести, чтобы намъ было чѣмъ играть. Мы шли, хотѣли поиграть, а если шариковъ нѣту, то какъ же мы можемъ играть?

— Не скули, Павлушка, — сказалъ Передоновъ,—безъ тебя тошно. Ищи, маркеръ, шары, намъ непремѣнно надо играть, а пока тащи пару пива.

Принялись пить пиво. Но было скучно. Шары такъ и не находились. Ругались межъ собою, бранили маркера. Тотъ чувствовалъ себя виноватымъ и отмалчивался.

Въ этой кражѣ усмотрѣлъ Передоновъ новую вражью каверзу.

Зачѣмъ?—думалъ онъ тоскливо и не понималъ.

Онъ пошелъ въ садъ, сѣлъ на скамеечку надъ прудомъ,—здѣсь еще онъ никогда не сиживалъ,—и тупо уставился на затянутую зеленью воду. Володинъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, раздѣлялъ его грусть и бараньими глазами глядѣлъ на тотъ же прудъ.

— Зачѣмъ тутъ грязное зеркало, Павлушка? — спросилъ Передоновъ и ткнулъ палкою по направленію къ пруду.

Володинъ осклабился и отвѣтилъ:

— Это не зеркало, Ардаша, это—прудъ. А такъ какъ вѣтерка теперь нѣтъ, то въ немъ деревья и отражаются, вотъ оно и показываетъ, будто зеркало.

Передоновъ поднялъ глаза. За прудомъ заборъ отдѣлялъ садъ отъ улицы. Передоновъ спросилъ:

— А котъ на заборѣ зачѣмъ?

Володинъ посмотрѣлъ туда же и сказалъ, хихикая:

— Былъ, да весь вышелъ.

Кота и не было,—померещился онъ Передонову,—котъ съ широко-зелеными глазами, хитрый, неутомимый врагъ.

Передоновъ опять сталъ думать о шарахъ. Кому они нужны? Недотыкомка, что ли, ихъ пожрала? То-то ея сегодня и не видно,—думалъ Передоновъ.—Нажралась да и завалилась куда-нибудь, спитъ теперь, поди.

Передоновъ уныло побрелъ домой.

Западъ потухалъ. Тучка бродила по небу, блуждала, подкрадывалась,—мягкая обувь у тучъ,—подсматривала. На ея темныхъ краяхъ загадочно улыбался темный отблескъ. Надъ рѣч-

кою, что текла межъ садомъ и городомъ, тѣни домовъ да кустовъ колебались, шептались, искали кого-то.

А на землѣ, въ этомъ темномъ и вѣчно враждебномъ городѣ. всѣ люди встрѣчались злые, насмѣшливые. Все смѣшивалось въ общемъ недоброжелательствѣ къ Передонову,—собаки хохотали надъ нимъ, люди облаивали его.

Городскія дамы начали отдавать Варварѣ визиты. Нѣкоторыя съ радостнымъ любопытствомъ поспѣшили уже на второй, на третій день посмотрѣть, какова-то Варвара дома. Другія промедлили недѣлю и больше. А иныя и вовсе не пришли,—не была, напримѣръ, Вершина.

Передоновы ожидали каждый день отвѣтныхъ визитовъ съ трепетнымъ нетерпѣніемъ; пересчитывали, кто еще не былъ. Особенно нетерпѣливо ждали директора съ женою. Ждали и волновались непомѣрно,—а вдругъ Хрипачи не пріѣдутъ.

Прошла недѣля. Хрипачей еще не было. Варвара начала злиться и ругаться. Передонова же повергло это ожиданіе въ нарочито-угнетенное состояніе. Глаза у Передонова стали совсѣмъ безсмысленными; словно они потухали, и казалось иногда, что это—глаза мертваго человѣка. Нелѣпые страхи мучили его. Безъ всякой видимой причины онъ начиналъ вдругъ бояться тѣхъ или другихъ предметовъ. Съ чего-то пришла ему въ голову и томила нѣсколько дней мысль, что его зарѣжутъ; онъ боялся всего остраго и припряталъ ножи да вилки.

Можетъ быть,—думалъ онъ,—они наговорены да нашептаны. Какъ разъ и самъ на ножъ нарѣжешься.

— Зачѣмъ ножи? — сказалъ онъ Варварѣ.— Ѣдятъ же китайцы палочками.

Цѣлую недѣлю изъ-за этого не жарили мяса, довольствовались щами да кашею.

Варвара, мстя Передонову за испытанные до свадьбы страхи, иногда поддакивала ему, и утверждала его этимъ въ убѣжденіи, что его причуды не даромъ. Она говаривала ему, что у него много враговъ, да и какъ-де ему не завидовать? Не разъ говорила она, дразня Передонова, что ужъ навѣрное на него донесли, обнесли его передъ начальствомъ да и передъ княгинею. И радовалась, что онъ, видимо, трусилъ.

Передонову казалось яснымъ, что княгиня имъ недовольна. Развѣ она не могла прислать ему на свадьбу образа или калача? Онъ думалъ: надо заслужить ея милость, да чѣмъ? Ложью, что ли? Оклеветать кого-нибудь, насплетничать, донести. Всѣ дамы любятъ сплетни,—такъ вотъ бы на Варвару сплести что-нибудь веселое да нескромное и написать княгинѣ. Она посмѣется, а ему дастъ мѣсто.

Но не сумѣлъ Передоновъ написать такое письмо, да и страшно ему стало, — писать къ самой княгинѣ. А потомъ онъ и забылъ объ этой затѣѣ.

Своихъ обычныхъ гостей Передоновъ угощалъ водкою да самымъ дешевымъ портвейномъ. А для директора купилъ мадеры въ три рубля. Это вино Передоновъ считалъ чрезвычайно дорогимъ, хранилъ его въ спальнѣ, а гостямъ только показывалъ и говорилъ:

— Для директора.

Сидѣли разъ у Передонова Рутиловъ да Володинъ. Передоновъ показалъ имъ мадеру.

— Что снаружи смотрѣть,—не вкусно!—ска-

залъ Рутиловъ, хихикая. — Ты насъ угости дорогой-то мадеркой.

— Ишь ты, чего захотѣлъ! — сердито отвѣтилъ Передоновъ. — А что же я директору подамъ?

— Директоръ водки рюмку выпьетъ, — сказалъ Рутиловъ.

— Директору нельзя водку пить, директору мадера полагается, — разсудительно говорилъ Передоновъ.

— А если онъ водку любитъ? — настаивалъ Рутиловъ.

— Ну вотъ еще, генералъ водки любить не станетъ, — увѣренно сказалъ Передоновъ.

— А ты насъ все-таки угости, — приставалъ Рутиловъ.

Но Передоновъ поспѣшно унесъ бутылку, и слышно было, какъ звенѣлъ замокъ у шкапика, въ которомъ онъ спряталъ вина. Вернувшись къ гостямъ, онъ, чтобы перемѣнить разговоръ, сталъ говорить о княгинѣ. Онъ угрюмо сказалъ:

— Княгиня! на базарѣ гнилыми яблоками торговала, да князя и обольстила.

Рутиловъ захохоталъ и крикнулъ:

— Да развѣ князья по базарамъ ходятъ?

— Да ужъ она сумѣла принимать, — сказалъ Передоновъ.

— Сочиняешь ты, Ардальонъ Борисычъ, небылицу въ лицахъ, — спорилъ Рутиловъ, — княгиня — знатная дама.

Передоновъ смотрѣлъ на него злобно и думалъ: — заступается, — съ княгинею, видно, за одно. Княгиня его, видно, околдовала, даромъ, что далеко живетъ.

А недотыкомка юлила вокругъ, беззвучно смѣялась, и вся сотрясалась отъ смѣха. Она

напоминала Передонову о разныхъ страшныхъ обстоятельствахъ. Онъ боязливо озирался и шепталъ:

— Въ каждомъ городѣ есть тайный жандармскій унтеръ-офицеръ. Онъ въ штатскомъ, иногда служитъ, или торгуетъ, или тамъ еще что дѣлаетъ, а ночью, когда всѣ спятъ, надѣнетъ голубой мундиръ, да и шасть къ жандармскому офицеру.

— А зачѣмъ же мундиръ?—дѣловито освѣдомился Володинъ.

— Къ начальству нельзя безъ мундира, высѣкутъ,—объяснилъ Передоновъ.

Володинъ захихикалъ. Передоновъ наклонился къ нему поближе, и зашепталъ:

— Иногда онъ даже оборотнемъ живетъ. Ты думаешь, это просто котъ, анъ врешь! это жандармъ бѣгаетъ. Отъ кота никто не таится, а онъ все и подслушиваетъ.

Наконецъ, недѣли черезъ полторы, директорша отдала визитъ Варварѣ. Пріѣхала съ мужемъ, въ будень, въ четыре часа, нарядная, любезная, благоухающая сладкою фіалкою,—и совсѣмъ неожиданно для Передоновыхъ: тѣ ждали Хрипачей почему-то въ праздникъ, да пораньше. Переполошились. Варвара была въ кухнѣ, полуодѣтая, грязная. Она метнулась одѣваться, а Передоновъ принималъ гостей, и казался только-что разбуженнымъ.

— Варвара сейчасъ,—бормоталъ онъ,—она одѣвается. Она стряпала. У насъ прислуга новая, не умѣетъ по-нашему, дура набитая.

Скоро вышла и Варвара, съ краснымъ, испуганнымъ лицомъ, кое-какъ одѣтая. Она сунула гостямъ потную, грязноватую руку, и дрожащимъ отъ волненія голосомъ заговорила:

— Ужъ извините, что заставила ждать,—не знали, что вы въ будни пожалуете.

— Я рѣдко выѣзжаю въ праздникъ,—сказала госпожа Хрипачъ,—пьяные на улицахъ. Пусть прислуга имѣетъ себѣ этотъ день.

Разговоръ кое-какъ завязался, и любезность директорши немного ободрила Варвару. Директорша обошлась съ Варварою слегка презрительно, но ласково,—какъ съ раскаявшеюся грѣшницею, которую надо приласкать, но о которую все еще можно запачкаться. Она сдѣлала Варварѣ нѣсколько наставленій, какъ бы мимоходомъ,—объ одеждѣ, обстановкѣ.

Варвара старалась угодить директоршѣ, и дрожь испуга не оставляла ея красныхъ рукъ и потрескавшихся губъ. Директоршу это стѣсняло. Она старалась быть еще любезнѣе, но невольная гадливость одолѣвала ее. Всѣмъ своимъ обращеніемъ она давала понять Варварѣ, что близкое знакомство между ними не установится. Но такъ какъ дѣлалось это совсѣмъ любезно, то Варвара не поняла, и возмнила, что онѣ съ директоршею будутъ большими пріятельницами.

Хрипачъ имѣлъ видъ человѣка, который попалъ не въ свое мѣсто, но ловко и мужественно скрываетъ это. Отъ мадеры онъ отказался: онъ не привыкъ въ этотъ часъ пить вино. Разговаривалъ о городскихъ новостяхъ, о предстоящихъ перемѣнахъ въ составѣ окружного суда. Но слишкомъ замѣтно было, что онъ и Передоновъ вращаются въ здѣшнемъ обществѣ въ различныхъ кругахъ.

Сидѣли недолго.

Варвара обрадовалась, когда они ушли: и были, и ушли скоро. Она радостно говорила, снова раздѣваясь:

— Ну, слава Богу, ушли. А то я и не знала, что и говорить-то съ ними. Что значитъ, какъ мало-то знакомые люди,—не знаешь, съ какой стороны къ нимъ и подъѣхать.

Вдругъ она вспомнила, что Хрипачи, прощаясь, не звали ихъ бывать у себя. Это ее смутило сначала, но потомъ она смекнула:

— Карточку пришлютъ, съ расписаніемъ, когда ходить. У этихъ господъ на все свое время. Вотъ теперь бы мнѣ надо по-французски насобачиться, а то я по-французски ни бе, ни ме.

Возвращаясь домой, директорша сказала мужу:

— Она—жалкая и безнадежно-низменная; съ нею никакъ невозможно быть въ равныхъ отношеніяхъ. Въ ней ничто не корреспондируетъ ея положенію.

Хрипачъ отвѣтилъ:

— Она вполнѣ корреспондируетъ мужу. Жду съ нетерпѣніемъ, когда его отъ насъ возьмутъ.

Послѣ свадьбы Варвара, съ радости, стала выпивать,—особенно часто съ Грушиною. Разъ, подъ хмѣлькомъ, когда у нея сидѣла Преполовенская, Варвара проболталась о письмѣ. Всего не разсказала, а намекнула довольно ясно. Хитрой Софьѣ и того было довольно,—ее вдругъ словно осѣнило.—И какъ сразу не догадаться было!—мысленно пеняла она себѣ.

По секрету разсказала она про подлѣлку писемъ Вершиной,—и отъ той пошло по всему городу.

Преполовенская при встрѣчахъ съ Передоновымъ не могла не посмѣяться надъ его довѣрчивостью. Она говорила:

— Ужъ очень вы просты, Ардальонъ Борисычъ.

— Вовсе я не простъ, — отвѣчалъ онъ, — я кандидатъ университета.

— Вотъ и кандидатъ, а ужъ кто захочетъ, тотъ сумѣетъ васъ обмишулить.

— Я самъ всякаго обмишулю,—спорилъ Передоновъ.

Преполовенская хитро улыбалась и отходила. Передоновъ тупо недоумѣвалъ,—съ чего это она? Со зла!—думалъ онъ,—всѣ-то ему враги.

И онъ показывалъ вслѣдъ ей кукишъ.

Ничего не возьмешь,—думалъ онъ, утѣшая себя.

Но страхъ томилъ...

Этихъ намековъ Преполовенской казалось мало. Сказать же ему словами правду она не хотѣла. Зачѣмъ ссориться съ Варварою? Время отъ времени она посылала Передонову анонимныя письма, гдѣ намеки были яснѣе. Но Передоновъ понялъ ихъ превратно.

Софья писала ему однажды:

„Та княгиня, что вамъ писала письма, поищите, не здѣсь ли живетъ“.

Передоновъ подумалъ, что, вѣрно, княгиня сама пріѣхала сюда за нимъ слѣдить. Видно, думалъ онъ, втюрилась въ меня, хочетъ отбить у Варвары.

И ужасали и сердили эти письма Передонова. Онъ приступалъ къ Варварѣ:

— Гдѣ княгиня? Говорятъ, она сюда пріѣхала.

Варвара, мстя за прежнее, мучила его недомолвками, издѣвочками, трусливыми, злыми изворотами. Нагло ухмыляясь, она говорила невѣрнымъ голосомъ, какъ говорятъ, когда завѣдомо лгутъ, безъ надежды на довѣріе:

— Почемъ же я знаю, гдѣ теперь живетъ княгиня!

— Врешь, знаешь!—въ ужасѣ говорилъ Передоновъ.

Онъ не понималъ, чему надо вѣрить,—смыслу ли ея словъ, или выдающему ложь звуку ея голоса,—и это, какъ все для него непонятное, наводило на него ужасъ. Варвара возражала:

— Ну, вотъ еще! можетъ быть, и уѣхала куда изъ Питера,—она вѣдь у меня не спрашивается.

— А можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, сюда пріѣхала?—робко спрашивалъ Передоновъ.

— Можетъ быть, и сюда пріѣхала,—поддразнивающимъ голосомъ говорила Варвара. — Въ тебя втюрилась, пріѣхала полюбоваться.

Передоновъ восклицалъ:

— Врешь! да неужто втюрилась?

Варвара злорадно смѣялась.

Съ тѣхъ поръ Передоновъ сталъ внимательно смотрѣть, не увидитъ ли гдѣ княгини. Иногда ему казалось, что она заглядываетъ въ окошко, въ дверь, подслушиваетъ, шушукается съ Варварою.

Время шло, а выжидаемая день за днемъ бумага о назначеніи инспекторомъ все не приходила. И частныхъ свѣдѣній о мѣстѣ никакихъ не было. Справиться у самой княгини Передоновъ не смѣлъ,—Варвара постоянно пугала его тѣмъ, что она знатная. И ему казалось, что если бы онъ самъ вздумалъ къ ней писать, то вышли бы очень большія непріятности. Онъ не зналъ, что именно могли съ нимъ сдѣлать по княгининой жалобѣ, но это-то и было особенно страшно. Варвара говорила:

— Развѣ не знаешь аристократовъ? Жди,—сами сдѣлаютъ, что надо. А напоминать будешь,—обидятся, хуже будетъ. У нихъ гонору-то сколько! они гордые, они любятъ, чтобы имъ вѣрили.

И Передоновъ пока еще вѣрилъ. Но злобился на княгиню. Иногда думалъ онъ даже, что и княгиня доноситъ на него, чтобы избавиться отъ своихъ обѣщаній. Или потому доноситъ, что злится: онъ повѣнчался съ Варварою, а княгиня сама въ него влюблена. Потому, думалъ онъ, она и окружила его соглядатаями, которые всюду слѣдятъ за нимъ, обступили его такъ, что ужъ нѣтъ ему ни воздуха, ни свѣта. Не даромъ она знатная. Все можетъ, что захочетъ.

Со злости онъ лгалъ на княгиню несообразныя вещи. Разсказывалъ Рутилову да Володину, что былъ прежде ея любовникомъ, и она ему платила большія деньги.

— Только я ихъ пропилъ. Куда мнѣ ихъ къ дьяволу! Она еще мнѣ обѣщала пенсію по гробъ жизни платить, да надула.

— А ты бы бралъ?—хихикая, спросилъ Рутиловъ.

Передоновъ промолчалъ, не понялъ вопроса, а Володинъ отвѣтилъ за него солидно и разсудительно:

— Отчего же не брать, если она богатая? Она изволила пользоваться удовольствіями, такъ должна и платить за это.

— Добро бы красавица!—тоскливо говорилъ Передоновъ,—рябая, курносая. Только что платила хорошо, а то бы и плюнуть на нее, чертовку, не захотѣлъ. Она должна исполнить мою просьбу.

— Да ты врешь, Ардальонъ Борисычъ,— сказалъ Рутиловъ.

— Ну вотъ, вру. А что она платила-то мнѣ, даромъ, что ли? Она ревнуетъ къ Варварѣ, потому мнѣ и мѣста не даетъ такъ долго.

Передоновъ не испытывалъ стыда, когда разсказывалъ, будто-бы княгиня платила ему. Володинъ былъ довѣрчивымъ слушателемъ, и не замѣчалъ нелѣпостей и противорѣчій въ его разсказахъ. Рутиловъ возражалъ, но думалъ, что безъ огня дыма не бываетъ: что-то, думалъ онъ, было между Передоновымъ и княгинею.

— Она старѣе поповой собаки, — говорилъ Передоновъ убѣжденно, какъ нѣчто дѣльное. — Только вы, смотрите, никому не болтайте,—до нея дойдетъ, худо будетъ. Она мажется, и поросячью молодость себѣ въ жилы пускаетъ. И не узнаешь, что старая. А ужъ ей сто лѣтъ.

Володинъ качалъ головою и причмокивалъ. Онъ всему вѣрилъ.

Случилось, что на другой день послѣ такого разговора Передонову пришлось въ одномъ классѣ читать Крыловскую басню Лжецъ. И нѣсколько дней подрядъ съ тѣхъ поръ онъ боялся ходить черезъ мостъ,—бралъ лодку, и переѣзжалъ,—а мостъ, пожалуй, еще провалится. Онъ объяснилъ Володину:

— Про княгиню я правду говорилъ, только вдругъ онъ не повѣритъ, да и провалится къ чорту.

XXV.

Слухи о поддѣльныхъ письмахъ расходились по городу. Разговоры объ этомъ занимали горожанъ, и радовали. Почти всѣ хвалили Варвару, и радовались тому, что Передоновъ одураченъ.

И всѣ тѣ, кто видѣлъ письма, въ голосъ увѣряли, что догадались сразу.

Особенно велико было злорадство въ домѣ у Вершиной: Марта, хотя и выходила за Мурина, все же была отвергнута Передоновымъ; Вершина хотѣла бы взять Мурина себѣ, а должна была уступить его Мартѣ; Владя имѣлъ свои ощутительныя причины ненавидѣть Передонова и радоваться его неудачѣ. Хотя и досадно ему было, что Передоновъ еще остается въ гимназіи, но эту досаду перевѣшивала радость, что Передонову носъ. Къ тому же въ послѣдніе дни между гимназистами держался упорный слухъ, будто директоръ донесъ попечителю учебнаго округа, что Передоновъ сошелъ съ ума, и будто скоро пришлютъ его свидѣтельствовать, и затѣмъ уберутъ изъ гимназіи.

При встрѣчахъ съ Варварою знакомые, съ грубыми шутками, съ наглымъ подмигиваніемъ, заговаривали болѣе или менѣе прямо объ ея продѣлкѣ. Она ухмылялась нахально, не подтверждала, но и не спорила.

Иные намекали Грушиной, что знаютъ объ ея участіи въ поддѣлкѣ. Она испугалась и пришла къ Варварѣ съ упреками, зачѣмъ разболтала. Варвара сказала ей, ухмыляясь:

— Что вы петрушку валяете, я никому и не думала говорить.

— Отъ кого же всѣ узнали? — запальчиво спросила Грушина.—Я-то ужъ никому не скажу, не такая дура.

— И я никому не говорила,—нагло утверждала Варвара.

— Вы мнѣ письмо отдайте, — потребовала Грушина,—а то начнетъ разбирать, такъ и по почерку признаетъ, что поддѣльное.

— Ну и пусть узнаетъ!—сказала досадливо Варвара,—стану я на дурака смотрѣть.

Грушина сверкала своими разными глазами, и кричала:

— Вамъ хорошо говорить, вы свое получили, а меня изъ-за васъ въ тюрьму посадятъ! Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а письмо мнѣ отдайте. А то вѣдь и развѣнчать можно.

— Ну, ужъ это ахъ! оставьте,—нагло подбочась, отвѣчала Варвара,—ужъ теперь хоть на площади публикуй, вѣнецъ не свалится.

— Ничего не оставьте!—кричала Грушина,—такого нѣтъ закона—обманомъ вѣнчать. Если Ардальонъ Борисычъ все дѣло по начальству пуститъ, до сената, такъ и разведутъ.

Варвара испугалась и сказала:

— Да чего злитесь,—достану вамъ письмо. Нечего бояться,—я васъ не выдамъ. Развѣ я такая скотина? Душа-то и у меня есть.

— Ну, какая тамъ душа!—грубо сказала Грушина,—что у пса, что у человѣка, одинъ паръ, а души нѣтъ. Пока жилъ, пока и былъ.

Варвара рѣшилась украсть письмо, хоть это было и трудно. Грушина торопила. Одна была надежда—вытащить письмо у Передонова, когда онъ будетъ пьянъ. А пилъ онъ много. Нерѣдко и въ гимназію являлся на-веселѣ, и велъ рѣчи безстыдныя, вселявшія отвращеніе даже въ самыхъ злыхъ мальчишкахъ.

Однажды Передоновъ вернулся изъ билліардной пьянѣе обыкновеннаго: спрыскивали новые шары. Но съ бумажникомъ все не разставался,—кое-какъ раздѣвшись, сунулъ его себѣ подъ подушку.

Онъ спалъ безпокойно, но крѣпко, и бре-

дилъ,—и слова въ его бреду всѣ были о чемъ-то страшномъ и безобразномъ. На Варвару они наводили жуткій страхъ.

— Ну да ничего,—подбадривала она себя,—только бы не проснулся.

Она пыталась разбудить его, потолкала,—онъ что-то пробормоталъ, громко чертыхнулся, но не проснулся.

Варвара зажгла свѣчку, и поставила ее такъ, чтобы свѣтъ не падалъ въ глаза Передонову. Цѣпенѣя отъ страха, она встала съ постели, и осторожно полѣзла подъ подушку къ Передонову. Бумажникъ лежалъ близко, но долго выскользалъ изъ-подъ пальцевъ. Свѣча горѣла тускло. Огонь ея колебался. По стѣнамъ, по кровати пробѣгали боязливыя тѣни,—шмыгали злые чертики. Воздухъ былъ душенъ и неподвиженъ. Пахло перегорѣлою водкою. Храпъ и пьяный бредъ наполняли всю спальню. Вся горница была, какъ овеществленный бредъ.

Трепетными руками вынула Варвара письмо, и сунула бумажникъ на прежнее мѣсто.

Утромъ Передоновъ хватился письма, не нашелъ его, испугался и закричалъ:

— Гдѣ письмо, Варя?

Варвара, жестоко труся, но скрывая это, сказала:

— Почемъ же я знаю, Ардальонъ Борисычъ? Ты всѣмъ показываешь, вотъ, должно быть, гдѣ-нибудь и выронилъ. Или вытащили. Друзей-то пріятелей у тебя много, съ которыми ты по ночамъ бражничаешь.

Передоновъ думалъ, что письмо украли его враги, всего скорѣе Володинъ. Теперь Володинъ держитъ письмо, а потомъ заберетъ въ свои

когти и всѣ бумаги, и назначеніе, и поѣдетъ въ инспекторы, а Передоновъ останется здѣсь горькимъ босякомъ.

Передоновъ рѣшилъ защищаться. Онъ каждый день составлялъ по доносу на своихъ враговъ: Вершину, Рутиловыхъ, Володина, сослуживцевъ, которые, казалось ему, мѣтили на то же самое мѣсто. По вечерамъ онъ относилъ эти доносы къ Рубовскому.

Жандармскій офицеръ жилъ на видномъ мѣстѣ, на площади, близъ гимназіи. Изъ оконъ своихъ многіе примѣчали, какъ Передоновъ входилъ къ жандармскому черезъ ворота. А Передоновъ думалъ,—никому невдомекъ. Вѣдь онъ же не даромъ носитъ доносы по вечерамъ, и съ чернаго хода, черезъ кухню. Бумагу онъ держалъ подъ полою. Сразу было замѣтно, что онъ держитъ что-то. Если приходилось вынуть руку, поздороваться, онъ прихватывалъ бумагу подъ пальто лѣвою рукою, и думалъ, что никто не можетъ догадаться. Встрѣчные если спрашивали его, куда идетъ, онъ имъ лгалъ, весьма неискусно, но самъ былъ доволенъ своими неловкими выдумками.

Рубовскому онъ объяснялъ:

— Все предатели. Прикидываются друзьями, хотятъ вѣрнѣе обмануть. А того не думаютъ, что я обо всѣхъ ихъ знаю такого, что имъ и въ Сибири мѣста мало.

Рубовскій слушалъ его молча. Первый доносъ, явно нелѣпый, онъ переслалъ директору, такъ дѣлалъ и съ нѣкоторыми другими. Иные оставлялъ, на случай чего. Директоръ написалъ попечителю, что Передоновъ обнаруживаетъ явные признаки душевнаго угнетенія.

Дома Передоновъ постоянно слышалъ шорохи, непрерывные, докучливые, насмѣшливые. Онъ тоскливо говорилъ Варварѣ:

— Кто-то тамъ на цыпочкахъ ходитъ, соглядатаи вездѣ у насъ толкутся. Ты, Варька, меня не бережешь.

Варвара не понимала, что значитъ бредъ Передонова. То издѣвалась, то трусила. Говорила злобно и трусливо:

— Съ пьяныхъ глазъ нивѣсть что мерещится.

Дверь въ переднюю казалась Передонову особенно подозрительною. Она не затворялась плотно. Щель между ея половинами намекала на что-то, таящееся внѣ. Не валетъ ли тамъ подсматриваетъ? Чей-то глазъ сверкалъ, злой и острый.

Котъ слѣдилъ повсюду за Передоновымъ широко-зелеными глазами. Иногда онъ подмигивалъ, иногда страшно мяукалъ. Видно было сразу, что онъ хочетъ подловить въ чемъ-то Передонова, да только не можетъ, и потому злится. Передоновъ отплевывался отъ него, но котъ не отставалъ.

Недотыкомка бѣгала подъ стульями и по угламъ, и повизгивала. Она была грязная, вонючая, противная и страшная. Уже ясно было, что она враждебна Передонову, и прикатилась именно для него, а что раньше никогда и нигдѣ не было ея. Сдѣлали ее,—и наговорили. И вотъ живетъ она, ему на страхъ и на погибель, волшебная, многовидная,—слѣдитъ за нимъ, обманываетъ, смѣется,—то по полу катается, то прикинется тряпкою, лентою, вѣткою, флагомъ, тучкою, собачкою, столбомъ пыли на улицѣ, и вездѣ ползетъ и бѣжитъ за Передоновымъ,—измаяла,

истомила его зыбкою своею пляскою. Хоть бы кто-нибудь избавилъ, словомъ какимъ, или ударомъ наотмашь. Да нѣтъ здѣсь друзей, никто не придетъ спасать, надо самому исхитриться, пока не погубила его ехидная.

Передоновъ придумалъ средство: намазалъ весь полъ клеемъ, чтобы недотыкомка прилипла. Прилипали подошвы у сапогъ да подолы у Варвариныхъ платьевъ, а недотыкомка каталась свободно, и визгливо хохотала. Варвара злобно ругалась.

Надъ Передоновымъ неотступно господствовали навязчивыя представленія о преслѣдованіи, и ужасали его. Онъ все болѣе погружался въ міръ дикихъ грезъ. Это отразилось и на его лицѣ: оно стало неподвижною маскою ужаса.

Уже по вечерамъ нынче Передоновъ не ходилъ играть на билліардѣ. Послѣ обѣда онъ запирался въ спальнѣ, дверь загромождалъ вещами, — стулъ на столъ, — старательно заграждался крестами и чураньемъ, и садился писать— доносы на всѣхъ, кого только вспомнитъ. Писалъ доносы не только на людей, но и на карточныхъ дамъ. Напишетъ,—и сейчасъ несетъ жандармскому офицеру. И такъ проводилъ онъ каждый вечеръ.

Вездѣ передъ глазами у Передонова ходили карточныя фигуры, какъ живыя,—короли, крали, хлапы. Ходили даже мелкія карты. Это—люди со свѣтлыми пуговицами: гимназисты, городовые. Тузъ—толстый, съ выпяченнымъ пузомъ, почти одно только пузо. Иногда карты обращались въ людей знакомыхъ. Смѣшивались живые люди и эти странные оборотни.

Передоновъ былъ увѣренъ, что за дверью

стоитъ и ждетъ валетъ, и что у валета есть какая-то сила и власть,—вродѣ какъ у городового, — можетъ куда-то отвести, въ какой-то страшный участокъ. А подъ столомъ сидитъ недотыкомка. И Передоновъ боялся заглянуть подъ столъ или за дверь.

Вертлявые мальчишки-восьмерки дразнили Передонова, — это были оборотни-гимназисты. Они поднимали ноги страннымъ, неживымъ движеніемъ, какъ ножки у циркуля, но только ноги у нихъ были косматыя, съ копытцами. Вмѣсто хвостовъ у нихъ росли розги, мальчишки помахивали ими со свистомъ, и сами взвизгивали при каждомъ взмахѣ. Недотыкомка изъ подъ стола хрюкала, смѣючись на забавы этихъ восьмерокъ.

Передоновъ съ злобою думалъ, что къ какому-нибудь начальнику недотыкомка не посмѣла бы забраться.

«Не пустятъ, небось», — завистливо думалъ онъ,—«лакеи швабрами заколошматятъ».

Наконецъ Передоновъ не вытерпѣлъ ея злобнаго и нахально-визгливаго смѣха. Онъ принесъ изъ кухни топоръ, и разрубилъ столъ, подъ которымъ недотыкомка пряталась. Недотыкомка пискнула жалобно и злобно, метнулась изъ-подъ стола, и укатилась. Передоновъ дрогнулъ.

«Укуситъ!» — подумалъ онъ, завизжалъ отъ ужаса, и присѣлъ. Но недотыкомка скрылась мирно. Не надолго...

Иногда Передоновъ бралъ карты, и со свирѣпымъ лицомъ раскалывалъ перочиннымъ ножикомъ головы карточнымъ фигурамъ. Особенно дамамъ. Рѣжучи королей, онъ озирался, чтобы не увидѣли и не обвинили въ политическомъ преступленіи. Но и такія расправы помогали

ненадолго. Приходили гости, покупались карты, и въ новыя карты вселялись опять злые соглядатаи.

Уже Передоновъ началъ считать себя тайнымъ преступникомъ. Онъ вообразилъ, что еще со студенческихъ лѣтъ состоитъ подъ полицейскимъ надзоромъ. Потому-то, соображалъ онъ, за нимъ и слѣдятъ. Это и ужасало и надмевало его.

Вѣтеръ шевелилъ обои. Они шуршали тихимъ, зловѣщимъ шелестомъ, и легкія полутѣни скользили по ихъ пестрымъ узорамъ. „Соглядатай прячется тамъ, за этими обоями",—думалъ Передоновъ.

„Злые люди!—думалъ онъ, тоскуя,—недаромъ, они наложили обои на стѣну такъ неровно, такъ плохо, что за нихъ могъ влѣзть и прятаться злодѣй изворотливый, плоскій и терпѣливый. Вѣдь были и раньше такіе примѣры".

Смутныя воспоминанія шевельнулись въ его головѣ. Кто-то прятался за обоями, кого-то закололи не то кинжаломъ, не то шиломъ.

Передоновъ купилъ шило. И когда онъ вернулся домой, обои шевельнулись неровно и тревожно,—соглядатай чуялъ опасность, и хотѣлъ бы, можетъ быть, проползти куда-нибудь подальше. Мракъ метнулся, прыгнулъ на потолокъ, и оттуда угрожалъ и кривлялся.

Злоба закипѣла въ Передоновѣ. Онъ стремительно ударилъ шиломъ въ обои. Содроганіе пробѣжало по стѣнѣ. Передоновъ торжествуя завылъ и принялся плясать, потрясая шиломъ. Вошла Варвара.

— Что ты пляшешь одинъ, Ардальонъ Борисычъ?—спросила она, ухмыляясь, какъ всегда тупо и нахально.

— Клопа убилъ,—угрюмо объяснилъ Передоновъ.

Глаза его сверкали дикимъ торжествомъ. Одно только было нехорошо: скверно пахло. Гнилъ и вонялъ за обоями заколотый соглядатай. Ужасъ и торжество сотрясали Передонова:— убилъ врага!

Ожесточилось сердце его до конца въ этомъ убійствѣ. Несвершенное убійство,—но для Передонова оно было, что убійство совершенное. Безумный ужасъ въ немъ выковалъ готовность къ преступленію, — и несознаваемое, темное, таящееся въ низшихъ областяхъ душевной жизни представленіе будущаго убійства, томительный зудъ къ убійству, состояніе первобытной озлобленности угнетало его порочную волю. Еще скованное, — много поколѣній легло на древняго Каина,—оно находило себѣ удовлетвореніе и въ томъ, что онъ ломалъ и портилъ вещи, рубилъ топоромъ, рѣзалъ ножемъ, срубалъ деревья въ саду, чтобы не выглядывалъ изъ-за нихъ соглядатай. И въ разрушеніи вещей веселился древній демонъ, духъ довременнаго смѣшенія, дряхлый хаосъ, между тѣмъ, какъ дикіе глаза безумнаго человѣка отражали ужасъ, подобный ужасамъ предсмертныхъ чудовищныхъ мукъ.

И все тѣ же и тѣ же иллюзіи повторялись и мучили его.

Варвара, тѣшась надъ Передоновымъ, иногда прокрадывалась къ дверямъ той горницы, гдѣ сидѣлъ Передоновъ, и оттуда говорила чужими голосами. Онъ ужасался, подходилъ тихонько, чтобы поймать врага,—и находилъ Варвару.

— Съ кѣмъ ты тутъ шушукалась?—тоскливо спрашивалъ онъ.

Варвара ухмылялась и отвѣчала:

— Да тебѣ, Ардальонъ Борисычъ, кажется.

— Не все же кажется,—тоскливо бормоталъ Передоновъ,—есть же и правда на свѣтѣ.

Да, вѣдь и Перодоновъ стремился къ истинѣ, по общему закону всякой сознательной жизни, и это стремленіе томило его. Онъ и самъ не сознавалъ, что тоже, какъ и всѣ люди, стремится къ истинѣ, и потому смутно было его безпокойство. Онъ не могъ найти для себя истины, и запутался, и погибалъ.

Уже и знакомые стали дразнить Передонова обманомъ. Съ обычною въ нашемъ городѣ грубостью къ слабымъ говорили объ этомъ обманѣ при немъ.

Преполовенская съ лукавою усмѣшечкою спрашивала:

— Что же это вы, Ардальонъ Борисычъ, все еще на ваше инспекторское мѣсто не ѣдете?

Варвара за него отвѣчала Преполовенской со сдержанною злобою:

— Вотъ получимъ бумагу и поѣдемъ.

На Передонова эти вопросы нагоняли тоску.

„Какъ же я могу жить, если мнѣ не даютъ мѣста?“—думалъ онъ.

Онъ замышлялъ все новые планы защиты отъ враговъ. Укралъ изъ кухни топоръ и припряталъ его подъ кроватью. Купилъ шведскій ножъ и всегда носилъ его съ собою въ карманѣ. Постоянно замыкался. На ночь ставилъ капканы вокругъ дома, да и въ горницахъ, а потомъ осматривалъ ихъ.

Эти капканы были, конечно, сооружены такъ, что никто въ нихъ не могъ попасться: они

ущемляли, но не удерживали, и съ ними можно было уйти. У Передонова не было ни техническихъ познаній, ни смѣтливости. Видя каждое утро, что никто не попался, Передоновъ думалъ, что его враги испортили капканы. Это его опять страшило.

Особенно внимательно Передоновъ слѣдилъ за Володинымъ. Нерѣдко онъ приходилъ къ Володину, когда зналъ, что того нѣтъ дома,— и шарилъ, не захвачены ли имъ какія-нибудь бумаги.

Передоновъ началъ догадываться, чего хочетъ княгиня,—чтобы онъ опять полюбилъ ее. Ему отвратительна она, дряхлая.

„Вѣдь ей полтораста лѣтъ“, — злобно думалъ онъ.

„Да, старая,—думалъ онъ,—зато вотъ какая сильная“. И отвращеніе сплеталось съ прельщеніемъ. Чуть тепленькая, трупцемъ попахиваетъ, представлялъ себѣ Передоновъ, и замиралъ отъ дикаго сладострастія.

„Можетъ быть, можно съ нею сойтись, и она смилуется. Не написать ли ей письмо?“

И на этотъ разъ Передоновъ, не долго думая, сочинилъ письмо княгинѣ. Онъ писалъ:

„Я люблю васъ, потому что вы холодная и далекая. Варвара потѣетъ, съ нею жарко спать, несетъ, какъ изъ печки. Я хочу имѣть любовницу холодную и далекую. Пріѣзжайте и соотвѣтствуйте“.

Написалъ, послалъ, — и раскаялся. „Что-то изъ этого выйдетъ? Можетъ быть, нельзя было писать,—думалъ онъ,—надо было ждать, когда княгиня сама пріѣдетъ.

Такъ случайно вышло это письмо, какъ и

многое Передоновъ случайно дѣлалъ, — какъ трупъ, движимый внѣшними силами, и какъ будто этимъ силамъ нѣтъ охоты долго возиться съ нимъ: поиграетъ одна, да и броситъ другой.

Скоро недотыкомка опять появилась, — она подолгу каталась вокругъ Передонова, какъ на арканѣ, и все дразнила его. И уже она была беззвучна и смѣялась только дрожью всего тѣла. Но она вспыхивала тускло-золотыми искрами, злая, безстыжая,—грозила и горѣла нестерпимымъ торжествомъ. И котъ грозилъ Передонову, сверкалъ глазами, и мяукалъ дерзко и грозно.

„Чему они радуются?"—тоскливо подумалъ Передоновъ и вдругъ понялъ, что конецъ приближается, что княгиня уже здѣсь, близко, совсѣмъ близко.

Быть можетъ, въ этой колодѣ картъ.

Да, несомнѣнно, она—пиковая или червонная дама. Можетъ быть, она прячется и въ другой колодѣ, или и за другими картами, а какая она,— неизвѣстно. Бѣда въ томъ, что Передоновъ никогда ее не видѣлъ. Спросить у Варвары — не стоитъ—совретъ.

Наконецъ Передоновъ придумалъ сжечь всю колоду. Пусть всѣ горятъ. Если онѣ лѣзутъ ему на зло въ карты, такъ сами будутъ виноваты.

Передоновъ улучилъ время, когда Варвары не было, и печка въ залѣ топилась,—и бросилъ карты, цѣлую игру, въ печку.

Съ трескомъ развернулись невиданные, блѣдно-красные цвѣты,—и горѣли, обугливаясь по краямъ. Передоновъ смотрѣлъ въ ужасѣ на эти пламенные цвѣты.

Карты коробились, перегибались, двигались, словно хотѣли выскочить изъ печки. Передо

новъ схватилъ кочергу, и колотилъ по картамъ. Посыпались во всѣ стороны мелкія, яркія искры,— и вдругъ, въ яркомъ и зломъ смятеніи искръ поднялась изъ огня княгиня, маленькая, пепельно-сѣрая женщина, вся осыпанная потухающими огоньками: она пронзительно вопила тонкимъ голоскомъ, шипѣла и плевала на огонь.

Передоновъ повалился навзничь, и завылъ отъ ужаса. Мракъ обнялъ его, щекоталъ и смѣялся воркочущими голосами.

XXVI.

Саша былъ очарованъ Людмилою, но что-то мѣшало ему говорить о ней съ Коковкиною. Словно стыдился.

И уже сталъ иногда бояться ея приходовъ. Сердце его замирало, и брови невольно хмурились, когда онъ увидитъ подъ окномъ ея быстро мелькавшую розово-желтую шляпу. А все-таки ждалъ ее съ тревогою и нетерпѣніемъ,—тосковалъ, если она долго не приходила. Противорѣчивыя чувства смѣшались въ его душѣ, чувства темныя, неясныя,—порочныя, потому что раннія,—и сладкія, потому что порочныя.

Людмила не была ни вчера, ни сегодня. Саша истомился ожиданіемъ, и уже пересталъ ждать. И вдругъ она пришла. Онъ засіялъ, бросился цѣловать ея руки.

— Ну, провалились,—выговаривалъ онъ ей ворчливо,—двое сутокъ васъ не видать.

Она смѣялась и радовалась, и сладкій, томный и пряный запахъ японской функіи разливался отъ нея, словно струился отъ ея темно-русыхъ кудрей.

Людмила и Саша пошли гулять за городъ. Звали Коковкину,—не пошла:

— Гдѣ ужъ мнѣ, старухѣ, гулять,—сказала она,—только вамъ ноги путать буду. Ужъ гуляйте одни.

— А мы шалить будемъ,—смѣялась Людмила.

Теплый воздухъ, грустный, неподвижный, ласкалъ и напоминалъ о невозвратномъ. Солнце, какъ больное, тускло горѣло и багровѣло на блѣдномъ, усталомъ небѣ. Сухіе листья на темной землѣ покорные лежали, мертвые...

Людмила и Саша спустились въ оврагъ. Тамъ было прохладно, свѣжо, почти сыро,—изнѣженная осенняя усталость царила между его отѣненными склонами.

Людмила шла впереди. Она приподняла юбку. Открылись маленькіе башмаки и чулки тѣльнаго цвѣта. Саша смотрѣлъ внизъ, чтобы не запнуться за корни, и увидѣлъ чулки. Ему показалось, что башмаки надѣты безъ чулокъ. Стыдливое и страстное чувство поднялось въ немъ. Онъ загорѣлся. Голова закружилась.

Упасть бы, словно невзначай, къ ея ногамъ,—мечталъ онъ,—стащить бы ея башмакъ, поцѣловать бы нѣжную ногу.

Людмила словно почуяла на себѣ Сашинъ жаркій взоръ, его нетерпѣливое желаніе. Она, смѣючись, повернулась къ Сашѣ.

— На мои чулки смотришь? — спросила она.

— Нѣтъ, я такъ,—смущенно пробормоталъ Саша.

— Ахъ, у меня такіе чулки, — хохоча и не слушая его, говорила Людмила,—ужасно какіе! Можно подумать, что я на босыя ноги башмаки

надѣла,—совсѣмъ тѣльнаго цвѣта. Не правда ли, ужасно смѣшные чулки?

Она повернулась къ Сашѣ лицомъ, и приподняла край платья.

— Смѣшные?—спросила она.

— Нѣтъ, красивые,—сказалъ Саша, красный отъ смущенія.

Людмила съ притворнымъ удивленіемъ приподняла брови, и воскликнула:

— Скажите, пожалуйста, туда же красоту разбирать!

Людмила засмѣялась и пошла дальше. Саша сгорая отъ смущенія, неловко брелъ за нею и поминутно спотыкался.

Перебрались черезъ оврагъ. Сѣли на сломанный вѣтромъ березовый стволъ. Людмила сказала:

— А песку-то сколько набилось въ башмаки,—итти не могу.

Она сняла башмаки, вытряхнула песокъ, лукаво глянула на Сашу.

— Красивая ножка? — спросила она.

Саша покраснѣлъ пуще, и уже не зналъ, что сказать.

Людмила стащила чулокъ.

— Бѣленькая ножка? — спросила она опять, странно и лукаво улыбаясь. — На колѣни! цѣлуй!—строго сказала она, и побѣдительная жестокость легла на ея лицо.

Саша проворно опустился на колѣни, и поцѣловалъ Людмилину ногу.

— А безъ чулокъ пріятнѣе, — сказала Людмила, спрятала чулки въ карманъ и всунула ноги въ башмаки.

И лицо ея стало опять спокойно и весело, словно Саша и не склонялся сейчасъ передъ нею, нагія лобзая у нея стопы. Саша спросилъ:

— Милая, а ты не простудишься?

Нѣжно и трепетно звучалъ его голосъ. Людмила засмѣялась.

— Вотъ еще,—я привыкла,—я не такая нѣженка.

Однажды Людмила пришла подъ вечеръ къ Коковкиной, и позвала Сашу:

— Пойдемъ ко мнѣ новую полочку вѣшать.

Саша любилъ вбивать гвозди, и какъ-то обѣщалъ Людмилѣ помочь ей въ устройствѣ ея обстановки. И теперь согласился, радуясь, что есть невинный предлогъ итти съ Людмилою и къ Людмилѣ. И невинный, кисленькій запахъ extra-muguet, вѣявшій отъ зеленоватаго Людмилина платья, нѣжно успокаивалъ его.

Для работы Людмила переодѣлась за ширмою и вышла къ Сашѣ въ короткой, хоть и нарядной юбочкѣ, съ открытыми руками, въ башмакахъ, надѣтыхъ на голыя ноги, и надушенная сладкою, томною и пряною японскою функіей.

— Ишь ты, какая нарядная!—сказалъ Саша.

— Ну, да, нарядная. Видишь,—сказала Людмила, усмѣхаясь на свои башмаки,—босыя ноги,—выговорила она эти слова со стыдливо-задорною растяжечкою.

Саша пожалъ плечьми и сказалъ:

— Ужъ ты всегда нарядная. Ну что жъ, начнемте вбивать. Гвоздики-то у васъ есть?—спросилъ онъ озабоченно.

— Погоди немножечко, — отвѣтила Людмила,—посиди со мною хоть чуть, а то словно

только по дѣлу и ходишь, а ужъ со мною и поговорить скучно.

Саша покраснѣлъ.

— Милая Людмилочка, — нѣжно сказалъ онъ,—да я съ вами сколько хотите сидѣлъ бы, пока бы не прогнали, а только уроки учить надо.

Людмила легонько вздохнула и медленно промолвила:

— Ты все хорошаешь, Саша.

Саша зардѣлся, засмѣялся, высовывая трубочкою кончикъ языка.

— Придумаете тоже,—сказалъ онъ,—нешто я барышня, чего мнѣ хорошать!

— Лицо прекрасное, а то-то тѣло! Покажь хоть до пояса, — ласкаясь къ Сашѣ, просила Людмила и обняла его за плечо.

— Ну вотъ еще, выдумали!—стыдливо и досадливо сказалъ Саша.

— А что жъ такое?– безпечнымъ голосомъ спросила Людмила,—что у тебя за тайны!

— Еще войдетъ кто,—сказалъ Саша.

— Кому входить?—такъ же легко и беззаботно сказала Людмила.—Да мы дверь запремъ, вотъ никому и не попасть.

Людмила проворно подошла къ двери и заперла ее на задвижку. Саша догадался, что Людмила не шутитъ. Онъ сказалъ, весь рдѣя, такъ что капельки пота выступили на лбу.

— Ну, не надо, Людмилочка.

— Глупый, отчего не надо?—убѣждающимъ голосомъ спросила Людмила.

Она притянула къ себѣ Сашу и принялась разстегивать его блузу. Саша отбивался, цѣпляясь за ея руки. Лицо его сдѣлалось испуганнымъ,—и, подобный испугу, стыдъ охватилъ его. И отъ этого онъ словно вдругъ ослабѣлъ.

Людмила сдвинула брови и рѣшительно раздѣвала его. Сняла поясъ, кое-какъ стащила блузу. Саша отбивался все отчаяннѣе. Они возились, кружились по горницѣ, натыкались на столы и стулья. Пряное благоуханіе вѣяло отъ Людмилы, опьяняло Сашу и обезсиливало его.

Быстрымъ толчкомъ въ грудь Людмила повалила Сашу на диванъ. Отъ рубашки, которую она рванула, отскочила пуговица. Людмила быстро оголила Сашино плечо, и принялась выдергивать руку изъ рукава.

Отбиваясь, Саша невзначай ударилъ Людмилу ладонью по щекѣ. Не хотѣлъ, конечно, ударить, но ударъ упалъ на Людмилину щеку съ размаху, сильный да звонкій. Людмила дрогнула, пошатнулась, зардѣлась кровавымъ румянцемъ, но не выпустила Сашу изъ рукъ.

— Злой мальчишка, драться!—задыхающимся голосомъ крикнула она.

Саша смутился жестоко, опустилъ руки, и виновато глядѣлъ на оттиснувшіяся по лѣвой Людмилиной щекѣ бѣловатыя полоски, слѣды отъ его пальцевъ. Людмила воспользовалась его замѣшательствомъ. Она быстро спустила у него рубашку съ обоихъ плечъ на локти. Саша опомнился, рванулся отъ нея, но вышло еще хуже,— Людмила проворно сдернула рукава съ его рукъ,—рубашка опустилась къ поясу. Саша почувствовалъ холодъ и новый приступъ стыда, яснаго и безпощаднаго, кружащаго голову. Теперь Саша былъ открытъ до пояса.

Людмила крѣпко держала его за руку, и дрожащею рукою похлопывала по его голой спинѣ, заглядывая въ его потупленные, странно-мерцающіе подъ синевато-черными рѣсницами глаза.

И вдругъ эти рѣсницы дрогнули, лицо пере-

косилось жалкою дѣтскою гримасою,—и онъ заплакалъ, внезапно, навзрыдъ.

— Озорница!—рыдающимъ голосомъ крикнулъ онъ,—пустите!

— Занюнилъ! младенецъ!—сердито и смущенно сказала Людмила, и оттолкнула его.

Саша отвернулся, вытирая ладонями слезы. Ему стало стыдно, что онъ плакалъ. Онъ старался удержаться.

Людмила жадно глядѣла на его обнаженную спину.

Сколько прелести въ мірѣ!—думала она.—Люди закрываютъ отъ себя столько красоты,—зачѣмъ?

Саша, стыдливо ежась голыми плечами, попытался надѣть рубашку, но она только комкалась, трещала подъ его дрожащими руками, и никакъ было не всунуть руки въ рукава. Саша схватился за блузу,—пусть ужъ рубашка такъ пока остается.

— Ахъ, за вашу собственность испугались. Не украду!—сказала Людмила злымъ, звенящимъ отъ слезъ голосомъ.

Она порывисто бросила ему поясъ, и отвернулась къ окну. Закутанный въ сѣрую блузу, очень онъ ей нуженъ, скверный мальчишка, жеманникъ противный.

Саша быстро надѣлъ блузу, кое-какъ оправилъ рубашку, и посмотрѣлъ на Людмилу опасливо, нерѣшительно и стыдливо. Онъ увидѣлъ, что она вытираетъ щеки руками, робко подошелъ къ ней, и заглянулъ ей въ лицо,—и слезы, которыя текли по ея щекамъ, вдругъ отравили его нѣжною къ ней жалостью,—и ему уже не было ни стыдно, ни досадно.

— Что же вы плачете, милая Людмилочка?—тихонько спросилъ онъ.

И вдругъ зардѣлся,—вспомнилъ свой ударъ.

— Я васъ ударилъ, простите. Вѣдь я же не нарочно,—робко сказалъ онъ.

— Растаешь, что ли, глупый мальчишка, коли съ голыми плечьми посидишь,—сказала Людмила жалующимся голосомъ.—Загоришь, боишься. Красота и невинность съ тебя слиняютъ.

— Да зачѣмъ тебѣ это, Людмилочка? — со стыдливою ужимкою спросилъ Саша.

— Зачѣмъ?—страстно заговорила Людмила.—Люблю красоту. Язычница я, грѣшница. Мнѣ бы въ древнихъ Аѳинахъ родиться. Люблю цвѣты, духи, яркія одежды, голое тѣло. Говорятъ, есть душа. Не знаю, не видѣла. Да и на что она мнѣ? Пусть умру совсѣмъ, какъ русалка, какъ тучка подъ солнцемъ растаю. Я тѣло люблю—сильное, ловкое, голое, которое можетъ наслаждаться.

— Да и страдать вѣдь можетъ,—тихо сказалъ Саша.

— И страдать, и это хорошо, — страстно шептала Людмила.—Сладко и когда больно,—только бы тѣло чувствовать, только бы видѣть наготу и красоту тѣлесную.

— Да вѣдь стыдно же безъ одежды?—робко сказалъ Саша.

Людмила порывисто бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Милый, кумиръ мой, отрокъ богоравный,—задыхаясь, цѣлуя его руки, шептала она, — на одну минуту, только дай мнѣ на одну минуту полюбоваться твоими плечиками.

Саша вздохнулъ, опустилъ глаза, покраснѣлъ, и неловко снялъ блузу. Людмила горячими руками схватила его, и осыпала поцѣлуями его вздрагивавшія отъ стыда плечи.

— Вотъ какой я послушливый! — сказалъ Саша, насильно улыбаясь, чтобы шуткою прогнать смущеніе.

Людмила торопливо цѣловала Сашины руки отъ плечъ до пальцевъ,—и Саша не отнималъ ихъ, взволнованный, погруженный въ страстныя и жестокія мечты. Обожаніемъ были согрѣты Людмилины поцѣлуи,—и уже словно не мальчика, словно отрока-бога лобзали ея горячія губы въ трепетномъ и таинственномъ служеніи расцвѣтающей Плоти.

А Дарья и Валерія стояли за дверью, и поочередно, толкаясь отъ нетерпѣнія, смотрѣли въ замочную скважину, и замирали отъ страстнаго и жгучаго волненія.

— Пора-же и одѣваться,—сказалъ, наконецъ, Саша.

Людмила вздохнула, и съ тѣмъ-же благоговѣйнымъ выраженіемъ въ глазахъ надѣла на него рубашку и блузу, прислуживая ему почтительно и осторожно.

— Такъ ты язычница? — съ недоумѣніемъ спросилъ Саша.

Людмила весело засмѣялась.

— А ты?—спросила она.

— Ну вотъ еще!—отвѣтилъ Саша увѣренно,—я весь катехизисъ твердо знаю.

Людмила хохотала. Саша, глядючи на нее, улыбнулся и спросилъ:

— Коли ты язычница, зачѣмъ-же ты въ церковь ходишь?

Людмила перестала смѣяться, призадумалась.

— Что жъ,—сказала она,—надо же молиться. Помолиться, поплакать, свѣчку поставить, подать, помянуть. И я люблю все это, свѣчки

лампадки, ладанъ, ризы, пѣніе,—если пѣвчіе хорошіе,—образа, у нихъ оклады, ленты. Да, все это такое прекрасное. И еще люблю... Его... знаешь... Распятаго...

Людмила проговорила послѣднія слова совсѣмъ тихо, почти шопотомъ, покраснѣла, какъ виноватая, и опустила глаза.

— Знаешь, приснится иногда,—Онъ на крестѣ и на тѣлѣ кровавыя капельки.

Съ тѣхъ поръ Людмила не разъ, уведя Сашу въ свой покой, принималась разстегивать его курточку. Сперва онъ стыдился до слезъ, но скоро привыкъ. И уже смотрѣлъ ясно и спокойно, какъ Людмила опускала его рубашку, обнажала его плечи, ласкала и хлопала по спинѣ. И уже, наконецъ, самъ принимался раздѣваться.

И Людмилѣ пріятно было держать его, полуголаго, у себя на колѣняхъ, обнявши, цѣлуя.

Саша былъ одинъ дома. Людмила вспомнилась ему и его голыя плечи подъ ея жаркими взорами.

И чего она хочетъ?—подумалъ онъ.

И вдругъ багряно покраснѣлъ, и больно-больно забилось сердце. Буйная веселость охватила его. Онъ отбросилъ свой стулъ, нѣсколько разъ перекувыркнулся, повалился на полъ, прыгалъ на мебель,—тысячи безумныхъ движеній бросали его изъ одного угла въ другой, и веселый ясный хохотъ его разносился по дому.

Коковкина вернулась въ это время домой, заслышала необычайный шумъ, и вошла въ Сашину горницу. Въ недоумѣніи она стала на порогѣ и качала головою.

— Что это ты бѣснуешься, Сашенька! — сказала она, — диви бы съ товарищами, а то одинъ бѣсишься. Постыдись, батюшка, — не маленькій.

Саша стоялъ, и отъ смущенія у него словно отнимались руки, тяжелыя, неловкія, — а все его тѣло еще дрожало отъ возбужденія.

Однажды Коковкина застала Людмилу у себя, — она кормила Сашу конфектами.

— Баловница вы, — ласково сказала Коковкина, — сладенькое-то онъ у меня любитъ.

— Да, а вотъ онъ меня озорницей зоветъ, — пожаловалась Людмила.

— Ай, Сашенька, развѣ можно! — съ ласковымъ укоромъ сказала Коковкина. — Да за что же это ты?

— Да она меня тормошитъ, — запинаясь, сказалъ Саша.

Онъ сердито глядѣлъ на Людмилу, и багряно краснѣлъ. Людмила хохотала.

— Сплетница, — шепнулъ ей Саша.

— Какъ же можно, Сашенька, грубить! — выговаривала Коковкина. — Нельзя грубить!

Саша поглядѣлъ на Людмилу, усмѣхаючись, и тихо промолвилъ:

— Ну, больше не буду.

Теперь уже каждый разъ, какъ Саша приходилъ, Людмила запиралась съ нимъ, и принималась его раздѣвать да наряжать въ разные наряды. Смѣхомъ и шутками наряжался сладкій ихъ стыдъ.

Иногда Людмила затягивала Сашу въ корсетъ, и одѣвала въ свое платье. При декольтированномъ корсажѣ голыя Сашины руки, полныя

и нѣжно-округленныя, и его круглыя плечи казались очень красивыми. У него кожа была желтоватаго, но, что рѣдко бываетъ, ровнаго и нѣжнаго цвѣта. Юбка, башмаки, чулки Людмилины, все Сашѣ оказалось впору, и все шло къ нему. Надѣвъ на себя весь дамскій нарядъ, Саша послушно сидѣлъ и обмахивался вѣеромъ. Въ этомъ нарядѣ онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ похожъ на дѣвочку, и старался вести себя, какъ дѣвочка.

Одно только было неудобство,—стриженные Сашины волосы. Надѣвать парикъ или привязанную косу на Сашину голову Людмила не хотѣла,—противно.

Людмила учила Сашу дѣлать реверансы. Неловко и застѣнчиво присѣдалъ онъ вначалѣ. Но въ немъ была грація, хотя и смѣшанная съ мальчишескою угловатостью. Краснѣя и смѣясь, онъ прилежно учился дѣлать реверансы, и кокетничалъ напропалую.

Иногда Людмила брала его руки, обнаженныя и стройныя, и цѣловала ихъ. Саша не сопротивлялся, и смѣючись смотрѣлъ на Людмилу. Иногда онъ самъ подставлялъ руки къ ея губамъ и говорилъ:

— Цѣлуй!

Но лучше нравились ему и ей иные наряды, которые шила сама Людмила: одежда рыбака съ голыми ногами, хитонъ аѳинскаго голоногаго мальчика.

Нарядитъ его Людмила, и любуется. А сама поблѣднѣетъ, печальная станетъ.

Саша сидѣлъ на Людмилиной постели, перебиралъ складки хитона, и болталъ голыми ногами. Людмила стояла передъ нимъ, и смотрѣла на него съ выраженіемъ счастія и недоумѣнія.

— Какая ты глупая!—сказалъ Саша.

— Въ моей глупости такъ много счастія! — лепетала блѣдная Людмила, плача и цѣлуя Сашины руки.

— Отчего же ты заплакала?—улыбаясь безпечно, спросилъ Саша.

— Мое сердце ужалено радостью. Грудь мою пронзили семь мечей счастья, — какъ мнѣ не плакать.

— Дурочка ты, право, дурочка!—смѣючись, сказалъ Саша.

— А ты умный!—съ внезапною досадою отвѣтила Людмила, вытерла слезы, и вздохнула.— Пойми, глупый,—заговорила она тихимъ убѣждающимъ голосомъ,—только въ безуміи счастье и мудрость.

— Ну, да!—недовѣрчиво сказалъ Саша.

— Надо забыть, забыться, и тогда все поймешь, — шептала Людмила. — По твоему какъ, мудрые люди думаютъ?

— А то какъ же?

— Они такъ знаютъ. Имъ сразу дано: только взглянетъ, и уже все ему открыто...

Осенній тихо длился вечеръ. Чуть слышный изъ-за окна доносился изрѣдка шелестъ, когда вѣтеръ на-лету качалъ вѣтки у деревьевъ.

Саша и Людмила были одни. Людмила нарядила его голоногимъ рыбакомъ,—розовая шелковая одежда,—уложила на низкомъ ложѣ, и сѣла на полъ у его голыхъ ногъ, босая, въ одной рубашкѣ. И одежду, и Сашино тѣло облила она духами, — густой, травянистый и ломкій у нихъ былъ запахъ, какъ неподвижный духъ замкнутой въ горахъ и странно-цвѣтущей долины.

На ея шеѣ блестѣли яркія крупныя бусы, золотые узорные браслеты звенѣли на рукахъ. Ирисомъ пахло ея тѣло,—запахъ душный, плотскій, раздражающій, навѣвающій дремоту и лѣнь, насыщенный испареніями медленныхъ водъ.

Она томилась и вздыхала и глядѣла на его смуглое лицо, на его изсиня-черныя рѣсницы и полуночные глаза. Она положила голову на его голыя колѣни, и ея свѣтлыя кудри ласкали его смуглую кожу. Она цѣловала Сашино тѣло, и отъ аромата, страннаго и сильнаго, смѣшаннаго съ запахомъ молодой кожи, кружилась ея голова.

Саша лежалъ и улыбался тихою, невѣрною улыбкою. Неясное въ немъ зарождалось желаніе, и сладко томило его. И когда Людмила цѣловала его колѣни и стопы, нѣжные поцѣлуи возбуждали томныя, полусонныя мечтанія. Хотѣлось что-то сдѣлать ей, милое или больное, нѣжное или стыдное,—но что? Цѣловать ея ноги? Или бить ее, долго, сильно, длинными гибкими вѣтвями? Чтобы она смѣялась отъ радости, или кричала отъ боли?

И то, и другое, можетъ быть, желанно ей, но мало. Что же ей надо? Вотъ они полу-обнаженные оба, и съ нихъ освобожденною плотью связано желаніе и хранительный стыдъ, — но въ чемъ же это таинство плоти? И какъ принести свою кровь и свое тѣло въ сладостную жертву ея желаніямъ, своему стыду?

А Людмила томилась и металась у его ногъ, блѣднѣя отъ невозможныхъ желаній, то пылая, то холодѣя. Она страстно шептала:

— Я ли не красавица! У меня ли глаза не жгучіе! У меня ли не пышные волосы! Ласкай же меня! Приласкай же меня! Сорви съ меня запястья, отстегни мое ожерелье!

Сашѣ стало страшно, и невозможныя желанія мучительно томили его.

XXVII.

Передоновъ проснулся подъ утро. Кто-то смотрѣлъ на него громадными, мутными, четырехугольными глазами. Ужъ не Пыльниковъ ли это? Передоновъ подошелъ къ окну, и облилъ зловѣщій призракъ.

На всемъ были чары и чудеса. Визжала дикая недотыкомка, злобно и коварно смотрѣли на Передонова и люди и скоты. Все было ему враждебно, онъ былъ одинъ противъ всѣхъ.

Въ гимназіи на урокахъ Передоновъ злословилъ своихъ сослуживцевъ, директора, родителей, учениковъ. Гимназисты слушали съ недоумѣніемъ. Иные, хамоватые по природѣ, находились, что, подлаживаясь къ Передонову, выражали ему свое сочувствіе. Другіе же сурово молчали или, когда Передоновъ задѣвалъ ихъ родителей, горячо вступались. На такихъ Передоновъ смотрѣлъ угрюмо и боязливо, и отходилъ отъ нихъ, бормоча что-то.

На иныхъ урокахъ Передоновъ потѣшалъ гимназистовъ нелѣпыми толкованіями.

Читали разъ Пушкинскіе стихи:

„Встаетъ заря во мглѣ холодной,
На нивахъ шумъ работъ умолкъ,
Съ своей волчихою голодной
Выходитъ на дорогу волкъ".

— Постойте, — сказалъ Передоновъ, — это надо хорошенько понять. Тутъ аллегорія скрывается. Волки попарно ходятъ: волкъ съ волчихою голодной. Волкъ сытый, а она голодная.

Жена всегда послѣ мужа должна ѣсть. Жена во всемъ должна подчиняться мужу.

Пыльниковъ былъ веселый, онъ улыбался и смотрѣлъ на Передонова обманчиво-чистыми, черными, бездонными глазами. Сашино лицо мучило и соблазняло Передонова. Чаровалъ его проклятый мальчишка своею коварною улыбкою.

Да и мальчишка ли? Или, можетъ быть, ихъ два: братъ и сестра. И не разобрать, кто гдѣ. Или даже, можетъ быть, онъ умѣетъ переворачиваться изъ мальчишки въ дѣвчонку. Не даромъ онъ всегда такой чистенькій,—переворачиваясь, въ разныхъ волшебныхъ водицахъ всполаскивается,—иначе вѣдь нельзя, не обернешься. И духами такъ всегда отъ него пахнетъ.

— Чѣмъ это вы надушились, Пыльниковъ?—спросилъ Передоновъ,—пачкулями, что ли?

Мальчики засмѣялись. Саша обидчиво покраснѣлъ и промолчалъ.

Чистаго желанія нравиться, быть не противнымъ Передоновъ не понималъ. Всякое такое проявленіе, хотя бы со стороны мальчика, онъ считалъ охотою на себя. Кто принарядился, тотъ, значитъ, и замышляетъ прельстить Передонова. Иначе зачѣмъ рядиться? Нарядность и чистота были для Передонова противны, духи казались ему зловонны; всякимъ духамъ предпочиталъ онъ запахъ унавоженнаго поля, полезный, по его мнѣнію, для здоровья. Наряжаться! чиститься, мыться,—на все это нужно время и трудъ; а мысль о трудѣ наводила на Передонова тоску и страхъ. Хорошо бы ничего не дѣлать, ѣсть, пить, спать, да и только!

Товарищи дразнили Сашу, что онъ надушился „пачкулями“, и что Людмилочка въ него влюблена. Онъ вспыхивалъ, и горячо возражалъ: ничего, молъ, не влюблена,—все это, молъ, выдумки Передонова; онъ-де сватался къ Людмилочкѣ, а Людмилочка ему носъ натянула, вотъ онъ на нее и сердится и распускаетъ про нее нехорошіе слухи. Товарищи ему вѣрили,—Передоновъ, извѣстно,—но дразнить не переставали; дразнить такъ пріятно.

Передоновъ упрямо говорилъ всѣмъ о развращенности Пыльникова.

— Съ Людмилкой спутался,—говорилъ онъ.— Такъ усердно цѣлуются, что она одного приготовишку родила, теперь другого носитъ.

Про любовь Людмилы къ гимназисту заговорили въ городѣ весьма преувеличенно, съ глупыми и непристойными подробностями. Но мало кто вѣрилъ: Передоновъ пересолилъ. Однако, любители подразнить,—ихъ же въ нашемъ городѣ достаточно много,—спрашивали у Людмилы:

— Что это вы въ мальчишку втюрились? Для взрослыхъ кавалеровъ это обидно.

Людмила смѣялась и говорила:

— Глупости!

Горожане посматривали на Сашу съ поганымъ любопытствомъ. Вдова генерала Полуянова, богатая дама изъ купчихъ, справлялась о его возрастѣ, и нашла, что онъ еще слишкомъ малъ, но что года черезъ два можно будетъ его позвать и заняться его развитіемъ.

Саша уже началъ и упрекать иногда Людмилу, что его за нее дразнятъ. Даже иногда, случалось, и поколачивалъ, на что Людмила только звонко хохотала.

Однако, чтобы положить конецъ глупымъ сплетнямъ и выгородить Людмилу изъ непріятной исторіи, всѣ Рутиловы и многочисленные ихъ друзья, родственники и свойственники усердно дѣйствовали противъ Передонова, и доказывали, что всѣ эти разсказы—фантазія безумнаго человѣка. Дикіе поступки Передонова заставляли многихъ вѣрить такимъ объясненіямъ.

Въ то же время полетѣли доносы на Передонова къ попечителю учебнаго округа. Изъ округа прислали запросъ директору. Хрипачъ сослался на свои прежнія донесенія и прибавилъ, что дальнѣйшее пребываніе Передонова въ гимназіи становится положительно опаснымъ, такъ какъ его душевная болѣзнь замѣтно прогрессируетъ.

Уже Передоновъ былъ весь во власти своихъ дикихъ представленій. Призраки заслонили отъ него міръ. Глаза его, безумные и тупые, блуждали, не останавливаясь на предметахъ, словно ему всегда хотѣлось заглянуть дальше ихъ, по ту сторону предметнаго міра, и онъ искалъ какихъ-то просвѣтовъ.

Оставаясь одинъ, онъ разговаривалъ самъ съ собою, выкрикивалъ кому-то безсмысленныя угрозы:

— Убью! зарѣжу! законопачу!

А Варвара слушала и ухмылялась.

„Побѣсись“!—думала она злорадно.

Ей казалось, что это только злость; догадывается, что его обманули, и злится. Съ ума не сойдетъ, — сходить дураку не съ чего. А если и сойдетъ, — что же, безуміе веселитъ глупыхъ!

— Знаете, Ардальонъ Борисычъ, — сказалъ однажды Хрипачъ, — вы имѣете очень нездоровый видъ.

— У меня голова болитъ, — угрюмо сказалъ Передоновъ.

— Знаете ли, почтеннѣйшій, — осторожнымъ голосомъ продолжалъ директоръ, — я бы вамъ совѣтовалъ не ходить пока въ гимназію. Полѣчиться бы вамъ, позаботиться о вашихъ нервахъ, которые у васъ, повидимому, довольно-таки сильно разстроены.

Не ходить въ гимназію! Конечно, — думалъ Передоновъ, — это самое лучшее. Какъ раньше онъ не догадался! Сказаться больнымъ, посидѣть дома, посмотрѣть, что изъ этого выйдетъ.

— Да, да, не буду ходить, я боленъ, — радостно говорилъ онъ Хрипачу.

Директоръ тѣмъ временемъ еще разъ писалъ въ округъ, и со дня на день ждалъ назначенія врачей для освидѣтельствованія. Но чиновники не торопились. На то они и чиновники.

Передоновъ не ходилъ въ гимназію, и тоже чего то ждалъ.

Въ послѣдніе дни онъ все льнулъ къ Володину. Страшно было выпустить его изъ глазъ, — не навредилъ бы. Уже съ утра, какъ только проснется, Передоновъ съ тоскою вспоминалъ Володина: гдѣ-то онъ теперь? что-то онъ дѣлаетъ?

Иногда Володинъ мерещился ему: облака плыли по небу, какъ стадо барановъ, и между ними бѣгалъ Володинъ съ котелкомъ на головѣ, съ блеющимъ смѣхомъ; въ дымѣ, вылетающемъ изъ трубъ, иногда быстро проносился онъ же, уродливо кривляясь и прыгая въ воздухѣ.

Володинъ думалъ, и всѣмъ съ гордостью разсказывалъ,что Передоновъ его очень полюбилъ,— просто жить безъ него не можетъ.

— Варвара его надула, — говорилъ Володинъ,—а онъ видитъ, что одинъ я ему вѣрный другъ, онъ ко мнѣ и вяжется.

Выйдетъ Передоновъ изъ дому, провѣдать Володина, а ужъ тотъ идетъ ему навстрѣчу, въ котелкѣ, съ тросточкою, весело подпрыгиваетъ, радостно заливается блеющимъ смѣхомъ.

— Чего ты все въ котелкѣ?—спросилъ его однажды Передоновъ.

— Отчего же мнѣ, Ардальонъ Борисычъ, не носить котелка?—весело и разсудительно отвѣтилъ Володинъ,—скромно и прилично. Фуражечку съ кокардою мнѣ не полагается, а цилиндръ носить, — такъ это пусть аристократы упражняются, намъ это не подходитъ.

— Ты въ котелкѣ сваришься,—угрюмо сказалъ Передоновъ.

Володинъ захихикалъ.

Пошли къ Передонову.

— Шагать-то сколько надо, — сердито сказалъ Передоновъ.

— Это полезно, Ардальонъ Борисычъ, промоціониться, — убѣждалъ Володинъ, — поработаешь, погуляешь, покушаешь, здоровъ будешь.

— Ну, да,—возражалъ Передоновъ,—ты думаешь, черезъ двѣсти или черезъ триста лѣтъ люди будутъ работать?

— А то какъ же? Не поработаешь, такъ и хлѣбца не покушаешь. Хлѣбецъ за денежки даютъ, а денежки заработать надо.

— Я и не хочу хлѣба.

— И булочки, и пирожковъ не будетъ,—хихикая говорилъ Володинъ,—и водочки не на

что купить будетъ, и наливочки сдѣлать будетъ не изъ чего.

— Нѣтъ, люди сами работать не будутъ,— сказалъ Передоновъ,—на все машины будутъ,— повертѣлъ ручкой, какъ аристонъ, и готово... Да и вертѣть долго скучно.

Володинъ призадумался, склонилъ голову, выпятилъ губы.

— Да,—сказалъ онъ задумчиво,—это очень хорошо будетъ. Только насъ тогда уже не будетъ.

Передоновъ посмотрѣлъ на него злобно и проворчалъ:

— Это тебя не будетъ, а я доживу.

— Дай вамъ Богъ,—весело сказалъ Володинъ—двѣсти лѣтъ прожить, да триста на карачкахъ проползать.

Уже Передоновъ и не зачурался,—будь что будетъ. Еще онъ всѣхъ одолѣетъ, надо только смотрѣть въ оба и не поддаваться.

Дома, сидя въ столовой и выпивая съ Володинымъ, Передоновъ разсказывалъ ему про княгиню.

Княгиня, въ представленіи Передонова, что ни день дряхлѣла и становилась ужаснѣе: желтая, морщинистая, согбенная, клыкастая, злая,— неотступно мерещилась она Передонову.

— Ей двѣсти лѣтъ,—говорилъ Передоновъ, и странно и тоскливо глядѣлъ передъ собою.— И она хочетъ, чтобы я опять съ нею снюхался. До тѣхъ поръ и мѣста не хочетъ дать.

— Скажите, чего захотѣла!—покачивая головою, говорилъ Володинъ.—Старбень этакая!

Передоновъ бредилъ убійствомъ. Онъ говорилъ Володину, свирѣпо хмуря брови:

— Тамъ у меня за обоями уже одинъ запрятанъ. Вотъ ужо другого подъ полъ заколочу.

Но Володинъ не пугался и хихикалъ.

— Вонь слышишь изъ-за обоевъ?—спросилъ Передоновъ.

— Нѣтъ, не слышу,—хихикая и ломаясь, говорилъ Володинъ.

— Носъ у тебя заложило,—сказалъ Передоновъ,—недаромъ у тебя носъ покраснѣлъ. Гніетъ тамъ, за обоями.

— Клопъ!—крикнула Варвара, и захохотала. Передоновъ смотрѣлъ тупо и важно.

Передоновъ, все болѣе погружаясь въ свое помѣшательство, уже сталъ писать доносы на карточныхъ фигуръ, на недотыкомку, на барана,—что онъ, баранъ, самозванецъ, выдалъ себя за Володина, мѣтитъ на важную должность поступить, а самъ, просто, баранъ,—на лѣсоистребителей,—всю березу вырубили, париться нечѣмъ, и воспитывать дѣтей трудно, а осину оставили, а на что нужна осина?

Встрѣчаясь на улицѣ съ гимназистами, Передоновъ ужасалъ младшихъ и смѣшилъ старшихъ безстыдными и нелѣпыми словами. Старшіе ходили за нимъ толпою, разбѣгаясь, когда завидятъ кого-нибудь изъ учителей, младшіе сами бѣжали отъ него.

Во всемъ чары да чудеса мерещились Передонову, галлюцинаціи его ужасали, исторгая изъ его груди безумный вой и визги. Недотыкомка являлась ему то кровавою, то пламенною, она стонала и ревѣла, и ревъ ея ломилъ голову Передонову нестерпимою болью. Котъ выросталъ до страшныхъ размѣровъ, стучалъ сапогами, и прикидывался рыжимъ рослымъ усачемъ.

XXVIII.

Саша ушелъ послѣ обѣда, и не вернулся къ назначенному времени, къ семи часамъ. Коковкина обезпокоилась: не дай Богъ, попадется кому изъ учителей на улицѣ въ непоказанное время. Накажутъ, да и ей неловко. У нея всегда жили мальчики скромные, по ночамъ не шатались.

Коковкина пошла искать Сашу. Извѣстно, куда же, какъ не къ Рутиловымъ.

Какъ на грѣхъ, Людмила сегодня забыла дверь замкнуть. Коковкина вошла, и что же увидѣла?

Саша стоитъ передъ зеркаломъ въ женскомъ платьѣ, и обмахивается вѣеромъ. Людмила хохочетъ и расправляетъ ленты у его яркоцвѣтнаго пояса.

— Ахъ, Господи, Твоя воля!—въ ужасѣ воскликнула Коковкина,—что же это такое! Я безпокоюсь, ищу, а онъ тутъ комедію ломаетъ. Срамъ какой, въ юбку вырядился! Да и вамъ-то, Людмила Платоновна, какъ не стыдно!

Людмила въ первую минуту смутилась отъ неожиданности, но быстро нашлась. Съ веселымъ смѣхомъ, обнявъ и усаживая въ кресло Коковкину, разсказала она ей тутъ же сочиненную небылицу:

— Мы хотимъ домашній спектакль поставить,—я мальчишкой буду, а онъ дѣвицей, и это будетъ ужасно забавно.

Саша стоялъ весь красный, испуганный, со слезами на глазахъ.

— Вотъ еще глупости!—сердито говорила Коковкина,—ему надо уроки учить, а не спектакли разыгрывать. Что выдумали! Изволь

одѣться сейчасъ же, Александръ, и маршъ со мною домой.

Людмила смѣялась звонко и весело, цѣловала Коковкину,—и старуха думала, что веселая дѣвица ребячлива, какъ дитя, а Саша по глупости всѣ ея затѣи радъ исполнить. Веселый Людмилинъ смѣхъ казалъ этотъ случай простою дѣтскою шалостью, за которую только пожурить хорошенько. И она ворчала, дѣлая сердитое и недовольное лицо, но уже сердце у нея было спокойно.

Саша проворно переодѣлся за ширмою, гдѣ стояла Людмилина кровать. Коковкина увела его, и всю дорогу бранила. Саша, пристыженный и испуганный, ужъ и не оправдывался. „Что-то еще дома будетъ?"—боязливо думалъ онъ.

А дома Коковкина въ первый разъ поступила съ нимъ строго: велѣла ему стать на колѣни. Но не постоялъ такъ Саша и пяти минутъ, какъ уже она, разжалобленная его виноватымъ лицомъ и безмолвными слезами, отпустила его.

— Щеголь этакій, за версту духами пахнетъ,—ворчливо сказала она.

Саша ловко шаркнулъ, поцѣловалъ ей руку,—и вѣжливость наказаннаго мальчика еще больше тронула ее.

А межъ тѣмъ надъ Сашею собиралась гроза. Варвара и Грушина сочинили и послали Хрипачу безыменное письмо о томъ, что гимназистъ Пыльниковъ увлеченъ дѣвицею Рутиловою, проводитъ у нея цѣлые вечера, и предается разврату.

Хрипачъ припомнилъ одинъ недавній разговоръ. На-дняхъ, на вечерѣ у предводителя дво-

рянства, кто-то бросилъ никѣмъ не понятый намекъ на дѣвицу, влюбившуюся въ подростка. Разговоръ тотчасъ же перешелъ на другіе предметы: при Хрипачѣ всѣ, по безмолвному согласію привыкшихъ къ хорошему обществу людей, сочли это весьма неловкою темою для бесѣды, и сдѣлали видъ, что разговоръ неудобенъ при дамахъ, и что самый предметъ ничтоженъ и маловѣроятенъ. Хрипачъ все это, конечно, замѣтилъ, но онъ не былъ столь простодушенъ, чтобы кого-нибудь спрашивать. Онъ былъ вполнѣ увѣренъ, что все узнаетъ скоро, что всѣ извѣстія доходятъ сами, тѣмъ или другимъ путемъ, но всегда достаточно, своевременно. Вотъ это письмо и была жданная вѣсть.

Хрипачъ ни на минуту не повѣрилъ въ развращенность Пыльникова и въ то, что его знакомство съ Людмилой имѣетъ непристойныя стороны.

Это, — думалъ онъ, — идетъ все отъ той же глупой выдумки Передонова, и питается завистливою злобою Грушиной. Но это письмо,—думалъ онъ, — показываетъ, что ходятъ нежелательные слухи, которые могутъ бросить тѣнь на достоинство ввѣренной ему гимназіи. И потому надо принять мѣры.

Прежде всего онъ пригласилъ Коковкину, чтобы переговорить съ нею о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя могли способствовать возникновенію нежелательныхъ толковъ.

Коковкина уже знала, въ чемъ дѣло. Ей сообщили даже еще проще, чѣмъ директору. Грушина выждала ее на улицѣ, завязала разговоръ, и разсказала, что Людмила уже въ конецъ развратила Сашу.

Коковкина была поражена. Дома она осы-

пала упреками Сашу. Ей было тѣмъ болѣе досадно, что все происходило почти на ея глазахъ, и Саша ходилъ къ Рутиловымъ съ ея вѣдома. Саша притворился, что ничего не понимаетъ и спросилъ:

— Да что же я худого сдѣлалъ?

Коковкина замялась.

— Какъ что худого? А самъ ты не знаешь? А давно ли я тебя застала въ юбкѣ? Забылъ, срамникъ этакій?

— Застали, ну что жъ тутъ особенно худого? такъ вѣдь и наказали за то! И что жъ такое, точно я краденную юбку надѣлъ!

— Скажите, пожалуйста, какъ разсуждаетъ!— говорила растерянно Коковкина. — Наказала я тебя, да видно мало.

— Ну, еще накажите, — строптиво, съ видомъ несправедливо обижаемаго, сказалъ Саша.— Сами тогда простили, а теперь мало. А я вѣдь васъ тогда не просилъ прощать,— стоялъ бы на колѣняхъ хоть весь вечеръ. А то что жъ все попрекать.

— Да ужъ и въ городѣ, батюшка, про тебя съ твоей Людмилочкой говорятъ,—сказала Коковкина.

— А что говорятъ-то? — невинно-любопытствующимъ голосомъ спросилъ Саша.

Коковкина опять замялась.

— Что говорятъ,—извѣстно что! Самъ знаешь, что про васъ сказать можно. Хорошаго-то мало скажутъ. Шалишь ты много со своею Людмилочкою, вотъ что говорятъ.

— Ну, я не буду шалить, — обѣщалъ Саша такъ спокойно, какъ будто разговоръ шелъ объ игрѣ въ пятнашки.

Онъ дѣлалъ невинное лицо, а на душѣ у

него было тяжело. Онъ выспрашивалъ Коковкину, что же говорятъ, и боялся услышать какія-нибудь грубыя слова. Что могутъ говорить о нихъ? Людмилочкина горница окнами въ садъ, съ улицы ея не видно, да и Людмилочка спускаетъ занавѣски. А если кто подсмотрѣлъ, то какъ объ этомъ могутъ говорить? Можетъ быть, досадныя, оскорбительныя слова? Или такъ говорятъ, только о томъ, что онъ часто ходитъ?

И вотъ на другой день Коковкина получила приглашеніе къ директору. Оно совсѣмъ растревожило старуху. Она уже и не говорила ничего Сашѣ, собралась тихонько, и къ назначенному часу отправилась. Хрипачъ любезно и мягко сообщилъ ей о полученномъ имъ письмѣ. Она заплакала.

— Успокойтесь, мы васъ не винимъ,—говорилъ Хрипачъ,—мы васъ хорошо знаемъ. Конечно, вамъ придется послѣдить за нимъ построже. А теперь вы мнѣ только разскажите, что тамъ на самомъ дѣлѣ было.

Отъ директора Коковкина пришла съ новыми упреками Сашѣ.

— Тетѣ напишу,—сказала она, плача.

— Я ни въ чемъ не виноватъ, пусть тетя пріѣдетъ, я не боюсь,—говорилъ Саша, и тоже плакалъ.

На другой день Хрипачъ пригласилъ къ себѣ Сашу, и спросилъ его сухо и строго:

— Я желаю знать, какія вы завели знакомства въ городѣ.

Саша смотрѣлъ на директора лживо-невинными и спокойными глазами.

— Какія же знакомства? — сказалъ онъ,— Ольга Васильевна знаетъ, я только къ товарищамъ хожу, да къ Рутиловымъ.

— Да, вотъ именно,—продолжалъ свой до-

просъ Хрипачъ, — что вы дѣлаете у Рутиловыхъ.

— Ничего особеннаго, такъ, — съ тѣмъ же невиннымъ видомъ отвѣтилъ Саша, — главнымъ образомъ, мы читаемъ. Барышни Рутиловы стихи очень любятъ. И я всегда къ семи часамъ бываю дома.

— Можетъ быть, и не всегда? — спросилъ Хрипачъ, устремляя на Сашу взоръ, который постарался сдѣлать проницательнымъ.

— Да, одинъ разъ опоздалъ,—со спокойною откровенностью невиннаго мальчика сказалъ Саша,—да и то мнѣ досталось отъ Ольги Васильевны, и потомъ я не опаздывалъ.

Хрипачъ помолчалъ. Спокойные Сашины отвѣты ставили его втупикъ. Во всякомъ случаѣ, надо сдѣлать наставленіе, выговоръ, но какъ и за что? Чтобы не внушить мальчику дурныхъ мыслей, которыхъ у него раньше (вѣрилъ Хрипачъ) не было,—и чтобы не обидѣть мальчика,—и чтобы сдѣлать все къ устраненію тѣхъ непріятностей, которыя могутъ случиться въ будущемъ изъ-за этого знакомства.

Хрипачъ подумалъ, что дѣло педагога — трудное и отвѣтственное дѣло, особенно, если имѣешь честь начальствовать надъ учебнымъ заведеніемъ. Трудное, отвѣтственное дѣло педагога! Это банальное опредѣленіе окрылило застывшія было мысли у Хрипача. Онъ принялся говорить,—скоро, отчетливо и незанимательно. Саша слушалъ изъ пятаго въ десятое:

— . . . первая обязанность ваша, какъ ученика—учиться... нельзя увлекаться обществомъ хотя бы и весьма пріятнымъ и вполнѣ безукоризненнымъ... во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ сказать, что общество мальчиковъ вашего возраста

для васъ гораздо полезнѣе... Надо дорожить репутаціей и своею, и учебнаго заведенія... Наконецъ,—скажу вамъ прямо, я имѣю основанія предполагать, что ваши отношенія къ барышнямъ имѣютъ характеръ вольности, недопустимой въ вашемъ возрастѣ, и совсѣмъ не согласной съ общепринятыми правилами приличія.

Саша заплакалъ. Ему стало жаль, что о милой Людмилочкѣ могутъ думать и говорить, какъ объ особѣ, съ которою можно вести себя вольно и неприлично.

— Честное слово, ничего худого не было,— увѣрялъ онъ,—мы только читали, гуляли, играли,—ну, бѣгали,—больше никакихъ вольностей.

Хрипачъ похлопалъ его по плечу, и сказалъ голосомъ, которому постарался придать сердечность, а все же сухимъ:

Послушайте, Пыльниковъ...

(Что бы ему назвать когда мальчика Сашей! Не формснно, и нѣтъ еще на то министерскаго циркуляра?)

— Я вамъ вѣрю, что ничего худого не было, но все-таки вы лучше прекратите эти частыя посѣщенія. Повѣрьте мнѣ, такъ будетъ лучше. Это говоритъ вамъ не только вашъ наставникъ и начальникъ, но и вашъ другъ.

Сашѣ осталось только поклониться, поблагодарить, а затѣмъ пришлось послушаться. И сталъ Саша забѣгать къ Людмилѣ только урывками, минутъ на пять, на десять, — а все же старался побывать каждый день. Досадно было, что приходилось видѣться урывками, — и Саша вымещалъ досаду на самой Людмилѣ. Уже онъ частенько называлъ ее Людмилкою, дурищею, ослицею силоамскою, поколачивалъ ее. А Людмила на все это только хохотала.

Разнесся по городу слухъ, что актеры здѣшняго театра устраиваютъ въ общественномъ собраніи маскарадъ съ призами за лучшіе наряды, женскіе и мужскіе. О призахъ пошло преувеличенные слухи. Говорили,—дадутъ корову дамѣ, велосипедъ мужчинѣ. Эти слухи волновали горожанъ. Каждому хотѣлось выиграть: вещи такія солидныя. Поспѣшно шили наряды. Тратились не жалѣя. Скрывали придуманные наряды и отъ ближайшихъ друзей, чтобы кто не похитилъ блистательной мысли.

Когда появилось печатное объявленіе о маскарадѣ,—громадныя афиши, расклеенныя на заборахъ и разосланныя именитымъ гражданамъ,—оказалось, что дадутъ вовсе не корову и не велосипедъ, а только вѣеръ дамѣ и альбомъ мужчинѣ. Это всѣхъ готовившихся къ маскараду разочаровало и раздосадовало. Стали роптать. Говорили:

— Стоило тратиться.

— Это просто насмѣшка—такіе призы.

— Должны были сразу объявить.

— Это только у насъ возможно дѣлать такія вещи съ публикой.

Но все же приготовленія продолжались: какой ни будь призъ, а получить его лестно.

Дарью и Людмилу призъ не занималъ, ни сначала, ни послѣ. Нужна имъ корова! Невидать—вѣеръ! Да и кто будетъ присуждать призы? Какой у нихъ, у судей, вкусъ! Но обѣ сестры увлеклись Людмилиною мечтою послать въ маскарадъ Сашу въ женскомъ платьѣ, обмануть такимъ способомъ весь городъ, и устроить такъ, чтобы призъ дали ему. И Валерія дѣлала видъ, что согласна. Завистливая и слабая, какъ дитя, она досадовала,—Людмилочкинъ дружокъ, не

къ ней же вѣдь ходитъ, но спорить съ двумя старшими сестрами она не рѣшалась. Только сказала съ презрительною усмѣшечкою:

— Онъ не посмѣетъ.

— Ну, вотъ,—рѣшительно сказала Дарья,— мы сдѣлаемъ такъ, что никто не узнаетъ.

И когда сестры разсказали Сашѣ про свою затѣю, и сказала ему Людмилочка:

— Мы тебя нарядимъ японкою.

Саша запрыгалъ и завизжалъ отъ восторга. Тамъ будь, что будетъ,—и особенно, если никто не узнаетъ,—а только онъ согласенъ,—еще бы не согласенъ! — вѣдь это же ужасно весело, — всѣхъ одурачить.

Тотчасъ же рѣшили, что Сашу надо нарядить гейшею. Сестры держали свою затѣю въ строжайшей тайнѣ, — не сказали даже ни Ларисѣ, ни брату. Костюмъ для гейши Людмила смастерила сама по ярлыку отъ корилопсиса: платье желтаго шелка на красномъ атласѣ, длинное и широкое, халатомъ; на платьѣ шитый пестрый узоръ,—крупные цвѣты причудливыхъ очертаній.

Сами же дѣвицы смастерили вѣеръ и зонтикъ,— вѣеръ изъ тонкой японской бумаги съ рисунками, на бамбуковыхъ палочкахъ, зонтикъ изъ тонкаго розоваго шелка на бамбуковой же ручкѣ. На ноги—розовые чулки и деревянные башмачки скамеечками.

И маску для гейши раскрасила искусница Людмила: желтоватое, но милое худенькое лицо съ неподвижною легкою улыбкою, косо-прорѣзанные глаза, узкій и маленькій ротъ. Только парикъ пришлось выписать изъ Петербурга,— черный, съ гладкими, причесанными волосами.

Чтобы примѣрить костюмъ, надо было время, а

Саша могъ забѣгать только урывочками, да и то не каждый день. Но нашлись: Саша убѣжалъ ночью, уже когда Коковкина спала, черезъ окно. Сошло благополучно.

Собралась и Варвара въ маскарадъ. Купила маску съ глупою рожею, а за костюмомъ дѣло не стало, — нарядилась кухаркою. Повѣсила къ поясу уполовникъ, на голову вздѣла бѣлый чепецъ, руки открыла выше локтя и густо ихъ нарумянила,—кухарка же прямо отъ плиты — и костюмъ готовъ. Дадутъ призъ—хорошо, не дадутъ—не надо.

Грушина придумала одѣться Діаною. Варвара засмѣялась и спросила:

— Что жъ, вы и ошейникъ надѣнете?

— Зачѣмъ мнѣ ошейникъ?—съ удивленіемъ спросила Грушина.

— Да какъ же,—объяснила Варвара,—собакой Діанкой вырядиться вздумали.

— Ну вотъ придумали!—отвѣтила Грушина со смѣхомъ, — вовсе не Діанкой, а богиней Діаной.

Одѣвались на маскарадъ Варвара и Грушина вмѣстѣ у Грушиной. Нарядъ у Грушиной вышелъ черезчуръ легокъ: голыя руки и плечи, голая спина, голая грудь, ноги въ легонькихъ туфелькахъ, безъ чулокъ, голыя до колѣнъ, и легкая одежда изъ бѣлаго полотна съ красною обшивкою, прямо на голое тѣло, — одежда коротенькая, но зато широкая, со множествомъ складокъ. Варвара сказала, ухмыляясь:

— Головато.

Грушина отвѣчала, нахально подмигивая:

— Зато всѣ мужчинки такъ за мной и потянутся.

— А что же складокъ такъ много? — спросила Варвара.

— Конфетъ напихать можно для моихъ чертенятъ, — объяснила Грушина.

Все такъ смѣло открытое у Грушиной было красиво, — но какія противорѣчія! На кожѣ — блошьи укусы, ухватки грубы, слова нестерпимой пошлости. Снова поруганная тѣлесная красота.

Передоновъ думалъ, что маскарадъ затѣяли нарочно, чтобы его на чемъ-нибудь изловить. А все-таки онъ пошелъ туда, — не ряженый, въ сюртукѣ. Чтобы видѣть самому, какія злоумышленія затѣваются.

Мысль о маскарадѣ нѣсколько дней тѣшила Сашу. Но потомъ сомнѣнія стали одолѣвать его. Какъ урваться изъ дому? И особенно теперь, послѣ этихъ непріятностей. Бѣда, если узнаютъ въ гимназіи, какъ разъ исключатъ.

Недавно классный наставникъ, — молодой человѣкъ до того либеральный, что не могъ называть кота Ваською, а говорилъ: котъ Василій, — замѣтилъ Сашѣ весьма значительно при выдачѣ отмѣтокъ:

— Смотрите, Пыльниковъ, надо дѣломъ заниматься.

— Да у меня же нѣтъ двоекъ, — беззпечно возразилъ Саша.

А сердце у него упало, что еще скажетъ! Нѣтъ, ничего, промолчалъ, только посмотрѣлъ строго.

Въ день маскарада Сашѣ казалось, что онъ и не рѣшится поѣхать. Страшно.

Вотъ только одно, — готовый нарядъ у Ру-

тиловыхъ,—нешто ему пропадать? И всѣ мечты и труды даромъ? Да вѣдь Людмилочка заплачетъ. Нѣтъ, надо итти.

Только пріобрѣтенная въ послѣднія недѣли привычка скрытничать помогла Сашѣ не выдать Коковкиной своего волненія. Къ счастью, старуха рано ложится спать. И Саша легъ рано, — для отвода глазъ раздѣлся, положилъ верхнюю одежду на стулъ у дверей, и поставилъ за дверь сапоги.

Оставалось только уйти, — самое трудное Уже путь намѣченъ былъ заранѣе, черезъ окно, какъ тогда для примѣрки.

Саша надѣлъ свѣтлую лѣтнюю блузу, — она висѣла на шкапу въ его горницѣ, — домашніе легкіе башмаки, и осторожно вылѣзъ изъ окна на улицу, улучивъ минуту, когда нигдѣ по близости не было слышно голосовъ и шаговъ.

Моросилъ мелкій дождикъ. Было грязно, холодно, темно. Но Сашѣ все казалось, что его узнаютъ. Онъ снялъ фуражку, башмаки, бросилъ ихъ обратно въ свою горницу, подвернулъ одежду, и побѣжалъ въ припрыжку босикомъ по скользкимъ отъ дождя и шаткимъ мосткамъ. Въ темнотѣ лицо плохо видно, особенно убѣгущаго, и примутъ, кто встрѣтитъ, за простого мальчишку, посланнаго въ лавочку.

Валерія и Людмила сшили для себя незамысловатые, но живописные наряды; цыганкою нарядилась Людмила, испанкою—Валерія. На Людмилѣ—яркіе красные лохмотья изъ шелка и бархата, на Валеріи, тоненькой и хрупкой, черный шелкъ, кружева, въ рукѣ — черный кружевной вѣеръ. Дарья себѣ новаго наряда не шила,—

отъ прошлаго года остался костюмъ турчанки, она его и надѣла.

— Не стоитъ выдумывать!—рѣшительно сказала она.

Когда прибѣжалъ Саша, всѣ три дѣвицы принялись его обряжать. Больше всего безпокоилъ Сашу парикъ.

— А ну какъ свалится,—опасливо повторялъ онъ.

Наконецъ, укрѣпили парикъ лентами, связанными подъ подбородкомъ.

XXIX.

Маскарадъ былъ устроенъ въ общественномъ собраніи,—каменное, въ два жилья, зданіе казарменнаго вида, окрашенное въ ярко-красный цвѣтъ, на базарной площади. Устраивалъ маскарадъ Громовъ - Чистопольскій, антрепренеръ и актеръ здѣшняго городского театра.

На подъѣздѣ, обтянутомъ коленкоровымъ навѣсомъ, горѣли шкалики. Толпа на улицѣ встрѣчала пріѣзжающихъ и приходящихъ на маскарадъ критическими замѣчаніями, по большей части неодобрительными, тѣмъ болѣе, что на улицѣ, подъ верхнею одеждою гостей, костюмы были почти не видны, и толпа судила преимущественно по наитію. Городовые на улицѣ охраняли порядокъ съ достаточнымъ усердіемъ, а въ залѣ были, въ качествѣ гостей, исправникъ и становой приставъ.

Каждый посѣтитель при входѣ получалъ два билетика: одинъ, розовый, для лучшаго женскаго наряда, другой, зеленый, для мужского. Надо было ихъ отдать достойнымъ. Иные освѣдомлялись:

— А себѣ можно взять?

Вначалѣ кассиръ въ недоумѣніи спрашивалъ:

— Зачѣмъ себѣ?

— А если по-моему мой костюмъ самый хорошій,—отвѣчалъ посѣтитель.

Потомъ кассиръ уже не удивлялся такимъ вопросамъ, а говорилъ съ саркастическою улыбкою (насмѣшливый былъ молодой человѣкъ):

— Сдѣлайте ваше одолженіе. Хоть оба себѣ оставьте.

Въ залахъ было грязновато, и уже съ самаго начала толпа казалась въ значительной части пьяною.

Въ тѣсныхъ покояхъ, съ закоптѣлыми стѣнами и потолками, горѣли кривыя люстры; онѣ казались громадными, тяжелыми, отнимающими много воздуха. Полинялые занавѣсы у дверей имѣли такой видъ, что противно было задѣть ихъ.

То здѣсь, то тамъ собирались толпы, слышались восклицанія и смѣхъ,—это ходили за наряженными въ привлекавшіе общее вниманіе костюмы.

Нотаріусъ Гудаевскій изображалъ дикаго американца: въ волосахъ пѣтушьи перья, маска мѣдно-красная съ зелеными нелѣпыми разводами, кожаная куртка, клѣтчатый пледъ черезъ плечо и кожаные высокіе сапоги съ зелеными кисточками. Онъ махалъ руками, прыгалъ и ходилъ гимнастическимъ шагомъ, вынося далеко впередъ сильно согнутое голое колѣно.

Жена его нарядилась колосомъ. На ней было пестрое платье изъ зеленыхъ и желтыхъ лоскутьевъ; во всѣ стороны торчали натыканные повсюду колосья. Они всѣхъ задѣвали и кололи.

Ее дергали и общипывали. Она злобно ругалась:

— Царапаться буду! — визжала она.

Кругомъ хохотали.

— Откуда она столько колосьевъ набрала? — спросилъ кто-то.

— Съ лѣта запасла, — отвѣчали ему, — каждый день въ поле воровать ходила.

Нѣсколько безусыхъ чиновничковъ, влюбленныхъ въ Гудаевскую и потому извѣщенныхъ ею заранѣе о томъ, что у ней будетъ надѣто, сопровождали ее. Они собирали для нея билетики — чуть не насильно, съ грубостями. У иныхъ, не особенно смѣлыхъ, просто отнимали.

Были и другія ряженыя дамы, усердно собиравшія билетики черезъ своихъ кавалеровъ. Иныя смотрѣли жадно на неотданные билетики и выпрашивали. Имъ отвѣчали дерзостями.

Унылая дама, наряженная ночью, — синій костюмъ со стеклянною звѣздочкою и бумажною луною на лбу, — робко сказала Мурину:

— Дайте мнѣ вашъ билетикъ.

Муринъ грубо отвѣтилъ:

— Что за ты! Билетикъ тебѣ! Рыломъ не вышла!

Ночь проворчала что-то сердитое и отошла. Ей бы хотѣлось хоть дома показать два-три билетика, что вотъ, молъ, и ей давали. Тщетны бываютъ скромныя мечты.

Учительница Скобочкина нарядилась медвѣдицею, т.-е. по-просту накинула на плечи медвѣжью шкуру, а голову медвѣдя положила на свою, какъ шлемъ, сверхъ обыкновенной полумаски. Это было въ общемъ, безобразно, но все жъ таки шло къ ея дюжему сложенію и зычному голосу. Медвѣдица ходила тяжкими

шагами и рявкала на весь залъ, такъ что огни въ люстрахъ дрожали.

Многимъ нравилась медвѣдица. Ей дали не мало билетовъ. Но она не сумѣла ихъ сохранить сама, а догадливаго спутника, какъ у другихъ, ей не нашлось. Ее подпоили купчики изъ сочувствія къ проявленной ею способности изображать медвѣжьи ухватки. Въ толпѣ кричали:

— Поглядите-ка, медвѣдица водку дуетъ.

Скобочкина не рѣшалась отказываться отъ водки. Ей казалось, что медвѣдица должна пить водку, если ей подносятъ. Она скоро опьянѣла; потомъ больше половины билетовъ у нея ловко украли Дарья и Людмила, и отдали Сашѣ.

Выдѣлялся ростомъ и дородствомъ нѣкто одѣтый древнимъ германцемъ. Многимъ нравилось, что онъ такой дюжій, и что руки видны, могучія руки, съ превосходно-развитыми мускулами. За нимъ ходили преимущественно дамы, и вокругъ него слышался ласковый и хвалебный шопотъ. Въ древнемъ германцѣ узнавали актера Бенгальскаго. Бенгальскій былъ любимъ. За то многіе давали ему билеты. Многіе разсуждали такъ:

— Ужъ если призъ не мнѣ достанется, то пусть лучше актеру (или актрисѣ). А то, если изъ нашихъ, хвастовствомъ замучатъ.

Имѣлъ успѣхъ и нарядъ у Грушиной, — успѣхъ скандала. Мужчины за нею ходили густою толпою, хохотали, дѣлали нескромныя замѣчанія. Дамы отвертывались, возмущались. Наконецъ, исправникъ подошелъ къ Грушиной и, сладко облизываясь, произнесъ:

— Сударыня, прикрыться надо.

— А что же такое? У меня ничего неприличнаго не видно, — бойко отвѣтила Грушина.

— Сударыня, дамы обижаются — сказалъ Миньчуковъ.

— Наплевать мнѣ на вашихъ дамъ!—закричала Грушина.

— Нѣтъ ужъ, сударыня,—просилъ Миньчуковъ,—вы хоть носовымъ платочкомъ грудку да спинку потрудитесь прикрыть.

— А коли я платокъ засморкала?—съ наглымъ смѣхомъ возразила Грушина.

Но Миньчуковъ настаивалъ:

— Ужъ какъ вамъ угодно, сударыня, а только, если не прикроетесь, удалить придется.

Ругаясь и плюясь, Грушина отправилась въ уборную и тамъ, при помощи горничной, расправила складки своего платья на грудь и спину. Возвратясь въ залъ, хотя и въ болѣе скромномъ видѣ, она все же усердно искала себѣ поклонниковъ. Она грубо заигрывала со всѣми мужчинами. Потомъ, когда ихъ вниманіе было отвлечено въ другую сторону, она отправилась въ буфетную воровать сласти.

Скоро вернулась она въ залъ, показала Володину пару персиковъ, нагло ухмыльнулась и сказала:

— Сама промыслила.

И тотчасъ же персики скрылись въ складкахъ ея костюма. Володинъ радостно осклабился.

— Ну!—сказалъ онъ,—пойду и я, коли такъ.

Скоро Грушина напилась и вела себя буйно,—кричала, махала руками, плевалась.

— Веселая дама Діанка!—говорили про нее.

Таковъ-то былъ маскарадъ, куда повлекли взбалмошныя дѣвицы легкомысленнаго гимназиста. Усѣвшись на двухъ извозчикахъ, три сестры съ Сашею поѣхали уже довольно поздно — опоздали изъ-за него.

Ихъ появленіе въ залѣ было замѣчено. Гейша въ особенности нравилась многимъ. Слухъ пронесся, что гейшею наряжена Каштанова, актриса, любимая мужскою частью здѣшняго общества. И потому Сашѣ давали много билетиковъ.

А Каштанова вовсе и не была въ маскарадѣ, — у нея наканунѣ опасно заболѣлъ маленькій сынъ.

Саша, опьяненный новымъ положеніемъ, кокетничалъ напропалую. И чѣмъ больше въ маленькую гейшину руку всовывали билетиковъ, тѣмъ веселѣе и задорнѣе блистали изъ узкихъ прорѣзовъ въ маскѣ глаза у кокетливой японки.

Гейша присѣдала, поднимала тоненькіе пальчики, хихикала задушеннымъ голосомъ, помахивала вѣеромъ, похлопывала имъ по плечу того или другого мужчину, и потомъ закрывалась вѣеромъ, и поминутно распускала свой розовый зонтикъ. Нехитрые пріемы, впрочемъ, достаточные для обольщенія всѣхъ, поклоняющихся актрисѣ Каштановой.

— Я билетикъ свой отдамъ прелестнѣйшей изъ дамъ, — сказалъ Тишковъ, и подалъ съ молодцеватымъ поклономъ билетикъ гейшѣ.

Уже онъ много выпилъ и былъ красенъ; его неподвижно улыбающееся лицо и неповоротливый станъ дѣлали его похожимъ на куклу. И все риѳмовалъ.

Валерія смотрѣла на Сашины успѣхи, и досадливо завидовала; уже теперь ей хотѣлось, чтобы ее узнали, чтобы ея нарядъ и ея тонкая и стройная фигура понравились толпѣ, и чтобы ей дали призъ. И сейчасъ же съ досадою вспомнила она, что это никакъ невозможно: всѣ три сестры условились добиваться билетиковъ только для гейши, а себѣ, если и получатъ, то передать ихъ все-таки своей японкѣ.

Въ залѣ танцовали. Володинъ, быстро охмелѣвъ, пустился въ присядку. Полицейскіе остановили его. Онъ сказалъ весело-послушно:

— Ну, если нельзя, то я и не буду.

Но по примѣру его пустившіеся откалывать трепака два мѣщанина не пожелали покориться.

— По какому праву? за свой полтинникъ!— восклицали они, и были выведены.

Володинъ провожалъ ихъ, кривляясь, осклабясь, и приплясывалъ.

Дѣвицы Рутиловы поспѣшили отыскать Передонова, чтобы поиздѣваться надъ нимъ. Онъ сидѣлъ одинъ, у окна, и смотрѣлъ на толпу блуждающими глазами. Всѣ люди и предметы являлись ему безсмысленными и разрозненными, но равно враждебными.

Людмила, цыганкою, подошла къ нему, и сказала измѣненнымъ гортаннымъ голосомъ:

— Баринъ мой милый, дай я тебѣ погадаю.

— Пошла къ чорту!—крикнулъ Передоновъ.

Внезапное цыганкино появленіе испугало его.

— Баринъ хорошій, золотой мой баринъ, дай мнѣ руку. По лицу вижу,—богатый будешь, большой начальникъ будешь,—канючила Людмила, и взяла-таки руку Передонова.

— Ну, смотри, да только хорошо гадай,— проворчалъ Передоновъ.

— Ай, баринъ мой бриллiантовый,—гадала Людмила,—враговъ у тебя много, донесутъ на тебя, плакать будешь, умрешь подъ заборомъ.

— Ахъ ты стерва!—закричалъ Передоновъ, и вырвалъ руку.

Людмила проворно юркнула въ толпу. На смѣну ей пришла Валерія,—сѣла рядомъ съ Передоновымъ, и зашептала ему нѣжно:

— Я испанка молодая,
Я люблю такихъ мужчинъ,
А жена твоя—худая,
Мой прелестный господинъ.

— Врешь, дура,—ворчалъ Передоновъ.

Валерія шептала:

— Жарче дня и слаще ночи
Мой севильскій поцѣлуй,—
А женѣ ты прямо въ очи
Очень глупыя наплюй.
У тебя жена—Варвара,
Ты красавецъ, Ардальонъ.
Вы съ Варварою не пара,—
Ты уменъ, какъ Соломонъ.

— Это ты вѣрно говоришь,—сказалъ Передоновъ,—только какъ же я ей въ глаза плюну? Она княгинѣ пожалуется, и мнѣ мѣста не дадутъ.

— А на что тебѣ мѣсто? Ты и безъ мѣста хорошъ,—сказала Валерія.

— Ну да, какъ же я могу жить, если мнѣ не дадутъ мѣста,—уныло сказалъ Передоновъ.

Дарья всунула въ руку Володину письмо, заклеенное розовою облаткою. Съ радостнымъ блеяньемъ распечаталъ его Володинъ, прочелъ, призадумался,—и возгордился, и словно смутился чѣмъ-то. Было написано коротко и ясно:

„Приходи, миленькій, на свиданіе со мною завтра въ одиннадцать часовъ ночи въ Солдатскую баню. Вся чужая Ж.“.

Володинъ письму повѣрилъ, но вотъ вопросъ,—стоитъ ли итти? И кто такая эта Ж.? Какая-нибудь Женя? Или это фамилія начинается съ буквы Ж.?

Володинъ показалъ письмо Рутилову.

— Иди, конечно, иди! — подбивалъ Рутиловъ,— посмотри, что изъ этого выдетъ. Можетъ быть, это богатая невѣста, влюбилась въ тебя, а родители препятствуютъ, такъ вотъ она и хочетъ съ тобою объясниться.

Но Володинъ подумалъ, подумалъ, да и рѣшилъ, что не стоитъ итти. Онъ важно говорилъ:

— Вѣшаются мнѣ на шею! но я такихъ развратныхъ не хочу.

Онъ боялся, что его тамъ поколотятъ: Солдатская баня находилась въ глухомъ мѣстѣ, на городской окраинѣ.

Уже когда толпа во всѣхъ помѣщеніяхъ въ клубѣ тѣснилась густая, крикливая, преувеличенно-веселая, въ залѣ у входныхъ дверей послышался шумъ, хохотъ, одобрительные возгласы. Всѣ потѣснились въ ту сторону. Передавали другъ другу, что пришла ужасно-оригинальная маска.

Человѣкъ тощій, длинный, въ заплатанномъ, засаленномъ халатѣ, съ вѣникомъ подъ мышкою, съ шайкою въ рукѣ, пробирался въ толпу. На немъ была картонная маска,—глупое лицо съ узенькою бороденкою, съ бачками, а на головѣ фуражка съ гражданскою круглою кокардою. Онъ повторялъ удивленнымъ голосомъ:

— Мнѣ сказали, что здѣсь маскарадъ, а здѣсь и не моются.

И уныло помахивалъ шайкою. Толпа ходила за нимъ, ахая и простодушно восхищаясь его замысловатою выдумкою.

— Призъ, поди, получитъ,—завистливо говорилъ Володинъ.

Завидовалъ же онъ, какъ и многіе, какъ-то бездумно, непосредственно,—вѣдь самъ-то онъ

былъ не наряженъ, чего бы, кажись, завидовать? А вотъ Мачигинъ, такъ тотъ былъ въ необычайномъ восторгѣ: кокарда особенно восхищала его. Онъ радостно хохоталъ, хлопалъ въ ладоши, и говорилъ знакомымъ и незнакомымъ:

— Хорошая критика! Эти чинуши много важничаютъ, кокарды любятъ носить, мундиры, вотъ имъ критику и подпустили,—очень ловко.

Когда стало жарко, чиновникъ въ халатѣ принялся обмахиваться вѣникомъ, восклицая:

— Вотъ такъ банька!

Окружающіе радостно хохотали. Въ шайку сыпались билеты.

Передоновъ смотрѣлъ на вѣющій въ толпѣ вѣникъ. Онъ казался ему недотыкомкою.

„Позеленѣла шельма",—въ ужасѣ думалъ онъ.

XXX.

Наконецъ, начался счетъ полученнымъ за наряды билетикамъ. Клубскіе старшины составили комитетъ. У дверей въ судейскую комнату собралась напряженно-ожидавшая толпа. Въ клубѣ на короткое время стало тихо и скучно. Музыка не играла. Гости притихли. Передонову стало жутко.

Но скоро въ толпѣ начались разговоры, нетерпѣливый ропотъ, шумъ. Кто-то увѣрялъ, что оба приза достанутся актерамъ.

— Вотъ вы увидите,—слышался чей-то раздраженный, шипящій голосъ.

Многіе повѣрили. Толпа волновалась. Получившіе мало билетиковъ уже были озлоблены этимъ. Получившіе много волновались ожиданіемъ возможной несправедливости.

Вдругъ тонко и нервно звякнулъ колокольчикъ. Вышли судьи: Верига, Авиновицкій, Кири-

ловъ и другіе старшины. Смятеніе волною пробѣжало въ залѣ,—и вдругъ всѣ затихли.

Авиновицкій зычнымъ голосомъ произнесъ на весь залъ:

— Призъ, альбомъ, за лучшій мужской костюмъ присужденъ, по большинству полученныхъ билетиковъ, господину въ костюмѣ древняго германца.

Авиновицкій высоко поднялъ альбомъ, и сердито смотрѣлъ на столпившихся гостей. Рослый германецъ сталъ пробираться черезъ толпу. На него глядѣли враждебно. Даже не давали дороги.

— Не толкайтесь, пожалуйста!—плачущимъ голосомъ закричала унылая дама въ синемъ костюмѣ, со стеклянною звѣздочкою и бумажною луною на лбу,—ночь.

— Призъ дали, такъ ужъ и вообразилъ о себѣ, что дамы передъ нимъ разстилаться должны,—послышался изъ толпы злобно-шипящій голосъ.

— Коли сами не пускаете,—со сдержанною досадою отвѣтилъ германецъ.

Наконецъ, онъ кое-какъ добрался до судей, и взялъ альбомъ изъ Веригиныхъ рукъ. Музыка заиграла тушъ. Но звуки музыки покрылись безчиннымъ шумомъ.

Посыпались ругательныя слова. Германца окружили, дергали его, и кричали:

— Снимите маску!

Германецъ молчалъ. Пробиться черезъ толпу ему бы ничего не стоило,—но онъ, очевидно, стѣснялся пустить въ ходъ свою силу. Гудаевскій схватился за альбомъ, и въ то же время кто-то быстро сорвалъ съ германца маску. Въ толпѣ завопили:

— Актеръ и есть!

Предположенія оправдались: это былъ актеръ Бенгальскій. Онъ сердито крикнулъ:

— Ну, актеръ, такъ что же изъ того! Вѣдь вы же сами давали билеты!

Въ отвѣтъ раздались озлобленные крики:

— Подсыпать-то можно.

— Билеты вы вѣдь печатали.

— Столько и публики нѣтъ, сколько билетовъ роздано.

— Онъ полсотни билетовъ въ карманѣ принесъ.

Бенгальскій побагровѣлъ и закричалъ:

— Это подло такъ говорить. Провѣряйте, кому угодно, — по числу посѣтителей можно провѣрить.

Межъ тѣмъ Верига говорилъ ближайшимъ къ нему:

— Господа, успокойтесь, никакого обмана нѣтъ, ручаюсь за это: число билетовъ провѣрено по входнымъ.

Кое-какъ старшины съ помощью немногихъ благоразумныхъ гостей утишили толпу. Да и всѣмъ стало любопытно, кому дадутъ вѣеръ. Верига объявилъ:

— Господа, наибольшее число билетиковъ за дамскій костюмъ получено дамою въ костюмѣ гейши, которой и присужденъ призъ, вѣеръ. Гейша, пожалуйте сюда, вѣеръ вашъ. Господа, покорнѣйше прошу васъ, будьте любезны, дорогу гейшѣ.

Музыка вторично заиграла тушъ. Испуганная гейша рада была бы убѣжать. Но ее подтолкнули, пропустили, вывели впередъ.

Верига, съ любезною улыбкою, вручилъ ей вѣеръ. Что-то пестрое и нарядное мелькнуло въ отуманенныхъ страхомъ и смущеніемъ Са-

шиныхъ глазахъ. Надо благодарить,—подумалъ онъ. Сказалась привычная вѣжливость благовоспитаннаго мальчика.

Гейша присѣла, сказала что-то невнятное, хихикнула, подняла пальчики,—и опять въ залѣ поднялся неистовый гвалтъ, послышались свистки, ругань. Всѣ стремительно двинулись къ гейшѣ.

— Присѣдай, подлянка!—кричалъ свирѣпый, ощетинившійся Колосъ,—присѣдай!

Гейша бросилась къ дверямъ, но ее не пустили. Въ толпѣ, волновавшейся вокругъ гейши, слышались злые крики:

— Заставьте ее снять маску

— Маску долой!

— Лови ее, держи!

— Срывайте съ нея!

— Отымите вѣеръ!

Колосъ кричала:

— Знаете ли вы, кому призъ? Актрисѣ Каштановой. Она чужого мужа отбила, а ей—призъ! Честнымъ дамамъ не даютъ, а подлячкѣ дали!

И она бросилась на гейшу, пронзительно визжа и сжимая сухіе кулачки. За нею и другіе,—больше изъ ея кавалеровъ.

Гейша отчаянно отбивалась. Началась дикая травля. Вѣеръ сломали, вырвали, бросили на полъ, топтали. Толпа съ гейшею въ серединѣ бѣшено металась по залѣ, сбивая съ ногъ наблюдателей. Ни Рутиловы, ни старшины не могли пробиться къ гейшѣ. Гейша, юркая, сильная, визжала пронзительно, царапалась и кусалась. Маску она крѣпко придерживала то правою, то лѣвою рукою.

— Бить ихъ всѣхъ надо!—визжала какая-то озлобленная дамочка.

Пьяная Грушина, прячась за другими, наускивала Володина и другихъ своихъ знакомыхъ.

— Щиплите ее, щиплите подлянку! — визжала она.

Мачигинъ, держась за носъ,—капала кровь,— выскочилъ изъ толпы и жаловался:

— Прямо въ носъ кулакомъ двинула.

Какой-то свирѣпый молодой человѣкъ вцѣпился зубами въ гейшинъ рукавъ, и разорвалъ его до половины. Гейша вскрикнула:

— Спасите!

И другіе начали рвать ея нарядъ. Кое-гдѣ обнажилось тѣло. Дарья и Людмила отчаянно толкались, стараясь протиснуться къ гейшѣ, но напрасно. Володинъ съ такимъ усердіемъ дергалъ гейшу, и визжалъ, и такъ кривлялся, что даже мѣшалъ другимъ, менѣе его пьянымъ и болѣе озлобленнымъ: онъ же старался не со злости, а изъ веселости, воображая, что разыгрывается очень потѣшная забава. Онъ оторвалъ начисто рукавъ отъ гейшина платья, и повязалъ себѣ имъ голову.

— Пригодится! — визгливо кричалъ онъ, гримасничалъ и хохоталъ.

Выбравшись изъ толпы, гдѣ показалось ему тѣсно, онъ дурачился на просторѣ, и съ дикимъ визгомъ плясалъ надъ обломками отъ вѣера.

Некому было унять его.

Передоновъ смотрѣлъ на него съ ужасомъ и думалъ:

„Пляшетъ, радуется чему-то. Такъ-то онъ и на моей могилѣ спляшетъ".

Наконецъ, гейша вырвалась, — обступившіе ее мужчины не устояли противъ ея проворныхъ кулаковъ, да острыхъ зубовъ. Гейша метнулась изъ зала.

Въ коридорѣ Колосъ опять накинулась на японку, и захватила ее за платье. Гейша вырвалась было, но уже ее опять окружили. Возобновилась травля.

— За уши, за уши дерутъ!—закричалъ кто-то.

Какая-то дамочка ухватила гейшу за ухо, и трепала ее, испуская громкіе торжествующіе крики. Гейша завизжала, и кое-какъ вырвалась, ударивъ кулакомъ злую дамочку.

Наконецъ, Бенгальскій, который тѣмъ временемъ успѣлъ переодѣться въ обыкновенное платье, пробился черезъ толпу къ гейшѣ. Онъ взялъ дрожащую японку къ себѣ на руки, закрылъ ее своимъ громаднымъ тѣломъ и руками, насколько могъ, и быстро понесъ, ловко раздвигая толпу локтями и ногами. Въ толпѣ кричали:

— Негодяй, подлецъ!

Бенгальскаго дергали, колотили въ спину. Онъ кричалъ:

— Я не позволю съ женщины сорвать маску; что хотите, дѣлайте, не позволю.

Такъ черезъ весь коридоръ онъ пронесъ гейшу. Коридоръ оканчивался узкою дверью въ столовую. Здѣсь Веригѣ удалось ненадолго задержать толпу. Съ рѣшимостью военнаго онъ сталъ передъ дверью, заслонилъ ее собою, и сказалъ:

— Господа вы не пойдете дальше.

Гудаевская, шурша остатками растрепанныхъ колосьевъ, наскакивала на Веригу, показывала ему кулачки, визжала пронзительно:

— Отойдите, пропустите.

Но внушительно-холодное у генерала лицо и его рѣшительные сѣрые глаза воздерживали ее отъ дѣйствій. Она въ безсильномъ бѣшенствѣ закричала на мужа:

— Взялъ бы да и далъ бы ей оплеуху,—чего зѣвалъ, фалалей!

— Неудобно было зайти,—оправдывался индѣецъ, безтолково махая руками, — Павлушка подъ локтемъ вертѣлся.

— Павлушкѣ бы въ зубы, ей въ ухо, чего церемонился!—кричала Гудаевская.

Толпа напирала на Веригу. Слышалась площадная брань. Верига спокойно стоялъ предъ дверью, и уговаривалъ ближайшихъ прекратить безчинство.

Кухонный мальчикъ пріотворилъ дверь сзади Вериги, и шепнулъ:

— Уѣхали-съ, ваше превосходительство.

Верига отошелъ. Толпа ворвалась въ столовую, потомъ въ кухню,—искали гейшу, но уже не нашли.

Бенгальскій бѣгомъ пронесъ гейшу черезъ столовую въ кухню. Она спокойно лежала на его рукахъ, и молчала. Бенгальскому казалось, что онъ слышитъ сильный перебой гейшина сердца. На ея голыхъ рукахъ, крѣпко сжавшихся, онъ замѣтилъ нѣсколько царапинокъ, и около локтя синевато-желтое пятно отъ ушиба.

Взволнованнымъ голосомъ Бенгальскій сказалъ толпившейся на кухнѣ челяди:

— Живѣе, пальто, халатъ, простыню, что-нибудь,—надо барыню спасать.

Чье-то пальто наброшено на Сашины плечи, кое-какъ закуталъ Бенгальскій японку,—и по узкой, еле освѣщенной керосиновыми чадящими лампами, лѣстницѣ вынесъ ее на дворъ,—и черезъ калитку въ переулокъ.

— Снимите маску, въ маскѣ хуже узнаютъ, теперь все равно темно,—довольно непослѣдовательно говорилъ онъ,—я никому не скажу.

Любопытно ему было. Онъ-то навѣрное зналъ, что это не Каштанова,—но кто же это?

Японка послушалась. Бенгальскій увидѣлъ незнакомое смуглое лицо, на которомъ испугъ преодолѣвался выраженіемъ радости отъ избѣгнутой опасности. Задорные и уже веселые глаза остановились на актеровомъ лицѣ.

— Какъ васъ благодарить!—сказала гейша звучнымъ голосомъ.—Что бы со мною было, если бы вы меня не вытащили!

Баба не трусъ, интересный бабецъ!—подумалъ актеръ,—но кто она? Видно, изъ пріѣзжихъ: здѣшнихъ дамъ Бенгальскій зналъ. Онъ тихо сказалъ Сашѣ:

— Надо васъ поскорѣе домой доставить. Скажите мнѣ вашъ адресъ, я возьму извозчика.

Японкино лицо снова омрачилось испугомъ.

— Никакъ нельзя, никакъ нельзя!—залепетала она,—я одна дойду, вы меня оставьте.

— Ну, какъ вы тамъ дойдете по такой слякоти на вашихъ деревяшкахъ,—надо извозчика,—увѣренно возразилъ актеръ.

— Нѣтъ, я добѣгу,—ради Бога, отпустите,—умоляла гейша.

— Клянусь честью, никому не скажу,—увѣрялъ Бенгальскій. Я не могу васъ отпустить, вы простудитесь. Я взялъ васъ на свою отвѣтственность, и не могу. И скорѣе скажите,—они могутъ и здѣсь васъ вздуть. Вѣдь вы же видѣли, это совсѣмъ дикіе люди. Они на все способны.

Гейша задрожала. Быстрыя слезы вдругъ покатились изъ ея глазъ.

— Ужасно, ужасно злые люди!—всхлипывая, сказала она.—Отвезите меня пока къ Рутиловымъ, я у нихъ переночую.

Бенгальскій крикнулъ извозчика. Сѣли и по-

ѣхали. Актеръ всматривался въ смуглое гейшино лицо. Оно казалось ему страннымъ. Гейша отвертывалась. Смутная догадка мелькнула въ немъ. Вспомнились городскіе толки о Рутиловыхъ, о Людмилѣ и объ ея гимназистѣ.

— Эге, да ты—мальчишка! — сказалъ онъ шопотомъ, чтобы не слышалъ извозчикъ.

— Ради Бога,—блѣдный отъ ужаса, взмолился Саша.

И его смуглыя руки въ умоляющемъ движеніи протянулись изъ-подъ кое-какъ надѣтаго пальто къ Бенгальскому.

Бенгальскій тихонько засмѣялся, и такъ же тихо сказалъ:

— Да ужъ не скажу никому, не бойся. Мое дѣло—тебя доставить на мѣсто, а больше я ничего не знаю. Однако, ты—отчаянный. А дома не узнаютъ?

— Если вы не проболтаетесь, никто не узнаетъ,—просительно-нѣжнымъ голосомъ сказалъ Саша.

— На меня положись, во мнѣ какъ въ могилѣ,—отвѣтилъ актеръ.—Самъ былъ мальчишкою, штуки выкидывалъ.

Ужъ скандалъ въ клубѣ началъ затихать,—но вечеръ завершился новою бѣдою.

Пока въ коридорѣ травили гейшу, пламенная недотыкомка, прыгая по люстрамъ, смѣялась и навязчиво подсказывала Передонову, что надо зажечь спичку и напустить ее, недотыкомку огненную, но несвободную, на эти тусклыя и грязныя стѣны, и тогда, насытясь истребленіемъ, пожравъ это зданіе, гдѣ совершаются такія страшныя и непонятныя дѣла, она оставитъ Пе-

редонова въ покоѣ. И не могъ Передоновъ противиться ея настойчивому внушенію.

Онъ вошелъ въ маленькую гостиную, что была рядомъ съ танцовальнымъ заломъ. Никого въ ней не было. Передоновъ осмотрѣлся, зажегъ спичку, поднесъ ее къ оконному занавѣсу снизу, у самаго пола, и подождалъ, пока занавѣсъ загорѣлся. Огненная недотыкомка юркою змѣйкою поползла по занавѣсу, тихонько и радостно взвизгивая. Передоновъ вышелъ изъ гостиной, и затворилъ за собою дверь. Никто не замѣтилъ поджога.

Пожаръ увидѣли уже съ улицы, когда вся горница была въ огнѣ. Пламя распространялось быстро. Люди спаслись,—но домъ сгорѣлъ.

На другой день въ городѣ только и говорили, что о вчерашнемъ скандалѣ съ гейшею да о пожарѣ. Бенгальскій сдержалъ слово, и никому не сказалъ, что гейшею былъ нарядженъ мальчикъ.

А Саша еще ночью, переодѣвшись у Рутиловыхъ и обратившись опять въ простого, босого мальчика, убѣжалъ домой, влѣзъ въ окно, и спокойно уснулъ. Въ городѣ, кишащемъ сплетнями, въ городѣ, гдѣ все обо всѣхъ знали, ночное Сашино похожденіе такъ и осталось тайною. Надолго, конечно, не навсегда.

XXXI.

Екатерина Ивановна Пыльникова, Сашина тетка и воспитательница, сразу получила два письма о Сашѣ,—отъ директора и отъ Коковкиной. Эти письма страшно встревожили ее. Въ осеннюю распутицу, бросивъ всѣ свои дѣла,

поспѣшно выѣхала она изъ своей деревни въ нашъ городъ.

Саша встрѣтилъ ее съ радостью,—онъ любилъ ее. Тетя везла большую на него въ своемъ сердцѣ грозу. Но онъ такъ радостно бросился ей на шею, такъ расцѣловалъ ея руки, что она не нашла въ первую минуту строгаго тона.

— Милая тетичка, какая ты добрая, что пріѣхала!—говорилъ Саша, и радостно глядѣлъ на ея полное, румяное лицо съ добрыми ямочками на щекахъ и съ дѣловито-строгими карими глазами.

— Погоди радоваться, еще я тебя приструню,—неопредѣленнымъ голосомъ сказала тетя.

— Это ничего,—безпечно сказалъ Саша,—приструнь, было бы только за что, а все же ты меня ужасти какъ обрадовала.

— Ужасти! — повторила тетя недовольнымъ голосомъ,—вотъ про тебя ужасти я узнала.

Саша поднялъ брови, и посмотрѣлъ на тетю невинными, непонимающими глазами. Онъ пожаловался:

— Тутъ учитель одинъ, Передоновъ, придумалъ, будто я дѣвочка, привязался ко мнѣ,—а потомъ директоръ мнѣ голову намылилъ, зачѣмъ я съ барышнями Рутиловыми познакомился. Точно я къ нимъ воровать хожу. А какое имъ дѣло?

Совсѣмъ тотъ же ребенокъ, что и былъ,—въ недоумѣніи думала тетя.—Или ужъ онъ такъ испорченъ, что обманываетъ даже лицомъ?

Она затворилась съ Коковкиной, и долго бесѣдовала съ нею. Вышла отъ нея печальная. Потомъ поѣхала къ директору. Вернулась совсѣмъ разстроенная.

Обрушились на Сашу тяжелые тетины упреки. Саша плакалъ, но увѣрялъ съ жаромъ, что все

это выдумки, что никакихъ вольностей съ барышнями онъ себѣ никогда не позволялъ. Тетя не вѣрила. Бранила, бранила, заплакала, погрозила высѣчь Сашу, больно высѣчь, сейчасъ же,— сегодня же, вотъ только еще сперва увидитъ этихъ дѣвицъ. Саша рыдалъ и продолжалъ увѣрять, что ровно ничего худого не было, что все это ужасно преувеличено и сочинено.

Тетя, сердитая, заплаканная, отправилась къ Рутиловымъ.

Ожидая въ гостиной у Рутиловыхъ, Екатерина Ивановна волновалась. Ей хотѣлось сразу обрушиться на сестеръ съ самыми жестокими упреками, и уже укоризненныя, злыя слова были у нея готовы,—но мирная и красивая ихъ гостиная внушала ей, мимо ея желаній, спокойныя мысли, и утишала ея досаду.

Начатое и оставленное здѣсь вышиванье, кипсеки, гравюры на стѣнахъ, тщательно выхоженныя растенія у оконъ, и нигдѣ нѣтъ пыли, и еще какое-то особое настроеніе семейственности, нѣчто такое, чего не бываетъ въ непорядочныхъ домахъ, и что всегда оцѣнивается хозяйками,—неужели въ этой обстановкѣ могло совершиться какое-то обольщеніе ея скромнаго мальчика заботливыми молодыми хозяйками этой гостиной? Какими-то ужасно нелѣпыми показались Екатеринѣ Ивановнѣ всѣ тѣ предположенія, которыя она читала и слушала о Сашѣ,—и, наоборотъ, такими правдоподобными представлялись ей Сашины объясненія о томъ, что онъ дѣлалъ у дѣвицъ Рутиловыхъ: читали, разговаривали, шутили, смѣялись, играли,—хотѣли домашній спектакль устроить, да Ольга Васильевна не позволила.

А три сестры порядкомъ струхнули. Онѣ

еще не знали, осталось ли тайною Сашино ряженье. Но ихъ вѣдь было трое, и всѣ онѣ дружно одна за другую. Это сдѣлало ихъ болѣе храбрыми. Онѣ всѣ три собрались у Людмилы, и шопотомъ совѣщались. Валерія сказала:

— Надо же итти къ ней,—невѣжливо. Ждетъ.

— Ничего, пусть простынетъ немного,—безпечно отвѣтила Дарья,—а то она ужъ очень сердито на насъ напустится.

Всѣ сестры надушились сладко-влажнымъ клематитомъ,—вышли спокойныя, веселыя, миловидныя, нарядныя, какъ всегда,—наполнили гостиную своимъ милымъ лепетомъ, привѣтливостью и веселостью.

Екатерина Ивановна была сразу очарована ихъ милымъ и приличнымъ видомъ.

Нашли распутницъ!—подумала она досадливо о гимназическихъ педагогахъ. А потомъ подумала, что онѣ, можетъ быть, напускаютъ на себя скромный видъ. Рѣшилась не поддаваться ихъ чарамъ.

— Простите, сударыни, мнѣ надо съ вами серьезно объясниться,—сказала она, стараясь придать своему голосу дѣловитую сухость.

Сестры ее усаживали, и весело болтали.

— Которая же изъ васъ?..—нерѣшительно начала Екатерина Ивановна.

Людмила сказала весело и съ такимъ видомъ, какъ будто она, любезная хозяйка, выводитъ изъ затрудненія гостью:

— Это все больше я съ вашимъ племянничкомъ возилась. У насъ съ нимъ оказались во многомъ одинаковые взгляды и вкусы.

— Онъ очень милый мальчикъ, вашъ племянникъ,—сказала Дарья, словно увѣренная, что ея похвала осчастливитъ гостью.

— Право, милый, и такой забавливый,—сказала Людмила.

Екатерина Ивановна чувствовала себя все болѣе неловко. Она вдругъ поняла, что у нея нѣтъ никакихъ значительныхъ поводовъ къ упрекамъ. И уже она начала на это сердиться,—и послѣднія Людмилины слова дали ей возможность высказать свою досаду. Она заговорила сердито:

— Вамъ забава, а ему...

Но Дарья перебила ее.

— Ахъ, ужъ мы видимъ, что до васъ дошли эти глупыя Передоновскія выдумки, — сочувствующимъ голосомъ сказала она.—Но вѣдь вы знаете,—онъ совсѣмъ сумасшедшій. Его директоръ и въ гимназію не пускаетъ. Только ждутъ психіатра для освидѣтельствованія, и тогда его выставятъ изъ гимназіи.

— Но позвольте,—перебила ее въ свою очередь Екатерина Ивановна, все болѣе раздражаясь,—меня интересуетъ не этотъ учитель, а мой племянникъ. Я слышала, что вы,—извините, пожалуйста,—его развращаете.

И, бросивши сгоряча сестрамъ это рѣшительное слово, Екатерина Ивановна сразу же подумала, что она зашла слишкомъ далеко. Сестры переглянулись съ видомъ столь хорошо разыграннаго недоумѣнія и возмущенія, что и не одна только Екатерина Ивановна была бы обманута,—покраснѣли, воскликнули всѣ разомъ:

— Вотъ мило!

— Ужасно!

— Новости!

— Сударыня,—холодно сказала Дарья,—вы совсѣмъ не выбираете выраженій. Прежде чѣмъ говорить грубыя слова, надо узнать, насколько они умѣстны.

— Ахъ, это такъ понятно! — живо заговорила Людмила съ видомъ обиженной, но простившей свою обиду милой дѣвицы, — онъ же вамъ не чужой. Конечно, васъ не могутъ не волновать всѣ эти глупыя сплетни. Намъ и со стороны было его жалко, потому мы его и приласкали. А въ нашемъ городѣ сейчасъ изъ всего сдѣлаютъ преступленіе. Здѣсь, если бы вы знали, такіе ужасные, ужасные люди!

— Ужасные люди!—тихо повторила Валерія звонкимъ, хрупкимъ голосомъ, и вся дрогнула, словно прикоснулась къ чему-то нечистому.

— Да вы его спросите самого, — сказала Дарья,—вы на него посмотрите: вѣдь онъ еще ужасный ребенокъ. Это вы, можетъ быть, привыкли къ его простодушію, а со стороны виднѣе, что онъ совсѣмъ, совсѣмъ неиспорченный мальчикъ.

Сестры лгали такъ увѣренно и спокойно, что имъ нельзя было не вѣрить. Что же, вѣдь ложь и часто бываетъ правдоподобнѣе правды. Почти всегда. Правда же, конечно, не правдоподобна.

— Конечно, это — правда, что онъ у насъ бывалъ слишкомъ часто,—сказала Дарья. — Но мы его больше и на порогъ не пустимъ, если вы такъ хотите.

— И я сама сегодня же схожу къ Хрипачу,— сказала Людмила.—Что это онъ выдумалъ? Да неужели онъ самъ вѣритъ въ такую нелѣпость?

— Нѣтъ онъ, кажется, и самъ не вѣритъ,— призналась Екатерина Ивановна,—а только онъ говоритъ, что ходятъ разные дурные слухи.

— Ну вотъ, видите!— радостно воскликнула Людмила, — онъ, конечно, и самъ не вѣритъ. Изъ-за чего же весь этотъ шумъ?

Веселый Людмилинъ голосъ обольщалъ Екатерину Ивановну. Она думала:

„Да что же на самомъ-то дѣлѣ случилось? Вѣдь и директоръ говоритъ, что онъ ничему этому не вѣритъ“.

Сестры еще долго наперебой щебетали, убѣждая Екатерину Ивановну въ совершенной невинности ихъ знакомства съ Сашею. Для большей убѣдительности онѣ принялись было разсказывать съ большою подробностью, что именно и когда онѣ дѣлали съ Сашею, – но при этомъ перечнѣ скоро сбились, — это же все такія невинныя и простыя вещи, что просто и помнить ихъ нѣтъ возможности. И Екатерина Ивановна наконецъ, вполнѣ повѣрила въ то, что ея Саша и милыя дѣвицы Рутиловы явились невинными жертвами глупой клеветы.

Прощаясь, Екатерина Ивановна ласково расцѣловалась съ сестрами и сказала имъ:

— Вы милыя, простыя дѣвушки. Я думала сначала, что вы, — простите за грубое слово, — хабалки.

Сестры весело смѣялись.

— Нѣтъ, — говорила Людмила, — мы только веселыя и съ острыми язычками, за это насъ и недолюбливаютъ иные здѣшніе гуси.

Вернувшись отъ Рутиловыхъ, тетя ничего не сказала Сашѣ. А онъ встрѣтилъ ее перепуганный, смущенный, и посматривалъ на нее осторожно и внимательно. Тетя пошла къ Коковкиной. Поговорили долго, наконецъ, тетя рѣшила:

„Схожу еще къ директору“.

Въ тотъ же день Людмила отправилась къ Хрипачу. Посидѣла въ гостиной съ Варварою

Николаевною, потомъ объявила, что она по дѣлу къ Николаю Власьевичу.

Въ кабинетѣ у Хрипача произошелъ оживленный разговоръ,—не потому собственно, что собесѣдникамъ надо было многое сказать другъ другу, а потому, что оба любили поговорить. И они осыпали одинъ другого быстрыми рѣчами: Хрипачъ—своею сухою, трескучею скороговоркою, Людмила — звонкимъ и нѣжнымъ лепетаньемъ. Плавно, съ неотразимою убѣдительностью неправды, полился на Хрипача ея полулживый разсказъ объ отношеніяхъ къ Сашѣ Пыльникову. Главное ея побужденіе было, конечно, сочувствіе къ мальчику, оскорбленному такимъ грубымъ подозрѣніемъ, — желаніе замѣнить Сашѣ отсутствующую семью,—и, наконецъ, онъ и самъ такой славный, веселый и простодушный мальчикъ.

Людмила даже заплакала, и быстрыя маленькія слезинки удивительно-красиво покатились по ея розовымъ щекамъ, на ея смущенно-улыбающіяся губы.

— Правда, я его полюбила, какъ брата. Онъ славный и добрый, онъ такъ цѣнитъ ласку, онъ цѣловалъ мои руки.

— Это, конечно, очень мило съ вашей стороны, — говорилъ нѣсколько смущенный Хрипачъ,—и дѣлаетъ честь вашимъ добрымъ чувствамъ, но вы напрасно принимаете такъ близко къ сердцу тотъ простой фактъ, что я счелъ долгомъ увѣдомить родственниковъ мальчика относительно дошедшихъ до меня слуховъ.

Людмила, не слушая его, продолжала лепетать, переходя уже въ тонъ кроткаго упрека:

— Что же тутъ худого, скажите пожалуйста, что мы приняли участіе въ мальчикѣ, на кото-

раго началъ этотъ вашъ грубый, сумасшедшій Передоновъ,—и когда его уберутъ изъ нашего города! И развѣ же вы сами не видите, что этотъ вашъ Пыльниковъ совсѣмъ еще дитя,— ну, право, совсѣмъ дитя!

Всплеснула маленькими красивыми руками, брякнула золотымъ браслетикомъ, засмѣялась нѣжно, словно заплакала, достала платочекъ— вытереть слезы, — и нѣжнымъ ароматомъ повѣяла на Хрипача. И Хрипачу вдругъ захотѣлось сказать, что она „прелестна, какъ ангелъ небесный“, и что весь этотъ прискорбный инцидентъ „не стоитъ одного мгновенья ея печали дорогой“. Но онъ воздержался.

И журчалъ, и журчалъ нѣжный и быстрый Людмилочкинъ лепетъ, и развѣивалъ дымомъ химерическое зданіе Передоновской лжи. Только сравнить,—безумный, грубый и грязный Передоновъ,—и веселая, свѣтлая, нарядная и благоуханная Людмилочка.

Говоритъ ли совершенную Людмила правду, или привираетъ,—это Хрипачу было все равно,—но онъ чувствовалъ,—что не повѣритъ Людмилочкѣ, заспоритъ съ нею, допустить какія-нибудь послѣдствія, хоть бы взысканія съ Пыльникова, — значило бы попасться впросакъ и осрамиться на весь учебный округъ. Тѣмъ болѣе, что это связано съ дѣломъ Передонова, котораго, конечно, признаютъ ненормальнымъ. И Хрипачъ, любезно улыбаясь, говорилъ Людмилѣ:

— Мнѣ очень жаль, что это васъ такъ взволновало. Я ни одной минуты не позволилъ себѣ имѣть какія бы то ни было дурныя мысли относительно вашего знакомства съ Пыльниковымъ. Я очень высоко цѣню тѣ добрыя и милыя побужденія, которыя двигали вашими поступками,—

и ни одной минуты я не смотрѣлъ на ходившіе въ городѣ и дошедшіе до меня слухи иначе, какъ на глупую и безумную клевету, которая меня глубоко возмущала. Я обязанъ былъ увѣдомить госпожу Пыльникову, тѣмъ болѣе, что до нея могли дойти еще болѣе искаженныя сообщенія,—но я не имѣлъ въ виду чѣмъ-нибудь обезпокоить васъ, и не думалъ, что госпожа Пыльникова обратится къ вамъ съ упреками.

— Ну, съ госпожей-то Пыльниковой мы мирно сговорились,—весело сказала Людмила,—а вотъ вы на Сашу не нападайте изъ-за насъ. Если ужъ нашъ домъ такой опасный для гимназистовъ, то мы его, если хотите, и пускать не будемъ.

— Вы къ нему очень добры,—неопредѣленно сказалъ Хрипачъ.—Мы ничего не можетъ имѣть противъ того, чтобы онъ въ свободное время, съ разрѣшенія своей тетки, посѣщалъ своихъ знакомыхъ. Мы далеки отъ намѣренія обратить ученическія квартиры въ мѣста какого-то заключенія. Впрочемъ, пока не разрѣшится исторія съ господиномъ Передоновымъ, лучше будетъ, если Пыльниковъ вообще посидитъ дома.

Скоро увѣренная ложь Рутиловыхъ и Сашина была подкрѣплена страшнымъ событіемъ въ домѣ Передоновыхъ. Оно окончательно убѣдило горожанъ въ томъ, что всѣ толки о Сашѣ и о дѣвицахъ Рутиловыхъ—бредъ сумасшедшаго.

XXXII.

Былъ пасмурный, холодный день. Передоновъ возвращался отъ Володина. Тоска томила его.

Вершина заманила Передонова къ себѣ въ садъ. Онъ покорился опять ея ворожащему зову. Вдвоемъ прошли въ бесѣдку, по мокрымъ дорожкамъ, покрытымъ палыми, истлѣвающими, темными листьями. Унылою пахло сыростью въ бесѣдкѣ. Изъ-за голыхъ деревьевъ виденъ былъ домъ съ закрытыми окнами.

— Я хочу открыть вамъ правду,—бормотала Вершина, быстро взглядывая на Передонова, и опять отводя въ сторону черные глаза.

Она была закутана въ черную кофту, повязана чернымъ платкомъ, и посинѣлыми отъ холода губами, сжимая черный мундштукъ, пускала густыми тучами черный дымъ.

— Наплевать мнѣ на вашу правду,—отвѣтилъ Передоновъ, — въ высокой степени наплевать.

Вершина криво усмѣхнулась и возразила:

— Не скажите! Мнѣ васъ ужасно жалко,— васъ обманули.

Злорадство слышалось въ ея голосѣ. Злыя слова сыпались съ ея языка. Она говорила:

— Вы понадѣялись на протекцію, но только вы слишкомъ довѣрчиво поступили. Васъ обманули, а вы такъ легко повѣрили. Письмо-то написать всякому легко. Вы должны были знать, съ кѣмъ имѣете дѣло. Ваша супруга—особа неразборчивая.

Передоновъ съ трудомъ понималъ бормочущую рѣчь Вершиной; сквозь ея околичности еле проглядывалъ для него смыслъ. Вершина боялась говорить громко и ясно: сказать громко,— кто-нибудь услышитъ, передадутъ Варварѣ, могутъ выйти непріятности, Варвара не постѣснится сдѣлать скандалъ; сказать ясно, — самъ Передоновъ озлится; пожалуй, еще прибьетъ.

Намекнуть бы, чтобы онъ самъ догадался. Но Передоновъ не догадывался.

Вѣдь и раньше, случалось, говорили ему въ глаза, что онъ обмануть, а онъ никакъ не могъ домекнуться, что письма поддѣланы, и все думалъ, что обманываетъ его сама княгиня,—за носъ водитъ.

Наконецъ, Вершина сказала прямо:

— Письма-то, вы думаете, княгиня писала? Да теперь уже весь городъ знаетъ, что ихъ Грушина сфабриковала, по заказу вашей супруги; а княгиня и не знаетъ ничего. Кого хотите спросите, всѣ знаютъ,—онѣ сами проболтались. А потомъ Варвара Дмитріевна и письма у васъ утащила и сожгла, чтобы улики не было.

Тяжкія, темныя мысли ворочались въ мозгу Передонова. Онъ понималъ одно, что его обманули. Но что княгиня будто бы не знаетъ,— нѣтъ, она-то знаетъ. Не даромъ она изъ огня живая вышла.

— Вы врете про княгиню,—сказалъ онъ,—я княгиню жогъ, да не дожогъ: отплевалась.

Вдругъ бѣшеная ярость охватила Передонова. Обманули! Онъ свирѣпо ударилъ кулакомъ по столу, сорвался съ мѣста, и, не прощаясь съ Вершиною, быстро пошелъ домой. Вершина радостно смотрѣла за нимъ, и черныя дымныя тучи быстро вылетали изъ ея темнаго рта, и неслись и рвались по вѣтру.

Передонова сжигала ярость. Но когда онъ увидѣлъ Варвару, мучительный страхъ обнялъ его и не далъ ему сказать ни слова.

На другой день Передоновъ съутра приготовилъ ножъ, небольшой садовый, въ кожаныхъ ножнахъ,—и бережно носилъ его въ карманѣ. Цѣлое утро,—вплоть до ранняго своего обѣда,—

просидѣлъ онъ у Володина. Глядѣлъ на его работу, дѣлалъ нелѣпыя замѣчанія. Володинъ былъ попрежнему радъ, что Передоновъ съ нимъ возится, а его глупости казались ему забавными.

Недотыкомка весь день юлила вокругъ Передонова. Не дала заснуть послѣ обѣда. Въ конецъ измучила.

И, когда, уже къ вечеру, онъ началъ было засыпать, его разбудила невѣсть откуда взявшаяся шальная баба. Курносая, безобразная, она подошла къ его постели и забормотала:

— Квасокъ затереть, пироги свалять, жареное зажарить.

Щеки у нея были темныя, а зубы блестѣли.

— Пошла къ чорту!—крикнулъ Передоновъ.

Курносая баба скрылась, словно ея и не бывало

Насталъ вечеръ. Тоскливый вѣтеръ вылъ въ трубѣ. Медленный дождь тихо, настойчиво стучалъ въ окошки. За окнами было совсѣмъ черно.

У Передоновыхъ былъ Володинъ,—Передоновъ еще утромъ позвалъ его пить чай.

— Никого не пускать. Слышишь, Клавдюшка?—закричалъ Передоновъ.

Варвара ухмылялась. Передоновъ бормоталъ:

— Бабы какія-то шляются тутъ. Надо смотрѣть. Одна ко мнѣ въ спальню затесалась, наниматься въ кухарки. А на что мнѣ курносая кухарка?

Володинъ смѣялся, словно блеялъ, и говорилъ:

-- Бабы по улицѣ изволятъ ходить, а къ намъ онѣ никакого касательства не имѣютъ, и мы ихъ къ себѣ за столъ не пустимъ.

Сѣли за столъ втроемъ. Принялись пить водку и закусывать пирожками. Больше пили, чѣмъ ѣли.

Передоновъ былъ мраченъ. Уже все было для него какъ бредъ, безсмысленно, несвязно и внезапно. Голова болѣла мучительно. Одно представленіе настойчиво повторялось,—о Володинѣ, какъ о врагѣ. Оно чередовалось съ тяжкими приступами навязчивой мысли: надо убить Павлушку, пока не поздно. И тогда всѣ хитрости вражьи откроются.

А Володинъ быстро пьянѣлъ и мололъ что-то безсвязное, на потѣху Варварѣ.

Передоновъ былъ тревоженъ.

— Кто-то идетъ,—бормоталъ онъ.—Никого не пускайте. Скажите, что я молиться уѣхалъ, въ Тараканій монастырь.

Онъ боялся, что гости помѣшаютъ. Володинъ и Варвара забавлялись,—думали, что онъ только пьянъ. Подмигивали другъ другу, уходили по-одиночкѣ, стучали въ дверь, говорили разными голосами:

— Генералъ Передоновъ дома?

— Генералу Передонову бриллiантовая звѣзда.

Но на звѣзду не польстился сегодня Передоновъ.

— Не пускать!—кричалъ онъ.—Гоните ихъ въ шею. Пусть утромъ принесутъ. Теперь не время.

„Нѣтъ, — думалъ онъ, — сегодня-то и надо крѣпиться". Сегодня все обнаружится, а пока еще враги готовы много ему наслать всякой всячины, чтобы вѣрнѣе погубить.

— Ну, мы ихъ прогнали, завтра утромъ принесутъ, — сказалъ Володинъ, снова усаживаясь за столъ.

Передоновъ уставился на него мутными глазами и спросилъ:

— Другъ ли ты мнѣ, или врагъ?

— Другъ, другъ, Ардаша! — отвѣчалъ Володинъ.

— Другъ сердечный, тараканъ запечный,— сказала Варвара.

— Не тараканъ, а баранъ,—поправилъ Передоновъ.

— Ну, мы съ тобой, Павлуша, будемъ пить, только вдвоемъ. И ты, Варвара, пей, — вмѣстѣ выпьемъ, вдвоемъ.

Володинъ хихикалъ.

— Ежели и Варвара Дмитріевна съ нами выпьетъ, то ужъ это не вдвоемъ выходитъ, а втроемъ,—объяснилъ онъ.

— Вдвоемъ,—угрюмо повторилъ Передоновъ.

— Мужъ да жена — одна сатана, — сказала Варвара и захохотала.

Володинъ до самой послѣдней минуты не подозрѣвалъ, что Передоновъ хочетъ его зарѣзать. Онъ блеялъ, дурачился, говорилъ глупости, смѣшилъ Варвару.

А Передоновъ весь вечеръ помнилъ о своемъ ножѣ. Когда Володинъ или Варвара подходили съ той стороны, гдѣ спрятанъ былъ ножъ, Передоновъ свирѣпо кричалъ, чтобы отошли. Иногда онъ показывалъ на карманъ и говорилъ:

— Тутъ, братъ, у меня есть такая штучка, что ты, Павлушка, крякнешь.

Варвара и Володинъ смѣялись.

— Крякнуть, Ардаша, я завсегда могу, — говорилъ Володинъ, — кря, кря. Очень даже просто.

Красный, осоловѣлый отъ водки, Володинъ

крякалъ и выпячивалъ губы. Онъ становился все нахальнѣе съ Передоновымъ.

— Околпачили тебя, Ардаша, — сказалъ онъ съ презрительнымъ сожалѣніемъ.

— Я тебя околпачу! — свирѣпо зарычалъ Передоновъ.

Володинъ показался ему страшнымъ, угрожающимъ. Надо было защищаться.

Передоновъ быстро выхватилъ ножъ, бросился на Володина, и рѣзнулъ его по горлу. Кровь хлынула ручьемъ.

Передоновъ испугался. Ножъ выпалъ изъ его рукъ.

Володинъ все блеялъ и старался схватиться руками за горло. Видно было, что онъ смертельно испуганъ, слабѣетъ и не доноситъ рукъ до горла. Вдругъ онъ помертвѣлъ и повалился на Передонова. Прерывистый раздался визгъ,— точно онъ захлебнулся,—и стихъ. Завизжалъ въ ужасѣ и Передоновъ, а за нимъ Варвара.

Передоновъ оттолкнулъ Володина. Володинъ грузно свалился на полъ. Онъ хрипѣлъ, двигался ногами и скоро умеръ. Открытые глаза его стеклянѣли, уставленные прямо вверхъ.

Котъ вышелъ изъ сосѣдней горницы, нюхалъ кровь и злобно мяукалъ. Варвара стояла, какъ оцѣпенѣлая. На шумъ прибѣжала Клавдія.

— Батюшки, зарѣзали!—завопила она.

Варвара очнулась, и съ визгомъ выбѣжала изъ столовой вмѣстѣ съ Клавдіею.

Вѣсть о событіи быстро разнеслась. Сосѣди собирались на улицѣ, на дворѣ. Кто посмѣлѣе, прошли въ домъ. Въ столовую долго не рѣшались войти.

Заглядывали, шептались. Передоновъ безумными глазами смотрѣлъ на трупъ, слушалъ

шопоты за дверью... Тупая тоска томила его. Мыслей не было.

Наконецъ, осмѣлились, вошли,—Передоновъ сидѣлъ понуро и бормоталъ что-то несвязное и безсмысленное.

Ц. 1 р. 75 к.

